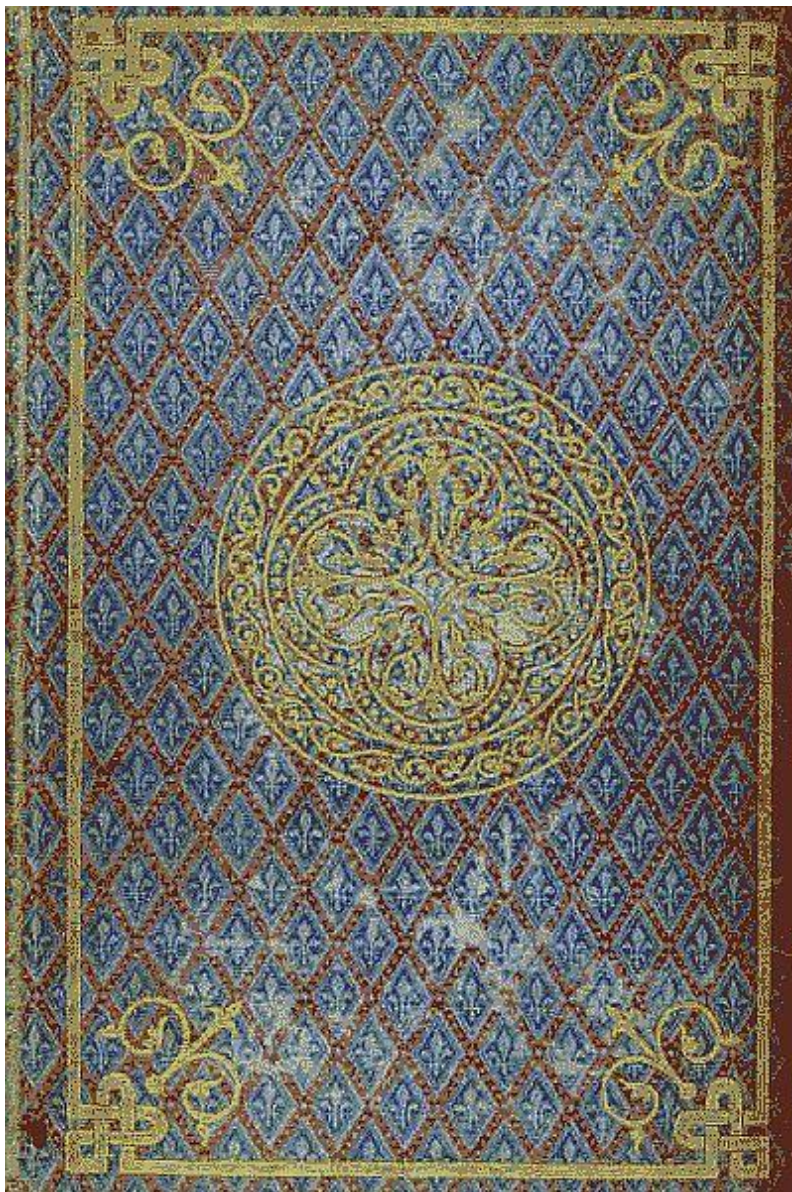


Древние доспехи и оружие в Европе. От железного периода северных народов до конца XIII века

Джон Хьюитт



Электронная книга проекта "Гутенберг" о древних доспехах и оружии в Европе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Древние доспехи и оружие в Европе

Автор: Джон Хьюитт

Дата выхода: 21 июля 2014 г. [Электронная книга № 46342]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дуглас Л. Элли, III, Крис Карноу и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДРЕВНИЕ ДОСПЕХИ И ОРУЖИЕ В ЕВРОПЕ" ***



БОЛЬШИЕ ПЕЧАТИ КОРОЛЯ РИЧАРДА ПЕРВОГО.

ДРЕВНИЕ ДОСПЕХИ И ОРУЖИЕ В ЕВРОПЕ:

ОТ ЖЕЛЕЗНОГО ПЕРИОДА СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ ДО КОНЦА XIII ВЕКА: С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ.

Автор: ДЖОН ХЬЮИТТ,

ЧЛЕН АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

ОКСФОРД и ЛОНДОН:

ДЖОН ГЕНРИ и ДЖЕЙМС ПАРКЕР.

MDCCCLV.

НАПЕЧАТАНО ГОСПОДАМИ. ПАРКЕР, КОРН-МАРКЕТ, ОКСФОРД.

ОПИСАНИЕ ГРАВЮР.

1. (*Фронтиспис.*) Большие печати короля Ричарда Львиное Кущение. Первый из них (с закругленным шлемом) был сделан по оттискам, приложенным к Харлейским хартиям, 43, с. 27; 43, С. 29; и 43, С. 30; и печатям Карлтон Райд, i. 19. В этом, как и в других случаях, было исследовано больше печатей, но кажется излишним приводить

Виньетка на

ссылки на какие-либо, кроме лучших образцов. Король носит кольчугу с непрерывным начесом поверх туники необычной длины. Шоссы также сделаны из кольчуги, и на коленях есть что-то вроде шоссона, но выступающая печать в этой части привела к такому значительному стиранию, что существование этого предмета одежды может быть поставлено под сомнение. Шлем закруглен сверху и, по-видимому, укреплен полосами, проходящими вокруг брови и над макушкой. Щит изогнут, и на видимой части изображен Лев: спереди он вооружен шипом и подвешен к плечам на обычном *поводке*. Другие детали этого рисунка будут рассмотрены на более поздней странице.

Вторая Большая печать Ричарда I. Взято из оттисков в Британском музее: Харл. Хартия, 43, С. 31, и *Select Seals*, xvi. 1; и *Carlton Ride Seals*, Н. 17. Доспехи, хотя и изображены иначе, чем на первой печати, вероятно, представляют собой ту же ткань, а именно взаимосвязанную кольчугу. Длина туники все еще кажется странно неподходящей для ловких движений проворного воина. Щит монарха - один из самых ярких памятников геральдического искусства: расплывчатый орнамент на более раннем щите Ричарда уступил место Трем львам *Passant Gardant*, столь знакомым всем нам на современном королевском гербе. Король носит простую стеганую шпору и вооружен большим обоюдоострым мечом, характерным для того периода. Шлем описан на странице [141](#). Седло является отличным примером военного седла того времени.

странице

[xxv](#)

.—Рыцарский памятник, совмещенный с алтарем-водосток, в церкви Лонг-Виттенхэм, Беркшир: конец тринадцатого века. Все это имеет небольшие пропорции, статуя рыцаря не превышает двух футов с четвертью.

2. Железные наконечники копий.—Рис. 1. Из коллекции Фоссетта: найдено в приходе Эш, недалеко от Сэндвича: длина 18 дюймов. Рис. 2 и 3. В коллекции мистера Рольфа в Сандвиче, найдена на англосаксонском кладбище в Озингелле, недалеко от Рамсгейта. Рис. 4. В коллекции Фоссетта, найдена в Эше, недалеко от Сэндвича. Рис. 5, 6 и 7. Из Озингелла: На № 6 изображена бронзовая втулка, которая прикрепляла наконечник копья к древку. Рис. 8. Из коллекции мистера Уайли: найдено на англосаксонском кладбище в Фэрфорде, Глостершир. Рис. С 9 по 12. Из коллекции Фауссетта: рис. 11 был найден в Кингстон-Дауне, графство Кент; остальные в Эш-бай-Сэндвич: рис. 10 имеет длину два фута. 22

3. Наконечники копий из железа.—рис. 13. В Британском музее: найдено в англосаксонской могиле в Бэтл-Эдж, Оксфордшир. Рис. 14. Найдено на англосаксонском кладбище в Фэрфорде. Рис. 15 и 16. Найден недалеко от Бредон-Хилла, Вустершир, и хранится в Музее Вустерширского общества естественной истории. Рис. 17. Копье с зазубринами, или *Ангон*, найденное в могиле на Сибертсуолд-Даун, Кент: одиннадцать дюймов длиной. В коллекции Фоссетта. Рис. 18. Четырехгранный наконечник копья, найденный мистером Уайли в "Фэрфордских могилах": длина 16 с половиной дюймов. Рис. 19, 20, 21. Найдено в Ирландии: из статьи мистера Уэйкмана в третьем томе *Collectanea Antiqua*. Рис. 22. Ливонский образец из коллекции доктора Бера. Оригинал находится в Британском музее. Рис. 23. Зазубренное копье, найденное в кургане в Норвегии: из статьи мистера Уайли в тридцать пятом томе. из *Археологии*. 23

4. Мечи.—Рис. 1. Найдены на англосаксонском кладбище в Фэрфорде. Его размеры превышают 2 фута 11 дюймов, и это один из лучших сохранившихся образцов. Рис. 2. В коллекции почтенного мистера Невилла: 32

найден на англосаксонском кладбище в Уилбрэхеме, Кембриджшир. Длина *кинжала*, 2 фута 7 дюймов. На нем сохранились бронзовые крепления ножен, которые были позолочены. Рис. 3. Та же коллекция и находка: образец, примечательный крестовиной на рукояти. Рис. 4. Древнеирландский меч того же периода: длина 30 дюймов. Из статьи мистера Уэйкмана в томе iii. *из коллекции антиквариата*. Рис. 5. Датский меч с выгравированными рунами: в Копенгагенском музее. Рис. 6. Датский язык: из *Летописи Nordisk Oldkyndighed*. Примечателен формой своей крестовины.

5. Мечи.—Рис. 7. Норвежский меч. Навершие и крестовина сделаны из железа. Рис. С 8 по 11. Из ливонских могил: оригиналы находятся в Британском музее. Рис. 10 является однолезвийным: его навершие и окантовка ножен выполнены из бронзы. На рис. 11 навершие и гарда украшены серебром. 33

6. Бронзовые ножны с остатками железного меча: найдены недалеко от Флэсби, в Западном Райдинге Йоркшира: выставлены во временном музее в Йорке, созданном Археологическим институтом в 1846 году. 44

7. Наконечники топоров или железо.—Рис. 1 и 2. С англосаксонского кладбища в Озингелле: сейчас в музее мистера Рольфа. Рис. 3 и 4. Древнеирландские примеры: из статьи мистера Уэйкмана в *Collectanea Antiqua*. Инжир. 5 и 6. Немецкие образцы: с кладбища в Зельцене, в Рейнской области Гессен; описаны братьями Линденшмит. Рис. с 7 по 10. Из ливонских могил, исследованных доктором Бэрном: все четыре находятся в Британском музее. 46

8. Англосаксонские фигурки, сражающиеся боевым ножом и зазубренным копьем: из латинской и англосаксонской псалтири, ранее 51

принадлежавшей герцогу де Берри, в Императорской библиотеке в Париже.

9. Боевые ножи.—Рис. 1. С кладбища Озингель: навершие и железная крестовина: длина 16 дюймов. Рис. 2. Из коллекции Фоссетта: найдено в Эше, недалеко от Сэндвича. Рис. 3 и 4. Древнеирландский: из статьи мистера Уэйкмана. Рис. 3. имеет длину 16 дюймов: другой, у которого сломано лезвие, примечателен тем, что сохранил рукоятку из резного дерева. Рис. 5 - с кладбища Сельзен, и любопытно по кольцу в конце танга. Длина 2 фута. 52

10. Наконечники стрел.—Рис. 1 и 2. Из коллекции Фоссетта: первый, длиной 3 дюйма, был найден в приходе Эш-бай-Сэндвич, второй на Кингстон-Даун: у обоих есть зазубрины. Рис. 3 и 4. Наконечники стрел с гнездами: найдены на линиях Чатем. Из "Нении" Дугласа. Рис. 5 и 6. Из немецких могил в Зельцене. Рис. 7 и 8. Из ливонских гробниц: сейчас они находятся в Британском музее. 56

11. Посыпка или ручной цеп из бронзы: из музея Митау в Курляндии. Given in Dr. Bähr's work, *Die Gräber der Liven*. 58

12. Англосаксонский пращник: из англосаксонской псалтири десятого или одиннадцатого века в Булони. Это фигура Давида. 59

13. Группа из коттонской рукописи, Клавдий, Б. iv., лист 24: англосаксонский пересказ Пятикнижия Эльфриком и др. Датируется примерно 1000 годом. Фигура в короне в центре, по-видимому, облачена в кольчугу. 60

14. Фигура англосаксонского воина, с хлопковой рукописи "Клеопатра", VIII в.; копия "Психомахии" Пруденция. Датируется началом 64

одиннадцатого века. Доспехи, по-видимому, сделаны из шкуры, вывернутой мехом наружу. Тщательно выражены характерные для англосаксов полосы на ногах.

15. Англосаксонские копейщики из прекрасной рукописи Пруденция в библиотеке Тенисона. Дата - начало одиннадцатого века. Рисунки выполнены только пером и тушью, но очень тщательно: более поздние сюжеты выполнены свежей рукой, но полностью англосаксонской работы. 65

16. Другая группа из Cotton MS., Claudius, B. iv. Этот том содержит большое количество рисунков, многие из которых иллюстрируют тему, которой мы занимаемся. 66

17. Фигура Голиафа из латинской псалтири десятого века в Британском музее: Дополнительная рукопись, № 18 043. Кольчуга в оригинале окрашена в синий цвет, что, по-видимому, указывает на кольчугу. Любопытный гребенчатый шлем того же оттенка, явно намекающий на защиту из железа. 67

18. Предполагаемый каркасный шлем англосаксонского периода. Он сделан из бронзы и был найден на черепе погребенного воина, обнаруженном на Лекхэмптон-Хилл, недалеко от Челтенхэма, в 1844 году. 69

19. Выступы щитов: из железа.—Рис. 1. Англосаксонский: из коллекции Фоссетта: найден в Чартем-Даунс, недалеко от Кентербери. Рис. 2 и 3. С англосаксонского кладбища в Фэрфорде. Последнее имеет почти пять дюймов в поперечнике. Остальные изображения на этой табличке выполнены в том же масштабе. Рис. 4 и 6. В коллекции мистера Рольфе: с кладбища Озингелл. Рис. 5. Англосаксонский: найден на Стритвей-Хилл, Уилбрэхем, Кембриджшир: сейчас находится в 73

Британском музее.

20. Выступы щитов.—Рис. 7. Из
англосаксонского кладбища в Озингелле. Рис. 75
8. Из коллекции Фоссетта: найдено в Чартем-
Даунс. Рис. 9. Найдено в Родмид-Дауне, Уилтс.
Из книги сэра Ричарда Хоара "Древние
Уилтсы". Рис. 10. С кладбища Уилбрэхам. Этот
образец особенно ценен тем, что в нем
сохранилась рукоятка, все еще прикрепленная
заклепками к краю выступа. Рис. 11.
Шотландский пример: найден в могиле в
графстве Морей. Из книги доктора Уилсона
"Археология Шотландии". Рис. 12. Немецкий: с
кладбища в Сельцене. Рис. 13. Датский
пример: из Копенгагенского музея. Все они
сделаны из железа.
21. С той же рукописи, что и № 14 (Клеоп. С. 77
viii.). Фигура принадлежит к группе людей, все
они одинаково экипированы и несут щиты за
спиной.
22. Железное удилище из англосаксонского 80
кургана в Борн-парке, недалеко от Кентербери.
В коллекции графа Лондсборо.
23. Шпора с ромбовидным наконечником: с 81
бронзового памятника Рудольфу фон Швабену,
1080 г.н.э., в кафедральном соборе
Мерзебурга. Из "*Трахтена*" Хефнера.
24. Рисунок из листа 30 Harleian MS. 603, 90
латинской псалтири конца одиннадцатого
века. См. стр. 29 для его описания. Эта тема -
иллюстрация к статье г-на Акермана в vol. xxxiv.
из *Археологии*" "О некоторых видах оружия
кельтской и тевтонской рас" был любезно
предоставлен автором этого эссе.
25. Большая печать короля Вильгельма 92
Завоевателя: с прекрасного оттиска,
приложенного к хартии, хранящейся в отеле

"Субиз" в Париже. Хартия предоставляет аббатству Сен-Дени землю в Тейнтоне, в Англии. Король носит кольчугу поверх туники. Полусферический шлем увенчан небольшим набалдашником и снабжен шнурками для крепления под подбородком. На ногах, похоже, нет доспехов: шпора исчезла. Снаряжение воина дополняют копье с серпантином и большой воздушный змей-щит. Легенда гласит: *¶Hoc Normannorum Willelmum nosce patronum si(gno)*.

26. Большая печать короля Вильгельма II, 1087-1100. По оттиску, сохранившемуся в Дареме. Кольчуга, по-видимому, сделана из кольчуги, хотя и выполнена несколько иначе, чем на предыдущей печати Вильгельма Завоевателя и на других, которые последуют. Конический шлем, по-видимому, имел носовую часть. Шпора имеет форму жезла. Если на ноге и были доспехи, то следы от них стерлись из-за размягчения воска. Король вооружен копьем, мечом и воздушным змеем. 102

27. Печать Александра I., короля Шотландии: 1107-1124. Фигура вооружена кольчугой с сплошной прической, по-видимому, из кольчуги; надета поверх туники или гамбезона, виднеющегося на запястьях и юбке. Конический носовой шлем, копье с серпантином, щит для воздушного змея и шпора - вот другие предметы снаряжения. На ноге не видно никакой брони, хотя размягчение воска могло стереть отметины, которые первоначально указывали на защитные приспособления в этой части. Украшения пуатрейля обычны для этого периода. 107

28. Большая печать короля Генриха I., около 1100 года. Из Хлопковой хартии, ii. 2 (в Британском музее). Этот инструмент является подтверждением дара Ньютона, сделанного "Радульфусом филиусом Годричи", и 119

засвидетельствован королевой Матильдой и другими. См. *Заметку* Таннера, стр. 339, Норвич. Материал кольчуги представлен сотовой структурой, столь часто наблюдаемой на печатях того периода, и которая, по-видимому, является одним из многих способов имитации переплетенной кольчуги. На ножке нет никаких отметин, характерных для доспехов, но они, возможно, исчезли из-за размягчения воска и выступающей печати в этой части. Шлем представляет собой простую стальную коническую шапочку без носа: шпора представляет собой простое острие. На древке копья, заканчивающемся тремя концами, изображен Крест. Щит имеет форму воздушного змея, на нем видны заклепки, с помощью которых его деревянная и кожаная части скреплялись вместе. На пейтреле лошади обычные для того времени подвесные украшения.

29. Различные способы изображения доспехов на гобелене Байе. 121

30. Большая печать короля Стефана. Взято по оттиску среди избранных печатей в Британском музее и по оттиску, приложенному к Харлианской хартии, 43, С. 13. Шлем, по-видимому, имел носовую часть, но печати в этой части настолько несовершенны, что их невозможно четко проследить. Сзади видна часть шнурка, которым скреплялась прическа или шлем. Бронежилет показан на странице 122. Сравните гравюру на дереве, № 42. 122

31. Различные способы изображения кольчуги на средневековых памятниках. 124

32. Из Харлейского свитка, Y. 6. Житие святого Гутлака. Датируется примерно концом двенадцатого века. Фигуры одеты в тунику, кольчугу и шлемы с квадратным верхом, из 127

которых у одного только носовой. Треугольные щиты подвешены на шее *зашнурок*: их украшения представляют собой всего лишь причудливые узоры, а не геральдические. Похоже, что для нижней части фигур не предусмотрено никаких доспехов. Этот свиток еще более любопытен тем, что на его обороте есть рисунки, датированные примерно столетием позже.

33. Из харлейской рукописи 603: латинская псалтирь конца одиннадцатого века. Эта фигура сделана пером и представляет Голиафа. Сравните фигуру в короне на ксилографии [13](#), из рукописи "Коттон", Клавдия IV до н.э. и воинов на гобелене из Байе. Кольчуга, по-видимому, сделана из кольчуги. В этой рукописи много рисунков военной одежды и оружия. 129

34. С Cotton MS., Nero, C. iv. Французское искусство. Дата около 1125 года. Фигура является одной из групп, изображающих Массовое убийство невинных: тема, наряду с конфликтом Давида и Голиафа, солдатами у Гроба Господня и мученической смертью Томаса Бекета, очень богата иллюстрациями древнего военного снаряжения. 130

35. С фрагмента пергаментной росписи конца одиннадцатого века, изображенной на *Трахтене* Хефнера. Бронежилет, по-видимому, ручной работы и в оригинале посеребрен. Дорожки фигур сзади окрашены в красный цвет. 132

36. Еще один рисунок из Харл. MS. 603. (См. Описание гравюры на дереве, № [33](#).) Описание костюма приведено на странице [133](#). Это единственный пример в книге, содержащей несколько сотен рисунков, где присутствует масштабная работа. 133

37. Давид и Голиаф: по начальной букве латинской Библии, написанной в Германии для использования премонстратенским монастырем Сан-Мария-де-Парко, недалеко от Лувена. Дополнительная рукопись 14,789, fol. 10. Эта рукопись имеет особую ценность из-за ее датировки; она была написана в 1148 году. Смотрите рубрику на стр. 197 первого тома и Колофон. Костюмы описаны на странице [134](#). 135

38. Фигура Голиафа: из латинской Библии, написанной около 1170 года. "Hic liber pertinet ad Ecclesiam Beatæ Mariæ Virginis in Suburbio Wormatiensis." Харл. ср. 2,803. Голиаф вооружен носовым шлемом и кольчугой. Дороги имеют необычный рисунок и, по-видимому, не носят оборонительного характера. 136

39. Скульптура Святого Георгия из тимпана двери в церкви Руардин, Глостершир. Дата - первая половина двенадцатого века. Доспехи рыцаря сейчас не обозначены, но, возможно, раньше они были изображены с помощью живописи. Шлем имеет хорошо известную фригийскую форму. Мантия, ниспадающая множеством складок позади чемпиона, подчеркивает стремительность его атаки. Спереди мантию украшает брошь. Каблук снабжен выступающей шпорой. 137

40. Группа, изображающая Авраама, принимающего хлеб и вино от Мелхиседека: эмаль конца двенадцатого века, сохранившаяся в коллекции Лувра. Патриарх носит кольчугу поверх туники; шапка кольчуги увенчана коническим носовым шлемом. Поверх доспехов надевается плащ, застегивающийся на правом плече. Мы заимствуем эту иллюстрацию из превосходной статьи мистера Уэя об эмалях средневековья, опубликованной во втором томе "Археологического журнала". 138

41. Печать Конана, герцога Британии и графа Ричмонда: 1165-71. Из Харлианской хартии, 48, G. 40. Историю этого герцога смотрите в "Кратком обзоре пэров" Николая, том ii. стр. 534. Он носит кольчугу с непрерывной прической, увенчанную конической стальной каской. Треугольный щит больших размеров. Чепрак необычного фасона. 140
42. Большая печать короля Стефана. Доспехи состоят из кольчуги со сплошной шапкой, увенчанной шлемом фригийской формы. За головой видны завязки, которыми скреплялась прическа или шлем. Изогнутый щит для воздушного змея любопытен благодаря выступу с шипами спереди. Сравните гравюру на дереве, №30. 144
43. Большая печать короля Генриха II. Доспехи, состоящие из кольчуги и шоссов, по-видимому, сделаны из кольчуги. Шлем имеет носовую часть, а защитный кожух воздушного змея, видимый с внутренней стороны, очень отчетливо показывает способ крепления ремней, образующих *enarme* и *guige*. 151
44. Еще одна Большая печать короля Генриха II. Взято из оттисков, приложенных к Хлопковой хартии, ii. 5; и Харл. Хартии, 43, с. 20; 43, С. 22; и 43, С. 25. Эта печать примечательна главным образом вместительной и богато украшенной чепраком тканью. Доспехи короля, по-видимому, состоят из обычной кольчуги. Конический носовой шлем уже встречался на предыдущих памятниках. 170
45. Цитадель замка Порчестер, Хэмпшир. Построен около 1150 года. Он представляет собой тип нормандской крепости: окна маленькие внизу, но больше на верхних этажах; стены большой толщины у основания и уменьшенных пропорций вверху. Превосходное эссе о военной архитектуре в 189

первом томе "Археологического журнала" позволит получить хорошее представление об устройстве замков нормандского периода. Смотрите также "*Военную архитектуру эпохи Мойен*" М. Виоле-ле-Дюка. В Винчестерском сборнике Археологического института будет представлено конкретное описание Порчестерского замка.

46. Рыцарское изображение из церкви Хасли, Оксфордшир. Скульптура, по-видимому, относится к середине тринадцатого века и представляет собой превосходный *тип* военного костюма той эпохи. Рыцарь носит кольчугу поверх гамбезона (виден у юбки) и кольчужные ошейники. Камзол без рукавов подпоясан на талии узким поясом, к которому подвешена рукоятка меча. Чтобы вооружить воина для битвы, ему все равно понадобился бы латный шлем, который можно было бы закрепить поверх его кольчужного убора. Его щит — весьма необычного устройства — положен ему под голову вместо второй подушки, обычно встречающейся в рыцарских памятниках. 192

47. Конный лучник, из Роя. MS. 20, D. i. fol. 127: *Всемирная история* и другие трактаты. Французское искусство. Рисунки все цветные, и в большом количестве. Это одна из лучших рукописей в мире, иллюстрирующая древние доспехи и всевозможные военные обычаи. Смотрите примечание на стр. 196. 195

48. Группа лучников из листа 307 той же рукописи. Бойцы в обоих примерах носят кольчугу с окантовкой и плащ и шлем "сахарная голова". Конная фигура отличается тем, что на ней также есть кольчужные доспехи. На шлеме у его ног видны шнурки, которыми он был пристегнут. 199

49. Арбалетчик и лучница из доп. рукописи 15,268, фол. 101: *История древнего мира*. 201

Датируется примерно концом тринадцатого века. Доспехи арбалетчика, вероятно, означают кольчугу: доспехи лучника очень расплывчаты, но, кажется, выражают какую-то точку зрения. Художник тщательно различил зазубренный наконечник стрелы и наконечник арбалетного болта.

50. Группа солдат из Харл. Ср. 4751, фол. 8: латинский bestiary начала тринадцатого века. Разнообразие оружия в этом маленьком предмете очень примечательно: они будут замечены под отдельными заголовками. В оригинале "замок" на спине слона полон бойцов, все в шлемах с плоским верхом, а их щиты установлены в ряд перед машиной, как мы видим их свисающими с борта судна на морских снимках. "Молоток с заостренным концом" в руке фехтовальщика является скорее инженерным инструментом, чем оружием, и в других рукописях дается тем, кто занят взломом стены. 205

51. Группа солдат, вооруженных посохом-пращой, топором, копьем и луком с флаконом из-под извести: из *Орды* Стратта, том i, лист xxxi. Его авторитетом является рукопись "Истории" Мэтью Пэриса в библиотеке колледжа Бенет, Кембридж: С. 5, xvi. Было высказано предположение, но с небольшой вероятностью, что рассматриваемая рукопись является работой самого Мэтью Пэриса. 206

52. Большая печать короля Иоанна: составлено по оттискам, приложенным к Хартии. Хартия, 84, С. 7, и Хлопковая хартия, viii. 25; и Carlton Ride Seal, Н. 18. Шлем на этом рисунке необычной формы; и здесь впервые военный плащ появляется на королевской печати Англии. Почтовое отправление было стерто на подоле кольчуги, судя по выступающей печати в этой части. Орнаментальный "пейтрел" лошади хорошо виден на этом памятнике, и очень отчетливо 228

виден фасон седла.

53. Три рыцаря с картины, изображающей мученическую смерть Томаса Бекета, в Харл. ср. 5, 102, fol. 32. Этот том представляет собой латинскую псалтирь, написанную в начале тринадцатого века и содержащую множество иллюстраций. Фицурса можно узнать по изображению Медведя на его щите. Головы рыцарей представляют собой любопытное разнообразие вооружения: на одном шлем с плоским верхом, на другом - круглая каска, а у третьего нет никакой дополнительной защиты, кроме кольчуги. Видно, как туника выходит за край кольчуги. Ноги передних фигур окрашены в красный цвет.

230

54. Скульптурное изображение Уильяма Лонгспи, графа Солсбери, с его памятника в соборе Солсбери. Его смерть и погребение (в 1226 году) зафиксированы в любопытной рукописи того времени Уильяма де Ванды, декана; которая до сих пор хранится в архивах епископа в Саруме. Смотрите "Историю собора" Додсворта, стр. 121 и 201. Статуя более полно иллюстрирует различные элементы рыцарского снаряжения этого раннего периода, чем любая другая, которую можно было бы назвать. На эти детали можно будет обратить особое внимание в их конкретных местах. Фигура все еще сохраняет большую часть своей древней росписи. Кольчуга имеет коричневый оттенок, особенность, до сих пор не получившая удовлетворительного объяснения. Шпоры все еще сверкают золотом. Львы на щите рельефные; золото на синем поле. Этот рисунок повторен росписью на плаще. Статуя, сделанная из необработанного камня, по всем признакам, была изваяна во время смерти графа Уильяма; и, поскольку она так четко идентифицируется по резному изображению на щите, становится одним из наиболее ценных примеров для археологической справки.

232

55. Монументальная бронзовая статуя "Сир Йохан Д'Обер-Нун, рыцарь" в церкви Сток-д'Абернон, графство Суррей. Это самая древняя из когда-либо обнаруженных надгробных медных изделий, будь то в Англии или на континенте: ее дата - около 1277 года. До недавнего времени она была частично скрыта под алтарными перилами, но теперь полностью раскрыта. На щите оттенок поля (синий) представлен эмалью; медная накладка отчетливо видна по узкому краю, окаймляющему цвет. Геральдическая эмблема повторяется на знамени копья и на щитке над изображением. Доспехи рыцаря будут описаны по мере детального изучения различных их частей.

237

56. Из *"Памятников истории" Виллемина*, том I, лист сii. Оригинал представляет собой рисунок из альбома Вилара де Хоннекорта, художника тринадцатого века. Кольчужные доспехи рыцаря стягиваются за штаниной и под ступней шнуровкой. Козырек кольчуги, откинутый на плечи, открывает нижнюю часть козырька, которую носят воины для защиты головы от грубого соприкосновения с железной одеждой. Еще более любопытна эта цифра из *"декретов котте-а-Маншерон"*.

238

57. Шахматный конь из слоновой кости, хранящийся в музее Эшмола: видно в двух ракурсах. Рыцарь одет в кольчугу, и цилиндрический шлем его самой ранней формы. Поверх кольчужных шоссов виден чеканный шоссон. Треугольный изогнутый щит изображен очень точно, а драпировка плаща более свободна, чем обычно в этот ранний период. Дата, по-видимому, относится к началу тринадцатого века.

243

58. С мраморного барельефа в монастыре Аннунциата во Флоренции, 1289 год. По рисунку из коллекции Керриха, Доп. рукопись,

244

№ 6728. Рыцарь Гулиельмус Балнис, среди нескольких особенностей снаряжения, представляет нам очень необычный образец ножных доспехов: весь костюм будет должным образом рассмотрен на следующей странице. Композиция передает не слишком возвышенное представление об итальянском искусстве 1289 года; и в драпировке скульптор вполне мог бы взять урок у скромного резчика по шахматным фигурам времен Великой хартии вольностей, чья ручная работа была предметом нашего последнего внимания.

59. Рыцарское изображение из свободного камня в церкви Эш, недалеко от Сандвича. 247
Датируется концом тринадцатого века. Кольчуга была украшена лепниной и окрашена в красно-коричневый цвет. На женуиере и других частях памятника обнаружены следы позолоты. Рыцарь носит стеганый гамбезон; кольчугу, капюшон и шоссы из кольчуги; женуиеры из пластин или кирасир-буйи и длинный плащ. Наколенники на плечах: от щита мало что осталось, кроме ремня, который его поддерживал: на шнуре, прикрепленном к поясному ремню, висел кинжал, которого сейчас нет: шпоры на единственном наконечнике были позолочены.

60. Конный рыцарь, одетый в кольчугу и имеющий бронеколпаки. Щит переносится так, что оружие надевается на запястье. 250
Впереди виден укрепленный мост с пристроенными по бокам башнями, "бретешем", воротами и опускной решеткой. Миниатюра приведена на фол. 58^{vo}. of Add. MS. 10,293: сборник романсов, *датированный* 1316 г.

61. Конный рыцарь, вооруженный кольчугой и люлькой с забралом и имеющий накидки в форме ромба: из Роя. Ср. 14 E. iii. fol. 94^{vo}.; 250
сборник романсов, написанных и иллюстрированных в первой половине

четырнадцатого века. Прекрасная книга по доспехам: рисунки четкие, богато раскрашенные и позолоченные, а детали хорошо проработаны. Этот том перешел во владение короля Ричарда III, чей автограф имеется на втором листе.

62. Рыцарская фигура конца тринадцатого века: из Роя. СР. 2, А. XXII. fol. 219. Рисунок очень четко показывает, каким образом кольчужная шапочка была натянута на подбородок и завязана над ухом на левой стороне головы. Отверстие на ладони позволяло рыцарю при желании высвободить руку из кольчуги. Доспехи на ногах состоят из кольчуги и шнуровки сзади, которые, по-видимому, состоят из заклепок, приклепанных к ткани или коже. Шлем имеет более обогащенный характер, чем обычно бывает в этот период. Другие мелкие детали этого оборудования будут отмечены в порядке их изучения.

254

63. Группа солдат, из латинской служебной книжки конца XIII века: Доп. ср. 17,687: Немецкое искусство: рисунки богато раскрашены и позолочены, крупные и хорошо детализированные. Ткани для доспехов, представленные в рассматриваемом нами предмете, бывают трех видов: кольчужные, однотонные стеганные и пурпурные с заклепками. Разнообразие расположения этих защитных сооружений в столь небольшой группе солдат поразительно показывает, как мало думали о единообразии костюма. Как и в других случаях, в основной части работы будут отмечены конкретные элементы оборудования.

257

64. Изваяние в камне рыцаря из семьи Де Сални из церкви Ньютон Солни, Дербишир. Поместье принадлежало этому дому при графах Честерских (см. "Археологический журнал", том vii. стр. 368), а в церкви находится

261

несколько ранних и интересных монументальных статуй сменявших друг друга лордов. Фигура, стоящая перед нами, по-видимому, относится к концу XIII века: она вооружена кольчугой и кольчужными лентами: плащ без рукавов с разрезами спереди для удобства верховой езды; щит треугольный и слегка изогнутый; навершие меча оплетено, его крестовина изогнута к лезвию; шпоры сделаны из цельного стержня. Вместо обычного льва или дракона у ног статуя увенчана пучками листвы раннеанглийского характера; из чего мы можем узнать, что особой целью резьбы под ногами этих старых скульптур было не символическое или геральдическое украшение, а создание прочного блока каменной кладки, предохраняющего тонкие и выступающие ступни от разрушения при первом же акте небрежности.

65. Фрагмент кольчужной почты с
вышеназванного памятника в натуральную
величину. На нижнем рисунке показан вид в
профиль. 263

66. Группа из "Романа о царе Мелиадусе", доп.
ср. 12,228, след. 79. Это рукопись 264
четырнадцатого века (около 1360 г.);
используется здесь для иллюстрации темы
кольчуг.

67. Прическа из кольчуги с надписью начала 266
четырнадцатого века. Полностью эта тема
изложена в № 7 *сборника рукописей графа*
Бастарда, оригинальным памятником
которого является иллюстрированная Библия.
Другие рисунки из этой Библии показывают
тот же способ затягивания прически.

68. Солдаты, вооруженные кольчугами: из 268
книги, изданной в Меце около 1280 года и
ныне хранящейся в публичной библиотеке
этого города. Приведенные здесь рисунки

были выгравированы в "*Трахтене*" Хефнера, часть i, Лист lxxvii; из этого замечательного труда мы перенесли их на наши страницы. Следует заметить, что среди этих воинов нет двух совершенно одинаковых экипированных.

69. Шахматная фигура (Страж) из моржового бивня начала тринадцатого века. Она была подарена Обществу антикваров Шотландии лордом Макдональдом и выставлена в Музее, созданном в Йорке во время визита Археологического института в этот город в 1846 году. (См. "Археологический журнал", том iii. стр. 241.) Доспехи, по-видимому, представляют собой кольчугу, грубо выраженную серией линий и проколов. Щитки примечательны тем, что имеют тупой конец внизу вместо обычной заостренной формы. 269

70. Монументальная статуя неизвестного рыцаря в церкви Нортон, Дарем: по рисунку Блора и Ле Ке из книги Сертиса "История Дарема", том iii. стр. 155. Дата около 1300 года. Кольчуга имеет капюшон (или прическу?) Откинутый с головы и лежащий на плечах: ремни затягивают его на запястьях. Поверх шоссов видны наколенники, которые, вероятно, завершали шоссон гамбуазной работы. Пальто отличается от более ранней моды на эту одежду наличием рукавов. Меч имеет обогащенный характер, эфес украшен гербовой накладкой, которая, без сомнения, когда-то была эмблемой рыцаря. Похожие гербы есть и у женуиров. Для этого периода характерны короткие волосы надо лбом, собранные в крупные локоны над ушами. Вооружение фигуры почти идентично вооружению Брайана Фитц-Алана из Бедейла, Йоркшир (см. Памятники Блора и чучела Холлиса, часть iv.). 275

71. Серия шлемов тринадцатого века.—Рис. 1. С изображения Хьюго Фиц Эдо в Киркстедской часовне, Линкольншир. Рисунок всей фигуры 278

можно найти в коллекции Пауэлла в Британском музее: Доп. ср. 17 462, фол. 71. Рис. 2. С резьбы в галерее пресвитерии Вустерского собора. Рис. 3. Из скульптуры в Констанцском соборе: вся фигура представлена в костюмах Хефнера, часть i. Фото iv. Рис. 4. С печати Хьюго де Вера, четвертого графа Оксфорда: 1221-63. Рис. 5. Рыцарская фигура на листе 27 харлейской рукописи 32,44: около 1250 года. Рис. 6. С Большой печати Александра II, короля Шотландии: 1214-49: с оттиска, приложенного к Хлопковой хартии, XIX. 2. Рис. 7. С печати Роберта Фиц-Уолтера, лорда Вудхэма и кастеляна Лондона: около 1298 года. См. страницу [334](#). Рис. 8. Со стеклянной росписи в Шартрском соборе, изображающей Фердинанда, короля Кастилии: около 1250 года. Рис. 9. Железный шлем из коллекции Tower. Рис. 10. С миниатюры на хлопчатобумажном рулоне, xv в. 7. Рис. 11. С печати Людовика Савойского: около 1294 года. Вся цифра приведена Чибрарио в *Сигиллах Принципов Савойи*, Таблица xxx. Рис. 12. Пример так называемого шлема сахарной головы: из королевской рукописи 20. Д.и. Сравните с медью сэра Роджера де Трампингтона, которая несколько более богато украшена (гравюра на дереве, № [73](#)).

72. Битва рыцарей, из Королевской рукописи 20, Д.и.; том, который уже использовался для наших иллюстраций под номерами 47 и 48. Обе фигуры с головы до ног облачены в кольчуги и имеют характерные для того периода шлемы: в форме "сахарной головы", приспущенные так низко, что ложатся на плечи. Воин по левую руку носит корону поверх шлема и имеет дополнительное украшение в виде веерного гребня нескладных размеров. Щиты имеют старую форму воздушного змея, но значительно уменьшены в размерах по сравнению с их нейстрийскими прототипами. Коронованный боец носит кинжал на правом боку: ранний пример

приспособления, которое впоследствии стало очень распространенным. Упряжь лошадей, по-видимому, не имеет оборонительной конструкции; но, возможно, в таких случаях можно подразумевать подкладку из гамбуазери или цепи.

73. Монументальная работа сэра Роджера де Трампингтона из латуни, выполненная около 1290 года и все еще занимающая свое старое место в приходской церкви "В Тромпингтоне, не за Кантебриджем"[1]."

285

Рыцарь вооружен кольчугой, шоссами и капюшоном из кольчуги; у него шоссон, наколенники которого, по-видимому, сделаны из железных пластин. На плечах имеются накладки, а вместо подушки у воина есть шлем, от нижнего края которого к поясу плаща переходит цепь, чтобы он не был потерян в битве. Треугольный изогнутый щит поддерживается обычным рисунком; и здесь, а также на накладках и щитках ножен для мечей, видны *Трубы*, образующие, в намеке на его имя, геральдические знаки нашего рыцаря.

74. Резная плита в память о рыцаре Йохане ле Ботильере в церкви Сент-Брайд, Гламорганшир. Дата около 1300 года. Как и в предыдущем примере, геральдические фигуры (изображенные в данном случае на щите и сервельере) намекают на имя владельца, Батлера. Меч с навершием в виде трилистника и узкой изогнутой крестовиной вполне соответствует характеру англосаксонского оружия XI века. Однако в роуэльской шпоре мы распознаем дух прогресса; и сервельер из доспехов, который носят, как здесь, в сочетании с кольчужным убором, является ранним примером такого расположения на монументальном изображении.

287

75. Фигура Голиафа, из доп. ср. 11,639, фол. 520: еврейская копия Пятикнижия и форм молитвы, написанная в Германии примерно в конце тринадцатого века. Великан одет в кольчугу и кольчужные доспехи с наколенниками из пластин и шапель-де-фер с широкой каймой. Щит сохраняет выступающие и укрепляющие полосы, которые мы видели на примерах из англосаксонских и франкских захоронений. Круглая отметина на виске - это камень, выпущенный из пращи Давида. 290
76. Часть фигуры с настенных рисунков Расписной палаты в Вестминстере: для изображения формы остроконечного носового шлема. Датируется второй половиной тринадцатого века. 291
77. Роспись на стекле в окне северного трансепта Оксфордского собора. Узор, ранее принадлежавший ему, больше не появляется, и теперь он смешан со стеклом более позднего периода. Вряд ли нужно говорить, что голова мученика - это "реставрация". Рыцари вооружены кольчугами с лентами на коленях. Поднятый меч похож на фальчион. На щите Фитц-Урса изображены три медвежьи головы на покрытом пеленой поле вместо обычной фигуры одного Медведя. Сравните гравюру на дереве, №53. Датировка этого бокала, по-видимому, относится к концу тринадцатого века. 296
78. Железная шпора, найденная на церковном дворе Честерфорда, Кембриджшир, и ныне хранящаяся в музее достопочтенного Р. К. Невилла в Одли-Энде. Простой наконечник, прямая шейка и изогнутые голенища - все это характерно для рыцарских шпор XIII века. 298
79. Большая печать короля Генриха III.; взято из оттисков, приложенных к Харлианской хартии, 43, С. 38; Хартии Уолли, 5, хxi.; и Топхэмской хартии, № 8. Король носит 299

кольчугу со шлемом, несколько закругленным сверху, и подвижным подшлемником с щелями для зрения и дыхания. С дорог исчезли почтовые отправления, если они там когда-либо были. Плащ все еще большой длины. На изогнутом щите изображены обычные три Льва. Но новизна проявляется в отрогах этой фигуры, которые имеют гребенки. Ранее не наблюдалось ни одного экземпляра гребенки ровеля, и, действительно, она редко появляется снова в течение всего столетия. Обычно готовые перенять любую новинку в военном снаряжении, рыцари, по-видимому, с особым упорством отвергли новшество в виде колесовидной шпоры, хотя нам кажется, что большая часть человечества настоятельно рекомендовала это изобретение. Сравните гравюру на дереве, №81: вторая Великая печать Курицы. III.

80. Из книги Мисс Коттон, д.и.н. Ниро; "Жизнь двух оффов" Мэтью Пэриса. Эта группа, которая встречается на листе 7 рукописи, представляет короля Мерсии Оффу I. Сражающийся от имени короля Нортумберленда и побеждающий шотландскую армию. Рисунки этого любопытного тома, все из которых были скопированы Страттом в его Орде, по-видимому, относятся к концу тринадцатого века. Бронежилет по большей части состоит из кольчуги. Короля Оффу отличают поножи и наколенники: отправленная по почте часть его прически отличается от остальных костюмов, вероятно, только из-за небрежности художника. Королевская лошадь также отличается от других коней наличием корпуса. Защита головы, состоящая из стальной маски, надетой поверх кольчужного убора, очень примечательна. На соседнем рисунке мы снова видим пример отверстия, оставленного на ладони для удобства время от времени освобождать руку от кольчуги. Сравните гравюру на дереве, № 62. 303

81. Вторая Большая печать короля Генриха III. 307
Из оттисков в Carlton Hide (R. i. 34) и избранных печатей в Brit. Музей (xxxiv. 4). Доспехи состоят из кольчуги, шлема с подвижным забралом, щита и меча. Плащ уменьшенной длины без геральдических украшений. Как произведение искусства, эта печать значительно превосходит предыдущие королевские печати: лошадь нарисована с большой правдивостью и одухотворенностью, в то время как фигура короля точна в своих пропорциях и естественна в своем положении. Сравните гравюру на дереве, № 79.

82. Группа из Расписной палаты. *Памятник Ветусте*, том vi. Табличка xxxvi. Здесь мы видим много примечательных деталей: фальчион, лучника с его длинным луком и суконной древкой, вооруженной зазубренным наконечником, украшенный орнаментом шлем конного рыцаря, конический носовой шлем фигуры позади, треугольный и круглый щиты и причудливой формы надбровная повязка лошади. Все они будут должным образом рассмотрены в соответствующих разделах. 313

83. Резная плита из красного песчаника, памятник рыцарю из семьи Броэм, в церкви Броэм, Уэстморленд. Камень имеет почти 7 футов в длину и 3 фута 5 дюймов. в ширину и традиционно известен как "Могила крестоносца". Сам "Крестоносец" был извлечен из могилы в 1846 году в результате некоторых ремонтных работ в алтаре церкви, и было обнаружено, что он был похоронен *соскрещенными ногами*. Подробный отчет об этой любопытной находке см. В "Археологическом журнале", том iv, стр. 59. 317

„,84. Военный цеп: из *Хорды* Стратта, том i, фото xxxii. Из той же рукописи, что и наш №. 327
51. (Benet Coll. Lib., C. 5. xvi.) Сравните цеп на гравюре на дереве 11.

85. Большая печать короля Эдуарда I. Снята с оттиска на Карлтон-Райд с пометкой Н. 20; и Harl. Хартия, 43, С. 52. Король вооружен кольчугой, в шлеме с подвижным забралом; и он носит более короткий плащ без гербовых украшений. Щит не представляет собой ничего нового. Крепления меча имеют необычный рисунок: орнамент в виде лилии на конце снова виден на шарнире забрала. Это первая английская королевская печать, на которой геральдически обозначен корпус скакуна. 339

86. Конь в кольчуге: из Расписной палаты[2]. 342
Изображения почтовой лошади встречаются крайне редко, хотя их описания встречаются часто. Рыцарь здесь облачен в бронированный плащ и носит обычный для того времени "бочкообразный шлем".

87. Печать и контрпечать роджера де Квинчи, второго графа Винчестера, 1219-64. 346
Вооружение обеих фигур совершенно одинаковое: кольчуга, цилиндрический шлем, треугольный изогнутый щит и обоюдоострый меч. Виверна, которая, по-видимому, образует гребень на шлеме на контрпечати, на самом деле является всего лишь орнаментом, используемым для заполнения места, оставшегося после слова "скоки" в легенде. Цветок на той же печати и похожая виверна на лицевой стороне использованы с аналогичной целью обогатить композицию орнаментом. Де Квинси был верховным лордом-наместником Шотландии по праву своей жены, и на оборотной стороне, где он описан как "Констебль Скоки", мы видим фигуру шотландского льва: кажущаяся схватка между ними была изобретательной фантазией художника. Сравните Винчестерский том Археологического института, стр. 103, и "Древние шотландские печати" Лэйнга, стр. 113.

88. Пари на битву между Уолтером 375

Блоббермом и Хамоном ле Стэром из оригинального броска в Башне. Документ упоминается в книге Мэдокса "История казначейства" с гравировкой, стр. 383. Он описывает инцидент как "довольно примечательный случай дуэли, которая произошла во времена правления К. Генрих III.... Завязалась дуэль. И Хамон, побежденный в Бою, был приговорен к повешению".

89. Замок Кэрфилли, Гламорганшир. Построен 377
около 1275 года. Здесь мы имеем тип "эдвардианского замка", отличающийся от нормандской крепости главным образом тем, что, в то время как нормандская крепость представляла собой массивное здание, окруженное двором, эдвардианское устройство представляло собой двор, окруженный прочными зданиями. Сами здания во многих деталях отличались не только от своих нормандских предшественников, но и друг от друга; и потребовался бы целый том, чтобы подробно рассмотреть множество любопытных приспособлений для нападения и защиты, которые представлены в различных примерах, дошедших до наших дней. Мы должны снова отсылать изучающего к замечательной работе М. Виолле-ле-Дюка *"Военная архитектура Мойен-Ажа"*, а также к талантливой статье на ту же тему в первом томе *"Археологического журнала"*. А полный отчет о работах в Керфилли смотрите в *"Археологии Камбрэнсиса"*, том i., N. S. Гравюра, лежащая перед нами, взята с рисунка Г. Т. Кларка, на котором часть утраченных зданий была восстановлена по признакам, полученным в результате тщательного осмотра. из тех, кто остался. Впереди бросается в глаза Большой зал с его лувром. Внизу находятся водяные ворота, ведущие из рва внутрь замка. Различные надворные постройки соединены с основным сооружением подъемными мостами, а в правом углу находится мельница, повернутая ручьем, который питает ров.



ДРЕВНИЕ ДОСПЕХИ,

ис.

ЧАСТЬ I.

С НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ПЕРИОДА ДО XI ВЕКА.

Какой бы расой ни была первоначально заселена Европа, эта часть мира, по-видимому, была захвачена сменявшими друг друга племенами авантюристов из Центральной Азии. Так называемая "аллофильская раса" была вытеснена кельтами; затем склавы вытеснили кельтов на запад, а тшудов - в холодные регионы севера; и, наконец, тевтонские завоеватели, по своему желанию лишив собственности народы, которые им предшествовали, заложили фундамент той обширной социальной империи, которая в настоящее время в Европе, Америке, Азии и в новом свете Южных морей правит судьбами половины земного шара. Для художественных целей длительный период времени, на который мы так быстро обратили внимание, был разделен на каменный период, бронзовый период и Железный период; названия получены от материалов, которые были *вообще* употреблении во время продвижения различных рас к цивилизации; — разделение, которое, хотя из-за его большой полноты неизбежно вызывает некоторые возражения, представляется, вероятно, весьма полезным для упрощения исследования, до сих пор ставившего в тупик как обычного читателя, так и тех, в задачу кого входит расширение диапазона наших знаний.

Мы не собираемся заниматься народами каменного и бронзового периодов; не то чтобы реликвии их времени представляли меньший интерес, но, начиная со времен железоделателей, которые, как мы предполагаем, в общих чертах идентичны отступлению римлян за Альпы и господству северных народов в центре и на западе Европы, мы чувствуем, что перед нами уже стоит задача гораздо более масштабная, чем мы можем надеяться выполнить, к удовлетворению наших читателей или к нашему собственному. Если мы оставим многое несделанным, мы будем стараться, в том смысле, в каком мы это делаем, быть точными. Современная археология отличается от старого антикваризма особенно в том, что все, что она вносит в познание, должно быть скрупулезно достоверным. Монашеский хронист четырнадцатого века больше не считается авторитетом в делах двенадцатого; просвещенному Фруассару пятнадцатого века больше не разрешается снабжать нас портретами Черного принца или костюмами Дюгесклена. Наши картины больше не копии копий; они также не являются простыми *версиями* старого искусства. У нас должна быть строка за строкой, точка за точкой. Это важно по двум причинам: мы избавлены от опасности любого неправильного толкования исторического факта и сохраняем в поле зрения характерные черты искусства рассматриваемого периода. Признавая важность этой практики, мы должны быть извинены за утверждение, что почти все иллюстрации к этому произведению были нарисованы автором; — когда по рукописям собрание и фолиант тома были тщательно записаны, чтобы можно было легко проверить правдивость копии; — после переноса рисунков на дерево они тщательно изучались, прежде чем гравёру разрешалось приступить к работе; и если, несмотря на все меры предосторожности, в конце концов вкрадывалась какая-нибудь досадная ошибка, ошибка всегда исправлялась новой гравировкой.

Главными свидетельствами военного снаряжения и обычаев тевтонских завоевателей Европы, начиная с периода распада Римской империи и заканчивая великими триумфами, достигнутыми норманнами в XI веке, являются писатели тех времен, миниатюры, украшающие их произведения, и могилы этих древних народов; последние за последние годы собрали удивительный урожай ценных памятников, иллюстрирующих как бытовые обычаи их обитателей, так и их воинственный облик. Если эти три класса памятников полезны для восполнения недостатков друг друга, то еще более ценными они становятся для археолога и историка благодаря тому подтверждению, которое они взаимно предоставляют свидетельствам друг друга. Действительно, иногда возникают некоторые расхождения в мельчайших деталях; и обычно они обнаруживаются на страницах историков и хронистов; но когда мы рассматриваем трудность передачи знаний в те дни и ошибки, которые могли возникнуть из-за небрежности переписчиков книг на протяжении стольких поколений подряд, удивительно не то, что что-то осталось неясным, а то, что так много было точно передано до наших дней.

Различные сыны Одина, независимо от того, поселились ли они в Германии, Галлии, Иберии, Скандинавии или Британии, имели большое сходство друг с другом как в своем военном снаряжении, так и в той тактике, которой они владели. Если мы обнаружим, что какая-либо ветвь этой обширной семьи сражается с римлянами с большим, чем обычно, искусством или ведет кампанию с более широкими стратегическими взглядами, чем их собратья, мы должны приписать это скорее превосходящему мастерству конкретного вождя или тому, что они позаимствовали некоторые ценные советы из практики своих противников, чем какому—либо существенному различию между тем или иным племенем германцев, — между жителями правого берега Рейна и жителями левого берега, — между теми, чьи хижины стояли на равнинах Ваала, и теми, кто построил свои хижины в долинах Луары. На те различия, которые были замечены, мы

укажем в ходе нашей работы; но мы склонны полагать, что по мере увеличения коллекций и расширения масштабов сравнений сходство будет возрастать, а различия уменьшаться.

Среди авторов, которые предоставляют нам информацию о древнем оружии и способах ведения войны той ветви тевтонской семьи, которая получила название франков, есть трое, чьи свидетельства представляют для нас особую ценность; и мы должны еще раз отметить, что то, что было особенно верно в отношении франков, было в целом верно и в отношении англосаксов и всех родственных племен, которые пересекли Европу в качестве завоевателей. Эти три автора — Сидоний Аполлинарий, епископ Оверни, который в пятом веке написал свой панегирик императору Майориану; Прокопий, секретарь Велисария, живший в шестом веке и бывший очевидцем фактов, которые он описывает; и Агафий, греческий историк, достигший расцвета в седьмом веке. "Франки, - говорит Сидоний, описывая поражение их короля Клодиона от римского полководца Аэция, - высокорослый народ, одетый в одежды, которые плотно облегают их фигуру. Пояс (*балтеус*) опоясывает их талию. Они с огромной силой метают свои топоры (*двуручники*) и копья (*хасты*), никогда не промахиваясь мимо цели. Они умело управляются со своими щитами и бросаются на врага с такой скоростью, что, кажется, летят быстрее, чем их дротики (*хасты*). Они приучают себя к войне с самых ранних лет, и если их одолевает множество врагов, они встречают свой конец без страха. Даже после смерти их черты сохраняют выражение неукротимой доблести:

'Invicti perstant, animoque supersunt
Jam propè post animam.'"

Прокопий, описывая поход франков в Италию в VI веке, говорит нам: "Среди ста тысяч человек, которых король (Теодоберт I) привел в Италию, было всего несколько всадников, и их он держал при себе. Только эта кавалерия была вооружена копьями (*hastas*). Остальные были пехотинцами, у которых не было ни копья, ни лука (*non arcu, non hastâ armati*), все их вооружение состояло из меча, топора и щита. Лезвие топора было большим, рукоятка деревянной и очень короткой. По данному сигналу они выступают вперед; при приближении к вражеским рядам они обрушивают свои топоры на щиты врага, которые таким образом разбиваются; и затем, прыгнув на врага, они довершают его уничтожение мечом[3]."

Агафий в седьмом веке пишет: "Оружие франков очень грубое; они не носят ни доспехов, ни поножей, их ноги защищены перевязями из льна или кожи. У них мало кавалерии, но их пехота искусна и хорошо дисциплинирована. Они носят свои мечи на левом бедре и вооружены щитами. Лук и Праща не используются среди них, но они несут двойные топоры (*τελέεις ἀμφιτόμοις*,) и колющие копья (*ῥυῖνας*). Эти копья средней длины они используют либо для колющих ударов, либо для метания. Шесты у них сделаны из железа, так что непокрытой древесины остается очень мало[4]. Головка имеет два выступа, выступающих вниз до самого стержня. В битве они бросают во врага это копьё, которое так прочно вонзается в плоть двумя зазубринами, что его невозможно вытащить; его также нельзя высвободить, если оно проткнет щит, ибо железо, которым покрыто древко, не позволяет противнику избавиться от него с помощью своего меча. В этот момент франк бросается вперед, ставит ногу на древко копья, пока оно волочится по земле, и, лишив таким образом противника защиты, разрубает ему череп своим топором или пронзает вторым копьем[5]."

Здесь мы видим, что обычным вооружением франков в то время были топор, меч, копье двух видов и щит. Солдаты в целом не носят бронежилетов; и главный прием нападающего - лишить своего противника помощи щита, чтобы никакое препятствие не стояло между его мускулистой рукой и смертью. Количество кавалерии невелико, и те немногие всадники, которые встречаются, скорее служат личной охраной принца, чем составной частью армии. Приведенные выше свидетельства подтверждаются не только содержимым тевтонских могил, но и другими отрывками древних авторов. Григорий Турский в шестом веке сообщает нам, что Хлодвиг, проводя смотр своим войскам вскоре после битвы при Суассоне, сделал выговор неряшливому солдату, сказав ему: "Здесь нет никого, чье оружие содержалось бы в таком плохом состоянии, как твое: ни твое копье (*хаста*), ни твой меч (*гладиус*), ни твой топор (*бипеннис*) не годятся для службы[6]." Этот автор добавляет новое оружие к снаряжению франкского солдата, в чем его в равной степени подтверждают свидетельства из могил. По его словам, у них также был кинжал, который носили на поясе. Тацит еще во втором веке с большой точностью описывает копье-дротик, названный Агафием. The whole passage is so curiously illustrative of our subject, that we venture to quote it:—"Rari gladiis, aut majoribus lanceis utuntur, hastas, vel ipsorum vocabuloframeas, gerunt, angusto et brevi ferro, sed ita acri et ad usum habili ut eodem telo, prout ratio poscit, vel cominùs vel eminùs pugnent: et eques quidem scuto frameaque contentus est: pedites et missilia spargunt, pluraque singuli, atque in immensum vibrant, nudi aut sagulo leves, nulla cultus jactatio: scuta tantum lectissimis coloribus distinguunt: paucis loricae, vix uni alterive cassis aut galea."—(*Germania*.)

В долгом и ожесточенном противостоянии между Севером и Югом, — между суровым готом и утонченным римлянином, — не могло не случиться так, что ловкий военачальник более грубого войска воспользовался бы большим мастерством своих противников; что каждая кампания научила бы какому-нибудь новому строю, что каждое сражение выявило бы какую-нибудь полезную стратегию: оружие было бы усовершенствовано, обогатилось и расширилось в своем разнообразии; защитные доспехи вождей распространились бы и на их подчиненных; в то время как вожди, чтобы сохранить свое отличие, были бы вынуждены сделать свои доспехи более великолепными и более дорогостоящими. . Таким образом, в поэмах и хрониках этого более позднего времени мы находим постоянные упоминания о богатом оружии и доспехах; и особенно в капитуляриях Карла Великого мы получаем представление об усовершенствованиях в ведении войны на севере. "Пусть каждый считает, - приказывает император, - будь осторожен, чтобы войска, которые он должен повести в бой, были полностью экипированы; чтобы у них были копье, щит, лук с двумя тетивами и двенадцатью стрелами, шлем и гербовая накидка"[7]. Здесь мы видим, как солдаты добавляют к своему оборонительному вооружению каски и лорики, а к наступательному - лук и стрелы. Снаряжение самого Карла Великого дошло до нас в современном описании монаха из Сен-Галла. Голова монарха была вооружена железным шлемом, — "его железная грудь и мраморные плечи были защищены железной кирасой". Его руки и ноги также были покрыты доспехами, из которых, по-видимому, были сделаны доспехи джазеранта -работы, столь популярной в более поздний период: "soxarum exteriora: в eo ferreis ambiebantur bracteolis"[8]. Сторонники принца, добавляет его биограф, были защищены подобным же образом, за исключением того, что они обошлись без киссар, которые были неудобны при езде верхом.

Доля кавалерии продолжала увеличиваться, как мы ясно видим из этой фразы в капитулярии Шарля ле Шова: "На страницах франции живут кабальеро, а не хозяева, cum suis comitibus in

hostem pergant". Судя по оговорке "aut habere possunt", представляется очевидным, что ожидалось определенные усилия для расширения этой силы.

При Хлодвиге и его непосредственных преемниках (шестой век) франкская армия, по-видимому, была довольно строго ограничена этой расой. Но позже бургунды, затем германцы и, наконец, сами галлы были приняты на службу. Войска были набраны в различных провинциях и носили их названия: андегави, битуричи, номаничи, пиктави. Их лидерами были король, герцоги и графы. Церковные земли были обязаны предоставлять им контингент вооруженных людей.

Льготниками были очень молодые, старые, больные[9] и новобрачные сроком на один год[10]. Провинции снабжали не только воинов, но и их оружие, одежду и запасы продовольствия. "Мы приказываем, - гласит другой из капитуляриев Карла Великого, - чтобы, согласно древнему обычаю, каждый мужчина в своей провинции обеспечивал себя продовольствием на три месяца и оружием и одеждой на полгода"[11]. Из этого приказа можно сделать вывод, что в течение последних трех месяцев принц полагался на обеспечение жизнедеятельности своих войск, руководствуясь максимой, всегда столь популярной у победителей, что война должна вестись для поддержания войны.

В Англии тевтонские авантюристы, когда в результате многих жестоких сражений они укрепили свои позиции и благодаря союзу многих племен объединились в большое и могущественное сообщество, по-видимому, разделили свое общество на два класса: Eorl, или благородных, и Seorl, или свободных людей. "До времен Канута, - замечает м-р Кембл, - олдермен, или герцог, был лидером отряда комитатус, или леви en masse, а также его собственных последователей"[12]. Единственными высшими сановниками были король и архиепископ. Подчиненные командовали королевскими офицерами, которые возглавляли дворян и их вассалов; офицерами епископов или аббатов, которые возглавляли вассалов Церкви; и шерифами, которые руководили отрядом комитатус[13]. До нас не дошло никаких точных сведений об одежде олдермена, но он, вероятно, носил бех, или кольцо, на голове, фетель, или расшитый пояс, и золотую рукоять, которая, по-видимому, была характерна для благородного сословия. Посох и меч, вероятно, носились им как символы его гражданской и уголовной юрисдикции[14]. Но новая конституция, введенная Канутом, низвела олдермена до подчиненного положения. Над несколькими графствами теперь был поставлен один эрл (в северном смысле - ярл) с властью, аналогичной власти франкских герцогов. Король правит через своих графов и хускарлов, а олдермены исчезают из графств. Постепенно это старое название вообще исчезает, за исключением городов, где оно обозначает низшую судебную систему, как и у нас в наши дни[15].

The хускарласы были своего рода домашним войском, численность которого по разным оценкам составляла от трех до шести тысяч человек. Они были сформированы по модели более ранних комитетов, но, вероятно, не были организованы как регулярные силы до времен Канута. Для этого принца, жившего среди покоренного и беспокойного народа, содержание такого отряда, всегда хорошо вооруженного и готового к бою, было первоочередной необходимостью. Их оружием были топор, алебарда и меч; последний был инкрустирован золотом. Из сочетания имен свидетелей хартии середины одиннадцатого века мы можем сделать вывод, что stealleras, или маршалы, были командирами хускарлас[16]. В подражание королю, знатные люди окружили себя телохранителями хускарласа, и они продолжали существовать как королевское учреждение после завоевания.

Подобно своим предкам, древним германцам, о которых Тацит говорит нам: "nihil neque publicæ neque privatæ rei nisi armati agunt", англосаксонский свободный человек всегда ходил вооруженным; обстоятельство, однако, доказывающее не столько степень его свободы, сколько малочисленность его цивилизации. Древние египтяне, напротив, всегда ходили без оружия; а в "*Sage о христианском мире*" мы читаем, что среди исландцев около 1139 года безопасность была настолько велика, что "мужчины больше не носили оружия на публичных собраниях, и что на судебных собраниях едва ли можно было увидеть больше одного шлема"[17].

О способах постройки кораблей у англосаксов мы узнаем из записи в "Саксонской хронике" под 1008 годом: "В этом году король приказал, чтобы корабли были быстро построены по всей стране; а именно: из трехсот шкур и из десяти шкур - одно судно; и из восьми шкур — шлем и герб".

В особых случаях военные корабли, по-видимому, украшались очень дорого; как мы можем заключить из подарка графа Годвина Хардекануту, описанного Уильямом Малмсберийским: "Хардеканут сердито посмотрел на Годвина, и граф был вынужден оправдаться клятвой. Но в надежде полностью вернуть благосклонность короля он добавил к своей клятве подарок самого богатого и красивого вида. Это был корабль с золотым клювом, на борту которого находилось восемьдесят солдат, носивших по два браслета на каждой руке, каждый весом в шестнадцать унций золота. На них были позолоченные шлемы; в правой руке они держали железное копье; на левом плече у них был датский топор; одним словом, они были вооружены таким оружием, что величие, соперничающее с ужасом, могло скрыть сталь под золотом"[18].

О военной системе датчан в их собственной стране и их скандинавских братьев можно судить из того, что мы рассказали о переменах, произведенных в Англии королем Канутом. По законам Гулы, которые, как говорят, были первоначально установлены королем Хаконом Добрым в 940 году, любой, кто обладал суммой в шесть марок, помимо своей одежды, должен был снабдить себя красным щитом из двух досок толщиной (*туибырдинг*), копьем, топором или мечом. Тому, кто стоил двенадцать марок, было приказано дополнительно приобрести стальной колпак (*stál-hufu*); в то время как тот, кто стоил восемнадцать марок, был обязан иметь двойной красный щит, шлем, нагрудный знак или гамбезон (*brynju* или *panzar*) и все обычное оружие (*folkvopn*).

Италия, всегда являвшаяся театром самых кровопролитных войн, раздираемая и опустошаемая войсками папы и императора, и ее собственными гражданами, сражающимися друг с другом; захваченная соседями—варварами — венграми на севере и сарацинами на юге, - представляла собой смесь воинственных обычаев и военного снаряжения, в которой Восток и Запад, Север и Юг смешались таким образом, что придавали всей стране вид обширного военного маскарада; *запутанность*, которую в наше время было бы бесполезной попыткой разложить на исходные элементы. В XI веке консулы городов, унаследовав функции, которыми пользовались герцоги и графы, командовали войсками своих соответствующих округов и шли во главе их, независимо от того, предпринималась ли экспедиция под знаменем императора или в результате личных разногласий между двумя соперничающими городами. Силы, задействованные в этих службах, ничем не отличались от сил западной Европы; сила войска состояла из тяжеловооруженных рыцарей с копьями и мишенями, в то время как общинные рекруты сражались тем оружием, которым они могли лучше всего владеть или которое легче всего было достать. Венгры, которые наводнили страну до Тибра на севере, и сарацины, которые опустошали земли к югу от этой реки, действовали небольшими отрядами легкой кавалерии, компенсируя быстротой своих

передвижений меньшую прочность своего вооружения. До набегов этих мародеров итальянские города были открыты; но их набеги в конце концов (то есть примерно в конце IX века) заставили горожан возвести стены, организовать общинное ополчение для защиты своих домов и поставить офицеров, отобранных из их собственного состава, во главе своих маленьких армий.

С самых ранних времен и почти на протяжении всего средневековья духовенство время от времени принимало участие в военных предприятиях; возможно, одной из главных причин этого было то, что, лично возглавляя свой контингент, они спасались от поборов и капризов вице-королевства. Их присутствие в битвах и осадах подтверждается не только прямыми свидетельствами современных авторов, но и запретами, которые время от времени издавались против этой практики. От Григория Турского мы узнаем, что при осаде Комменжа бургундским монархом епископ Гапский часто появлялся среди защитников города, швыряя камни со стен в нападавших. Гуго, аббат Сен-Кантена, сын Карла Великого, был убит под Тулузой вместе с аббатом Ферьера; и в то же время два епископа были взяты в плен. В Саксонской хронике под 1056 годом говорится: "Леофгар был назначен епископом. Он был священником мессы у Гарольда графа. Он носил свой рюкзак во время своего священства, пока не стал епископом. Он оставил свой мир и крест, свое призрачное оружие и после своего епископства взялся за копье и меч; и так отправился на поле боя против Гриффина, короля Уэльса: и там был убит он и его священники с ним. На Эстинском соборе 743 года запрещено "всем, кто находится на службе Церкви, носить оружие и сражаться, и никто не должен сопровождать армию, кроме тех, кто назначен служить мессу, выслушивать исповеди и нести мощи святых". Суассонский собор 744 года зафиксировал аналогичный запрет в отношении аббатов: "Abbates legitimi hostem non faciant, nisi tantum homines eorum transmittant". Капитулярии Карла Великого содержат аналогичные постановления: священникам запрещается сражаться "даже с язычниками". Англосаксонские священнослужители, по-видимому, были не менее воинственны, чем их соседи; и м—р Кембл резюмирует эту часть вопроса следующими словами: "Хотя вполне вероятно, что *герофа* епископа был вынужден возглавить свой контингент под командованием олдермена, все же у нас есть достаточно доказательств того, что сами прелаты не придерживались своего положения, которое освобождало бы их от участия в справедливой и законной защите своей страны и религии от чужеземных и языческих захватчиков. Слишком многие погибли в конфликте, чтобы мы могли приписать их присутствие на поле боя просто их беспокойству о том, чтобы воюющие стороны не остались без должных религиозных утешений; а в других случаях, при тревоге о враждебных вторжениях, мы обнаруживаем, что рекруты, как утверждается, были направлены против врага герцогом и епископом округа[19]."

Если были церковники, которых было трудно удержать от драк и набегов, то, с другой стороны, были миряне, которые стремились избежать службы, надев рясу. Капитулярий Карла Великого был необходим, чтобы помешать некоторым "свободным людям" стать священниками или монахами, чтобы избежать военных обязанностей, связанных с их должностью[20].

Кажется, что матроны Севера время от времени принимали участие в защите своей страны. Вильгельм Жюмьезский, описывая сопротивление норманнов нападению англичан в 1000 году, пишет: "Sed et fminminæ pugnatrices, robustissimos quosque hostium vectibus hydriarum suarum excerebrantes". Уэйс, заметив то же самое событие, говорит:—

"Старые и старые корни,
О людях, о машинах, о мачах,
Эскортировки и переделки"[21]:
О жизни фери апарейлес".

И английские моряки, вернувшись после поражения своих солдат, сами описывают их как...

"Гран-вье дешев,
Ки, похожая на фамилию Десве"[22]."

Как мы уже видели, тактика северных народов была в значительной степени заимствована у римлян. Еще во времена Тацита германцы располагали свои войска в формес *cuneus*, или клина: "*Acies per cuneos componitur*". — (*Германия*.) А в рассказе Агафия о битве при Казилинусе в 553 году нам сказано, что клин все еще был схемой, принятой для центрального подразделения франкской армии, в то время как остальные были выстроены в два крыла[23].

Когда отряду пехоты приходилось сражаться с армией, в которой было задействовано много конницы, они стремились сомкнутыми рядами и выгодной позицией получить преимущество над своим врагом. Таков был план англичан при Гастингсе. Перед ними была траншея, —

"En la champaigne out un fossé"—*Wace, Roman de Rou*.

За которым, как говорит *Кармен де белло Хастингенси*, —

"*Anglorum stat fixa solo densissima turba*."—v. 451.

И Генрих Хантингдонский: "*quasi castellum, непробиваемый норманнис*". И снова, Малмсбери: "Все были пешими, вооруженными боевыми топорами; и, прикрываясь спереди щитами, они образовали непроницаемый строй, который обеспечил бы им безопасность в тот день, если бы норманны притворным бегством не вынудили их разомкнуть свои ряды, которые до того времени, *согласно их обычаю*, были тесно спрессованы"[24]."

Еще в середине XI века была предпринята попытка ознакомить англосаксов с конным способом ведения войны их соседей, норманнов. В 1055 году чужеземный капитан гарнизона Херефорда Раульф приказал англичанам служить верхом; что, по словам хрониста, противоречило их обычаю: "*Anglos contra morem in equis pugnare jussit*"[25]."

Знамена в прежние времена, святые реликвии в более поздние ценились выше всего из-за уверенности в победе. Древние германцы, как мы узнаем от Цезаря, советовались со своими матронами относительно удачного для них часа для вступления в битву и не продвигались вперед, пока луна не стала благоприятной[26]. В битве при Казилинусе, как уже отмечалось, некоторые германские вспомогательные силы франков не пожелали вступать в бой, потому что их авгуры объявили момент неблагоприятным[27]. Григорий Турский отмечает обычай христианских королей Франции искать счастливого предзнаменования в церковных службах; и рассказывает, что Хлодвиг, прибыв в Турень со своим походом против Алариха, послал своих слуг в церковь, где было захоронено тело святого Мартина, чтобы узнать, какие слова следует

произнести при их вступлении в священные стены. Удовлетворение короля было чрезвычайным, когда придворные сообщили о отрывке из восемнадцатого псалма: "Ты доблестен в войне со мной, противоборствующий субъект[28]".

"Счастливым днем" Гарольда была суббота, и поэтому он решил помериться силами с герцогом Уильямом. В субботу у него был день рождения, и мать часто уверяла его, что проекты, начатые в этот день, принесут ему удачу:—

"Герт, отстань от Меня, -
За помощь Самеди,
За то, что ты Самеди наски.
Ma mere dire me soleit
Ke à cel jor bien m'aveindreit."
Rom. de Rou, l. 13054.

Святые мощи несли в процессии, чтобы обеспечить успешную экспедицию, или носили при себе воина, или заключали в феретори и устанавливали на поле битвы. Папа Григорий Великий включил в число подарков, которые он отправил Хильдеберту II, определенные реликвии, которые, если носить их на шее в бою, защитят его от любого вреда: "quæ collo suspensæ a malis omnibus vos tueantur"[29]." Когда Ролло, герцог Нормандии, осадил Шартр, епископ собрал духовенство и народ, и...

"Traist horz entre sis mainz, d'une châsse ù el fu,
La kemise à la Virge.

Реликвии от первого пальца корца сайнса до последнего следа,
Филатьеры, семенники и алтари Сентюаров[30]:
Не лессия круа, не шассе, не галис[31] в обычном режиме.

Li Eveske meisme porta por gonfanon
Li plus chières reliques par la procession."

Эффект всего этого на Ролло был самым поразительным: —

"Сколько времени ты даруешь джентльмену взѣ, си эн эсбахи"
О процессии в Шартре:
О предзнаменованиях святых, и о кантах мертвых;
О Святой Кемизе и Даме вести,
О Верности фу-
Ни оса арестована, верность несется[32] продолжай в том же духе;

Иди, кроме того, отвлекись, верь в себя.

Я здесь, чтобы восстановить силы, и я здесь, чтобы спасти гари". —

Роман о Ру, том i, стр. 81.

Вильгельм Завоеватель и его бароны, желая, чтобы ветер вторгся в Англию, обратились к монахам Святого Валерия; и...

"--доктор ли ковент прейе,

Она же шасс Сен-Валери,

ошибается в роли чамса сор ун тапи.

Кто-то из святых не знает, что такое

Что такое долг перед прохожим:

Могу ли я узнать, что предлагают отрицатели,

Тот, кто знает, что такое тайна.

Император чел—жор, как и бримент,

или в хорошем настроении[33] с уважением".-*Rom. de Rou*, ii. 146.

Но самое любопытное скопление этих "святых" было на поле битвы при Гастингсе, где у герцога Вильгельма был переносной алтарь с различными мощами святых и мучеников, другие реликвии были подвешены у него на шее; в то время как перед ним несли священный штандарт, благословенный Папой, а на его палец было надето кольцо (также присланное "апостолом"), в которое был вставлен, по некоторым свидетельствам, один из волос святого Петра; по другим — один из его зубов[34]:-

"L'Apостоile (li otréia,)

Un gonfanon li envéia;

Un gonfanon et un anel

Mult precios è riche è bel:

Si come il dit, de soz la pierre

Aveit un des cheveux Saint Pierre."

Или, следуя другой рукописи *Романа де Ру*, —

"——de soz la pierre

Aveit une des denz Saint Pierre."

В те дни, когда столкновение армий не сопровождалось громом пушек, когда беззвучный полет стрелы, жужжание камня для пращи или свист дротика были всем, что предшествовало рукопашному бою, немалое значение придавалось различным боевым кличам противостоящих вождей. И не только боевые кличи, но даже песни использовались для ободрения нападающих или устрашения врага; примером тому является "Песнь о Роланде", исполненная Тайлефером на поле Гастингса, которая остается в памяти каждого читателя. Снорро в "Хеймскрингле" сохранил фрагмент импровизированных куплетов, спетых Гарольдом Харфагаром, когда он верхом на своем черном коне проезжал вдоль строя своих войск перед битвой при Стэнфорд-Бридж[35]. Язычники—северяне зывали к своим божествам - практика, которая продолжалась,

согласно хронике Уэйса, до середины одиннадцатого века; ибо о Рауле Тессоне в битве при Валь-де—Дюн он пишет:

"Джентльменское дело сделано для эмми"[36]

Пойнт ли шеваль, криант *Тур эйе*[37]

Cil de France crient *Montjoie*.

Willame crie *Dex aïe*:

C'est l'enseigne de Normendie.

Прошу прощения за гранта пуара,

Святой Север, сир Святой Севуар.

E Dam As Denz[38] в.А. рекламат,

Saint Amant, Sire Saint Amant."

Rom. de Rou."

В битве между Лотарем, королем Франции, и Ричардом I., герцогом Нормандии,—

"Franceiz crient *Monjoe*, è Normanx *Dex aïe*:

Flamenx crient *Asraz* è Angevin *Valie*:

E li Quens Thibaut *Chartres et passe avant* crie."—

Ibid., i. 238.

На поле битвы при Гастингсе англичане...

"Оликросс совент криоент,

Э *Годемит* рекламат.

Оликросс есть в Англии,

Как Сент—Крус есть во Франции;

Эта *годемитка* альтретант

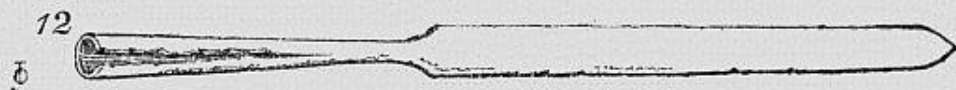
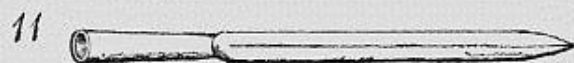
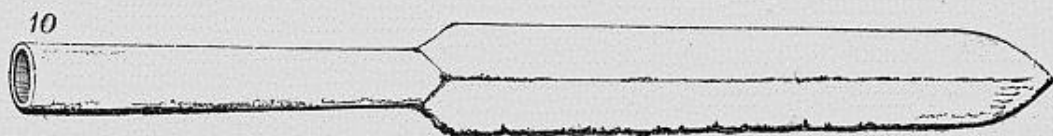
Во Франции сильнее всех". -*Там же.*, ii. 213.

Чтобы завершить наш рассказ об англосаксонском воине, мы можем добавить, что он носил и бороду, и усы, ни то, ни другое не было в моде у солдат герцога Вильгельма. Уэйс не упустил этот момент. Норманны—

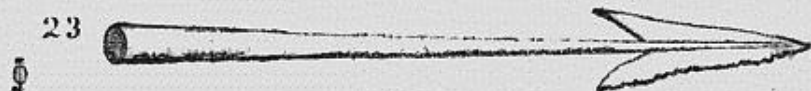
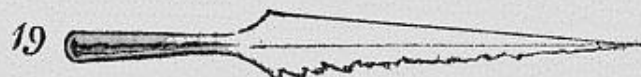
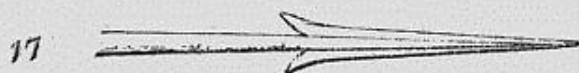
"Не моя барби в герноне"[39],

в Эро, по соседству с эйвонсом".—*Rom. de Rou*, ii. 174.[40]

Давайте теперь рассмотрим немного подробнее наступательное и оборонительное вооружение различных северных племен, на военные институты и практику которых мы бросили столь беглый взгляд.



Табличка II.



Табличка III.

Копья, по-видимому, были двух видов: более длинные, имевшие хождение в кавалерии или применявшиеся против нее; и более короткие, которые, как мы видели, могли служить либо как дротик, либо для удара с близкого расстояния. В сопутствующих группах наконечников копий, найденных в могилах в разных частях Европы, мы собрали основные разновидности формы[41]: листовидные, ромбовидные, шиповидные, заостренные и с четырьмя лезвиями. Эти формы бесконечно разнообразны в памятниках того времени, придавая оружию большую или меньшую ширину или гибкость. Лезвия всегда железные, а те, что встречаются в Англии, имеют продольное отверстие в гнезде. Их длина различна, но обычно они колеблются от десяти до пятнадцати дюймов. На кладбище в Литтл-Уилбрэхеме, Кембриджшир, самый маленький из найденных был два с половиной дюйма, самый длинный - восемнадцать дюймов[42]. На кладбище Озингелл (в графстве Кент) они достигают двадцати одного дюйма в длину[43]. Наконечники копий этого периода, найденные в Ирландии, мало чем отличаются от образцов, обнаруженных в Англии и на Континенте. Находки из Баллиндерри, замечает мистер Уэйкман, "удивительно похожи на образцы, найденные в Озингелле". В англосаксонских захоронениях копья встречаются в гораздо большем количестве, чем любое другое оружие. На кладбище в Литтл-Уилбрэхеме было найдено тридцать пять копий, но только четыре меча; а топоры, обнаруженные во всех подобных раскопках, являются еще большей редкостью. Эти обычные типы наконечников копий, найденные в Великобритании, очень похожи на те, что были обнаружены в захоронениях Франции, Германии, Дании и Швейцарии. Многочисленные примеры их можно найти в работе аббата Коше[44], на кладбище Зельцен в Линденшмите[45], в работе Ворсае Копенгагенский музей[46], и в *гробнице Труайона в Бель-Эре*.

Одна из первых вещей, которая поражает изучающего при просмотре иллюстрированных рукописей англосаксов и сравнении их изображений с реликвиями, извлеченными из могил, - это большая частота изображения зазубренного копья или *ангона*, и его крайняя редкость в реальных примерах. Мы уже видели из описания Агафия, что это оружие с устрашающим эффектом использовалось франками в седьмом веке; и постоянное появление его на пергаментных рисунках более позднего времени не оставляет нам места для сомнений в том, что это была знакомая форма нашим тевтонским предкам. И все же его появление в могилах - величайшая редкость. Мы привели в нашей таблице копий рисунок17, образец копья с зазубринами, составляющий часть коллекции Фоссетта и найденный в 1772 году в могиле на Сиббертсволд-Даун, в графстве Кент. Его длина составляет одиннадцать дюймов. Рисунок23 на той же табличке взят из статьи мистера Уайли в "Археологии" (том xxxv); железный оригинал длиной шестнадцать дюймов был найден в норвежском кургане. Мистер Уайли также выгравировал другой образец, хранящийся в *Музее искусств* в Париже, который, как говорят, был извлечен из могилы Меровингов. На работе аббата Коше (Фото xvi) изображен другой образец из могилы в Энвермеу, длина которого составляет пять дюймов; шипы широко расходятся по бокам, точно на манер королевской "широкой стрелы". Несколько примеров приведены в Копенгагенском музее Ворсааэ, стр. 69; один из них отличается от остальных наличием шипа только с одной стороны, другая сторона имеет форму листа. Зазубренное копье или дротик также были найдены в Майнце, Дармштадте и Висбадене[47]; но во всех случаях это встречается в очень малой пропорции к другому обнаруженному оружию.

Четырехгранный наконечник копья встречается еще большей редкостью. В могилах, вскрытых мистером Уайли в Фэрфорде, в Глостершире, было найдено одно из этих любопытных орудий;

которое мы скопировали из тома, описывающего эту находку[48], в нашей табличке с копьями, рис. 18. Он сделан из железа, шестнадцать с половиной дюймов в длину и два дюйма в поперечнике в самой широкой части. "Это напоминает, - замечает мистер Уайли, - копье Торольфа из "Саги Эйгила": "Cujus ferrum duas ulnas longum, in mucronem *quatuor acies habentem*, десинебат". Это четырехлезвийное оружие высочайшей древности;-сравните оружие египтян, изображенное и описанное в работе сэра Гарднера Уилкинсона[49].

Другая разновидность, найденная в Дувренде и представленная на странице 283 *La Normandie Souterraine*, имеет лезвие в форме листа с загнутыми крючками на конце. Мистер Уайли привел этот пример в своей статье в *Archæologia* (том xxxv, стр. 48) и считает, что это оружие, названное Сидонием как составляющая часть снаряжения франкского воина: "*lanceis uncatīs, securibusque missilibus dextræ refertæ*". Четыре других экземпляра этого копья были найдены в долине реки Оулн[50].

Иногда наконечник копья формировался с двумя сторонами в разных плоскостях; как представляется, с целью придания оружию вращательного движения при использовании в качестве дротика. Два примера этой конструкции описаны и выгравированы в отчете о раскопках г-на Акермана в Харнхэм-Хилл, недалеко от Солсбери[51].

Наконечник копья обычно крепился к древку с помощью заклепок, проходящих через гнездо в древесине под ним. Иногда вместо гнезда у его основания имелся шип, который загонялся в древесину, как на одном из ливонских образцов, который сейчас находится в Британском музее и фигурирует в работе доктора Бера "*Гребень для жизни*". Иногда, опять же, к наконечнику копья с гнездом в месте соединения с древком добавлялась бронзовая или железная ферула, как в примере из музея мистера Рольфа в Сэндвиче, полученном из могил Озингелл и изображенном на нашей Табличкеii., рис. 6. В данном случае ферула была из бронзы. Одна железная была найдена на кладбище в Линтон-Хит, Кембриджшир (приведена в *Archæol. Журнал*, том xi. стр. 106). В иллюстрациях к рукописям наконечник копья англосаксов постоянно изображается с одной или несколькими перекладинами у основания лезвия. Железное копье с крестовиной аналогичной формы было найдено среди англосаксонских реликвий близ Ноттингема во время недавних раскопок и было добавлено к коллекции Тауэра. Это выгравировано в "Археологическом журнале", том. viii. стр. 425. Аналогичные примеры приведены в Иллюстрированном каталоге Музея мистера Роуча Смита, стр. 103.

Само древко, по-видимому, было в основном из ясеня. Куски дерева были найдены в Уилбрэхеме, Озингелле, Нортфлите и других местах. Некоторые из них из Нортфлита, изученные профессором Линдли и мистером Гирдвудом, были признаны, несомненно, пеплом[52]. Широкое использование этого дерева убедительно подтверждается несколькими отрывками из "Беовульфа", этой любопытной англосаксонской поэмы, которую, по совпадающему мнению лучших ученых Севера, относят к концу восьмого века:

"Сложенные вместе дротики были,
оружие моряков, из ясеневого дерева". —Строка 654.

И снова, строка 3535:—

"Так я, хринг-датчанин,
много лет
правил под небесами
и защищал их войной
от многих племен
по всей этой земле
с копьями и мечами".
(*Рак и экг.*)

В этом отрывке вместо самого копья используется *накипь*, ясень. мистер Роуч Смит собрал несколько других примеров подобного рода. "В Кэдмоне термин *эск-беренд*, или копыеносец, применяется к солдату". Во фрагменте поэтической "Истории Юдифи" мы встречаем "*эскплегу*", игру копьями, как поэтический термин, обозначающий битву. Итак, у нас есть *эск-бора*, копыеносец; а в "Экзотическом кодексе", *эск-стеде*, поле битвы. И снова, в "Беовульфе":—

"Элд эсквайр."
Какой-то старый воин с копьем[53].

В одиннадцатом веке мы снова находим упоминание о ясеневом копье. Роберт Экссский, описывая рыцарей, своих товарищей по Первому крестовому походу, говорит: "Поспешите к *фраксине* в манибус эорум ферро акутиссимо исправить солнце, квази великие дела"[54]. Аббат Коше, однако, описывает остатки древка копья, найденного в Энвермеу, как сделанного из дуба; почерневшего от возраста и чрезвычайной твердости[55].

Посохи иногда были богатыми и дорогостоящими. Герб англосаксонского вульфсига состоял из двух лошадей, одного шлема, одной кобылы, одного меча и копья, украшенного золотом[56].

Древки для копий, обнаруженные в могилах, обязательно были более короткого типа: длина всего оружия составляла около шести футов; этот факт легко установить, измерив расстояние от лезвия до железного башмака, где он был найден. Этот железный башмак обычно представляет собой полый шип, в который вставлялось дерево; как на "Могилах Фэрфорда", фото xi.; один из могил Нортфлита (показан в Журнале Археологической ассоциации, том iii.); и другой из коллекции Фоссетта, найденный в Эш-бай-Сандвич. Иногда это была пуговица, которую вбивали в древко с помощью гвоздя, торчащего из его центра. Пример этого сорта выгравирован в *Nenia Britannica* компании Douglas.

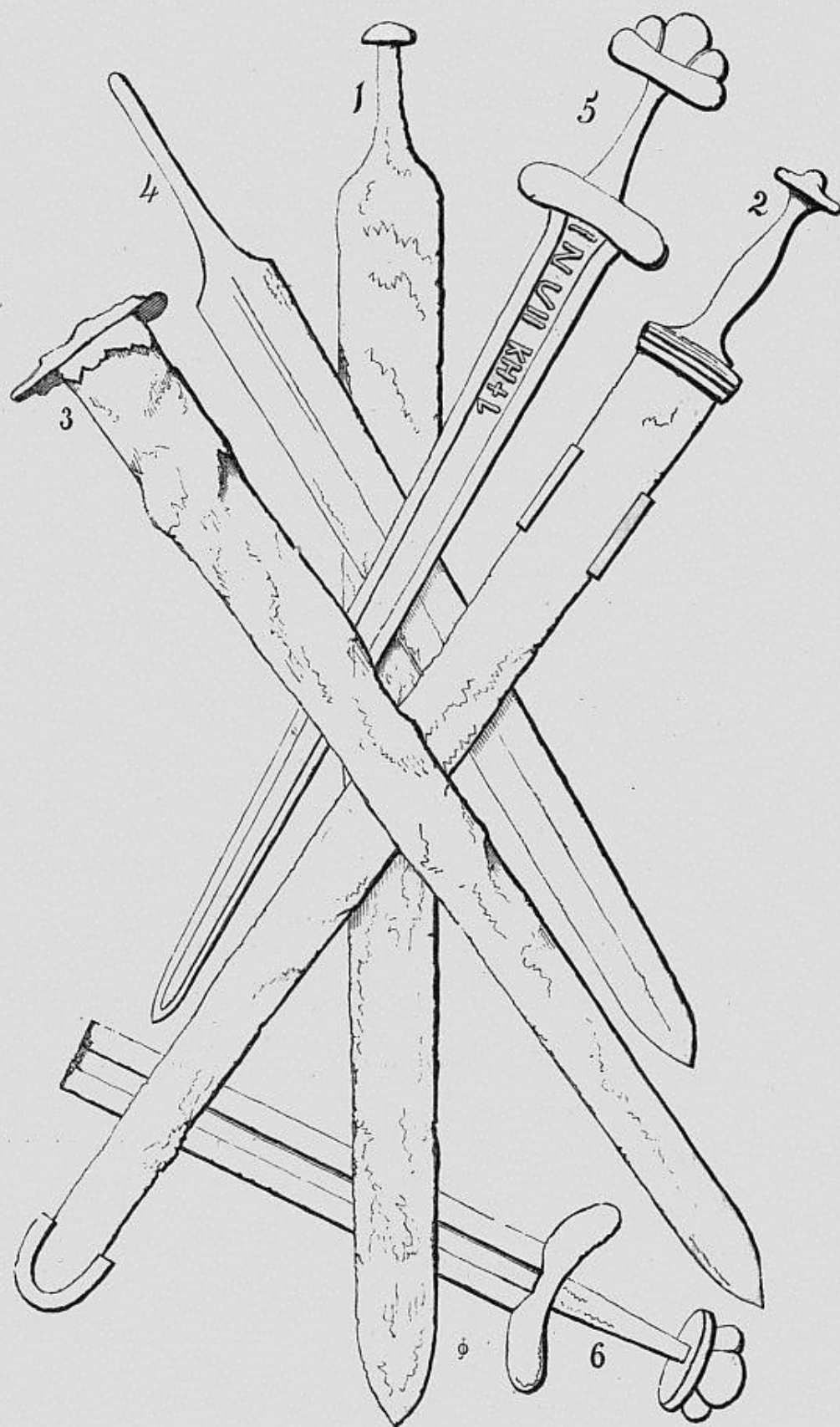
Те, кто пользовался более коротким копьем или дротиком, были снабжены несколькими из этих видов оружия, которые они последовательно метали во врага. В рукописи Harleian MS., № 603, лист 30,[57], можно увидеть копейщика, держащего три дротика с ромбовидными наконечниками. Парафраза Кэдмона ("Археология", том. xxiv. Табличка lv.) содержит фигуру, несущую три дротика с зазубринами (*angones*). В Харл. рукописи, 603, лист 56^b, у Ангела-Разрушителя есть три зазубренных копья, одно из которых изображено в полете, другое занесено в правой руке, готовое последовать за ним, в то время как третье удерживается в левой руке, чтобы быть использованным в свою очередь. Этот любопытный пример был приведен мистером Акерманом для иллюстрации его статьи "О некоторых видах оружия кельтских и тевтонских рас", в т. xxxiv. из археологии.

Вегетий (lib. i. c. 2) рассказывает нам, что в его время варвары были вооружены двумя или тремя дротиками - оружием, вышедшим из употребления у римлян. На гобелене из Байе изображены фигуры англосаксов, вооруженных тремя или четырьмя такими метательными снарядами. Даже в могилах этих людей копья иногда встречаются парами. Сэр Генри Драйден во время своих исследований в Марстон-Хилле, в Нортгемптоншире, встретился с двумя воинами, у каждого из которых было по два копья. И достопочтенный мистер Невилл нашел в Литтл-Уилбрэхеме, в Кембриджшире, еще один пример подобного рода. На Уилбрэхемском кладбище обнаружено еще одно любопытное употребление. Там, где использовалась кремация, в урнах в нескольких случаях были обнаружены наконечники копий (а также ножи). Королей, а также их последователей хоронили рядом со своим оружием. Найденный в гробнице Чилдерика наконечник копья в форме ромба выгравирован на *Милисе Франсуазе* отца Даниэля. Эта гробница была обнаружена в 1655 году, и найденное в ней оружие хранится в Императорской библиотеке в Париже[58].

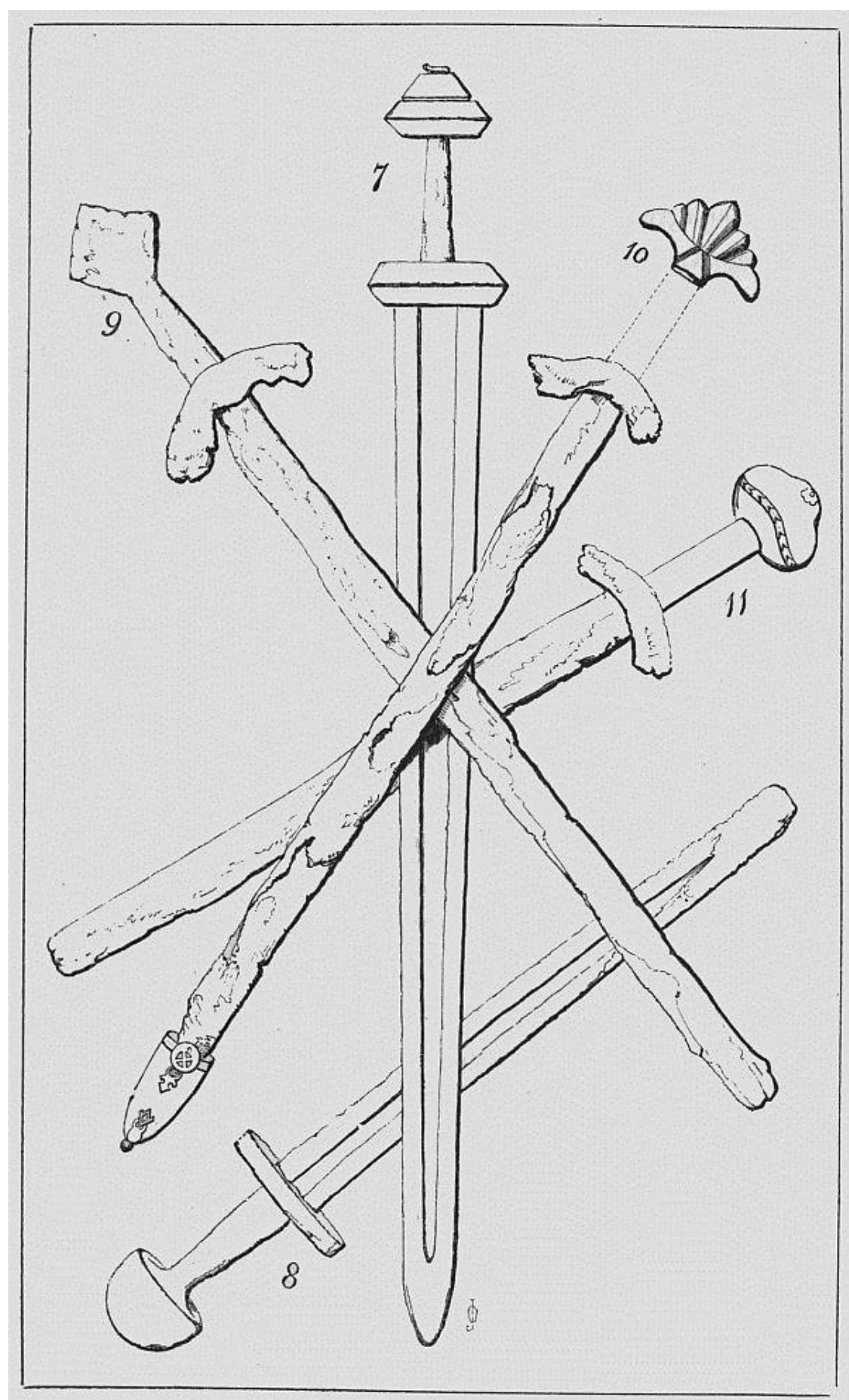
По-видимому, преобладал особый обычай, когда копье и топор клали в одну могилу. Копье в этом случае было перевернуто — острием к ногам воина. Примеры такой практики наблюдались в Нормандии, в Мондорфе и в Сельцене[59]. В Уилбрэхеме у ног были найдены наконечники копий[60].

Язычники-норманны стремились повысить ценность своего оружия, доверяя его изготовление кузнецам, обладавшим сверхъестественной силой. Обращенные в христианство немцы десятого века добились аналогичного результата, используя железо из реликвария. На коронации императора Оттона Великого в 961 году Вальперт, архиепископ Милана, председательствовал на торжественных мероприятиях: принц возложил на алтарь святого Амвросия все королевские знаки отличия: копье, наконечник которого был выкован из одного из гвоздей истинного креста, королевский меч, топор, пояс и королевскую мантию. После некоторых промежуточных церемоний он снова был вооружен оружием, которое было возложено на алтарь, и архиепископ возложил ему на голову железную корону Ломбардии[61].

Не менее интересным среди множества необычных предметов, обнаруженных аббатом Коше в ходе его исследований в Нормандии, является маленькая серебряная монета с портретом "un guerrier frank debout". В правой руке воин держит свое копье, в то время как в левой, кажется, держит хорошо известную в то время круглую мишень. Эта любопытная маленькая реликвия выгравирована на странице 359 *Normandie Souterraine*.



Табличка IV.



Табличка IV.

Мечи до-нормандского периода можно разделить на три класса: более ранний палаш без крестовины, прямой, обоюдоострый и заостренный; более поздний меч, похожий по форме на вышеупомянутый, но имеющий гарду или крестовину; и изогнутое оружие с вогнутым лезвием, называемое по-англосаксонски *seax*; *sica* классических времен. Первый из них стал нам знаком по многочисленным образцам, извлеченным из могил Франции, Германии, Швейцарии, Дании и Англии. Этот тип в точности согласуется с описанием, оставленным нам Сидонием Аполлинарием; который, описывая победу, одержанную франками над готами, приводит такой отрывок: "Alii hebetatorum cæde gladiatorum latera dentata pernumerant. Alii как правильно расставить точки над кругом лорикарума метиунтура[62]". На нашей табличке с мечами мы выгравировали рисунок 1 - прекрасный образец этого вида оружия, который был найден среди "Фэрфордских могил". Он почти трех футов в длину (обычный размер таких мечей), и когда его выкопали, на нем были фрагменты дерева и кожи, из которых когда-то были сделаны ножны, все еще прилипшие к железу. Другие примеры, обнаруженные в Англии, выгравированы в "Саксонских погребениях" мистера Невилла, "Языческом саксонстве" мистера Акермана и в отчете о кладбище Озингелл[63]. Немецкие образцы находятся на "Кладбище Зельцен", швейцарские - в *гробнице Бель-Эр*, датские - в "Копенгагенском музее", стр. 66, и франкские - в *La Normandie Souterraine*. Ирландские мечи короче, чем другие того времени, — не более тридцати дюймов, — как мы узнаем из исследований мистера Уэйкмана[64]. То, что этот меч раннего железного периода напоминал передний бронзовый меч из-за отсутствия крестовины, кажется очевидным из двух фактов. Во-первых, не обнаружено никаких подобных предметов (за исключением одного или двух отдельных случаев), сопровождающих оружие, обнаруженное в могилах; во-вторых, было отмечено, что во многих случаях, когда сохраняется древесина рукояти и ножен, они настолько плотно прилегают друг к другу, что не остается места для какого-либо промежуточного придатка.

Меч с крестовиной, по-видимому, относится к более позднему железному периоду. Когда реальные образцы находят в этой стране и в других, получивших раннее обращение в христианство, их обычно выкапывают из русел рек или находят среди старых фундаментов; хотя в государствах, где язычество господствовало дольше, их добывают из могил. Два очень ранних английских образца представлены в "Языческом саксонстве": один найден в Гилтоне, в Кенте, и сейчас находится в музее мистера Рольфа; другой найден в Кумби, в Кенте, и хранится в коллекции мистера Борехэма. Поперечина в этих примерах лишь незначительно выступает за края лезвия. Из образцов, приведенных на наших табличках, и из многочисленных изображений англосаксонских рукописей мы видим, что защита со временем стала гораздо более заметной чертой северной марки.

Третья разновидность англосаксонского меча, *seax*, которую мистер Кембл[65] определяет как "ensis quidam curvatus", по-видимому, является тем древним фракийским оружием, *sica*, которое среди римлян пользовалось такой низкой репутацией, что *sicarius* стало означать разбойника, или наемный убийца. Англосаксонский изогнутый меч никогда не появляется на их книжных рисунках и не был найден в их могилах. Но в Копенгагенском музее есть оружие, которое, кажется, в точности соответствует этому описанию Северного моря. Это выгравировано в книге г-на Ворсааэ "Иллюстрации Копенгагенского музея", стр. 97, рис. 384.

Рукоять более ранних мечей часто представляла собой простую рукоятку, как у наших ножей; иногда у нее было навершие. Более поздняя рукоять меча состояла из рукояти, навершия и крестовины. Рукоять, по-видимому, обычно была деревянной, и нет ничего необычного в том, что части этого дерева все еще сохранили острый след от тех мечей, которые были извлечены из могил. Часть такой рукояти, найденная в Нортфлите, в графстве Кент, была представлена на экспертизу профессору Линдли и была признана сосновой. Г-н Ворсае придерживается мнения, что у датских мечей рукоятка была покрыта "деревом, кожей, костью или рогом; которые, однако, в настоящее время употребляются"[66]. Г-н Уэйкман сообщает нам, что у некоторых древнеирландских железных мечей "была найдена рукоятка из кости". Обычно перекладина была прямой, но иногда она изгибалась к лезвию; как в Котт. рукописи Тиберия, С. vi. fol. 9; Клеопатра, VIII в., во многих местах; в том прекрасном мече, найденном в реке Уитэм и хранящемся в Британском музее; в мече, обнаруженном в кургане в Ланкашире (выгравированном в Archæol. Журнал, том vi, стр. 75); и в примерах, приведенных в нашем "Блюде с мечами", рис. 9, 10, 11, из Ливонской коллекции доктора Бера. Эти металлические крестовины часто, как и навершия, были богато украшены. Упомянутый выше образец из Витама имеет как навершие, так и гарду из железа, инкрустированную золотом и медью в виде ромбов. Наиболее распространенными формами навершия были трилистник, лапчатка, полусферическая, круглая и треугольная. К некоторым было добавлено маленькое кольцо, вероятно, для крепления узла для меча; как в примере, уже замеченном у Гилтона, и фигурирующем в "Языческом саксонии". Из других названных выше видов первые четыре постоянно встречаются на миниатюрах англосаксонских книг, и трудно понять, на каком основании мечи с листовидными навершиями, найденные в этой стране, так часто приписываются датчанам. Треугольное навершие встречается реже. На нашей табличке, рис. 7, мы приводим пример древнего норвежского меча, находящегося во владении доктора Турнума. Он полностью из железа, размером 3 фута 1½ дюйма. Меч похожей формы выгравирован в "Копенгагенском музее" Ворсае, стр. 97.

О том, что рукояти мечей иногда носили дорогостоящий характер, у нас есть совпадающие свидетельства древних хартий, поэтов, хронистов и захоронений. В поэтической Эдде записано, что Гуннар, *регул* из Германии, ответил посланнику Аттилы: "Семь сундуков наполнил я мечами; у каждого из них золотая рукоять: мое оружие чрезвычайно острое; мой лук достоин скамьи, которую он украшает; мои берны золотые; мой шлем и белый щит пришли из зала Киаров"[67]. Киарс был *регулом* из Галлии. В "Беовульфе" (строка 1338) "Великий принц" передает на хранение своему слуге "свой украшенный меч, самый дорогой из клинков" (*ирена киста*). И снова: "Сын Хилфдина подарил Беовульфу золотое знамя в награду за победу; сокровище с витой рукоятью, шлем и кольчугу, могучий ценный меч, который многие видели перед воином". (Строка 2033.) В строке 3228 у нас есть "рукоять, усыпанная драгоценностями", а далее (строка 3373) мы читаем о "мече, самом дорогом из железных изделий, с витой рукоятью, украшенной узорами, подобными змеям". В этом отрывке и меч, и сравнение любопытным образом иллюстрируют орнаментальное искусство англосаксов, из которого до нас дошло так много примеров. Документ начала десятого века, приведенный в книге м-ра Торпа "Англосаксонские законы"[68], проводящий различие между *eorl* и *seorl*, заявляет, что если последний "процветает настолько хорошо, что у него есть шлем, кольчуга и меч, украшенный золотом, если у него нет пяти шкур земли, он, несмотря на сеорл. Мы уже видели, что хускарлы Канута были вооружены "топорами, алебардами и мечами, инкрустированными золотом". Эгинхард рассказывает нам, что пояс Карла Великого был "из золота или серебра, а рукоять его

меча была сделана из золота и драгоценных камней". А о великолепной галере, снаряженной графом Годвином в подарок Хардикнату, нам рассказывают, что у воинов были "мечи с золотыми рукоятями".

Среди гериотов, перечисленных мистером Кемблом[69], меч Беортрика, около 962 года, включает меч стоимостью в восемьдесят манкуинов золота. А герцог Эльфхеах был обладателем другого такого же драгоценного предмета. В завещании принца Этельстана, датированном 1015 годом, назван "меч с серебряной рукоятью, который изготовил Вулфрик". Гийом де Жюмьеж и Дюдон де С. Кантен рассказывают нам, что Ричард Первый, герцог Нормандии, вознаграждал заслуги двух рыцарей, подарив каждому меч, золотая рукоять которого весила четыре фунта, и золотой браслет того же веса. В иллюминированных рукописях этого периода крепления мечей обычно окрашены в желтый цвет, что, вероятно, подразумевает золотую поверхность, будь то из тонких пластин этого металла или из позолоты. В коллекции Фоссета находится бронзовое навершие меча, богато позолоченное. Оправы другого меча, хранящегося в Британском музее, инкрустированы золотом. В распоряжении мистера Рольфа есть образцы как из позолоченной бронзы, так и из серебра. В Дании были найдены рукояти, "частично сделанные из серебра, или инкрустированные серебром, или с прикрепленными к ним золотыми цепочками[70]." Другие датские мечи были окружены золотыми цепями или покрыты пластинами из золота и серебра; также были обнаружены мечи с полностью серебряными рукоятями[71]. Цветные бусины, по-видимому, иногда входили в состав украшений англосаксонского меча. М-р Невилл отмечает в своем описании реликвий, найденных в Уилбрэхеме, что "огромная сине-белая перфорированная бусина сопровождала три из четырех мечей, вероятно, в качестве дополнения к рукояти или какой-либо части ножен". На листе XXI своего "Саксонского погребения" он изобразил две такие бусины: одна диаметром в дюйм и три четверти, другая - в дюйм с четвертью. Иногда на этом оружии появляются рунические или латинские надписи. В "Беовульфе" замечено такое использование:—

"Так было на поверхности
яркого золота,
с руническими буквами,
правильно обозначенными
, установлено и сказано,
для кого этот меч,
самый дорогой из металлов,
был впервые изготовлен". —*Строка 3373.*

Мистеру Рольфу посчастливилось стать обладателем рукояти меча, "отмеченной таким образом". Она серебряная и была найдена в Эш-бай-Сандвич. Руны занимают только одну сторону навершия, другая украшена зигзагообразными и треугольными орнаментами. Эта любопытная реликвия фигурировала в "Археологическом альбоме" "Языческий саксон" и в книге мистера Райта "Кельты, римляне и саксы". Профессор Томсен из Копенгагена сообщает автору этих страниц, что в Дании были найдены мечи позднейшего языческого периода с руническими надписями, образованными железными буквами, нанесенными на железное лезвие. В коллекции Башни можно увидеть меч несколько более позднего времени, в котором также демонстрируется этот любопытный прием - вставлять железные буквы в железный клинок. Среди мечей, найденных в Ирландии и приписываемых скандинавским поселенцам в

этой стране, встречаются надписи "латинскими буквами"[72]. В северных сагах часто упоминается, что мечи их героев были помечены рунами; и приведенные нами свидетельства имеют немалую ценность, демонстрируя правильность этих писаний в отношении обычных обычаев того времени.

Еще одно отличие было присвоено мечам великих героев Севера; они были удостоены особых имен. В "Саге о Вилькине" мы читаем о "мече по имени *Грамп*, лучшем из всех мечей", которым Сигурд убивает хитрого кузнеца Мимера; и снова об оружии по имени *Наглрингр*, добытом для Дитриха Бернского карликом Альприсом (ок. xvi.). Вермунд Мудрый вооружил своего сына Уффе клеймом *Скреп*, поскольку ничто другое не соответствовало его силе. То, что принадлежало Рольфу Краге, называлось *Skrofnung*. В "Беовульфе" (песнь XXI) у нас есть "нож с рукоятью по имени *Хрантинг*", —

"весам хефт-месе"
Хранящая нама;

чье "острие было железным, испачканным ядовитыми ветками, затвердевшими в запекшейся крови". И в песни xxvi того же стихотворения мы узнаем, что...

"*Нэглинг*, старый меч серого оттенка,
Ложный в бою, в щепки разлетелся".

Король Хакон Добрый, по словам Снорро, "опоясался своим мечом, который назывался *Куэрнбит*" (кусающий жернова). Торольф в "Саге об Эгиле" "был вооружен мечом по имени *Ланг*, легким и хорошим оружием". В "Саге Магнуса Барфота" (глава xxvi) король носил "самый острый меч, называемый *Леггбитр*, рукоять которого была сделана из зуба Росмара (моржа) и украшена золотом". Меч *Мимунг* ни на йоту не уступал ни одному из них. Он был выкован Веландом в ходе испытания мастерства с другим знаменитым оружейником по имени Амилиас. Сначала Виланд смастерил меч, которым перерезал лежащую на воде шерстяную нить. Но, не удовлетворившись этим, он заново выковал лезвие, которым затем прорезал весь клубок плавающей шерсти. Все еще недовольный, он снова пропустил его через огонь и, наконец, изготовил такое острое оружие, что оно раскололо целый пучок шерсти, плававший в воде. Амилиас, со своей стороны, выковал доспехи настолько к своему собственному удовольствию, что, усевшись на табурет, предложил Виланду испытать на нем свое оружие. Виланд подчинился, и, поскольку видимого эффекта не последовало, спросил Амилиаса, испытывает ли он какие-либо особые ощущения. Амилиас сказал, что у него было такое ощущение, как будто по его кишечнику пропустили холодную воду. Затем Веланд велел ему встряхнуться. При этом эффект удара был очевиден: он упал замертво, разделившись на две части[73].

В наши дни умелый оружейник всегда пользовался большим уважением. Это любопытно показано в законе Этельберта, который гласит, что "если один человек убивает другого, он должен заплатить свой долг; но это не так, если убийца оказывается королевским оружейником или его посланником; в этом случае он должен заплатить только умеренный долг в размере ста шиллингов"[74]."

Мы уже обращали внимание на любопытный обычай хоронить наконечник копья в одной вазе с костями англосаксонского воина. Аналогичная практика наблюдалась в Дании, где меч героя, разломанный на несколько частей, помещается над горловиной урны. Пример такого погребения выгравирован в "Копенгагенском музее" Ворсае, стр. 98. Иногда железный меч, размягченный огнем, сгибался и в таком состоянии помещался в могилу. The Abbé Cochet remarks:—"Cet usage des sabres ployés au feu et enterrés avec les morts est très-rare chez nous: il s'est rencontré en Allemagne, en Danemark, et en Suisse, où M. de Bonstetton en a vu un grand nombre, en 1851, dans les sépultures de Tiefenau, près Berne. Ce savant ajoute que cette coutume, plus barbare que romaine, peu connue des Helvètes, était très-fréquente chez les peuples Scandinaves. Il existe, dit-il, au musée de Schwerin plusieurs glaives en fer que l'on croit provenir des Vendes, et qui ont été rougis dans le feu et ensuite ployés. Baehr signale le même fait dans les tombes d'Ascheraden et de Segevold[75]."

Ножны мечей обычно были деревянными, обтянутыми кожей, как мы узнаем из могил; и иногда они были отделаны бронзой. На рисунке 2 нашей четвертой пластины показан пример из Уилбрэхема, на котором медальон и наколенник выполнены из бронзы; а ливонский меч, пластина v. рис. 10, имеет орнаментированный бронзовый наколенник. В Британском музее хранится англосаксонский клинок, найденный в могиле в Бэтл-Эдж, Оксфордшир, на котором сохранились бронзовый наконечник и медальон с ножен. Эти приспособления иногда были позолоченными или даже из золота. Мистер Ворсае в своей книге "Первобытные древности Дании", страница 50, изобразил золотой медальон в ножнах для меча, украшенный извилистым узором, столь характерным для этого периода. Дерево и кожа были обычными материалами, использовавшимися в датских ножнах. Из оболочек, образованных из этих веществ, которые частично сохранились до наших дней, наиболее любопытным примером является оболочка, описанная мистером Бейтманом в томе vii. Журнала Археологической ассоциации. Он был найден в кургане в Дербишире и изготовлен из тонкого дерева, обтянутого кожей, поверхность которой покрыта рисунком из чередующихся филе и ромбиков. Ножны, найденные в Строуде, в графстве Кент, были изготовлены снаружи из вещества, напоминающего шагреновую кожу. Доктор Бер в книге "Гребень жизни", Лист xv, выгравировал ножны для кинжала, полностью сделанные из бронзы, из Ашерадена; а в "Аббильдунген фон Майнцер Альтертюмерн" за 1852 год есть еще одни бронзовые ножны для кинжала, содержащие железный кинжал, который был найден недалеко от Трева. Несколько из них находятся в Британском музее. У мистера Роуча Смита есть еще одно, найденное в Темзе; все они, вероятно, относятся к рассматриваемому периоду. Существует также любопытный тип ножен для меча, полностью выполненных из бронзы, которые, как, вероятно, покажет дальнейшее наблюдение, были изготовлены на Севере. Пример, на котором здесь выгравировано, был найден на болоте недалеко от Флэсби, в Йоркшире; в нем находится лезвие железного меча. Было обнаружено несколько похожих. Один из них, найденный в Стэнвике, был подарен герцогом Нортумберлендским Британскому музею. Другой выгравирован в "Анналах Шотландии" доктора Уилсона, найденных недалеко от Эдинбурга. Четвертый, с ложа Исида, изображен в "Археологическом журнале", том x, стр. 259. У графа Лондсборо есть еще один, извлеченный из Темзы, который отличается от остальных тем, что украшен эмалированными заклепками. Это выгравировано в томе iii. из коллекции антиквариата. Смотрите также датский пример, приведенный в "Копенгагенском музее" Ворсае, стр. 66. Все эти бронзовые ножны содержали железные лезвия.



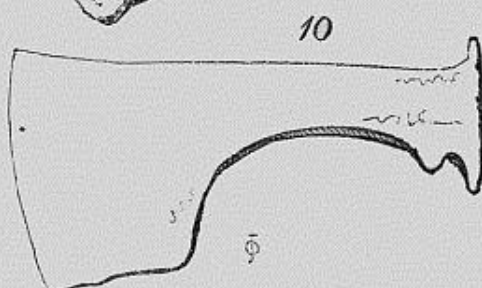
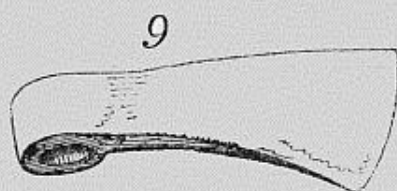
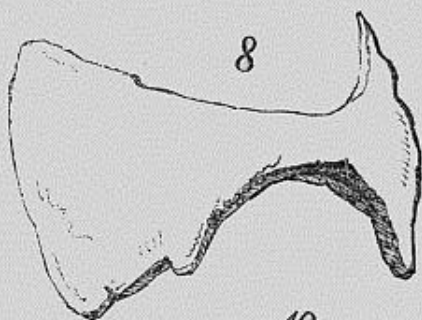
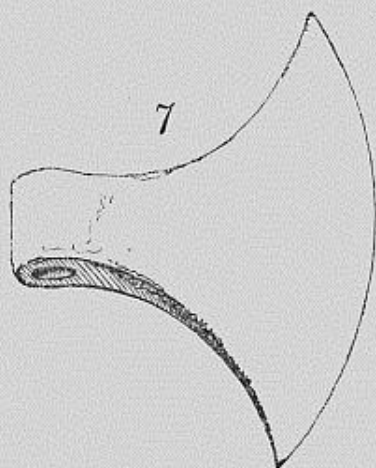
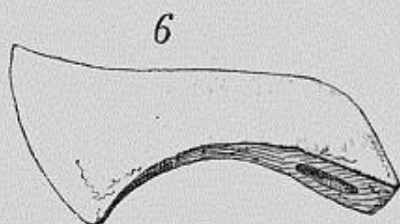
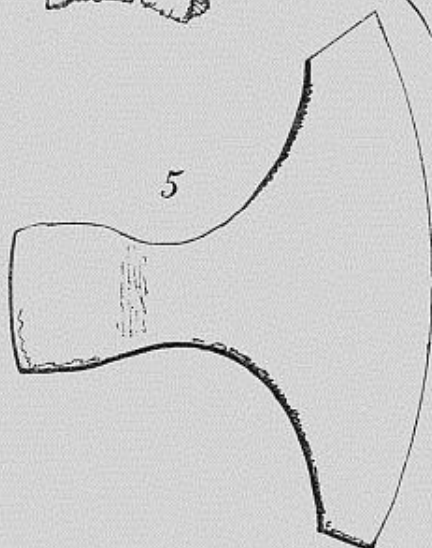
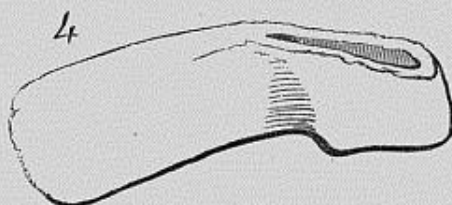
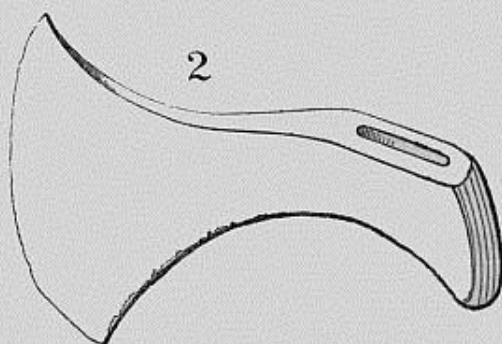
№ 6.

Пояса для мечей, по-видимому, обычно опоясывались вокруг талии; пряжки и язычки от них часто находили в могилах. Эти приспособления обычно изготавливаются из бронзы, иногда из меди; металл нередко бывает позолочен, тисненый или покрытый эмалью. Некоторые пряжки из

коллекции Faussett, найденной в графстве Кент, украшены гранатами. Пояс иногда носили поперек тела, подвешивая к правому плечу; как на прекрасном рисунке в Cotton MS., Тиберий, С. vi. fol. 9. Наша гравюра на дереве, № 17, представляет собой пример пояса, опоясывающего талию, из иллюстрации в дополнении MS., № 18,043.

Топор, как мы видели, был характерным оружием северных народов. Его нередко находят в могилах этих людей на Континенте, но в англосаксонских захоронениях он встречается крайне редко. При раскопках в Уилбрэхеме в сотне могил было обнаружено только два топора. В ходе исследований Фэрфорда ни один из них не был найден в ста двадцати могилах; а во многих кентских курганах, обследованных графом Лондсборо в 1841 году, не было добыто ни одного образца. Топор, по-видимому, был трех основных форм: "конический топор", широкий топор и двойной топор, или двуручник. Древковый топор и тесло были их разновидностями. Боевой топор также назывался *франциска* из-за благосклонности, с которой к нему относились франки. Isidorus (lib. xviii. c. 8.) tells us of "Secures quas Hispani ab usu Francorum per derivationem *franciscas* vocant."

Примеры англосаксонского конического топора с кладбища Озингель приведены на рисунках 1 и 2 нашей Таблички. Рисунки 3 и 4, найденные в Ирландии, рис. 6 из Сельцена в Германии и рис. 9 из Ливонии, очень напоминают кентские рисунки. Рис. 8 отличается от Ливонии главным образом тем, что имеет продолжение сзади. Образцы конического топора, найденного во Франции, приведены на табличках vii, ix и xi из *La Normandie Souterraine*; датские образцы приведены на страницах 68 и 96 "Копенгагенского музея" Ворсае. Некоторые из наконечников топоров, выкопанных в Дании, имеют очень любопытную переходную конструкцию; лезвие из меди с железной окантовкой. Другой топор из Копенгагенского музея, "относящийся к самым ранним временам железного периода", украшен рунами. Топор, найденный в гробнице Хильдерика, имеет уже описанную "конусообразную" форму; он представлен на табличке ii. работы Даниэля *Милис Франсуаз*. Мы уже видели в отрывках из Сидония и Прокопия, как сыны Одина начали свою атаку, обрушив на врага свои топоры. Любопытную иллюстрацию этой практики метания топора дает хартия Канута, предоставляющая монахам Крайст-Черч, Кентербери, портовые сборы Сандвича, "от Пепернесса до Мирксфлеота, насколько можно выбросить на берег конический топор с судна, находящегося на плаву при высокой воде".[76]: "сва феорр сва мэн конусообразный - это когда ты работаешь на этой земле.



Табличка VII.

Рисунок 10 нашей Пластины из Ливонии отличается от уже описанного топора наличием угла в нижней линии. Аналогичный контур встречается в образцах, обнаруженных в Нормандии, и изображен на табличке vii. работы аббата Коше. Широкий топор виден на наших рисунках 5 и 7; первый из Сельцена, другой из Ливонии. Сравните франкский образец, выгравированный на странице 233 *La Normandie Souterraine*. Другие были найдены в Англии.

Одиночный топор, используемый англосаксами в бою, по-видимому, не отличался по форме от тех, что использовались в деревообработке; в этом можно убедиться, обратившись к Календарю, содержащемуся в Cotton MS., Julius, A. vi., точно скопированном в книге Шоу "Платья и украшения". Действительно, вполне вероятно, что клинок, которым был срублен дуб, часто использовался для того, чтобы сразить врага. В рукописях не часто встречаются изображения боевого топора, но примеры встречаются в Котте. Ср., Клеоп., с. viii., и в англосаксонском благословении Руанской библиотеки.

Двуручный топор встречается еще реже на книжных рисунках. Оно встречается в двух местах в харлейской рукописи под № 603, но это произведение датируется не ранее конца одиннадцатого века. В могилах бипеннис вообще никогда не был найден; точно так же его не видно и в руках англосаксов на гобелене из Байе. Но если двуручник истинно классической формы, то есть имеющий два вертикальных лезвия, до сих пор не встречался среди разнообразного содержимого могил норманнов, то весьма необычная разновидность этого орудия была обнаружена среди гробниц долины реки Оль. Это своего рода тесло, у которого одно лезвие вертикальное, другое горизонтальное. Он был найден аббатом Коше на кладбище Парфондеваль и выгравирован в его работе, стр. 306, и в *Археологии*, том. xxxv., стр. 229. Форма тесла на одном из лезвий, по-видимому, указывает скорее на инструмент ремесленника, чем на оружие воина, и аббат говорит нам, что у крестьян до сих пор есть такое орудие, которое они называют своим *бисайре* (стр. 307). Однако мы можем вспомнить, что разрешение на военное использование горизонтального лезвия содержится в изображении в Малверне[77].

Древковый топор - почти универсальная форма этого оружия на гобеленах Байе. Не только саксонские солдаты, но и Гарольд, и даже сам герцог Вильгельм вооружены этим страшным оружием. Действительно, для пехоты, какой были англичане, сражающейся с кавалерией, никакой другой вид топора не мог бы принести большой пользы. Уэйс, чьи подробные описания, достаточно утомительные для обычного читателя, бесценны для археолога, не упустил из виду топоры островитян с длинными рукоятками. Он даже дал нам особое измерение головы, — "ки фу д'Асье":—

--на английском языке автор сообщения:

Гиперссылка[78] out mult bele,
Plus de *plain pié* out l'alemele.

-- ла-коэньи

находится на перевале,

Главное сооружение для улучшения."."

Rom. de Rou, ii. 225.

И снова, строка 13536:—

"Un Engleiz od une coignie,
Ke il aveit, *lungue emmanchie*,
L'a si féru parmi li dos
Ke toz li fet croissir les os."

Тот же мастер Уэйс записал свое возражение против северного топора; что, поскольку для владения им требуются обе руки, оружие не может эффективно использоваться со щитом: —

"Кто знает, где живет вольт ферьер,
Кто знает, где находится майнц[81].
Смысл в том, что ты ковир,
Что такое великий фермер гранта в аире[82].
Bien férir è covrir ensemble,
Ne pot l'en faire, ço me semble."
Rom. de Rou, ii. 262.

Рукоять топора была деревянной, следы которой были обнаружены на реликвиях, извлеченных из могил. В единственном случае он был найден из железа. Этот пример произошел в Леде, в Бельгии, и был описан М. Риголло в *Воспоминаниях Общества антикваров Пикардии*, том х.

Гизарма - это оружие, часто упоминаемое нашими ранними хронистами и поэтами; но, хотя иногда ее отождествляют с древковым топором, в других случаях ее отличают от этого оружия. Уэйс говорит нам, что он был "острым, длинным и широким": —

"E vos avez lances agües,
E granz gisarmes esmolues."—*Rom. de Rou*, l. 12907.

"Ты англичанин с множеством организаторов:

Если у вас есть доступ к левеям, то
из—за выпада жисарма, а также к леям[83]."—*l.b.*, л. 13431.

Гербовый статут короля Шотландии Вильгельма (1165-1214) устанавливает: "И только за вычетом права собственности на xl. солидос, право владения оружием, право владения топором"[84]. Из другого шотландского закона мы узнаем, что ручной топор был оружием с длинной рукоятью. Мэр Эдинбурга в 1552 году предписывает: "Из-за того, что грей слаухтерис совершил тайм-аут в городе, и того, что еще предстоит совершить, я не помню, чтобы кто-то из таких людей, оккупировавших бутис или чалмерис в хайгейте, говорил, что у них есть язык

вальпиннис "[85] тайрин, известный как handex, Джеббург стейф, хаварт джавалинг[86], и сиклик ланг валпиннис, с кнайпшависом[87] и джаккис; и что они заканчивают этим для страдающих недержанием мочи после звонка в общий дом[88]."



№ 8.

В северных захоронениях постоянно находят ножи различных размеров. Ножи меньшего размера, очевидно, использовались в домашних целях, поскольку их находят как в женских погребениях, так и в погребениях представителей другого пола. Но те, что покрупнее, по-видимому, использовались в качестве кинжалов. Их чаще наблюдали в континентальных гробницах, чем в гробницах нашего острова; и, поскольку они очень редко появляются на изображениях англосаксов, мы можем заключить, что они не составляли необходимой части снаряжения этих воинов. Прекрасный образец этого оружия приведен на нашей девятой табличке (рис. 1) с кладбища Озингелл. Оно шестнадцати дюймов в длину, изготовлено из железа и снабжено крестовиной. В следующей группе из англосаксонской и латинской псалтири герцога Беррийского, хранящейся в Парижской библиотеке, противник копейщика, по-видимому, использует именно такой инструмент, как пример из кентской могилы[89]. На рисунке 2 на нашей тарелке изображен обоюдоострый железный кинжал из коллекции Фоссетта. Он был найден недалеко от Эш-бай-Сэндвичей и имеет длину лезвия десять дюймов. Рисунки 3 и 4 являются древнеирландскими. Первый представляет собой обычный тип этого оружия, которых найдено множество. Второй примечателен тем, что сохранилась ручка, сделанная из дерева и украшенная резьбой. Оба они взяты из статьи мистера Уэйкмана об ирландских древностях в томе iii. из *Коллекции древностей*. Рисунки 5 и 6 представляют собой немецкие образцы из могил Сельцена. Первый очень примечателен по кольцу на конце хвостовика. В Дании были найдены кинжалы переходного периода, основная часть лезвия которых сделана из бронзы, а с обеих сторон окована железом. Другие датские примеры приведены в книге г-на Ворсае "Копенгагенский музей", страницы 66 и 97. Во время исследований доктора Бера в Ливонии был обнаружен железный кинжал в бронзовых ножнах. (См. "Гребец жизни", Лист xv.) Григорий Турский в VI веке в нескольких местах упоминает, что франкские солдаты носили на поясах большие ножи; и, кажется, нет причин сомневаться в том, что образцы из могил - это та самая "cultri validi" историка. Несколько образцов этих франкских боевых ножей представлены в *Нормандской Южной Франции*. Они очень похожи на те, что были найдены в Германии, Швейцарии, Дании и Англии. Ручки, по-видимому, были деревянными. На одном из франкских образцов все еще сохранились части деревянной рукояти[90]. Другие образцы северных *cultelli* можно найти собранными на табличке lviii. второго тома *Коллекции*

Antiqua. Некоторые из этих видов оружия, по-видимому, были инкрустированы медью или другим металлом; для этого на тыльной стороне клинка сформированы одна или несколько линий надреза. Англосаксонский нож, найденный при раскопках в Лондонском сити и выгравированный на нем (рис. 3.) на уже замеченной пластине из коллекции *Antiqua* все еще сохранилась бронзовая инкрустация в каналах лезвия.

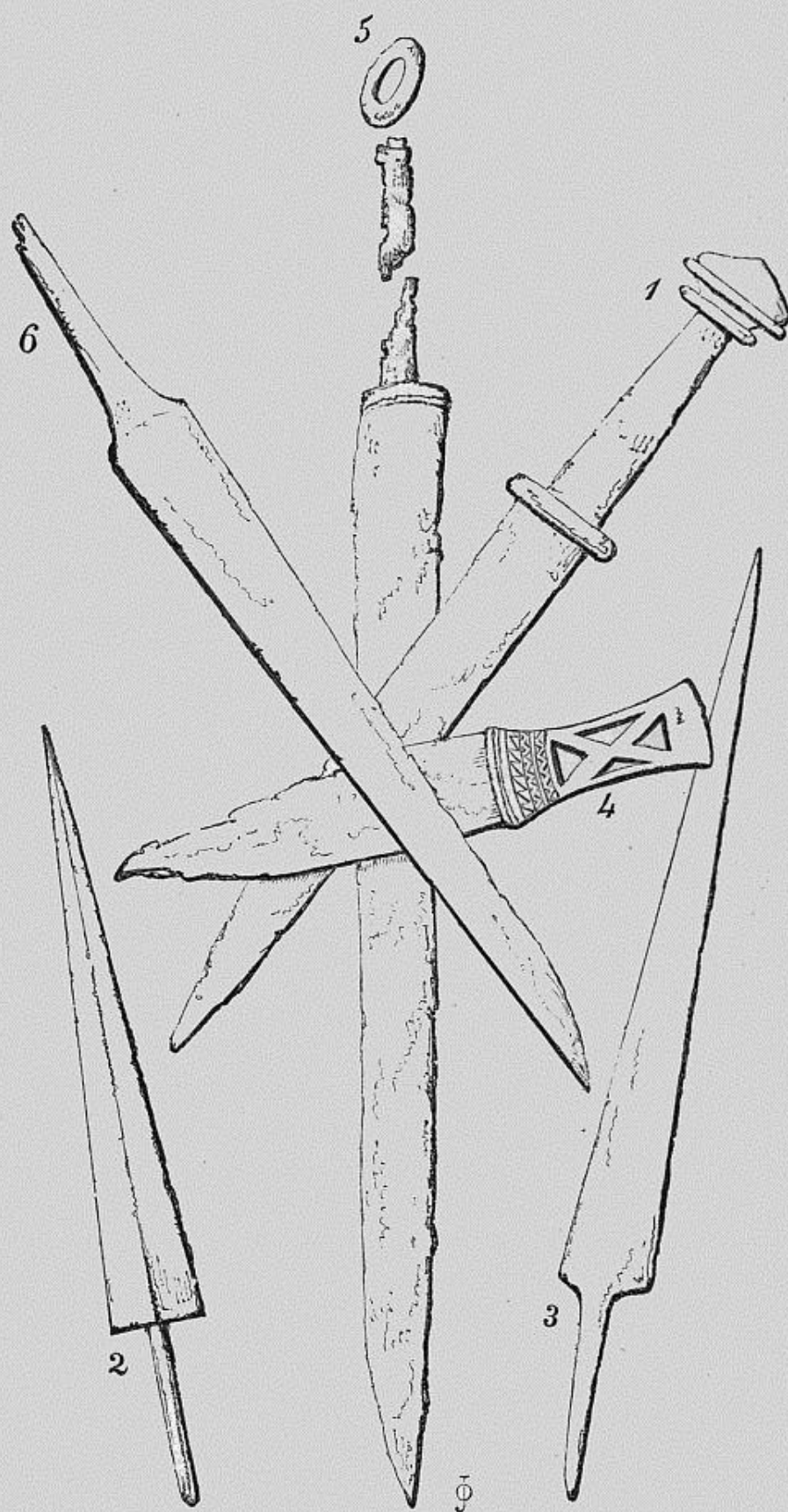


Фото IX.

Любопытная разновидность боевого ножа находится в коллекции мистера Роуча Смита, у которого единственное лезвие прямое или почти прямое, а острие образовано диагональным надрезом на тыльной стороне лезвия. Считается, что в своем идеальном состоянии он имеет размер более тридцати дюймов; изготовлен из стали; и имеет с обеих сторон двойную линию уже замеченного канала[91]. Оружие похожей формы встречается среди ливонских древностей, находящихся сейчас в Британском музее, и представлено на табличке XIX из *Книги доктора Бера "Гребень для жизни"*.

Длинный лук был еще одним оружием той эпохи. Агафий, действительно, сказал нам, что франки не использовали ни лук, ни пращу. Но стрелы прямо упоминаются в Салическом законе; и, чтобы согласовать эти противоречивые свидетельства, было высказано предположение, что стрельба из лука по Салическому закону предназначена только для охоты. *Отравленные* стрелы, однако, названы здесь по имени, и охотник не применяет в своем искусстве отравленные стрелы. "Что является причиной изменения токсического воздействия на сагитту через кишечник[92]" и с. Далее, установлен штраф для того, кто лишит другого его "второго пальца, которым он направляет свою стрелу": *secundum digitum, quo sagittatur*. В более поздний период лук приобретает особое значение как часть снаряжения солдата. Один из капитуляриев Карла Великого предписывает, "чтобы граф позаботился о том, чтобы его контингент был полностью снаряжен для выступления в поле; чтобы у них были копье, щит, лук с двумя тетивами и двенадцатью стрелами" и т. Д. Согласно свидетельству Генриха Хантингдонского, Вильгельм Завоеватель упрекал англичан в недостатке этого оружия. Однако гобелен из Байе, по-видимому, подтверждает предположение, что они были не совсем без этого. (Смотрите первую группу англосаксов в книге Стотарда "XIV-й. табличка.) Представляется вероятным, что, в то время как норманны использовали лучников большими отрядами, англичане просто распределяли их в небольшом количестве среди своих латников. Лук, во всяком случае, использовался англосаксами: он часто изображен на иллюстрациях к рукописям, а наконечники стрел были найдены в могилах. Цифры 1, 2, 3 и 4 на нашей Табличке относятся к кентским погребениям. Первые два являются частью коллекции Фоссета; остальные, фигурирующие в *Nenia Britannica*, были найдены на линиях Чатема. Все они сделаны из железа. Наглядные примеры англосаксонского лука, стрел и колчана можно увидеть в рукописях Коттона, Клеопа, VIII в. до н.э., Клавдия, IV в. до н.э., Тиберия, VI в. до н.э., а также в прекрасном труде *Пруденция* библиотеки Тенисона. См. также *Орду* Стратта, том i, лист xvii. Железные наконечники стрел также были найдены во Франции, Дании, Германии, Швейцарии и Ливонии. Рисунки 5 и 6 на нашей табличке взяты с кладбища в Зельцене в Рейнской земле Гессен; рис. 7 и 8 из ливонских захоронений. Вместе с последним была также найдена часть колчана. Аббат Коше[93] выгравировал и описал образцы, найденные во Франции, а М. Тройон упоминает швейцарские примеры в своей статье в *Archæologia*, vol. xxxv., и табличка xvii. Сравните также "Археологический журнал", том iii. Стр. 119, 120. В швабских захоронениях в Оберфлахте также были найдены луки. См. *Археология*, том. xxxvi. Среди фигур резьбы по слоновой кости, образующих обложку "Молитвенника Карла Лысого", изображены два лучника, каждый из которых держит связку зазубренных стрел; стрелы изображены очень четко. Эта любопытная скульптура, иллюстрирующая lvii-й. Псалом (излюбленная тема художников среднего возраста) был тщательно выгравирован в шестом томе *Археологического ревю*. Оригинал находится в Императорской библиотеке в Париже.



Табличка X.

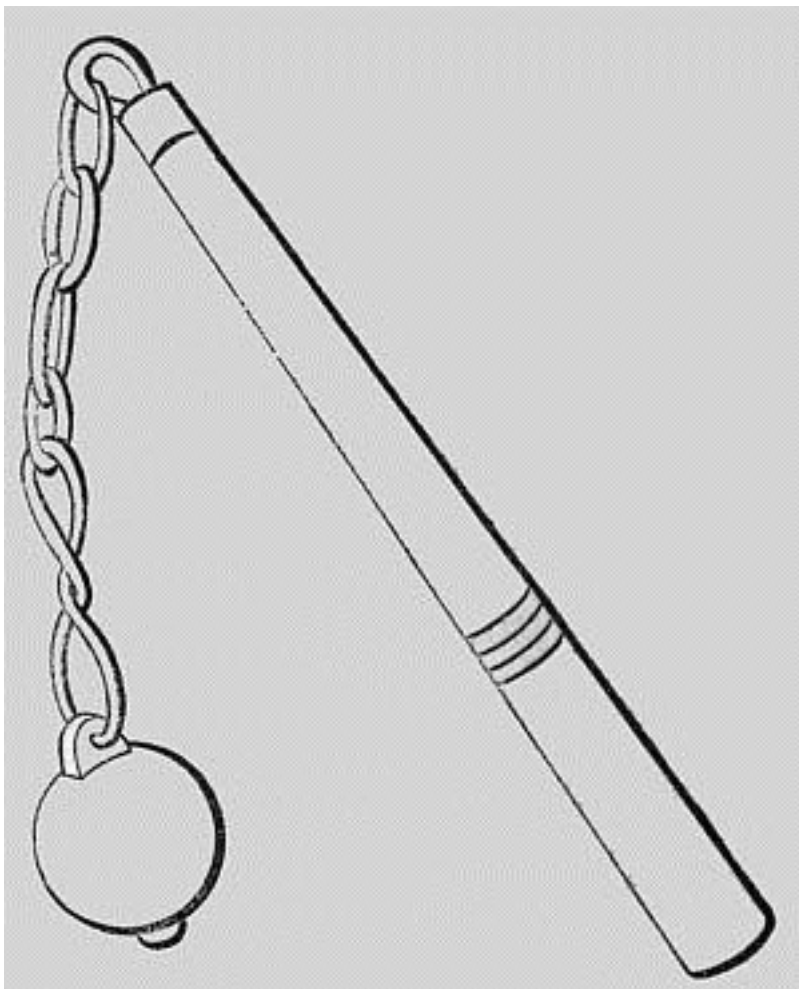
Это было обычное оружие северных народов: оно изображено на их рисунках, названо в их законах, описано в их сагах, найдено в их могилах. Но другие виды оружия, по-видимому, использовались время от времени: булава, пика, праща, каменный молот, "утренняя звезда", вилка и клюв. Булава видна в руках англосаксов (а также норманнов) на гобелене из Байе; и не кажется маловероятным, что те зубчатые обручи из бронзы^[94], которые были найдены как в Англии, так и на Континенте, были наконечниками аналогичного оружия; ибо не следует забывать, что даже в "Железный период" предметы из бронзы продолжали использоваться. . Из неисчерпаемого источника мы узнаем, что "вилены де Вилль", присоединившиеся к армии Гарольда, —

"Tels armes portent comes ils trovent:

Machues portent^[95],

Forches ferrées^[96] è tinels^[97]."—*Строка* 12840.

Он будет помнить, что Булава-это оружие для самых отдаленных времен античности и встречается, практически идентичен по форме с таковыми у северных народов, среди памятников древних египтян и ассирийцев.



№ 11.

Каменный молот, по-видимому, использовался войсками Гарольда. Вильгельм из Пуатье говорит: "Острые яктанта в широком смысле слова обеспечивает безопасность *илигнис импозит сакса*"[98]. Что касается Вексея, то примером может служить прекрасный англосаксонский Бенедиктион Руана: он очень похож на обычный в наши дни хеджирующий вексель с длинной ручкой. Считается, что утренняя звезда, инструмент, состоящий из металлического шара (иногда с шипами), прикрепленного цепью к короткому посоху на манер хлыста, был еще одним оружием того периода. Доктор Бер нашел голову одного из них в ходе своих ливонских исследований; полная голова из бронзы (здесь выгравирована) была обнаружена в Митау. Профессор Томсен упоминает также бронзовый образец в своем отчете о Копенгагенском музее. Праща, по мнению отца Даниэля, использовалась франками на укрепленных позициях и в осажденных городах[99]. Этот древний инструмент, который найден в египетских[100] и ассирийских[101], безусловно, использовался англосаксами, будь то для ведения войны или только для охоты, определить нелегко. Здесь выгравирована фигура Давида из англосаксонской и латинской Булонской псалтири. Смотрите также слингера в ХордеСтратта, Фото xvii, из рукописи Коттона, Клавдий, Б. iv., и фото iii. из гобелена Стотарда из Байе. В Копенгагенском музее хранятся камни для пращи, "либо с канавкой, прорезанной посередине, либо с двумя канавками, прорезанными крест-накрест; в последнем случае они имеют форму шара, несколько сплюснутого". Не похоже, чтобы северные народы использовали свинцовые гранулы, как это делали греки и римляне, начертывая на них молнию или какую-нибудь причудливую фразу типа "Возьми это".

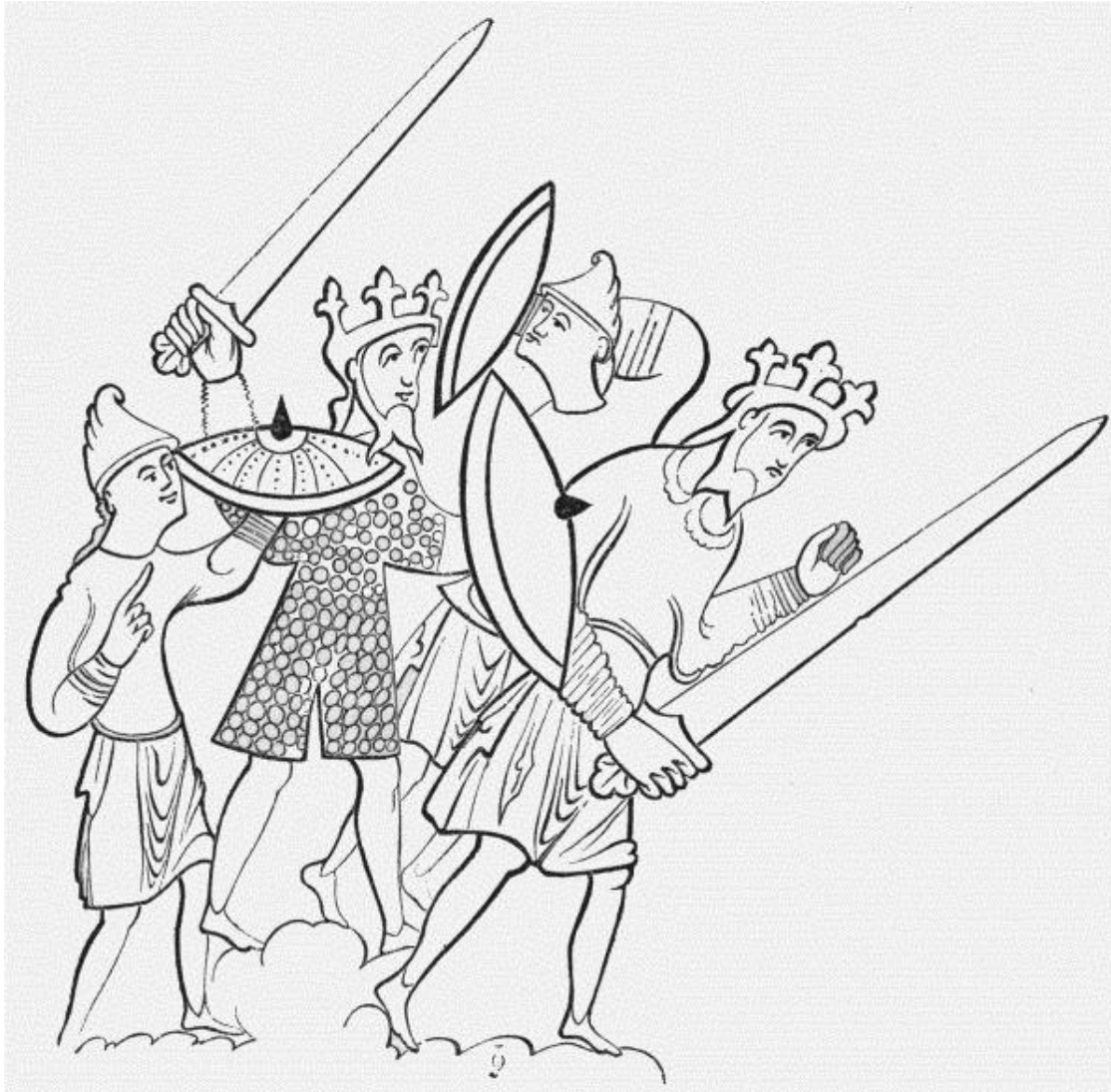


№ 12.

Из нескольких уже цитированных отрывков следует, что использование отравленного оружия приписывается северным племенам этого периода. В "Беовульфе" и в других местах мы читаем об отравленных мечах, отравленных стрелах и кинжалах; и, каким бы редким ни было использование таких ужасных служителей, это, по-видимому, не позволяет нам полностью отрицать их существование. Знаменитый меч Беовульфа,

"Хрантинг нама",

его край был "испачкан ядовитыми веточками". Это, действительно, свидетельство поэта: но Салический закон, как мы видели, говорит о "ядовитом стрельце"[102]." And Gregory of Tours tells us, of Fredegonda: "Fredegundis duos cultros ferreos fieri præcipit, quos etiam caraxari profundius et veneno infici jusserrat, scilicet si mortalis adsultus vitales non dissolveret fibras vel ipsa veneni infectio vitam possit velocius extorquere"[103]." И снова тот же автор говорит об этих отравленных кинжалах, или *скрамасакси*: "Cum cultris validis quos vulgò scramasaxos vocant, infectis veneno, utraque latera ei feriunt"[104]."



№ 13.

Давайте теперь рассмотрим, насколько это в наших силах, каково было защитное снаряжение тевтонских воинов. О структуре доспехов можно судить только по косвенным свидетельствам; ибо расплывчатые термины авторов, таких как *лорика* и *Бирни*, и грубо условные формы художников, которые обозначали дерево гроздью из трех или четырех листьев, а ограждение несколькими кругами, написанными на пергаменте или выбитыми на бронзе, мало помогают нам точно определить, как кузнец достиг своей цели. Любопытно, что лучшее свидетельство, которое мы получаем, - это свидетельство поэтов. Сравнение или эпитет проливают больше света, чем все составители и все историки. Кажется очевидным, что в первые днисеверного

правления никто, кроме лидеров, не носил бронежилетов; но по мере того, как шли годы и росло благосостояние, младшие чины меняли это различие. Как мы уже показали (стр.38), Сеорл соперничал с Эорлом в богатстве и завершенности своего снаряжения; и, наконец, при правлении Карла Великого войска графа, как мы видели, все обязаны были иметь защитные доспехи: "Omnis homo de duodecim mansis, bruniam habeat". Те, у кого не было такого количества земли, объединились и снабдили себя доспехами, в которых один из них отправился к войску. Была ли это *бирни* из соединенных между собой кольчуг? Англосаксонская поэма "Беовульф" может пролить некоторый свет на этот вопрос:

"Боевое оружие сияло, твердое (и) сжатое в кулаки (*слышал хонд-локен*); блестящее кольчужное железо звенело на их доспехах, когда они в своих ужасных доспехах шли вперед, в зал". - *Песнь i. строка 640.*

"Беовульф приготовился, воин в своих бурьянах, он не заботился о жизни: боевое кольцо, скрученное руками (*hondum ge-broden*), широкое и пестрое, теперь должно было испытать глубину" и т.д.

Canto xxi. строка 2882.

В песне xxii. у нас есть: "боевое платье, застегнутая боевая рубашка". ... "На его плече лежала скрученная нагрудная сетка (*breost-net broden*), которая защищала его жизнь от острых ударов". ... "его боевая история, его жесткая боевая сеть (*здесь -net hearde*)".

Если в словах есть смысл, то, несомненно, "*скрученная нагрудная сетка*", "*жесткая боевая сетка*", "*застегнутая боевая рубашка*", "*берни, скрученная руками*", "*боевая берни, жесткая и застегнутая вручную*", может означать не что иное, как кольчугу из переплетенных элементов; эту одежду, которая, как нам так часто говорили, пришла к нам в какое-то неизвестное время от какого-то неизвестного народа, жившего в какой-то неизвестный регион на Востоке. Если эта ткань, которую для краткости мы будем называть кольчугой, пришла с Востока, то где восточные памятники, в которых она представлена? Его нет ни в египетских, ни в ассирийских, ни в индийских скульптурах или картинах; а сцены триумфа этих народов представляют в большом разнообразии многочисленные племена Азии. То же происхождение было дано и Саппон; но каждый, кто проводил какие-либо исследования в этом направлении, знает, что восточное происхождение этого двигателя на самом деле не имеет ни малейшего основания[105]. В "Саге о Вельсунгах", произведении XI века, мы читаем, что "Бока Сигурда так раздулись от ярости, что кольца его берни разорвались на части"; что вряд ли могло произойти (добавляет Фон Лебер, который обращает внимание на этот отрывок) с одеждой из сшитых последовательно колец[106]. Хорошо известная "Загадка епископа Алдхельма", написанная в одиннадцатом веке, так любопытно иллюстрирует наше исследование, что мы будем прощены за ее перепечатку. Оно озаглавлено "Де Лорика:" —

"Roscida me genuit gelido de viscere tellus:
Non sum setigero lanarum vellere facta:
Licia nulla trahunt, nec garrula fila resultant:
Nec croceâ seres texunt lanugine vermes:
Nec radiis carpor, duro nec pectine pulsor:
Et tamen, en, vestis vulgi sermone vocabor.
Spicula non vereor longis exempta pharetris."

А *Лорика*, сделанная из металла без использования какой-либо текстуры шерсти или шелка, вряд ли могла быть чем-то иным, кроме кольчуги. Далее мы можем обратиться к гобелену из Байе (Стотар, Фото XVI), где *столбы* носят доспехи убитых. Последняя фигура на втором краю этой пластины снимает кольчугу с головы павшего воина; и, выворачивая ее таким образом наизнанку, обнажается внутренняя часть одежды, на которой кольцевая отделка изображена точно так же, как и на внешней стороне других. В более поздний период аналогичное свидетельство дают скульптурные монументальные изображения; перекрывающиеся складки кольчуги демонстрируют кольцевую работу как внутри, так и снаружи. Рисунки XIII века в церкви Темпл и в церкви Святого Спасителя в Лондоне служат иллюстрациями этого факта. Другие примеры можно найти в Стоу-Найн-Черчес в Нортгемптоншире и в Астоне, Уорикшир; и, вероятно, ни в одном английском графстве нет подобных примеров. Сравните также любопытный фрагмент кольчуги, найденный в Стэнвике, Йоркшир, и ныне хранящийся в Британском музее.

Защита из железных колец, изобретение которой Варрон приписывает галлам, по-видимому, представляет собой не что иное, как кольчугу: "*Lorica a loris, quod de corio crudo pectoralia faciebant, postea succuderunt Galli e ferro sub id vocabulum, ex annulis, ferream tunicam*". Кто бы ни был изобретателем этих доспехов, представляется вероятным, что они вошли в обиход постепенно: из—за их дороговизны и редкости вожди могли использовать их только по крайней мере в течение нескольких лет.". сначала добудьте его; что по мере совершенствования ремесла и признания эффективности защиты его применение расширялось, а его дороговизна снижалась. Представление о том, что в тринадцатом веке кольчуга внезапно и повсеместно вошла в обиход, противоречит всем известным прецедентам и естественному ходу человеческих изобретений.

В то время носили другие виды доспехов. Карл Великий, как мы видели, защищался своего рода джазерантом. Ингульф рассказывает нам, что Гарольд, находя тяжелые доспехи своих войск помехой в их войне в горах с валлийцами, одел их в защитную одежду только из кожи. Нечто подобное видно на этом рисунке из Cotton MS., Cleop., C. viii.

Плащ здесь, по-видимому, сделан из шкуры, на которой остался мех; эта одежда до сих пор используется некоторыми казаками-солдатами России. Уэйс, по-видимому, описывает этот предмет одежды, где, рассказывая о смерти герцога Гийома Лонге—Эспе от рук предателя Фауса, он говорит: -

"Слышит леву л'эспе, когда он входит в *горой* порту,
говорит с доньей и вождем, когда тот л'Эскервела". —*Ру*, i. 138.



№ 14.

Доспехи с подкладкой, защита очень высокой древности и получившая очень широкое распространение, также, вероятно, были в моде; а также плащи, покрытые чешуей; но их трудно идентифицировать на памятниках того времени. Замечено, что кольчуги англосаксов в битве при Гастингсе были короткими:

"Носите кольчуги или петис,
И шлемы для ваших вестей". —Уэйс.



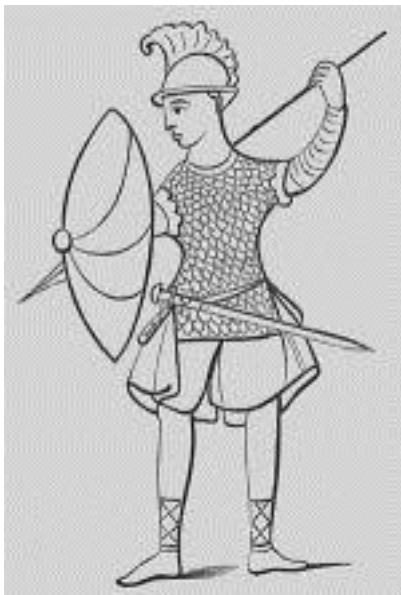
№ 15.

В англосаксонских иллюстрациях очень большое количество воинов, по-видимому, вообще не имеют защитных доспехов, кроме шлема и щита; как в этом примере из рукописи *Пруденция* одиннадцатого века, хранящейся в библиотеке Тенисона. Набедренные повязки, изображенные на этих фигурах и на многих других того же периода, были широко распространены среди солдат. Это мода, ранний пример которой мы находим в *calceus patricius* римлян и пережиток клетчатых чулок шотландских горцев. У англосаксов они обычно обматывались вокруг ноги, а затем сворачивались вниз и закреплялись ниже колена. Иногда они были завязаны спереди; как можно видеть на Благословении Этельвольда; и сравните гобелен Байе Стотарда, Фото iv. Генри Хантингдонский, писавший в начале двенадцатого века, между прочим, дает нам полное вооружение воина одиннадцатого [107]. Когда Сигвард, герцог Нортумберлендский, обнаружил приближающуюся к нему смерть не на поле битвы, а в мирной комнате, он воскликнул: "Quantus pudor me tot in bellis mori non potuisse, ut vaccarum morti cum dedecore reservarer. Induite me saltem lorica mea impenetrabili, præcingite gladio, sublimite galea: scutum in læva, securim auratam mihi ponite in dextra, ut militum fortissimus modo militis moriar. Dixerat: et ut dixerat, armatus honorifice exhalavit."



№ 16.

В эпоху, когда в большом ходу были метательные снаряды - дротики, стрелы и камни мангоны и пращника, солдат, естественно, в первую очередь заботился о защите своей головы. Следовательно, на памятниках этого периода мы находим, что даже когда кажется, что на теле нет защитного покрова, голова тщательно защищена шлемом.



№ 17.

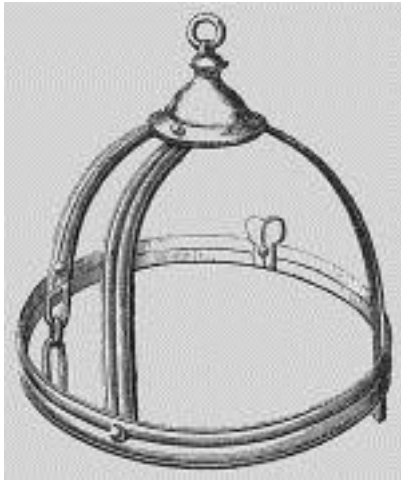
Вначале даже шлем был редкостью среди тевтонских племен. Тацит говорит нам о древних германцах: "Paucis loricae, vix uni alterive cassis aut galea". И Агафий в седьмом веке упоминает, что лишь у немногих франков были шлемы. Однако вожди носили их. Дагоберт в поединке с

саксами получил удар, который, расколов его шлем, унес часть волос[108]. И когда его отец, Клотер II, пришел ему на помощь, этот последний принц расположился на берегу Везера, объявив о своем прибытии саксонскому вождю, сняв шлем и продемонстрировав свои длинные локоны[109]. Во времена Карла Великого, как мы видели из его капитулярий, граф обязан был снабжать войска шлемами. О моде на эти головные уборы мы узнаем по различным рисункам на пергаменте, написанным чуть позже. Мы находим, что они были полусферическими, коническими, фригийской формы, гребенчатыми и с хохолком: иногда сложной формы, с чем-то вроде крокетного гребня[110]; иногда заканчивались чем-то вроде лилии[111]. Цифра, приведенная здесь из доп. ср., 18 043, Псалтири десятого века, представляет собой хороший пример гребенчатого шлема. Изображенный персонаж - Голиаф; и, возможно, необходимо добавить, чтобы понять перевязь с мечом, что воин поворачивается к нам спиной. Вместо гребня на шлемах германцев-язычников часто помещалась фигура кабана, посвященного богу Фрейе; практика, которая со временем стала настолько распространенной, что слово *eofor* (кабан) поэтически использовалось для обозначения самого шлема. Так, в "Беовульфе": "Он приказал им принести кабана, украшение на голову, шлем, возвышающий на войне": —

"эофор хефод-сегн
руль хефод-стипне" и т.п. —Строка 4299.

Снова: "Белый шлем покрывал кольчужный капюшон, ... окруженный величественными цепями, точно так же, как в былые дни кузнец-оружейник выковал его, чудесно обставил, придал ему форму свиньи, чтобы ни клеймо, ни боевой нож не смогли укусить его". (л. 2895.)

Здесь мы видим конкретную цель этого устройства: оно должно было действовать как священный амулет. В песне 15, по-видимому, также подразумевается кабан; и в данном случае он "прикреплен к рулю проволоками". "На гребне шлема, для защиты головы, он держал амулет, прикрепленный снаружи проволокой, чтобы меч, закаленный резьбой, не мог сильно ранить его, когда щитonosный воин пойдет против своих врагов". У Тацита в "*Германии*" есть отрывок, любопытно иллюстрирующий это суеверие. The *Æstii*, he says, "*Matrem Deum venerantur: insigne superstitionis, formas aprorum gestant. Id pro armis omnique tutelâ*, защита культуры этих народов среди хозяев в настоящее время." Мистеру Бейтману, открывавшему курган в Дербишире, посчастливилось увидеть один из этих северных шлемов, увенчанный гребнем вепря. Шлем сделан из железа и рога, с заклепками с серебряными наконечниками. Свинья сделана из железа, у нее бронзовые глаза. Смотрите "Древности Дербишира" мистера Бейтмана для более полного описания этой любопытной реликвии[112]. Обычай украшать шлем гребнем относится к очень глубокой древности и впервые наблюдается у азиатов. Шайретана, сначала враги, а затем союзники египетских фараонов, "носили шлем, украшенный рогами, и часто увенчанный гребнем, состоящим из шара, поднятого на небольшом древке, который примечателен тем, что является самым ранним экземпляром гребня[113]". На ассирийских памятниках часто встречается шлем с гребнем; гребень обычно имеет форму веера, или изогнутого рога, или своего рода полумесяца с загнутыми книзу остриями. Смотрите книгу Лейарда "Ниневия и ее руины", чтобы найти примеры всего этого.



№ 18.

В дополнение к "белому" (или полированному) шлему, названному в предыдущем отрывке из "Беовульфа", в строке 5226 у нас есть шлем "коричневого" цвета (*шлем брун-фань*). Это могло быть изделие из кожи, железа с многолетними пятнами или даже из бронзы. В нескольких случаях были обнаружены бронзовые реликвии, которые, по-видимому, являлись каркасом шлемов. Предполагается, что эти металлические оправы — поскольку они бывают как из железа, так и из бронзы — были закреплены поверх кожаного колпака. Выгравированный здесь пример был найден в 1844 году на черепе скелета, эксгумированного на Лекхэмптон-Хилл, недалеко от Челтенхэма. Материал бронзовый, но обработан очень тонко. На вершине находится кольцо, а с одной стороны виднеется часть цепочки, которая, по-видимому, закрепляла его под подбородком. Кольцо, возможно, служило для прикрепления украшения с хохолком или грелот. Ливонский головной убор, выгравированный на пластине v. работы доктора Бера, имеет выступ на вершине, точно подобный этому, но с добавлением грелота, прикрепленного к кольцу. Бронзовые фрагменты, найденные сэром Генри Драйденом в могиле в Соулдерне, Оксфордшир, по-видимому, являлись частью шлема, подобного тому, что лежит перед нами[114]. Уже замеченный образец железа, обнаруженный мистером Бейтманом, также имеет каркас, хотя и несколько отличается по рисунку от лекхэмптонской реликвии. Другой железный каркасный шлем XIII века был найден в старом форте на острове Негропонт и изображен Хефнером на табличке lxiii. из его *Трахтена*. Сравните также таблицу xxxiv., часть ii., той же книги[115]. Секрет, выгравированный в томе vii. статья "Археологический журнал", страница 305, носит аналогичный характер: также как и так называемые паучьи шлемы и "череп для шляп", примеры которых можно увидеть в оружейных складах Тауэра. Но самой любопытной иллюстрацией назначения бронзовой реликвии, представленной на нашей гравюре на дереве, является шлем, предложенный для Королевской артиллерии в 1854 году. Металлическое обрамление этого предмета было идентично устройству древней защиты; оно состояло из обруча, охватывающего голову, и двух полукруглых полос, пересекающих друг друга на макушке и увенчанных металлическим набалдашником. Металлом в данном случае была латунь, и она не сильно отличалась по материалу от древней бронзы. Крышка под ней была из войлока. В англосаксонских иллюстрациях нередко можно увидеть головные уборы, в которых полосы золотого цвета пересекают поверхность другого оттенка; и не кажется невероятным, что эти примеры могут представлять рассматриваемый тип шлема. Похожие шлемы с полосами

встречаются на гобеленах Байе, на изображениях Расписной палаты в Вестминстере и на других памятниках. См. также Археол. Журн., том xii. стр. 9.

Бронзовый шлем также был обнаружен в Шотландии. Доктор Уилсон сообщает нам, что "часть грубо украшенного бронзового шлема была найдена в Аргайлшире"[116]. "Другой бронзовый головной убор хранится в Копенгагенском музее, и профессор Томсен упоминает похожие, "покрытые золотом". (Руководство пользователя.)

Уэйс упоминает деревянный шлем, который носил один из англосаксонских бойцов в битве при Гастингсе:-

"У руля тот факт, что *произошло*,
что это такое[117] el chief ne recéust.
Специальная[118] Поездка в Атачи,
И окрестности кол-Ласье".

На него напал нормандский рыцарь:—

"Кто руководит Англией Фери,
Производством масел"[119] ли абати,
Кто руководит Англией фери,[120]ли пенди,
Ли Англиз с главной тенденцией,
Ли рулевой волеизъявления[121] суз леввер,
Сын через посредника;
До сих пор ли не закончил,
Как добратся до земли чай[122]."

На книжных иллюстрациях этого периода шлем часто окрашен в желтый цвет, что может означать либо бронзу, либо позолоту. Иногда добавляется корона, но не только в случае королей, но и в случае выдающихся личностей в целом. Одна из фигур в короне на нашей гравюре на дереве, № 13, представляет патриарха Авраама. Носовая часть, по-видимому, была придана шлему примерно в конце десятого века, ранний пример чего представлен на рисунке воина на хлопчатобумажной рукописи Тиберия, С. vi. fol. 9, работе того периода. К середине следующего столетия его принятие стало повсеместным, и на гобеленах Байе его носят в равной степени норманны и саксы.

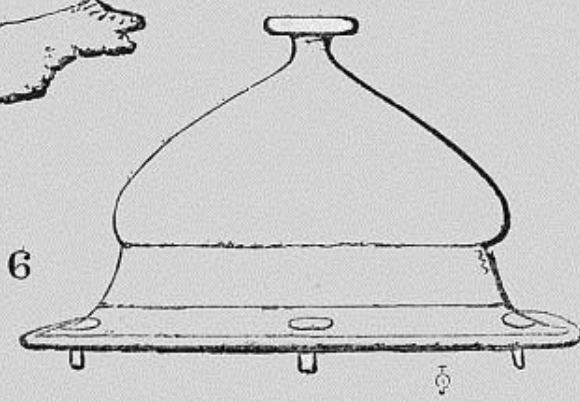
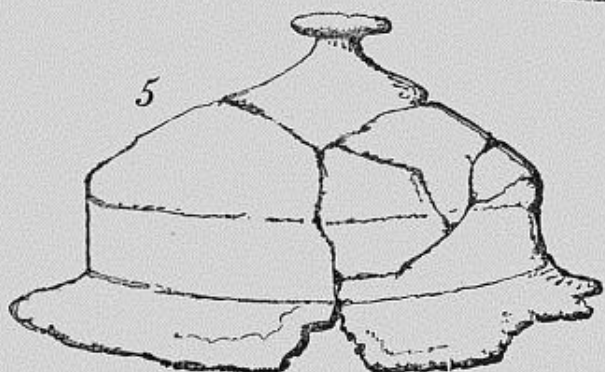
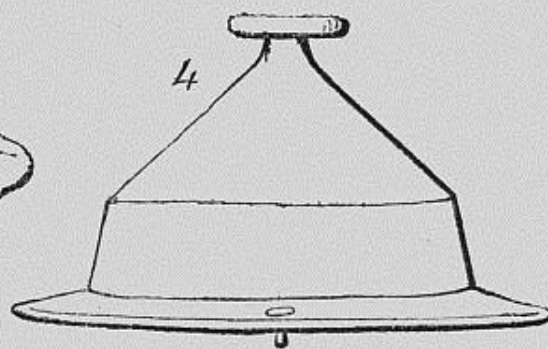
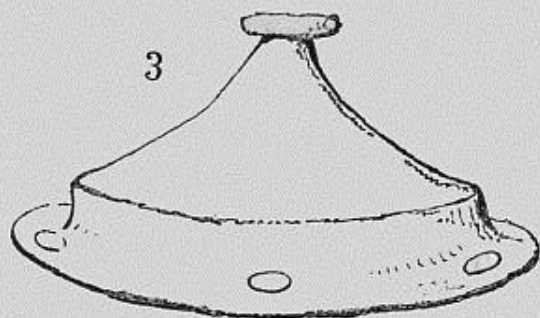
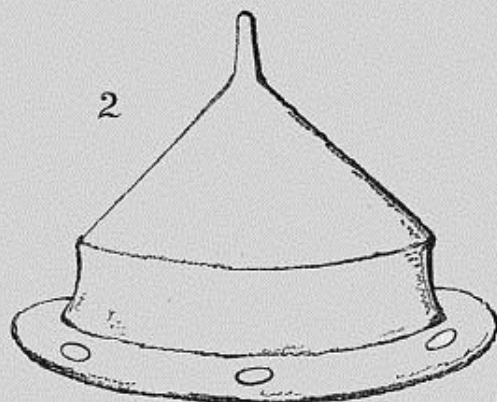
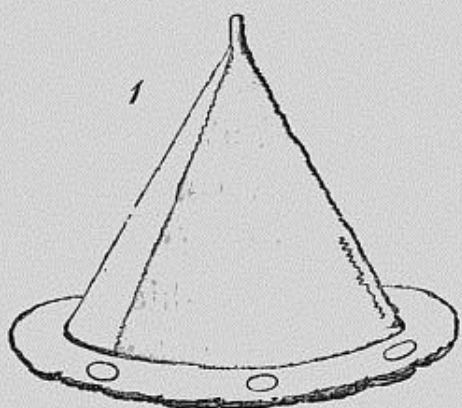


Фото XIX.

Для солдата, у которого бронежилет, по-видимому, был второстепенным соображением, Щит имел бы первостепенное значение. Таким образом, мы видим, что северный воин редко обходится без этой полезной защиты. Лидер и слуга, всадник и пехотинец — все вооружены мишенью. Его форма обычно была круглой, хотя на фотографиях, если смотреть в профиль, он часто имеет вид овала. И подобно тому, как пухлощеких гурий Востока называли "луноликими девицами", так и круглые мишени германцев поэты называли "лунными щитами". Они были выпуклыми, а в центре находился металлический выступ, обычно заканчивающийся пуговицей или шипом, но иногда и без того и другого. Щит с шипами, без сомнения, использовался в качестве оружия нападения. Пуговицы иногда покрывают серебром или лужат, как и головки заклепок, оставшихся по краю плаща. Поперек углубления выступа была прикреплена деревянная рукоятка, обтянутая железом; и за эту рукоятку щит держали на расстоянии вытянутой руки, при этом рука входила в углубление выступа: см. Гравюру на дереве, №13. На кладбище Уилбрэхем был найден колпачок щита, к которому рукоятка все еще была прикреплена заклепками. (Смотрите рис. 10 нашей XX-й пластины.) Щит иногда укрепляли полосами железа, закрепленными поперек внутренней стороны; эти полосы были продолжениями только что описанной рукояти. Такая рукоятка щита была найдена в Энвермеу аббатом Коше и изображена на листе xvi его работы. В этом примере рукоятка имеет поодной полоске с каждой стороны, идущей к краю щита. Похожий был найден на кладбище Мервингов близ Труа. Во франкской могиле в Лондоньере была обнаружена разновидность этого типа, у которой полосок, отходящих от рукояти, было *потри* с каждой стороны, расходящихся лучами к ободу. Этот очень любопытный образец выгравирован в *Сутеррейне Нормандии*, Фото viii. Другие были найдены в ходе недавних раскопок на острове Уайт.

Корпус щита обычно делался из дерева; предпочтение отдавалось извести. Так, в "Беовульфе"[123], "героический Виглаф"схватил свой щит, желтую липу" (*geolwe linde*). И заклинание, сохранившееся в Харл. ср., 585, стр. 186, содержит:—

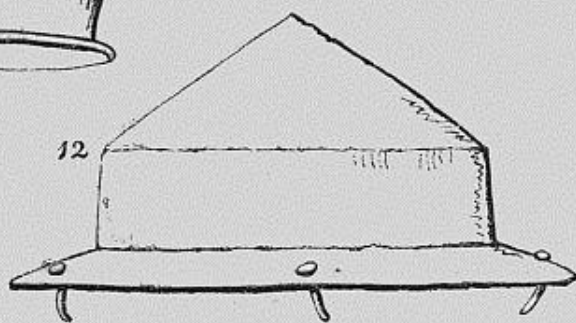
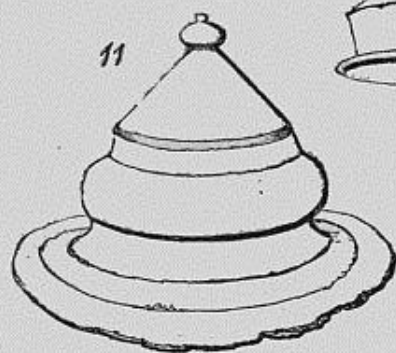
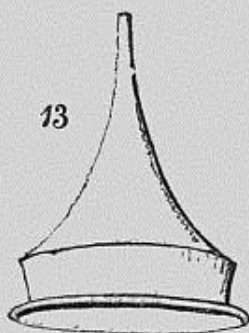
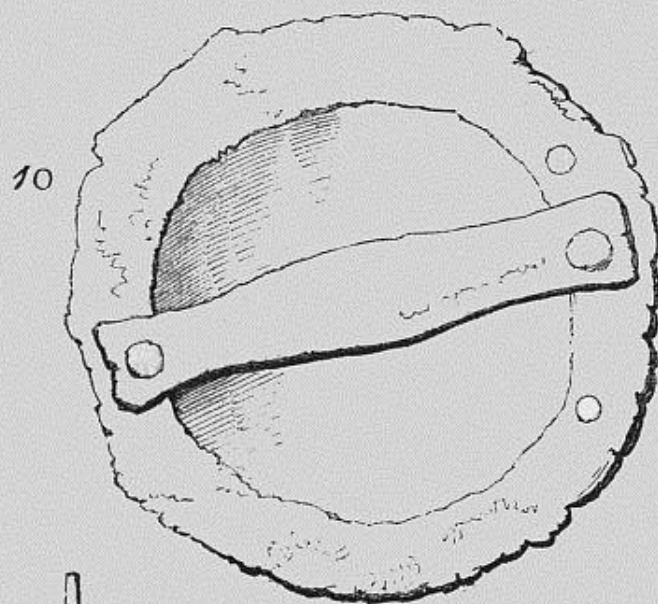
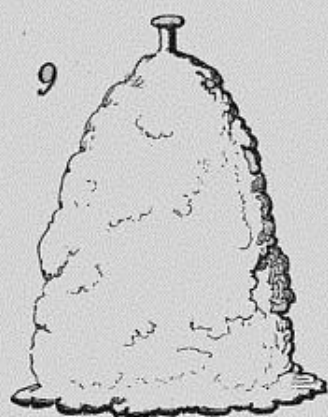
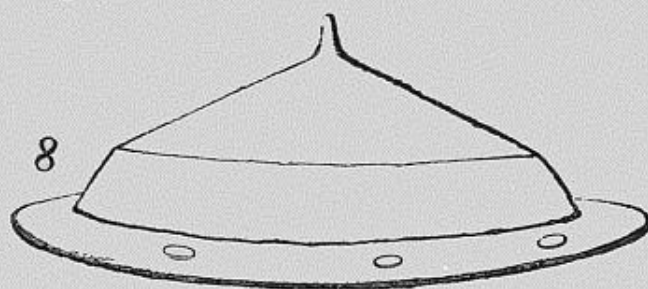
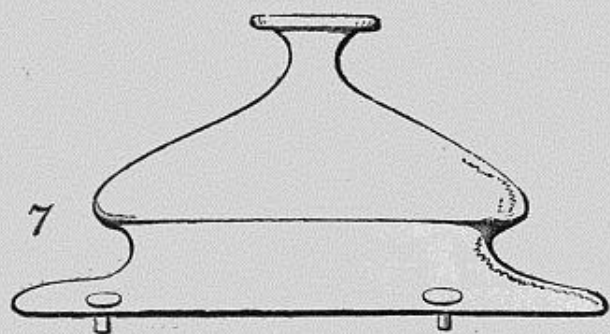
"Стод при линде
при леохтуме скильде":

"Я стоял под своим липовым щитом, под своим легким щитом". В англосаксонской поэме "Юдифь":-

"Воины шли маршем:
вожди на войну,
защищенные мишенями,
изогнутыми липовыми щитами".
(*hwealfum lindum*[124].)

Фрагмент о битве при Мэлдоне:—

"Леофсуну заговорил
и поднял свой липовый щит".
(*и его линде ахоф*[125].)



Табличка XX.

А Саксонская хроника, повествуя о поражении при Анлафе в 937 году, рассказывает нам, как король Ательстан и его герои

"дощатые стены гвоздили:
и рубили боевые липы".

Кожа иногда использовалась для изготовления щитов, как мы узнаем из Законов Этельстана, которые запрещают использовать овчины для этой цели под страхом штрафа в тридцать шиллингов. В примере с кладбища в Линтон-Хит, Кембриджшир, кожаное покрытие, казалось, было натянуто на железный колпак, а также на деревянную поверхность щита^[126]. Край был защищен металлическим ободком. Части этих ободков были найдены в могилах как в Англии, так и на континенте; и поскольку они представляют собой сегменты кругов, их можно использовать при определении формы самих щитов. В музее Шверина находится образец металлического обода в сборе: он круглый, и центральный выступ также присутствует.

Овальный щит встречается только в нескольких примерах. Одно было найдено среди могил, исследованных в Оберфлахе, в Швабии; другое изображено Сильвестром (т. i, стр. cxliv) с лонгобардской миниатюры одиннадцатого века; а третье встречается на гобелене из Байе, фото XVI. Поверхность северных щитов была расписана различными причудливыми узорами, иногда дополненными позолотой. И, поскольку различные северные племена приняли христианство, крест стал частым украшением. Восхвалитель королевы Эммы, описывая флот Канута Великого, говорит: "Erant ibi scutorum tot genera, ut crederis adesse omnium populorum agmina. Si quando sol illis jubar immiscerit radiorum, hinc resplenduit fulgor armorum, illinc vero flamma dependentium scutorum"^[127]."

Среди эмблем нет ничего геральдического, и даже во времена гобелена из Байе, как хорошо заметил Стотард, "мы не находим ни одного конкретного или выдающегося человека, дважды носящего одно и то же эмблему"^[128]."

На прилагаемом рисунке из Cotton MS., Клеопатра, VIII век н.э., мы видим, что англосаксонский всадник нес свой щит, когда им не пользовались, перекинутый за спину. Рыцари четырнадцатого века носили свои шлемы таким же образом, как можно видеть в прекрасной рукописи *Романа короля Мелиадуса*, Дополнительная рукопись, 12,228. Помимо обычных северных щитов, мы иногда находим их представленными такого большого размера, что они закрывают всего человека. В Harleian MS. 2908, fol. 53, есть два таких, но, возможно, простых преувеличения рисовальщика. Щиты такого типа, однако, определенно использовались на Востоке в ранние времена, и их можно увидеть в египетских, ассирийских и индийских памятниках^[129].



№ 21.

Было высказано предположение, что бронзовые покрытия щитов, которые время от времени обнаруживали в этой стране и которые обычно приписывают древним бриттам, могут относиться к англосаксонскому периоду: хотя мы допускаем эту вероятность, мы не должны забывать, что они еще не были найдены в англосаксонских захоронениях.

Щиты, положенные в могилы, были обычными "липами", от которых обычно не остается ничего, кроме металлического выступа и рукояти. Основные разновидности форм, предлагаемых бобышками, представлены на наших тарелках XIX. и XX., рис. с 1 по 10; все из английских гробниц[130]. Подобные реликвии были раскопаны в Шотландии, примером чего является № 11 на нашей Табличке. Это было добыто из гробницы в графстве Морей вместе с фрагментами дуба и останками коня героя и его уздечки. Ознакомьтесь с "Археологией Шотландии" доктора Уилсона, которому мы обязаны этим образцом. На континенте были найдены похожие предметы, лишь незначительно отличающиеся от наших собственных примеров. № 12 находится на кладбище в Зельцене, в Рейнской земле Гессен. № 13 находится в датской могиле. Смотрите также примеры, приведенные в Копенгагенском музее Ворсае, стр. 68. Щиты датчан, по-видимому, были украшены золотом и другими цветами, любимым оттенком которых был красный. В поэтической "Эдде" Семунда мы читаем о "красном щите с золотой каймой", а Хиральдус де Барри сообщает нам, что ирландцы "носили красные щиты в подражание датчанам". На некоторых датских щитах, как и на оружии, были начертаны руны[131]. В кургане, открытом в Кэнби, в Линкольншире, который, как полагают, принадлежал датскому викингу, была найдена часть деревянного щита, украшенного пластинами из серебра и бронзы с

узорами в виде змеев и завитков, столь характерных для этого периода. Эти фрагменты помещены в седьмом томе "Археологического журнала".

The *Guige* или ремень, с помощью которого мишень иногда подвешивалась к шее бойца, оставляя руки свободными для управления конем или обращения с оружием, по-видимому (по крайней мере, в последние дни саксонского владычества) использовался нашими соотечественниками, а также их соседями-норманнами. О дворянах Гарольда Уэйс рассказывает нам:

"Chescun out son haubert vestu,
Espée ceinte, el col l'escu."—*Rom. de Rou*, ii. 213.

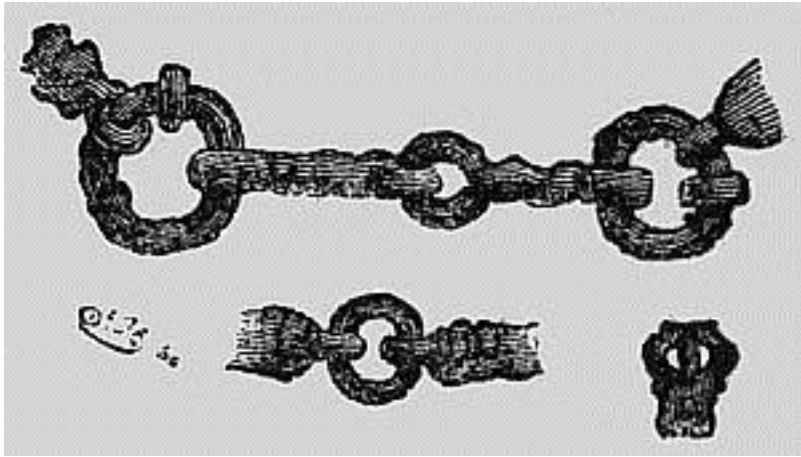
А на гобелене из Байе закрепленный таким образом щит от воздушного змея можно увидеть с английской стороны.

Место, занимаемое щитом в могилах франкских, германских и скандинавских героев, отнюдь не одинаково. Он был найден на груди, на правой руке, на коленях и под головой. Этот факт был точно установлен по положению макушки в могиле. Примеры можно найти на кладбище Озингелл, в "Исследованиях на Харнхэм-Хилл" (*Archæologia*, vol. xxxv.), в находке в Сельцене, в "Нормандском юге" и в описании кладбища в Линтон-Хит (*Archæol. Журн.*, т. xi. с. 108).

Конское снаряжение северной кавалерии, по-видимому, обычно было очень простым. Обратившись к нашим гравюрам №16 и 21, можно увидеть, что седло было снабжено подпругой, нагрудником и крупом, причем последние крепились по бокам седла: к уздечке, нагруднику и крупу прикреплены подвесные украшения. Из поэмы "Беовульф" мы узнаем, что боевой конь иногда обставлялся с большими затратами: -

"Тогда Прибежище воинов приказало привести во дворец восемь лошадей с орнаментом на щеках: ... на одной из которых стояло седло пестрой работы, украшенное драгоценностями: это было боевое сиденье великого короля, когда сын Хилфдина устраивал игру на мечях". -*Песнь* 15.

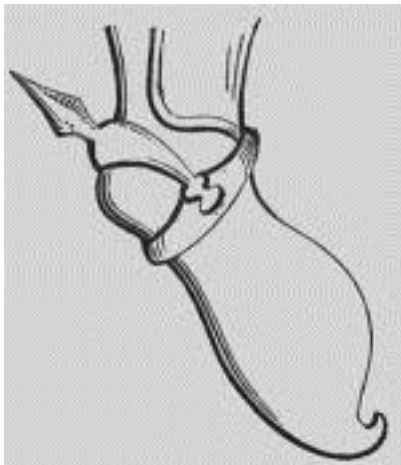
Пожертвование англосаксонского короля Этельберта дает еще один пример:- "Missurum etiam argenteum, золотой скаптон, предмет *продажи с золотым сердцем для изгнания геммиса*, серебряное зеркало, армилайзия олосерианская, камизиям орнатам, предписанный монашествующим безвозмездно для тупых "[132]."



№ 22.

Поскольку коня героя время от времени хоронили в одной могиле с его хозяином, металлические части снаряжения сохранились до нашего времени. Примеры стремян можно увидеть в *Летописи Nordisk Oldkyndighed*, в Копенгагенском музее Ворсае и в *Книге о жизни*: все они сделаны из цельного куска, с петлей для крепления кожи. Удила бывают двух видов: рукоятки с кольцами по бокам и рукоятки с длинными выступами. Приведенный здесь пример взят из кургана в Кенте, открытого графом Лондсборо. Похожий находится в ливонской коллекции Британского музея. Сравните также Йоркский том Археологического института, стр. 29; Копенгагенский музей Ворсае, стр. 70, 95 и 96; и статью М. Тройона в *Archæologia*, vol. xxxv. стр. 396 и табличка xviii. Рукоятка со щечками была найдена среди реликвий Уилбрэхема^[133], а также встречается на кладбище Сельзен^[134]. Очень любопытная разновидность, у которой рукоятка сделана из железа, а щечки - из бронзы с богатыми листьями, была обнаружена в старом форте в Лох-Фе, в Ирландии, и выгравирована в третьем томе "Археологического журнала". В кургане, открытом в Дании, были найдены остатки уздечки, покрытой тонкими серебряными пластинами.

Хороший пример англосаксонского седла, видимого без всадника, встречается на рукописи Cotton MS., Claudius, B. iv.; который был выгравирован Страттом в *Орде*. Смотрите также нашу вырезку из "Клеопатры", С. viii. (страница 77), где очень четко различимы нагрудник, круп и единственная подпруга.



Шпора этого периода состояла из одного стержня, иногда ромбовидной формы, иногда простого шипа. Черенки были прямыми. Следующая иллюстрация пастилки взята с бронзового памятника Рудольфа фон Швабена в кафедральном соборе Мерзебурга, работы одиннадцатого века[135]. Очень похожий образец, найденный при железнодорожных раскопках недалеко от Ноттингема, недавно был добавлен в коллекцию Tower. Он сделан из железа. Сравните швейцарский образец, выгравированный М. Тройоном в vol. xxxv. из *Археологии*, Лист xvii. У этого также есть ромбовидный наконечник, но шейка шпоры намного длиннее. У ливонского образца в Британском музее наконечник выполнен в виде простого четырехугольного шипа. Конический шип можно увидеть среди датских реликвий, изображенных на страницах 70 и 95 книги г-на Ворсааэ "Копенгагенский музей". Очень любопытная разновидность была обнаружена при раскопках англосаксонского кладбища в Линтон-Хит и фигурирует в одиннадцатом томе "Археологического журнала". Пряжки в этом образце, вместо того, чтобы прикрепляться к ремешку, образуют часть самой шпоры; они сделаны на концах голенищ.

Среди множества любопытных обычаев, выявленных при обследовании древних гробниц, не в последнюю очередь необычной является практика захоронения всадника с одной шпорой. Этот факт был замечен не только язычниками-норманнами, но и еще в тринадцатом веке; и он не основывается на сомнительных свидетельствах неосторожных наблюдателей, а подтверждается свидетельствами искусных и опытных археологов. Далее было отмечено, что шпора во всех подобных случаях прикрепляется к левой пятке. М. Тройон при своих раскопках в Коллин-де-Шаванн, кантон Во[136], обнаружил три шпоры, все разного размера, из чего он заключает, что "в устройстве кавалеров разные". В Бель-Эйре, недалеко от Лозанны, этот джентльмен обнаружил захоронение, где к левой пятке погребенного воина была прикреплена единственная шпора. And in a note to his interesting memoir on the exploration of the Colline de Chavannes, he says: "J'ai retrouvé quelquefois des éperons dans des tombes antiques, mais le mort n'en portait jamais qu'un seul, qui était fixé au pied gauche." Аналогичный случай, который был замечен при погребении в XIII веке, описан в четвертом томе "Археологического журнала", стр. 59. У рыцаря из семьи Броэм, найденного похороненным в алтаре церкви в Броэме, в Уэстморленде, была единственная железная шпора "вокруг левой пятки". "На правой пятке не было обнаружено шпоры". Этот рыцарь представлял собой еще одну особенность в том, что был похоронен со скрещенными ногами[137].

Как бы высоко ни ценил своего скакуна северный воин, от него требовалось преуспевать не только в искусстве верховой езды. Юный Грымр в старой поэме "Карл и Грымр": "когда он вырос, то привык оттачивать свой меч в воинственной игре щитами; лазать по горам; бороться; хорошо играть в шахматы; изучать науку о звездах; бросать камень; и заниматься другими видами спорта, которые ценились".

Олаф Трюгвасон, согласно старой норвежской хронике, цитируемой Понтоппиданом, "мог взобраться на скалу Смолсерхорн и закрепить свой щит на вершине; он мог обойти лодку с внешней стороны на веслах, пока мужчины гребли; он мог играть с тремя дротиками, поочередно подбрасывая их в воздух и всегда держа два из них поднятыми: он был амбидекстром и мог метнуть два дротика одновременно с равной силой; и он был настолько известным лучником, что никто не мог сравниться с ним". Чуть позже, Кали, граф Оркнейский, хвастается своими познаниями: "Я знаю, — говорит он, - девять различных искусств. Я искусен

в игре в шахматы, я могу выгравировать рунические буквы, я эксперт в своей книге, я умею обращаться с инструментами кузнеца, я могу передвигаться по снегу на деревянных коньках, я преуспеваю в стрельбе из лука, я управляюсь с веслом с речью, я могу петь под арфу и я сочиняю стихи[138]."

В десятом веке Ричард, герцог Нормандии

"-- по-Датски, по-норманнски[139] участник:
шартр без лир, а парц-разработчик:
Ли отец без бин фета, а дутринер.
Таблицы для эсхеза без компаньона:
Биеннале о пейстре[140] у нас в доме живет портье:
В лесу без сотрудничества с берсером[141] с уважением.
Как талевас[142] с этим связан кувир и молер[143],
Место, где совершается авантюра. эльс доблер:
Когти без восстановления, переподготовка и обезвреживание,
Сенатор деверц и трегет[144] для того, чтобы получить:
Если вы нанесете урон, вы не увидите гард,
возможно, я не смогу уничтожить удар".
Роман де Ру, том i, стр. 126.

Что касается стандартов, используемых в данный период, то дошедшие до нас уведомления не являются ни многочисленными, ни четкими. В "Жизни короля Альфреда" Ассера мы читаем, что англичане-христиане одержали знаменательную победу над язычниками-датчанами в Девоне, убив их короля и захватив "среди прочего знамя под названием Ворон; и они говорят, что три сестры Хингвар и Хабба, дочери Лодоброха, сплели этот флаг и подготовили его за один день"[145]. Более того, они говорят, что в каждом сражении, где бы этот флаг ни появлялся перед ними, если они хотели одержать победу, в середине флага появлялась живая ворона; но если они были обречены на поражение, она свисала неподвижно. И это часто подтверждалось". (Подп. 878.) Датские хроники и саги, однако, ничего не упоминают об этом знамени с Вороном. М-р Ворсае ("Датчане в Англии") приводит гравировку монеты Анлафа, на которой он узнает национальный символ, и снова находит его в фигуре птицы на одном из флагов гобелена Байе; "ибо вполне естественно, - говорит он, - что скандинавские викинги, или норманны, которые добились таких знаменитых завоеваний под предводительством Ворона Одина, должны продолжать сохранять этот знак" и т.д.

Древние свидетельства расходятся во мнениях относительно англосаксонского штандарта, использованного в битве при Гастингсе. William of Poitiers describes it as "memorable vexillum Heraldii, hominis armati imaginem intextam habens ex auro purissimo." Malmesbury follows him: "vexillum—quod erat in hominis pugnantis figura, auro et lapidibus arte sumptuosa contextum."

На гобелене из Байе этот рисунок отсутствует, но изображен старый Штандарт с Драконом, полученный северными народами от римлян. И следует заметить, что дракон Гарольда - это не изображение, нарисованное на флаге; но, подобно римскому *удрако*, фигура, прикрепленная головой к посоху, с телом и хвостом, парящими в воздухе. Сравните изображения на колоннах

Траяна и Антонина, а также на гобелене из Байе. Дракон встречается также у континентальных саксов. О Витикинде нам говорят: "Hic arripiens Signum, quod apud eo habebatur sacrum, leonis atque *draconis* и десупер аквила волантис инсигниитум чучело"[146]" и проч. И это изображение дракона, по-видимому, использовалось до тех пор, пока, наконец, не было вытеснено более точными различиями наследственной геральдики.

Известный обычай, упомянутый Plot, согласно которому жители Берфорда в Оксфордшире ежегодно "с большим весельем проносят фигуру дракона по городу, к которому они добавили Изображение Великана" в память о победе над Этельбальдом, королем Мерсии, в результате которой этот принц потерял свое "Знамя, на котором был изображен Золотой Дракон", кажется, заслуживает большего внимания, чем большинство обычаев старых времен. Знамя англосаксов с Драконом - это факт, подтвержденный многими памятниками; а изображение поверженного врага в облике отвратительного гиганта - это практика, получившая одобрение всех времен и всех наций.

Очень любопытный вид флага встречается в англосаксонской рукописи *Пруденция* в библиотеке Тенисона. Он подвешен к горизонтальной перекладине рядом с наконечником копья на манер паруса, натянутого петлей до реи, а сбоку свисает что-то вроде бахромы. Ниже он уменьшается, представляя в целом треугольную форму, и, по-видимому, является тем же объектом, что изображен мистером Ворсаи на монете Анлафа в его "Датчанах в Англии".

Знаменитый *Carrocio*, или Автомобильный штандарт итальянцев, по-видимому, был изобретен во время войны между миланцами и императором Конрадом около 1035 года Херибертом, архиепископом Милана. У этой повозки было четыре колеса, и ее тянули четыре упряжки волов, выкрашенных в красный цвет. Сама колесница была красной: посреди нее возвышалась высокая красная мачта, увенчанная золотым шаром и несущая знамя города; под знаменем было большое распятие, "распростертые руки которого, казалось, благословляли войска". Своего рода помост перед *карроциумом* был занят отрядом избранных героев, избранных для его особой защиты; в то время как на аналогичной платформе позади армейские трубы своими вдохновляющими звуками придавали уверенности всем вокруг. Перед отъездом из города на платформе колесницы отслужили мессу, и нередко назначался капеллан, который сопровождал ее на поле битвы и отпускал грехи раненым. Этому приему миланцев вскоре подражали другие итальянские города, и, несмотря на все это, было сочтено в высшей степени унижительным отдавать *каррочио* врагу[147]. Однако стандартному автомобилю приписывались и другие истоки. Его приписывали сарацинам, а монах Эгидий приписывает его изобретение герцогу Лувенскому, который приказал поместить знамя, вышитое английской королевой, в великолепную колесницу, запряженную четырьмя быками. На стороне итальянцев большой перевес доказательств.

Что касается различных видов используемых "гинекологов", то примечания не очень отчетливы. И главный источник неопределенности проистекает из того обстоятельства, что, поскольку самые ранние хронисты писали на латыни, они применяли названия римских машин к инструментам, которые, вероятно, отличались как по форме, так и по принципу действия от своих древних прототипов. Тацит, действительно, говорит нам, что варвары позаимствовали эти машины у римлян; дезертиры или пленные из их рядов обучали норманнов искусству их конструирования. Но, кажется, есть веские основания полагать, что движущий принцип классических перил, *кручение*, больше не использовался инженерами средних веков: их

инструменты состояли из рычага, снабженного на одном конце пращей, а на другом - тяжелым грузом; внезапное высвобождение последнего придавало силу, необходимую для выталкивания камня из пращи. Смотрите, как этот предмет полностью обсуждается во втором томе *Этюд по искусству* императора Франции; и сравните свидетельства, представленные памятниками двенадцатого и тринадцатого веков, приведенные на последующих страницах этого труда.

В 585 году мы узнаем от Григория Турского, что бургунды использовали таран и Тестудо при осаде Комменжа[148]. Эта Черепашка, или заслонка для пропеллеров Тарана, описана переводчиком Вегециуса в 1408 году под названием "Снейл или Велке"[149]: "Ибо, подобно тому, как у улитки есть свой дом над химом, где она ходит или отдыхает, и вне своего дома она находит свое жилище, где она живет". волле, и рисует гимн в а-йене, как и этот джинн". В IX веке мы получаем значительный свет на этот предмет излюбленного описания осады Парижа, написанного латинскими стихами аббатом, монахом из Сен-Жермен-де-Пре, который был очевидцем описываемых им событий. Он называет Мускулюс и Плутеус, оба из которых были приспособлениями для укрытия осаждающих во время работы; балисту и Мангану, машины для литья больших камней; катапульту, которая бросала как камни, так и дротики; Теребру, балку с шипами для сверления стен; и Фаларику, гин, метаящий дротики, к которым были прикреплены горящие вещества; ужасное орудие в те дни, когда крыши домов почти неизменно были покрыты соломой.

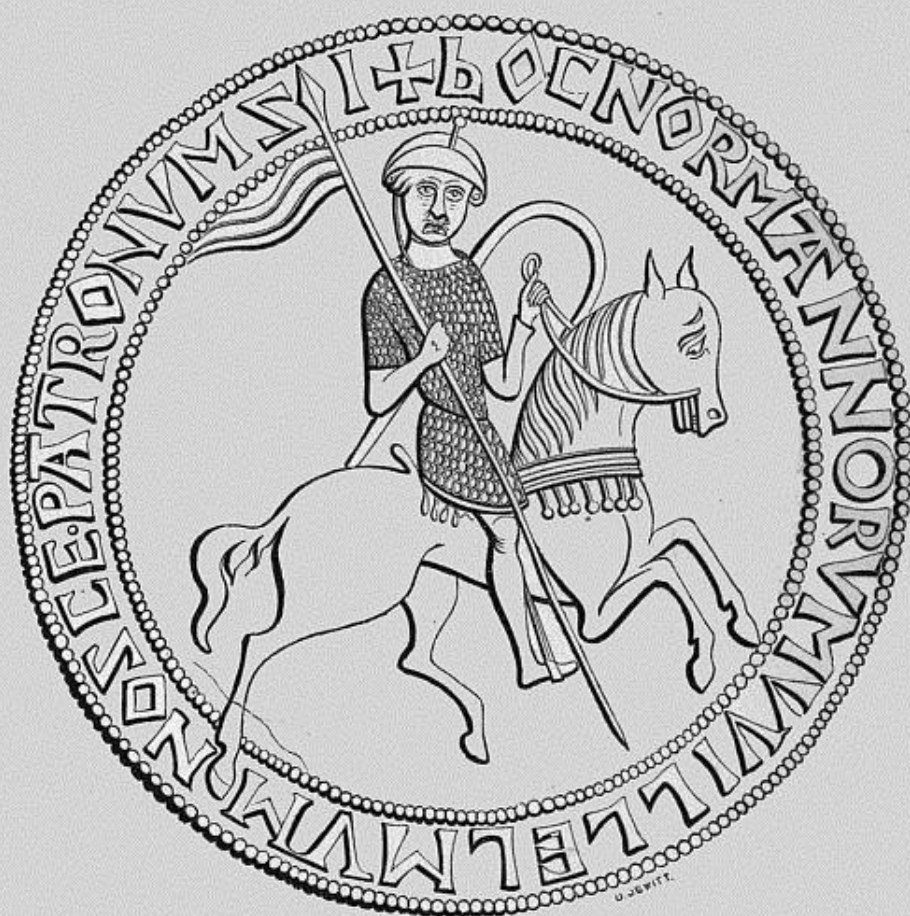
Передвижные башни, сделанные из дерева в подражание римским и установленные у стен города или замка, чтобы поставить нападающих вровень с защитниками, впервые упоминаются в средневековых летописях в XI веке; но они не играли заметной роли в военной истории наших дней до следующего столетия, когда их использование, по-видимому, было частым. Говорят, что в 1025 году Эд, граф Шартрский, использовал Подвижную башню при осаде замка Монброль, недалеко от Тура; и она была такой высокой, что перекрывала сторожевую башню крепости[150].

На востоке Европы Греческий огонь был известен еще в 673 году, когда, согласно историкам Нижней империи, философ Каллиник научил греков пользоваться им. Сам он, вероятно, получил знания об этом составе от арабов; ибо, хотя порох, действующий путем *детонации* (и, следовательно, пушка), по-видимому, впервые был произведен в Европе, и это произошло не ранее начала четырнадцатого века, азиаты использовали порох, который мог *воспламеняться* очень рано. Греческий огонь выпускался из трубок, которые можно было поворачивать в любом направлении. Принцесса Анна Комнина в "*Алексиаде*" описывает его использование, как оно использовалось императором Алексеем против пизанцев, из труб, установленных на носу его кораблей: "Они (пизанцы) были поражены, увидев огонь, который по своей природе поднимается вверх, направленный против них, по воле их врага, вниз и по бокам". Описание состава "Греческого огня" можно найти в Трактате Марка Грека. Ужас от этих ранних огнеметных смесей усиливался верой в то, что не только они, но и разжигаемое ими пламя неугасимо водой: "*de quibus fit incendarium quod ab aqua non extinguitur*"[151]. Однако Греческий огонь достиг запада Европы гораздо позже. Против его использования возражали, утверждая, что такое средство противоречит духу религии и благородству рыцарства: считалось, что оружие, которым могут одинаково пользоваться слабые и сильные, смиренные и могущественные, может стать опасным соперником рыцарского копья и доспехов.



№ 24.

Табличка XXV.



ЧАСТЬ II.

ОТ НОРМАННСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ ДО КОНЦА XII ВЕКА.

Для рассматриваемого периода, а именно примерно с 1066 года до конца XII века, нашими главными свидетельствами по-прежнему являются иллюстрации рукописей, сочинения хронистов и поэтов, рисунки на гобеленах, резьба по слоновой кости и металлическая чеканка. Ценные свидетельства из могил утеряны для нас; но для наших расспросов открывается новый источник информации - королевские и баронские печати, которые со второй половины XI века появляются в большом изобилии везде, где в моде феодальная система. Среди этих различных свидетельств есть два, которые для нашей конкретной цели особенно ценны, — гобелен из Байе и Хроника Роберта Уэйса. Кажется, нет никаких разумных сомнений в том, что этот гобелен был вышит в конце одиннадцатого века; и тот, кто внимательно изучит его, сразу убедится, что он был соткан не придворными дамами, а более грубыми руками обычных гобеленщиц.

Любопытная аналогия обнаруживается в оформлении *subsellæ* несколько более поздней даты [152]. Особая ценность "Хроники герцогов Нормандии" заключается в подробностях, с которыми Уэйс с удовольствием описывает случаи рыцарских подвигов. Заимствуя свои грубые факты у Вильгельма Жюмьежского и Дудо Сен-Кантенского, он дополняет их очертания неустанной проработкой. Не довольствуясь сухим описанием сбора войска или исхода нападения, он рассказывает нам, как новобранцы приходили в лагерь "по двое, и по трое, и по четверо, и по пятеро", и каким оружием они сражались, из какого материала были сделаны их посохи, а также длина и ширина их клинков. Сам он жил так близко к тому времени, о котором пишет, и изменения за этот промежуток времени были столь незначительны, что его описания в большинстве случаев точны, как у очевидца. О событиях, связанных с завоеванием Англии герцогом Вильгельмом, он узнает из уст своего собственного отца, жившего, вероятно, в одиннадцатом веке:

"— jo oï dire à mon pere:
Bien m'en sovint, maiz varlet ere."
Roman de Rou, l. 11564.

Однако мы все же должны иметь в виду, что Уэйс, как и все писатели и просветители средневековья, без колебаний дополнял свои картины окружающими его сценами; так что, хотя мы и признаем за ним большую долю авторитета, особенно в отношении событий, близких к его собственному времени, мы должны в некоторых случаях не доверять ему, когда его показания не согласуются с доказательствами, которые являются строго современными.

Вместе с феодальной системой была введена система воинских званий, которая полностью отличалась от социального положения. Эсквайр, рыцарь и баннерет не имели необходимой связи с принцем, бароном или частным лицом. Наследник короны мог быть всего лишь оруженосцем; удачливый солдат часто становился рыцарем. Эсквайр был претендентом на рыцарские почести и терпеливо проходил обучение оружию при дворе своего принца или в

замке какого-нибудь соседнего барона. В возрасте двадцати одного года он имел право на рыцарское звание: он становился, если у него было достаточно имущества, чтобы поддерживать достоинство, рыцарем-холостяком: "я работаю над поддержанием состояния шевалье; я занимаюсь воспитанием, не имею чести, и храню мир, который всегда сопровождает меня, как настоящего шевалье "[153]". На поле боя рыцарский контингент шел под вымпелом, флагом, который отличался от квадратного знамени баннерета тем, что был направлен на мушку. Звание рыцаря Баннерета требовало свиты не менее чем из пятидесяти латников со своими приверженцами, так что им могли пользоваться только богатые. Средневековые хроники полны примеров, когда рыцарь, отличившийся на поле боя, лишался этого сана под предлогом нехватки средств. Когда рыцарский вымпел принимался, он часто сразу же превращался на месте в Знамя; как в случае, описанном Оливье де ла Маршем: "Я был королем армии (военного дела) в походе к герцогу (Бургундия), и у меня был вымпел в главной магистрали, и у доброго герцога, без гантели главного сенешаля, подходил для того, чтобы возглавить главную очередь к вымпелу, и у меня была главная цель". вымпел и демеура карре; и настоящее знамя[154]." Фруассар предлагает несколько подобных примеров.

Феодальный сбор проводился по очень простому принципу: те, кто владел землей, должны были защищать землю и вносить свой вклад в армию короля пропорционально размерам своих владений. Те, кто не мог служить лично, как священнослужители и дамы, были обязаны предоставить замену. Различные контингенты, причитающиеся от вассалов, были тщательно занесены в списки; и в *Французской полиции* отца Даниэля сохранилась любопытная запись о таком списке времен Филиппа Огюста, в котором вкладчики в войско расположены в следующем порядке: архиепископы, епископы, аббаты, герцоги, графы, бароны, кастеляны, вавассоры, рыцари-знаменосцы и рыцари[155]. Обычный срок службы в этот период составлял сорок дней: любое дальнейшее посещение было добровольным и, вероятно, во многом зависело от перспективы добычи.

То, что рыцарь и эсквайр не обязательно были благородных кровей, может быть доказано многочисленными древними свидетельствами: одного или двух может быть достаточно. Мэтью Пэрис под 1250 годом сообщает нам, что король "дал хартию свободы уоррена в земле Сент-Олбанс некоему рыцарю по имени Джеффри, хотя и не происходил от благородных или рыцарских предков". Этот рыцарь получил привилегию, "женившись на сестре королевского клерка Джона Монселла". "Даму звали Кларисса, и она была дочерью сельского священника, но в своей гордыне превзошла свое положение, выставив себя на всеобщее посмешище". Froissart, in the fourteenth century, gives us the history of Jacques le Gris, the bosom-friend of the Earl of Alençon,—"qui n'étoit pas de trop haute affaire, mais un écuyer de basse lignée qui s'étoit avancé, ainsi que fortune en avance plusieurs; et quand ils sont tous élevés et ils cuident être au plus sûr, fortune les retourne en la boue et les met plus has que elle ne les a eus de commencement"[156]."

Фактически, можно было бы привести множество исключительных случаев почти по каждому пункту рыцарского обихода, и описание всего этого заняло бы много страниц. Подробности таких обычаев (образование варлетов, испытательный срок рыцарей, церемонии посвящения в должность и институты различных братств) никоим образом не входят в компетенцию этой работы. Большое количество информации по этим вопросам можно найти в *Мемуарах старинной кавалерии* Сен-Пале и в различных работах Дюканжа, многочисленные ссылки на страницы которых приведут более критичного исследователя к широкому кругу ценных

источников. Удачный очерк феодальной системы, как она существовала в Италии, появляется в первом томе *"Итальянских республик в моей жизни"* Сисмонди, стр. 80, кв.

Помимо уже замеченных феодальных войск, существовал более общий сбор, когда государству угрожала какая-либо насущная опасность. Таким образом, в 1124 году Луи ле Гро встретил угрозу вторжения императора Генриха V. Собрав армию численностью более 200 000 человек[157]. А при Филиппе ле Беле у нас есть указ, призывающий всех его подданных, "благородных и не благородных, какого бы состояния они ни были, в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет", быть готовыми выйти на поле боя. Аналогичное положение было найдено и в Англии. В *Отрядный комитет*, находившийся под командованием шерифов различных графств, входили все свободные люди, способные носить оружие, в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет. В 1181 году Генрих II учредил судилище оружия, согласно которому все его подданные, будучи свободными людьми, должны были быть готовы к защите королевства: "Всякий, у кого есть один рыцарский гонорар, должен иметь герб (*loricam*), шлем (*cassidem*), щит и пик; и у каждого рыцаря столько плащей, шлемов, щитов и пиков, сколько у него будет рыцарских гонораров в его владениях. Каждый свободный мирянин, имеющий арендную плату или движимое имущество стоимостью в шестнадцать марок, должен иметь герб, шлем, щит и копье. Каждый свободный мирянин, имеющий в движимом имуществе десять марок, должен иметь кольчугу (*halbergellum*), железный колпак и копье (*capelet ferri et lanceam*). Каждый гражданин и все сообщество свободных людей должны иметь "вамбаис", железный колпак и копье. После смерти любого, у кого есть это оружие, оно остается его наследнику. Любое лицо, имеющее больше оружия, чем требуется настоящим судебным решением, должно продать или подарить его, или таким образом отчуждать его, чтобы оно могло быть использовано на королевской службе. Ни один еврей не должен иметь при себе никакого герба или кольчуги (*loricam vel halbergellum*), но должен продавать их или дарить, или иным образом распоряжаться ими так, чтобы они оставались в пользовании короля. Ни один мужчина не должен выносить оружие за пределы королевства или продавать его для такой перевозки. Никто, кроме свободного человека, не должен быть допущен к принесению военной присяги (*et præcepit rex, quod nullus reciperetur ad sacramentum armorum nisi liber homo*[158])." В этом любопытном документе следует отметить, что старое национальное оружие, топор, полностью опущено; и лук, который впоследствии стал столь эффективным оружием пехоты этой страны, также не упоминается. Обширный сбор, указанный в этих отрывках, явно был сбором так называемых *Arrière-ban*, *Полиции коммун*, или *Communitates Parochiarum*; войск, которые маршировали под знаменами своих соответствующих приходов. For in an ordinance of Charles VI. of France, in 1411, we find the *ban* and *arrière-ban* very exactly defined:—"Mandons et convoquons par devant nous, tous noz hommes et vassaulx tenant de nous, tant en fiefs qu'en arrière-fiefs: et aussi des gens des bonnes villes de notre royaume qui out accoustumé d'eulx armer par forme et manière de arrière-ban"[159]."

Поскольку вассалы не всегда были расположены менять ястреба и гончую на копье и боевого коня, а короли оказывались лишь в плохом положении со стороны баронов, которые стали почти такими же могущественными, как они сами, был разработан план, с помощью которого оба были избавлены от этого затруднения феодальных отношений. Вассал получал денежную выплату, называемую *Scutage*, за службу своему сеньору; а сеньор на доходы от этого щитового налога получал помощь иностранных солдат. Генрих II. в Англии и Филипп Август во Франции использовали этих наемников, которых звали Котерелли, Рутарии, Баскли и Брабаньоны, имена,

полученные от их состояния или страны[160]. Уэйс сообщает нам, что Вильгельм Завоеватель имел наемные войска вперемешку со своими феодалными последователями: —

"О содержании земель из солдат:
кто на земле, тот на месте". —*Роман де Ру*, л. 13797.

Снова:—

"Dunc vindrent soldéirs à lui:
Et uns è uns, è dui è dui,
E quatre è quatre, è cinc è sis,
E set è wit, è nof è dis:
E li Dus toz les reteneit:
Mult lor donout è prameteit.

Алькванц продает до востребования,
Живет вечно". —*Строка* 11544.

Помимо перечисленных выше войск, королевская личная гвардия к концу XII века приобрела известность. Говорят, что Филипп Август учредил этот корпус в Святой Земле, чтобы защитить свою персону от происков Горного Старца; и в подражание своему союзнику Ричард Английский олицетворял подобную силу. *Оружейные слуги, сержанты* или *сержанты с булавами*, были вооружены *наголо*, и помимо их отличительного оружия, булавы, имели лук и стрелы[161]и, конечно же, меч. В четырнадцатом веке у них было копье[162]. В начале пятнадцатого века, как мы узнаем из любопытных резных камней[163], ранее находившиеся в церкви их братства Сент-Катрин-дю-Валь в Париже, а ныне хранящиеся в церкви Сен-Дени, *сержанты армии* все еще были облачены в полные доспехи, их оружием были булава и меч. Численность этих охранников в их первом учреждении не ясна, но во времена Людовика VI Французского их *сократили* до сотни. Следует иметь в виду, что название *serviens* или *sergent* применительно к военным имело гораздо более широкое значение, чем название телохранителя. Сюда часто входило все, что ниже достоинства рыцаря.

Лучники в армии Вильгельма Завоевателя выполняли те обязанности по подготовке к бою, которые в более поздний период выпали на долю мушкетеров, а в наши дни перешли к канонирам. Нормандские лучники - первые из войск вторжения, ступившие на английскую землю:

"Есть ли лучники на примерах:
Местность на примерах Венеции.
Dunc a chescun son arc tendu,
Couire et archaiz el lez pendu.
Tuit furent rez è tuit tondu,
De cors dras furent tuit vestu."—*Rom. de Rou*, l. 11626.

Эти выбритые и подстриженные лучники в коротких мундирах, с колчанами, висящими на боку, точно воспроизведены на гобелене из Байе (рисунки xiii, xv и xvi):

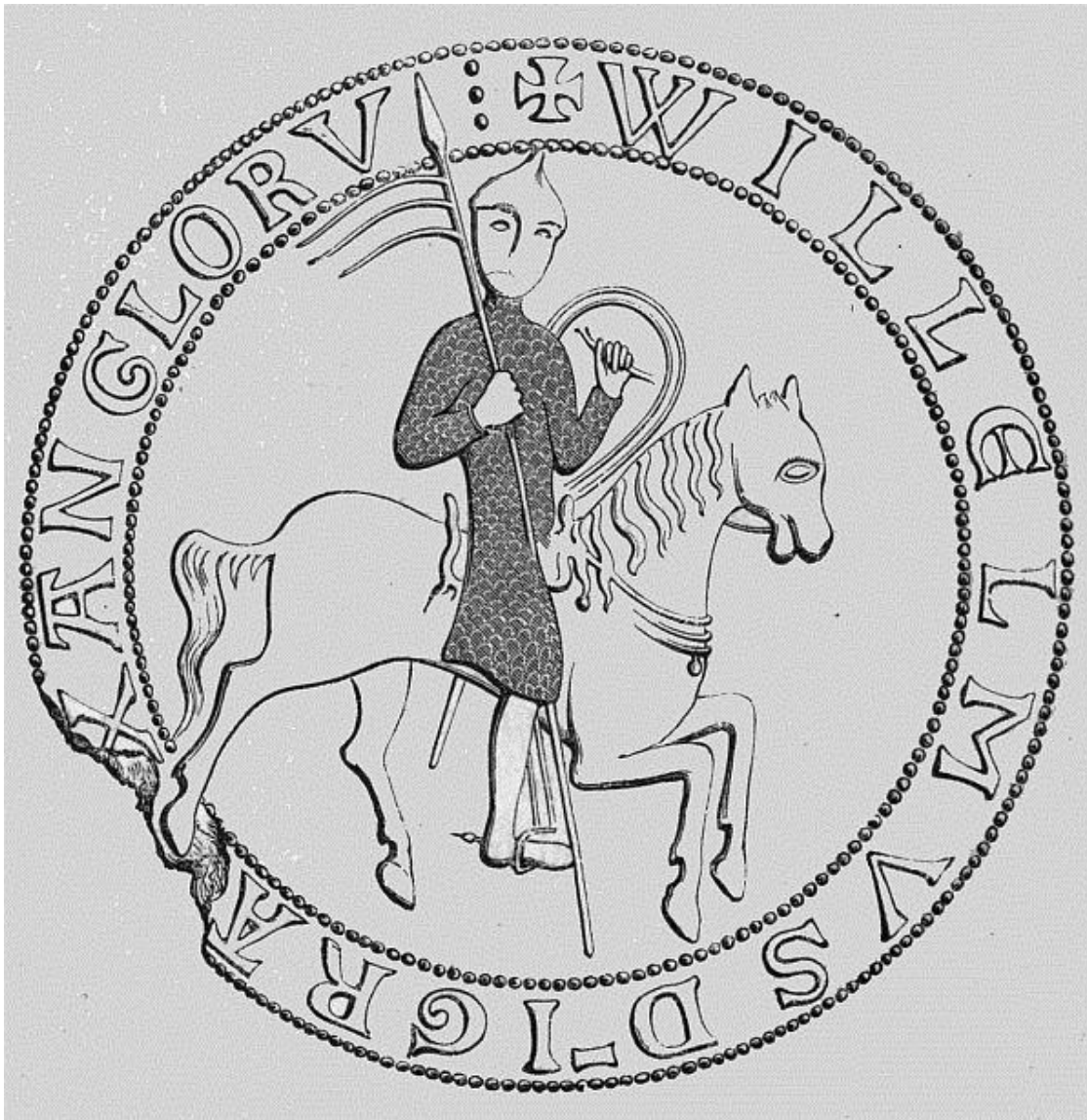
"La gent à pié fu bien armée:
Chescun porta arc et espée.
Ни яичек, ни часовен,
Ни пьез, ни панелей.
Alquanz unt bones coiriés,
K'il unt à lor ventre liés.
Plusors orent vestu gambais,
Couires orent ceinz et archais.

Cil a pié aloient avant
Serrément, lors ars portant."—*Line* 12805.

Из этого любопытного отрывка следует, что лучники Вильгельма не были особым и четко организованным корпусом, но что *все пешие* были вооружены луком. Шапки и сапоги отчетливо изображены на гобелене из Байе; и из этого ценного памятника мы получаем точное подтверждение заявления Уэйса о том, что некоторые лучники были облачены в доспехи. Смотрите Таблицу xiii. Мы должны также отметить, что преимущество плотного построения было полностью оценено в этот день. Отмеченный выше сомкнутый пеший порядок был также принят кавалерией: —

"Cil à cheval è cil à pié
Tindrent lor eire è lor compas,
Serrément lor petit pas,
Ke l'un l'autre ne trespasout,
Ne n'aprismout ne n'esloignout.
Tuit aloent serrément,
E tuit aloent fièrement."—*Line* 12825.

На фото xiii. на гобелене из Байе мы находим лучника, который несет свой колчан, но не "эль ле пенду", а перекинутый за спину, так что стрелы находятся у правого плеча. На фото xvi. у нас есть конный лучник, присоединившийся к группе рыцарей в преследовании разбитых саксов; из чего мы можем рискнуть заключить, что при бегстве врага лучники, которые могли раздобыть лошадей, действовали вместе с кавалерией в преследовании бегущего врага.



БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ УИЛЬЯМА РУФУСА.

№ 26.

Если нормандские лучники по большей части были облачены в "корсажи", то всадники были полностью экипированы лучшим военным снаряжением того времени: —

"Данк - армен ли Шевалье,
Обучающий армеец и обучающий хауберджи"[164]:
Эску аль коль, исцеляющий ласье:
Ансамбль защиты аль гравье[165],
Эскулап Арме и сын боевого коня.
Tuit orent ceintes les espées,
El plain vindrent lances levées.
Ли Барунц или гонфаноны,
Ли кавалеры или пеноны". — *Роман де Ру*, л. 11639.

"Кавалеры в кольчугах и доспехах,
Шос де фер, рулевой луизанц,
Эскуз в качестве полковников, опорников и копейщиков". — *Строка 12813.*

На юге военная наука была уже настолько развита, что был установлен Кодекс дисциплины в войсках. Правила, установленные императором Фредериком для управления своей армией в Италии в 1158 году, были сохранены Радевичусом из Фризинги[166], и приведены Сисмонди[167].

Везде, где феодальная система пускала корни, преобладали схожее вооружение и схожая тактика. Военные

"Chevals quistrent et armes à la guise franchoise,
Quer lor semblout è plus riche è plus cortoise."

Но в пограничных странах Европы, где все еще сохранялись старые свободы кельтов и тевтонов, методы ведения войны были совсем иными. В Ирландии, Шотландии, Уэльсе и на севере Скандинавии герои ни в коем случае не были одеты по образцу гобеленов из Байе. От Хиральда Камбрэнсиса мы узнаем, что ирландцы в двенадцатом веке не носили доспехов. При верховой езде они не использовали ни седла, ни шпор. Их щиты были круглыми и выкрашены в красный цвет. Шлемов у них не было. Их оружием были короткие копья, дротики и топор. Топоры, которые они заимствовали у норвежцев и остменов, были превосходно откованы. "Они пользуются только одной рукой, когда наносят удар топором, вытягивая большой палец вдоль рукояти, чтобы направить удар; от которого ни шлем не может защитить голову, ни железные складки доспехов - тело; поэтому в наше время случилось, что все бедро солдата, хотя и закованного в хорошо закаленные доспехи, было отрублено одним ударом, конечность упала с одной стороны лошади, а умирающее тело - с другой. Они также превосходят все другие нации в метании камней в бою, когда другое оружие их подводит, к большому ущербу для своих врагов[168]." Поскольку в то время ирландцы не пользовались луком, и, следовательно, им нечего было противопоставить дальней атаке нормандских лучников, опустошение, произведенное этими последними войсками, было ужасающим; так что Гиральдус в своей главе "*Qualiter Hibernica gens sit expugnanda*" рекомендует, чтобы при всех нападениях на них лучники были смешаны с тяжеловооруженными силами.

Валлийцы также сохранили свой старый способ ведения войны:—

"Gens Wallensis habet hoc naturale per omnes
Indigenas, primis proprium quod servat ab annis,"

говорит Гийом ле Бретон. "Они легко вооружены, - пишет Гиральдус Камбрэнсис, - так что их ловкости ничто не препятствует; они облачены в кольчуги (*loricis minoribus*), имеют горсть стрел, длинные копья, шлемы и щиты, но редко появляются в железных поножах (*ocreis ferreis*). Быстрые и щедрые скакуны, которых производит их страна, несут их вождей на битву, но большая часть народа вынуждена маршировать пешком по болотам и неровной местности. Те, кто садится верхом, в зависимости от времени и места, как для отступления, так и для наступления, легко становятся пехотинцами. Те из пехотинцев, у кого нет босых ног, носят ботинки из необработанной

кожи, сшитую варварским способом. Жители Гвентленда более привычны к войне, более известны доблестью и более искусны в стрельбе из лука, чем жители любой другой части Уэльса. Следующие примеры подтверждают справедливость этого утверждения. Во время последнего штурма замка Абергавенни, который произошел в наши дни, два солдата прошли по мосту к башне, построенной на земляном холме, чтобы зайти валлийцам в тыл, их лучники, заметившие их, выпустили свои стрелы, пробив дубовые ворота толщиной в четыре пальца: в память об этом деянии стрелы до сих пор торчат в воротах, а их железные наконечники видны с другой стороны.... Их луки сделаны из дикого вяза, неполированные, грубые и неотесанные, но прочные; рассчитаны не на то, чтобы пускать стрелу на большое расстояние, но наносить очень тяжелые раны в ближнем бою[169]." Гийом ле Бретон, описывая валлийские войска, сопровождавшие Ричарда Львиного кота во Францию, полностью лишает их защитных доспехов:

"Nec soleis plantas, caligis nec crura gravantur:
Frigus docta pati, nulli oneratur ab armis,
Nec munit thorace latus, nec casside frontem[170]."

Но в этом случае он разрешает им большее разнообразие оружия, чем указано в рассказе Гиральда:—

"Clavam cum jaculo, venabula, gesa, bipennem,
Arcum cum pharetris, nodosaque tela vel hastam."

The *Геша* этого отрывка - часто упоминаемый *гизарм*. *Узелок тела* не столь ясен, но, возможно, это был дротик с шариком на конце; целью этого дротика было остановить дротик, когда он, проскальзывая сквозь руку, наносил рану, чтобы его можно было использовать заново. Такое оружие использовалось древними египтянами[171], и нубийцы и Абабдех до сих пор используют упомянутый выше способ.

Ховеден, описывая битву при Линкольне в 1141 году и расположение армии графа Честерского, говорит: "На фланге было великое множество валлийцев, более обеспеченных отвагой, чем оружием".

В Шотландии действовали два ведущих фактора влияния. Горцы придерживались своих старых привычек и своего старого оружия с упорством, которое не угасло даже в наши дни. Круглый щит, украшенный узлами, сохранился до времен битвы при Каллодене, а кинжал с рукоятью того же рисунка все еще в моде. Но на юге Шотландии мода Франции и Англии сильно распространилась; особенно ее продвигали толпы недовольных дворян саксонской и нормандской крови, которые искали при дворе шотландского короля утешения в своих несчастьях или мести за причиненные им обиды. Так, на гербе Александра I. (1107-1124 гг.) мы находим этого монарха в кольчуге с туникой и носовом шлеме, вооруженного копьем и воздушным змеем-щитом, точно таким, как это видно на памятниках его более южного времени. Это снаряжение, однако, было найдено только у лидеров их хозяев, и даже они не всегда считали нужным перенимать новую моду. Так, в битве при Штандарте в 1138 году граф Стратерн восклицает: "Я не ношу доспехов, но те, кто их носят, сегодня не продвинутся дальше меня".



С БОЛЬШОЙ ПЕЧАТИ АЛЕКСАНДРА I., КОРОЛЯ ШОТЛАНДИИ.

№ 27.

Эта битва за Штандарт, названная так от *Carrociium*, или Автомобильного штандарта, который был введен в действие англичанами, дает нам хорошее представление о войне шотландцев того времени. Давайте, однако, помнить, что этот бой описывает английский хронист. Роджер Ховеденский сообщает нам, что епископ[172], сопровождавший английскую армию, обращаясь к войскам перед сражением, сказал о шотландцах: "Они не знают, как вооружиться для битвы; тогда как вы в мирное время готовитесь к войне, чтобы в бою не столкнуться с сомнительными случайностями ведения войны.... Но теперь враг, *наступающий в беспорядке*, предупреждает меня, чтобы я заканчивал свое выступление, и мчится вперед *разбросанным фронтом*, что дает мне отличный повод для радости ". В конце своей речи он сказал: "все английские войска ответили: "Аминь, аминь"".

В тот же миг шотландцы подняли крик своей страны, и крики "Олбани, Олбани!" вознеслись к небесам. Но крики вскоре потонули в ужасном грохоте ударов. Когда ряды воинов Лотиана, получивших от короля Шотландии, хотя и неохотно с его стороны, славу наносить первый удар, метать дротики и выставлять свои копья необычайной длины, обрушились на закованных в доспехи английских рыцарей, как бы натываясь на железную стену, они обнаружили, что те непробиваемы. Лучники короля Стефана, смешавшись с кавалерией, облаком обрушили на них свои стрелы, пронзая тех, кто не был защищен доспехами. Тем временем все норманны и англичане стояли одной плотной фалангой вокруг штандарта, совершенно неподвижные. Главный командир воинов Лотиана пал убитым, после чего все его люди обратились в бегство. Увидев это, основные силы шотландцев, которые с величайшей отвагой сражались на другом участке поля боя, были встревожены и обратились в бегство. Затем царское войско, которое царь Давид сформировал из нескольких кланов, как только оно осознало это, начало отступать: сначала человек за человеком, затем по частям; царь стоял твердо и, наконец, остался почти один. Друзья короля, увидев это, заставили его вскочить на коня и пуститься в бегство. Но Генрих, его доблестный сын, не прислушиваясь к примеру своих людей, а стремясь исключительно к славе и доблести, смело атаковал вражеский строй и потряс его поразительной энергией своего наступления. Ибо его отряд был единственным всадником и состоял из *англичан и норманнов, которые были частью семьи его отца*. Его всадники, однако, не могли долго продолжать свои атаки на пеших солдат, закованных в доспехи и неподвижно стоявших сомкнутыми и плотными рядами; но со сломанными копьями и ранеными лошадьми они были вынуждены обратиться в бегство. Ходят слухи, что многие тысячи шотландцев были убиты на том поле, не считая тех, кто, будучи схваченными в лесу и на стоянке кукурузы, были преданы смерти. Соответственно, англичане и норманны счастливо одержали победу, причем с очень небольшим пролитием крови". Штандарт, давший этому сражению при Кутон-Мур такое популярное название, представлял собой мачту, установленную на колеснице, с серебряным пиксом на вершине, изображающим Воинство, а под ним - три знамени: Святого Петра, святого Иоанна Беверлейского и святого Уилфрида Рипонского.

Снаряжение скандинавских героев двенадцатого века дошло до нас в нескольких современных источниках. Автор "*Кулинарного зеркала*", исландской хроники того периода, наставляет своего сына в его воинских обязанностях: сражаясь пешим, он должен носить свои тяжелые доспехи, а именно бирни, или толстый панзар[173] (*тунг панзара*), прочный щит (*скиолд*) или щит (*буклара*) и тяжелый меч. Для морских действий лучшим оружием являются длинные копья, а для защиты - панцары из мягкой и хорошо окрашенной льняной ткани, вместе с хорошими шлемами (*хьялмар*), подвесными стальными колпаками (*ханганди сталхуфур*) и широкими щитами[174]. Указания по снаряжению рыцаря более подробны: пусть всадник наденет эту одежду: сначала штаны из мягкой и хорошо выделанной льняной ткани, которые должны доходить до пояса бриджей (*брока-белтис*); затем, поверх них, хорошие кольчужные штаны (*брин-хосур*) такой высоты, чтобы их можно было закрепить двойным шнурком. Затем пусть он наденет хорошие бриджи (*брин-брекур*), сшитые из прочного льна; к ним должны быть прикреплены наколенники, сделанные из толстого железа и укрепленные крепкими гвоздями. Верхняя часть тела должна быть сначала облачена в панцар из мягкого полотна (*blautann panzara*), который должен доходить до середины бедра; поверх него - хорошая защита груди (*briost biorg*) из железа, простирающаяся от груди до пояса бриджей; поверх этого - хорошая рубашка, а поверх всего - хорошая панцар той же длины, что и туника, но без рукавов. Пусть у него будет два меча — один за поясом, другой привешен к луке седла; и хороший кинжал (*брин-*

найф). У него должен быть хороший шлем, сделанный из испытанной стали и снабженный всеми средствами защиты лица (*встречался с аллри илищем бьяургом*); и хороший и толстый щит, подвешенный к шее, особенно снабженный прочной рукоятью. Наконец, дайте ему хорошее и острое копье из испытанной стали, снабженное прочным древком[175]. Следует отметить, что тело здесь облачено в четыре различных предмета одежды, один поверх другого; которые, по-видимому, представляют собой *тунику*, доходящую до середины бедра; нагрудную защиту из железа (сделанную из цельного куска или из нескольких пластин меньшего размера, не указано); *кольчугу* из кольчуги и *гамбезон*, стеганный плащ, сделанный в данном случае без рукавов. Помимо названного выше оружия, топор по-прежнему был в фаворе у северных воинов. По древним законам Хельсингии, каждый юноша по достижении восемнадцатилетнего возраста был обязан снабдить себя пятью видами боевого снаряжения: мечом, топором, шлемом (*джернхатт*), щитом и бирни или гамбезоном. Энергичный переход Giraldus Cambrensis живо представляет нам норвежские войска. Describing their attack upon Dublin, about 1172, he has: "A navibus igitur certatim erumpentibus, duce Johanne, agnominethe wode, quod Latine sonat insano vel vehementi, viri bellicosi Danico more undique ferro vestiti, alii loricis longis, alii laminis ferreis arte consutis, clipeis quoque rotundis et rubris, circulariter ferro munitis, homines tam animis ferrei quàm armis, ordinatis turmis, ad portam orientalem muros invadunt." Круглые раскрашенные щиты, окаймленные металлом, напоминают о подобных средствах защиты англосаксов; а в многослойной кирасе мы видим еще один образец *джерантских* доспехов, которые носил Карл Великий. В *Sage* о короле Сверрере, написанной ближе к концу двенадцатого века аббатом Тингора в Исландии и другими, из рассказа самого короля, у нас есть любопытный отрывок: "Сверрер жил в хорошей берни, над ней был сильный гамбезон (*панзара*), а над всем красным сукном (*раудан хиуп*[176]). С ними у него была широкополая стальная шляпа (*vida stálhufu*), похожая на те, что носили немцы; а под ней кольчужный колпак (*бринколлу*) и "панцара-хуфу". На боку у него висел меч, а в руке было копье[177]". Из этого описания становится ясно, что те необычные шлемы с широкой оправой, которые время от времени встречаются на памятниках двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого веков и чаще в более поздние времена; примеры которых встречаются среди скульптур гробницы Эймера де Валенса в Вестминстерском аббатстве и на большой печати Генриха III, короля Испании; были завезены в северную и западную Европу через Германию; немцы, со своей стороны, вероятно, унаследовали их от итальянцев; к которым эта форма головного убора перешла от хорошо известных *лечатасусов* классических времен. . *Панзара-хуфу*, вероятно, представлял собой стеганую прическу, которую носили под стальной шляпой. Сравните "Виллемин", том i, лист cxliii; и посмотрите нашу гравюру на дереве, № 56.

Пруссаки в XII веке лишь немногим отличались по своему внешнему виду от англосаксонских воинов предшествующей эпохи. Они носят туники, доходящие до колен и подпоясанные на талии; но вместо ножных ремней у них узкие чулки. У них копья, немного превышающие их собственный рост, а щит, который они носят, имеет среднюю между воздушным змеем и грушевидной формой. Мы черпаем эти сведения из любопытных рисунков бронзовых дверей Гнесенского собора, приведенных мистером Несбитом в девятом томе "Археологического журнала" (стр. 345); предметом исследования является легенда о святом Адальберте. Харткнох (*De Rebus Prussicis*) сообщает нам, что оружием пруссаков были дубинки, мечи, стрелы, копья и щиты, а их одежда состояла из короткой туники из льняной или некрашеной шерстяной ткани, плотных льняных чулок до пят и обуви из необработанной кожи или коры.

На протяжении всего периода, который мы сейчас исследуем, Духовенство нередко появлялось в рыцарском снаряжении при осадах и битвах. Но чтобы избежать нарушения *буквы* канонов, запрещавших им обагрять свои руки человеческой кровью, они вооружались булавами или батоными. В битве при Гастингсе Одо, епископ Байе, —

"Un haubergeon avait vestu
De sor une chemise blanche:
Lé fut li cors, juste la manche.
Sor un cheval tot blanc séeit:
Tote la gent le congnoisseit:
Un baston teneit en son poing."—*Rom. de Rou*, l. 13254.

В беспорядках правления Стефана прелаты, по-видимому, еще чаще нарушали церковные каноны; ибо автор *Gesta Stephani* восклицает: "Епископы, сами епископы, мне стыдно это говорить, — не все из них, но многие, закованные в железо и полностью вооруженные, привыкли садиться на боевых коней вместе с развратителями своей страны, чтобы участвовать в их добыче". Все, наверное, помнят ответ, приписываемый Ричарду Кер-де-Лиону, который, когда папа потребовал от него освободить из плена его духовного "сына", епископа Бове, отправил обратно кольчугу, в которой был схвачен прелат, добавив словами из "Истории Иосифа": "Это мы нашли: теперь узнай, принадлежит ли это твоему сыну или нет". Монах монастыря Святого Эдмунда, Джослин Бракелонд, сообщает нам под 1193 годом: "Наш аббат, которого называли "Великодушный аббат", отправился на осаду Виндзора, где он появился в доспехах вместе с *другими аббатами* Англии, имея собственное знамя и удерживая многих рыцарей при тяжелых испытаниях; там он был более примечателен своими советами, чем своим благочестием. Но мы, монастырцы, сочли этот поступок довольно опасным, опасаясь последствий, которые могли бы вынудить какого-нибудь будущего настоятеля лично присутствовать в любой военной экспедиции".

Однако в других случаях священнослужители выполняли полевые обязанности, более соответствующие их мирному призванию, — ухаживали за ранеными или утешали умирающих. Во время битвы при Гастингсе нормандские священники собрались на холме, где во время сражения возносили молитвы за своих товарищей:

"Li proveire è li ordené
En som un tertre sunt monté,
Por Dex préier è por orer."—*Wace*, l. 13081.

И частые судебные запреты запрещали этим святым мужам участвовать в военных подвигах. Среди декретов Вестминстерского синода, обнародованных в 1175 году, мы читаем: "Кто бы ни казался принадлежащим к духовенству, пусть не берет в руки оружия и тем более не ходит в доспехах. Если они пренебрегут этим судебным запретом, пусть будут наказаны потерей надлежащего ранга^[178]."

Тактика этого периода довольно наглядно проиллюстрирована действиями герцога Вильгельма на поле битвы при Гастингсе. Армия была разделена на три корпуса:—

"Normanz orent treiz cumpaignies,
Por assaillir en treiz parties."

Наемные войска были размещены в первой дивизии, чтобы принять на себя основную тяжесть боя:—

"Ли Буалонье и ли Похье"[179]
Ореиз, к моим солдатам."

Вторая состояла из пуатевинцев и бретонцев,
"От Мэна до баронов".

Третий корпус был самым большим:—

"Нанесите несколько слоев ки плюс слегка подкрасьте".

И эта группа, возглавляемая самим Уильямом, по—видимому, занимала позицию резерва:-

"И джо, и я, гранц генц,
И амиз, и паренц,
Я кумбатрай для грантовой прессы,
И батай, и энгресс"[180]."

Бой открыли лучники:—

"Cil a piè aloient avant
Serréement, lor ars portant."

Атаке конницы, как хорошо известно, предшествовал подвиг Тайллефера, которому герцог предоставил привилегию нанести первый удар. В это время и много позже рыцари шли в атаку единой линией, или *en haie*, как это называлось; атака эскадронами стала практиковаться гораздо позже. Норманны действовали против своих противников как весом лошади, так и оружием. Один рыцарь—

"Атакуйте Англичан и придайте силы
петрине боевого коня:
В первую очередь поддержите джора тресбушье,
И л'эспе, а также восстановите силы,
Посыльный барона эйдье". — Строка 13491.

Другой—

"— англичанин в окружении,
Один из шевалье, которому больно,
Тот, кому плохо,
И тот, кто пьесу читает"[181]." -Строка 13544.

Выдающимся лидерам предоставляются запасные лошади и оружие:—

"Спрос на кавалеров Li Dus fist:
Плюсы в fist très li[182] список.
Chescun out à l'arçon devant
Une espée bone pendant.
E cil ki li chevaux menerent
Lances acérées porterent."—Line 12699.

В крестовых походах европейские рыцари иногда, хотя и очень редко, сражались пешими; и принцесса Анна Комнина замечает, что французские латники, столь грозные верхом, мало опасны, когда спешиваются[183].

Дезорганизовать ряды противника имитацией бегства, по-видимому, было излюбленной стратегией норманнов. Герцог Вильгельм бессменный использовал это устройство против немцев перед Руаном: -

"Норманц ли в войске[184] настороженный человек,
Для того, чтобы защитить человека;
И Алеман укрепленный, си вонт эсперонант:
Как порталы для поиска случайного защитника[185]."
Уэйс, л. 3972.

Подобный инцидент в битве при Гастингсе есть в памяти у всех:

"Норманц апертурент и вирент
К Англичанам, которые защищают себя
И защищают форт для своих защитников,
Ходатайствуют о том, чтобы они остались в браке:
Привилегии без защиты,
И entrels без защиты,
К англичанам, которые являются независимыми,
И о том, чтобы они выглядели достойными". —Строка 13311.

Еще одним приемом герцога Вильгельма в этот насыщенный событиями день было атаковать англичан градом стрел, летящих вниз, поскольку он обнаружил, что щиты его противников защищают их от последствий прямой атаки: "Документ об этих злых стрельцах, не

участвовавших в прямой атаке, размещенный в поле зрения стрельцов, излучающих враждебный клинок стрельца цезаря: как англичане могут нанести ущерб "[186]."

Боевые кличи все еще были в моде, а к святым реликвиям и эмблемам относились с почтением, соразмерным могуществу Церкви и доверчивости солдат. Священный символ Креста постоянно можно увидеть на щитах рыцарей; и один из баронов Руфуса, отправляясь в крестовый поход, говорит королю, что его щит, шлем, седло и лошади должны быть отмечены этим священным символом[187]. Было даже сочтено полезным зачислять псевдосвятых в армии, сражающиеся с врагами веры. Так, в битве между сарацинами на Сицилии и графом Рожером, около 1070 года, Святой Георгий верхом на белом коне выходит из рядов христиан и возглавляет натиск на неверующих: "Apparuit quidem eques splendidus in armis, equo albo insidens, album vexillum in summitate hastilis alligatum ferens, et desuper, splendidem crucem et quasi a nostra acie progrediens. Quo viso nostri hilariores effecti Deum Sanctumque Georgium ingeminando ipsum præcedentem promptissimè sunt secuti"[188]." Возможно, нет необходимости говорить, что рассказчик этого происшествия передает его, безоговорочно веря в святой характер великолепного рыцаря.

Не только святые, но и некроманты иногда присоединялись к военным экспедициям. Такой вспомогательный отряд, по словам Уэйса, сопровождал герцога Вильгельма в его экспедиции в Англию: —

"Знайте, что вы из Венеции
, А не из какой—нибудь другой страны:
Астрономия, чье заболевание,
Сохранение нигромантии:
С самого начала или с самого начала,
Плюс выбирает сортировку". -Строка 11673.

Предсказав Вильгельму благополучное плавание, и когда предсказание исполнилось, герцог вспомнил о его *нигромансьене* и пожелал, чтобы были предприняты поиски этого ученого клерка. Но бедняга сам утонул в проходе:

"En mer esteit, ço dist, néiez,
Et en un nef perilliez."

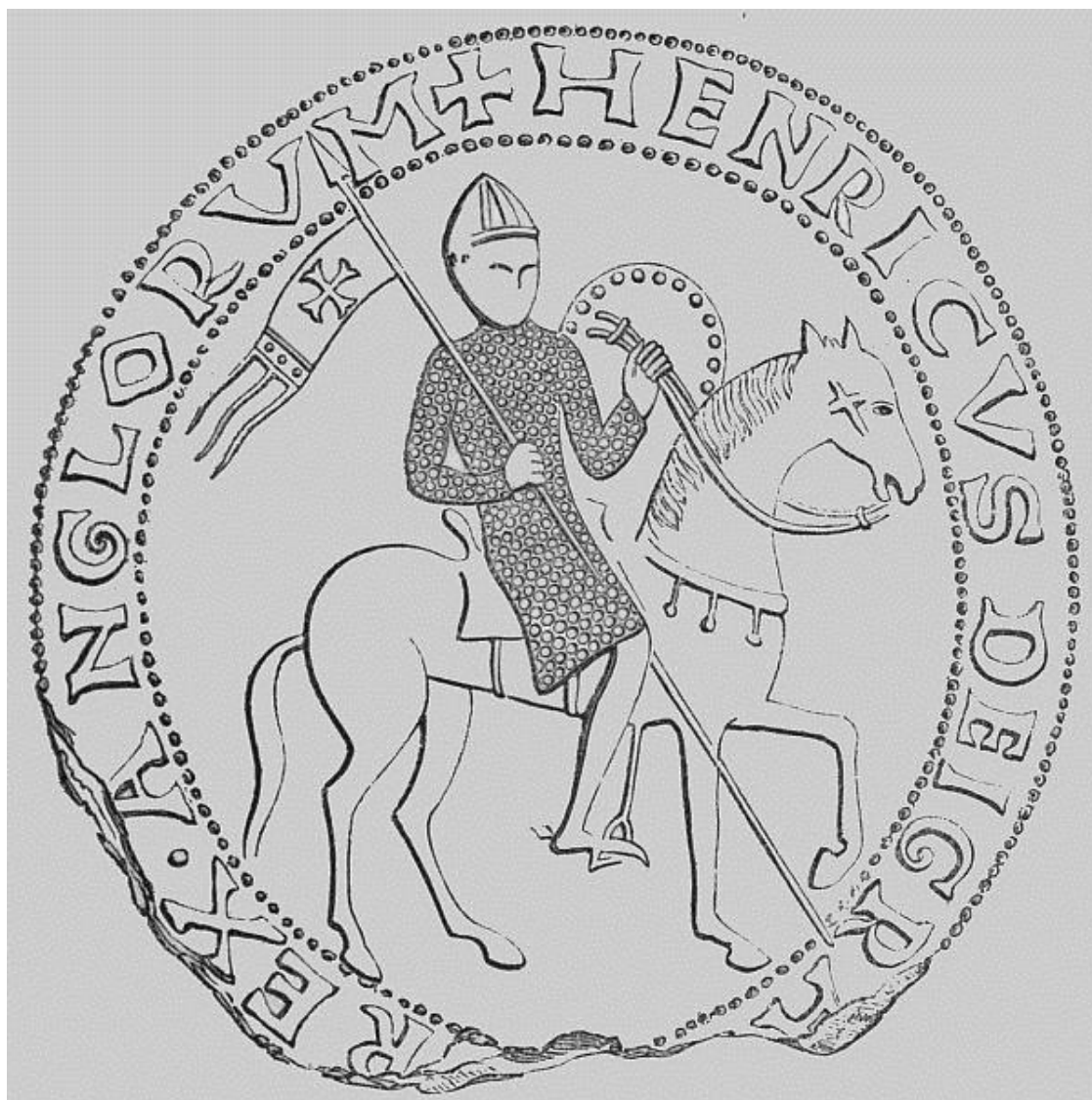
На что герцог мудро замечает:—

"Malement devina de mei,
Ki ne sout deviner de sei."

Добавление:—

"Fol est ki se fie en devin,
Ki d'altrui ovre set la fin,
E terme ne set de sa vie:

D'altrui prend garde è sei s'oblie."



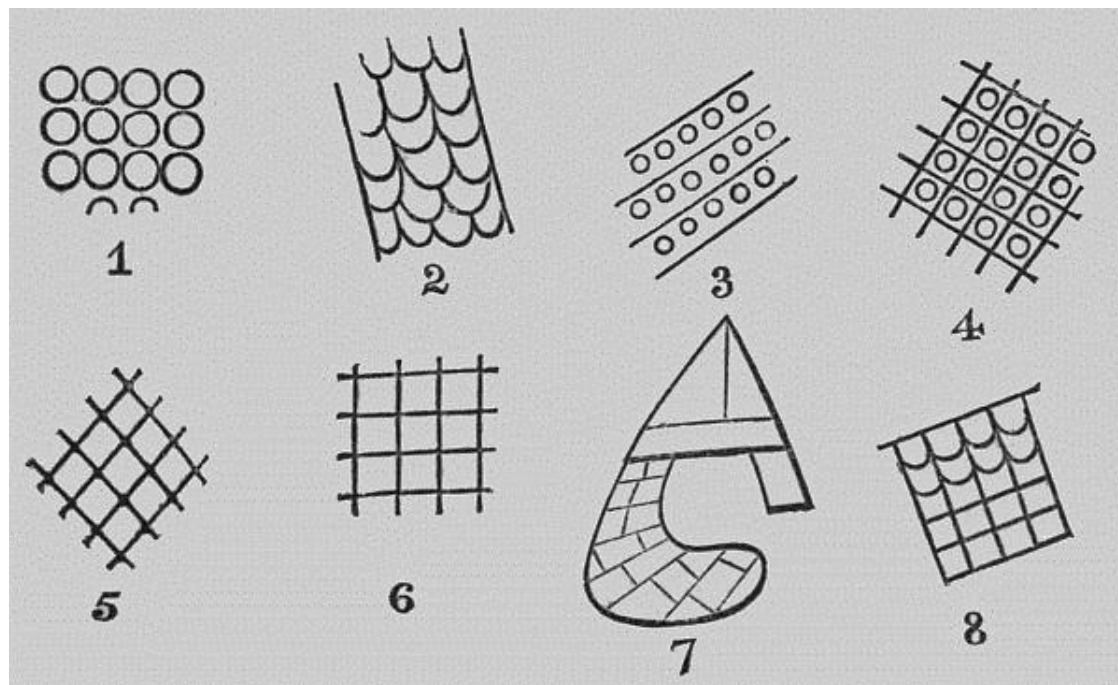
БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА ПЕРВОГО.

№ 28.

При изучении доспехов рассматриваемого периода, хотя мы и находим некоторые изменения в использовании старых тканей - стеганой ткани, сшитой кольчуги, чешуи и джазеранта, — кажется, что только одна деталь является совершенно новой - так называемый *пластрон де фер*, нагрудник, который носили под гамбезоном или другими доспехами, служившими общим прикрытием тела. В предыдущем отрывке из "*Speculum Regale*" мы читали о железной нагрудной защите, простирающейся от горла до талии, которая, возможно, и была тем нагрудником, о котором идет речь. Но отрывок Гийома ле Бретона более точно определяет это изобретение. В поединке между Ричардом Львиным (тогда графом Пуату) и Гийомом де Барресом:-

"Utraque per clipeos ad corpora fraxinus ibat,
 Gambesumque audax forat et thoraca trilicem
 Disjicit: ardenti nimium prorumpere tandem
 Vix obstat ferro fabricata patena recocto,
 Qua bene munierat pectus sibi cautus uterque."
 Филиппидос, глава iii.

Еще одно доказательство этого дополнительного усиления груди может быть получено из нынешней практики Востока, где стеганные куртки имеют подкладку из железных пластин только в этой части. В музее Объединенного военного ведомства можно увидеть китайские доспехи этой конструкции.



№ 29.

Хотя из письменных свидетельств мы узнаем, что уже перечисленные ткани использовались и что материалами для защиты были железо, кожа, рог и различные виды стеганого шитья, идентифицировать эти сооружения в живописных памятниках того времени отнюдь не просто. Пожалуй, ничто так ярко не подчеркивает этот факт, как разнообразие интерпретаций, которые были даны доспехам на гобеленах Байе некоторыми из последних и наиболее критичных исследователей этого предмета. Von Leber sees in them a contrivance of leather and metal bosses: "ein Lederwamms mit aufgenähten Metallscheiben oder Metallbukeln[189]." M. Allou attire the warrior in a "vêtement particulier formé d'anneaux ou de mailles de fer, ou bien de petites pièces de même métal assemblées à la manière des tuiles ou des écailles de poisson[190]." В Монументальном бюллетене Французского общества, том xi., стр. 519, у нас есть: "О различии цветов, об указании бродери, о дисках с аппликацией на одежде". Г-н Керрич[191] рассматривает пальто, помеченные М. де Комон заметил, что "на гобелене из Байе некоторые фигуры облачены в кольчуги, а другие - в своего рода доспехи, состоящие, по-видимому, из металлических дисков, пришитых к кожаному жаку[192]". Далее мы собрали различные

способы обозначения доспехов на этом гобелене, и следует признать, что подобрать каждый из них - непростая задача. Действительно, скорее из сравнения с многочисленными другими памятниками, чем из свидетельств только этих примеров, можно составить какое-либо мнение относительно предполагаемых тканей; и даже в конечном итоге вывод *должен* быть сомнительным и может оказаться ошибочным. Однако, исходя из аналогичных изображений различных дат, представляется вероятным, что цифры 1 и 2 предназначены для соединенных кольчуг; № 3 и 4 - для доспехов ручной работы (доспехов, состоящих из небольших пластин, прикрепленных заклепками к одежде из ткани или холста); № 5 и 6, по-видимому, представляют собой простые стеганные средства защиты; № 7 кажется лишь грубой попыткой изобразить стеганый головной убор; № 8 - один из многих примеров, когда на одной и той же одежде используются разные обозначения. В некоторых случаях знаки, скопированные выше, настолько странно перемешаны на одной и той же одежде, что возникает сомнение в том, что в любом случае каждый отличающийся узор предназначен для обозначения другого вида доспехов.

Если от гобеленов мы обратимся к печатям этого периода, мы обнаружим аналогичную трудность в присвоении представленных доспехов. Способов обозначения защиты четыре. Один из них представляет собой своего рода соты, образованные рядом небольших, неглубоких круглых отверстий, по краям которых проходит рельефная линия, придающая поверхности сетчатый вид. Смотрите гравюры на дереве [42](#) и [43](#). Эта текстура, по-видимому, представляет собой взаимосвязанную кольчугу. Второй способ состоит из ряда линий, пересекающих друг друга, образуя решетку из ромбов.



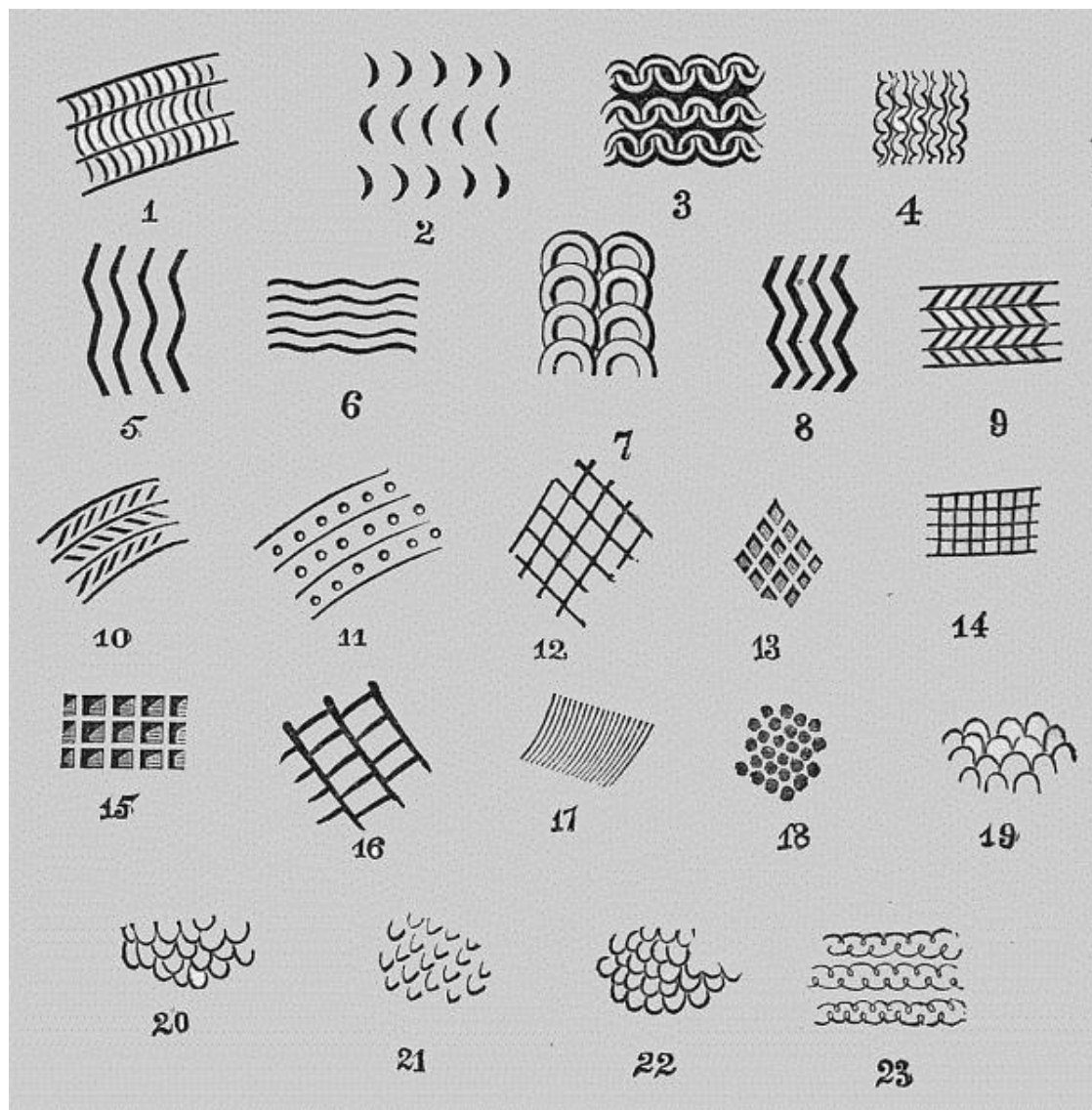
БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ СТЕФАНА.

№ 30.

Приведенная здесь большая печать короля Стефана дает пример этого метода. Сравните также гравюру на дереве № 41. Это, если не другой традиционный способ изображения взаимосвязанной кольчуги, может быть предназначено для стеганых доспехов. Третий вид гравировки представляет собой ряд выпуклых полукругов, покрывающих поверхность кольчуги. Смотрите гравюру на дереве №26. Это, хотя и часто описываемое как чешуйчатый доспех, похоже, не более чем обычная кольчуга, сложность изображения которой заставляла художников средневековья прибегать к различным ухищрениям для получения удовлетворительного результата. В четвертом методе линии полукругов, расположенные смежно, покрывают всю внешнюю поверхность одежды; и то, что это еще один способ обозначения кольчуги, ясно доказывается аналогичной работой, обнаруженной на памятниках всех видов, даже шестнадцатого века. Смотрите гравюру на дереве №1, рис. 1.

Из этого беглого взгляда на печати и гобелены (а иллюстрированные рукописи того периода свидетельствуют о том же) мы можем заключить, что у художников того времени не было

единого метода изображения рыцарского снаряжения; так что, вместо того, чтобы пытаться найти разные виды доспехов для каждого разнообразного рисунка на доспехах, мы скорее должны рассматривать разнообразные узоры на доспехах как грубые попытки изобразить несколько видов доспехов. В следующем наброске мы собрали некоторые методы, использовавшиеся в разное время для обозначения обычной взаимосвязанной кольчуги.



№ 31.

Рисунок 1 является наиболее распространенным и встречается с двенадцатого по шестнадцатый век. Смотрите гравюру на дереве №1, печать короля Ричарда I. Поздние примеры встречаются в латуни сэра Уильяма Молине, 1548 г.[\[193\]](#); в скульптурном изображении сэра Джайлса Добени в Вестминстерском аббатстве; и в статуе сэра Хамфри Брэдберна на его памятнике в церкви Эшборн, Дербишир, 1581 год. Рис. 2 виден на наших ксилографиях [32](#), [37](#) и [53](#) из рукописных миниатюр: он встречается в скульптуре среди изображений церкви Темпл в Лондоне. Часто встречается рис. 3. Смотрите гравюру на дереве №[59](#). Самый древний из сохранившихся монументальных медных доспехов, работы сэра Джона Д'Обер-Нуна (гравюра на дереве [55](#)), также демонстрирует этот способ обозначения доспехов. Рис. 4 встречается на

латуни сэра Ричарда де Буслингторпа, ок. 1280 г., рисунок Уоллера, часть х. Рис. 5 взят с одного из изображений в церкви Темпл: линии представляют собой волнистые каналы в камне. Рис. 6 взят со скульптурного изображения Рудольфа фон Тирштейна, в Базеле: выгравировано в костюмах Хефнера, часть ii., пластина xli. Рис. 7 изображен на монументальной статуе сэра Уолтера Ардена в церкви Астон, Уорикшир[194]. Рис. 8 встречается на ранних ксилографиях: например, на картине "Смерть Артура", напечатанной Винкином де Вордом в 1498 году. Илл. 9: ранний пример такой маркировки встречается в книге Виллемина "Памятники в Эдипсе", том i., лист 30; поздний (шестнадцатый век) - на резной плите Багота в церкви Блитфилд, Стаффордшир. Рис. 10: разновидность вышесказанного. См. "Трахтен" Хефнера, часть i, лист lxxv., и часть ii, лист xxxiv. Рис. 11: шахматная фигура из слоновой кости XIII века: гравюра на дереве № 69. Линии вырезаны, закругления проколоты. Рис. 12 - очень частый узор. Он встречается на гобеленах Байе, на миниатюрах рукописей и на резьбе по слоновой кости. Посмотрите на шахматную фигуру, выгравированную в "Археологии", xxiv. 238, с острова Льюис; и сравните фигуры этого очень любопытного азиатского свитка в музее Королевского азиатского общества. Рис. 13: эта решетчатая конструкция часто встречается на печатях двенадцатого века. Посмотрите наши гравюры на дереве № 30 и 41. Ромбики слегка подрумянятся, филе приобретет рельефный вид. Рис. 14: найден на гобелене из Байе; в Библии Святого Мартиала из Императорской библиотеки Парижа, двенадцатый век; и в доп. рукописи 15 277 XV века, где таким образом выражена рассылка. В упомянутом выше азиатском свитке это тоже есть. Рис. 15: со статуэтки "Сэр де ла Тремуйль", 1514 г., из коллекции Гудрич-Корта. Фигура сделана из стали, и квадраты, по-видимому, были сформованы штамповкой. Рис. 16: скульптурное изображение Беркли в Бристольском соборе. Отметки представляют собой каналы в камне. Рис. 17: из Roy. MS., 14, E. iv. Переписка в этом томе выражена мелкими линиями: рукопись относится к пятнадцатому веку. Рис. 18: сотовая структура, обнаруженная на ранних печатях. Хорошим примером может служить большая печать короля Стефана (гравюра на дереве 42). Закругления вдавлены, края имеют сетчатый вид. Рис. 19 и 20: из "Иллюстраций санскритской рукописи" в Британском музее, (Доп. рукопись, 15,295-7.) Эти очень любопытные тома изобилуют вооруженными фигурами, они большие и тщательно отделаны. Рис. 21: из эджертонской рукописи, № 809, двенадцатый век; и доп. рукопись 15,268, тринадцатого века. Рис. 22: из харлейской рукописи, 2803. Это мало отличается от рис. 20; но рис. 20 имеет скорее масштабную форму, в то время как это скорее кольцевая работа. Рис. 23 представляет собой маркировку, обнаруженную на ранних гравюрах, и очень хорошо передает текстуру кольчуги.

Как мы уже видели, доспехи, которые с наибольшей уверенностью можно отнести к ранненормандским временам, - это кольчуга, стеганая работа, джазерант, чешуя и небольшая часть пластин, используемых в качестве дополнительной защиты груди: материалы, железо, кожа и рог, с добавлением шерсти, пакли или хлопка для стегания точечных средств защиты. Обычными предметами одежды, которые носит рыцарь, являются Туника, Гамбезон и кольчуга. Плащ, хотя и встречается в некоторых редких экземплярах в конце двенадцатого века, не становится характерной частью рыцарского снаряжения до тринадцатого века.

Тунику, выглядывающую из-под кольчуги, можно увидеть на печатях Александра I Шотландского и Ричарда I. Английского (вырезки 1 и 27), а также на сопровождающей группе из Harleian Roll, Y. 6, "Жития святого Гутлака", произведения конца двенадцатого века. Сравните также ксилографии 34, 35 и 40. Мы уже получили письменное уведомление об этом предмете одежды в

"blautann panzara" от *Speculum Regale*. Уэйс также передает это епископу Одо для битвы при Гастингсе: —

"Un haubergeon avait vestu
De sor une chemise-blanche."



№ 32.

Гамбезон (или Вамбазиум[195],) был стеганой одеждой, используемой либо отдельно, либо с другими доспехами. Эта защита существует еще у древних египтян, и ее наглядные примеры можно увидеть в работе сэра Гарднера Уилкинсона "Лист iii" и "разрез46" (изд. 1837). Из любопытного отрывка из "Кольмарской хроники" мы узнаем, что она была набита шерстью, паклей или старыми тряпками: "Армати пользовались репутацией галеаса ферреаса в столице и в вамбазиу, то есть, тунике писаной из линолеума и ступы, ветеринару паннис консутам, и десюперу камизиаму ферреа, то есть вестям из циркулиса ферреаса контекстам". Древний авторитет, цитируемый Аделунгом, также гласит: "вестименти рода, как действовать людям и как защитить грудную клетку человека от конфликтов, связанных с моллюсками" и т.д.

Как единственная броня солдата, гамбезон упоминается как Уэйсом, так и Гийомом ле Бретоном. Первый говорит нам в своем описании войск герцога Вильгельма, готовящихся к битве:

"Plusors orent vestu gambais."—*Rom. de Rou*, l. 12811.

Последний говорит:—

"Pectora tot coriis, tot gambesonibus armant."—*Philipp.*, lib. ii.

Вероятно, это были пешие отряды; но документ следующего столетия показывает нам, что у вамбе иногда были вооружены только всадники. В 1285 году земля в Ревенхолле, Эссекс, перешла во владение Юстаса де Хо, "согласно сержантиаму изобретению единого человека, равноправного с одним гамбезоне в его собственном доме". Регистрация, окончательная регистрация в Валлии, по праву собственности для xl. умирает[196]." Представляется вероятным, что многие из этих стеганых доспехов были усилены железными пластинами на груди, как в современных восточных доспехах с заостренными краями. В качестве дополнительной причины считать, что на защиту гамбуазированной работы указывают перекрестные линии древних рисунков на пергаменте, мы можем упомянуть, что отмеченные таким образом предметы одежды иногда окрашиваются в различные цвета. Так, фигуры в "Резне невинных", на хлопчатобумажной рукописи "Калигула", VII век н.э., раскрашены красным, синим, зеленым и желтовато-коричневым; а на другой работе графа Бастарда, из французской рукописи двенадцатого века, одежда отмечена красными полосками[197]. "Акетон", по-видимому, всего лишь другое название гамбезона.

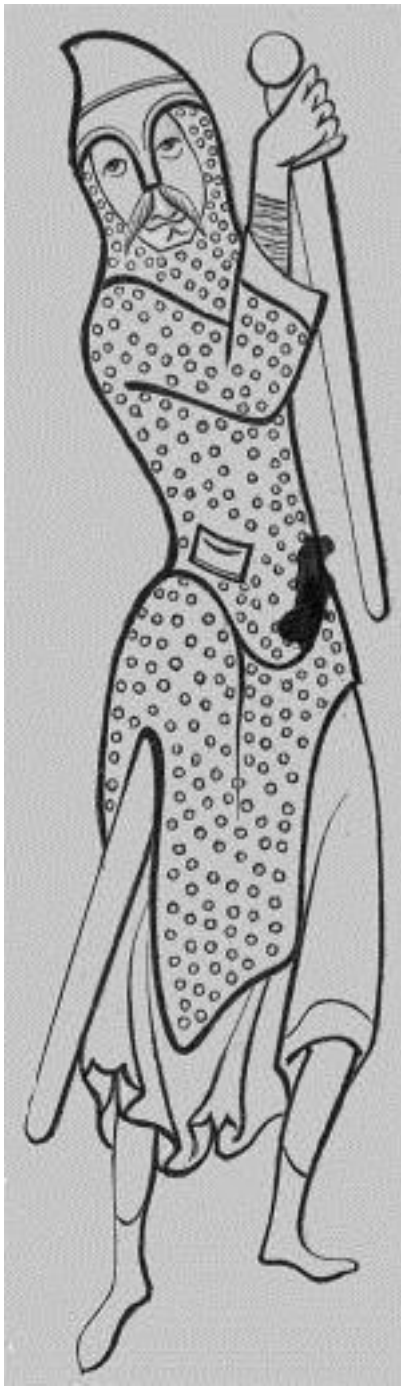


№ 33.

Кольчуга была главной защитой рыцарей. Она доходила до колен; юбка иногда открывалась спереди, иногда по бокам. Рукава обычно заканчивались у локтя, но иногда доходили до запястья. Иногда кольчуга доходила только до шеи, но чаще ее продолжали так, чтобы образовывалась прическа, оставлявшая видимым только лицо рыцаря. Во многих примерах гобелена из Байе он украшен своего рода пекторалью, конструкция которой не была установлена: в других случаях вся поверхность имеет однородную структуру. В этой грубой, но любопытной фигурке из Harleian MS., 603[198], работе конца одиннадцатого века, вероятно,

выполненной во Франции, мы имеем хороший пример кольчуги того периода с короткими рукавами и юбками, открытыми спереди для удобства верховой езды. Это в точности кольчуга с гобелена из Байе, хотя здесь она изображена более четко, чем на гобелене, выполненном иглой. Круги на поверхности, по-видимому, являются обычным способом изображения кольчуги. Это фигура Голиафа, которому, следовательно, достались длинная борода и круглая мишень язычников-норманнов. Однако он носит конический носовой шлем рыцарского ордена.

В этом примере из рукописи Коттона, Неро, С. iv. fol. 13, написанной во Франции около 1125 года, мы имеем любопытный экземпляр кольчуги с боковыми отверстиями на юбке. Он примечателен также тем, что меч частично скрывается под кольчугой; приспособление, замеченное также на гобелене из Байе (Фото vi.), аналогичные примеры которого можно найти на протяжении всего средневековья. На рисунке, представленном перед нами, можно заметить, что защита продолжается над головой в виде шапочки или капюшона и увенчана обычным коническим носовым шлемом, или "нормандской каской". Тема, частью которой является это произведение, - Массовое убийство невинных людей. Поэтому добавляется клеймо в виде усов, в том же духе, в каком борода была дана Голиафу в предыдущем примере.



№ 34.

Непрерывный изгиб кольчуги постоянно виден на гобеленах Байе (Стотар, листы x-XIII вв.). Он встречается также на многих печатях двенадцатого века (см. Наши вырезки, № 27, 43 и 44;) и на пергаментных рисунках того времени (см. Вырезки 32, 34, 37 и 38). Кольчужный капюшон, изготавливаемый отдельно от кольчуги, появляется только в тринадцатом веке. Короткие рукава этого предмета одежды изображены на наших гравюрах на дереве 25, 32 и 38. Кольчуга с длинными рукавами имеет покрой 28, 37, 42 и 43.

Кольчуга, как следует из названия, была кольчугой меньшего размера, хотя на живописных памятниках средневековья не видно, чем она особенно отличалась от последней защиты. В то время как герцог Вильгельм готовился к битве при Гастингсе, —

"Сун боеи *хауберт* требует кулака";

Епископ Одо—

"Un *haubergeon* aveit vestu."

Герцог был вооружен копьем и мечом; прелат —

"Un *baston* teneit en son poing."

Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что Одо был оснащен как легковооруженный боец. И, возможно, из заметного внимания, уделяемого его "белой тунике", мы можем заключить, что именно *короткость* кольчуги привлекла к этому предмету одежды столь пристальное внимание. В документах XIII века кольчуга отличается от кольчуги и гамбезона, занимая свое место между ними. Таким образом, Гербовый устав 1252 года предписывает каждому мужчине, в зависимости от размера его земель и движимого имущества, обзавестись *lorica*, или *habergetum*, или *perpunctum*. И Статут Винчестера 1285 года проводит такое же различие. От Гийома Гиара мы узнаем, что эта одежда была кольчужной: —

"Armez de cotes a leurs tailles,
Et de bons hauberjons a mailles."—Подп. 1304.

И Телонеум S. Audomari has: "Lorica, iv. denar.; Lorica minor, quæ vulgo *Halsbergol* dicitur, ii. den."

Кожаные доспехи встречаются на протяжении всего средневековья. По словам Уэйса, у некоторых нормандских солдат в обозе Завоевателя к груди были прикреплены защитные приспособления из этого материала:

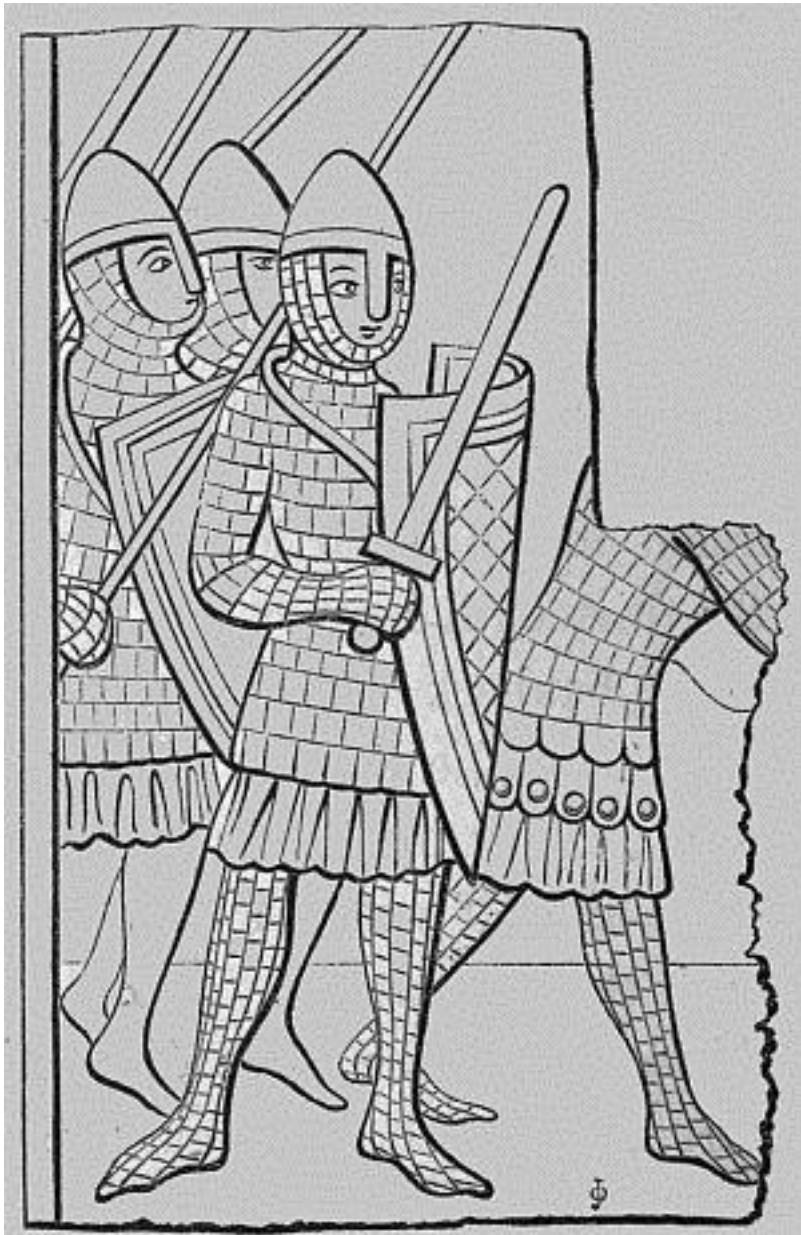
"Alquanz unt bones coiriés,
K'il unt à lor ventre liés."—Line 12,809.

А у Гийома ле Бретона в "Филиппидосе" есть, —

"Pectora tot *coriis*, tot gambesonibus armant;"—

хотя отрывок, цитируемый Дюканжем, показывает нам, что, по крайней мере, иногда эта кираса изготавливалась из кожи, вываренной в масле; материал, очень популярный в средние века под названием "кираса булли":-

"Cuirie ot bonne, qui fust de cuir boilly."



№ 35.

Хороший пример чешуйчатых доспехов, которые время от времени носили в конце XI века, представлен в следующей группе, приведенной Хефнером[199] с картины на пергаменте, находящейся в его распоряжении. Доспехи в оригинале посеребрены, а висячие чешуйки передней фигуры украшены золотыми выступами. Туники белые с оттенком синего. Принцесса Анна Комнина сообщает нам, что некоторые французские рыцари того периода были облачены в чешуйчатые доспехи[200].

Материалом чешуйчатой брони иногда является рог. В двенадцатом веке император Генрих V. облачил часть своих войск в непробиваемую чешуйчатую броню из рога: "Итак, сражайтесь в 1115 году, когда Хайнрихс против ундерчдринглихе Харнише фон Хорн"[201]. А в поэме

"Вигалуа", написанной примерно в конце XII века, у нас есть любопытное описание этой роговой кольчуги, надеваемой поверх кольчуги и богато украшенной золотом и драгоценными камнями:

"Ein brunne het er an geleit
Über einen wizen halsperch.
Daz was heidenischez werch
Von *breiten blechen hurnin*;
Mit golde waren geleit dar in
Rubin, und manec edel stein
Der glast da wider einander schein
Saffire und berillen."



№ 36.

Прилагаемая маленькая фигурка из рукописи Harleian MS., № 603, fol. 13^{vo}., по-видимому, выполнена в масштабе, но из какого материала, сказать трудно. Оригинал представляет собой только рисунок пером: рукопись конца одиннадцатого века. Фигура еще более любопытна из-за мантии, скрепленной на правом плече малоберцовой костью.

Из памятников того времени не следует, что средства защиты ног были общими. На гобеленах Байе они вручаются только самым выдающимся персонам: в этих случаях они обычно отмечены кругами, как и кольчуги, что, вероятно, указывает на кольчугу. На этом гобелене видны три других способа одевания ног: на некоторых рисунках встречаются пересекающиеся линии,

образующие ромбы, которые мы приняли за pourpointerie; на других появляются фасции, или извилистые полосы, которые мы уже наблюдали у англосаксов; и на многих шоссы представлены просто одним цветом, красным, синим или желтым; что, по-видимому, не подразумевает доспехов какого-либо вида. Уэйс упоминает о железных дорогах:—

"Кавалеры в кольчугах и бранце,
Шос де фер, рулевой луизанц". — *Строка* 12,813.

Они видны на больших печатях Ричарда Первого (вырезано 1) и на других памятниках двенадцатого века. В этой любопытной группе Давида и Голиафа из немецкой рукописи в Британском музее, датированной 1148 годом[202], мы имеем уникальный пример кольчуги с шипами: кольчуга отмечена рядами полукругов и окрашена в серый цвет в оригинале, кольчуги отмечены кругами и посеребрены, становится ясно, что последняя одежда украшена шипами. имеет конструкцию, отличную от пальто. Из-за того, что он был эластичным, как показано на ножке, это, вероятно, было защитным средством для подкладки, а заклепки с выступами предназначались для удержания стеганого полотна на своем месте.



Табличка XXXVII.



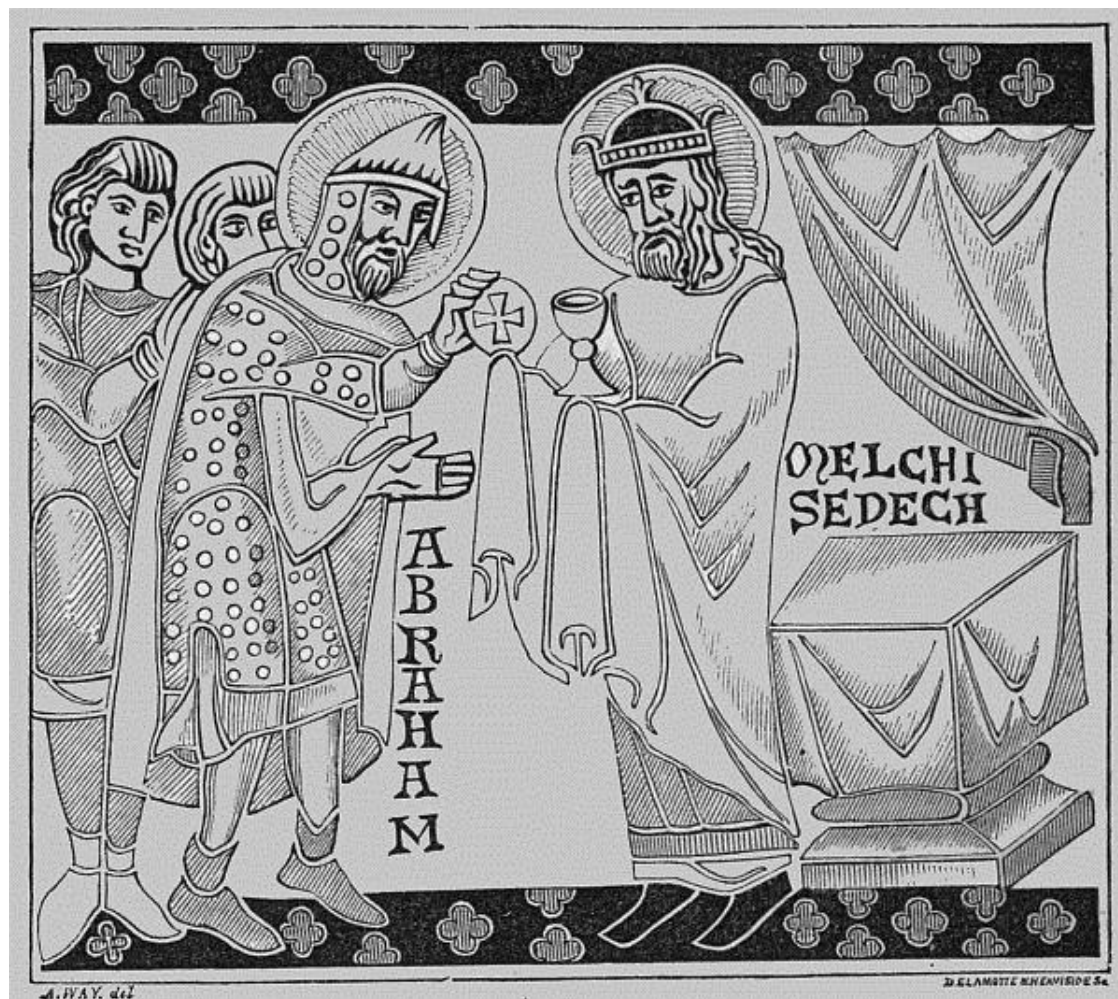
№ 38.

Такие средства защиты часто встречаются на памятниках четырнадцатого века, и настоящие доспехи из этой ткани можно найти среди восточных образцов в коллекции Башни и Музее Объединенной службы. Там, где шоссы не имеют оборонительной конструкции, воин обычно носит короткие сапоги, похожие на те, что изображены на фигуре Давида на вышеупомянутой гравюре на дереве. В следующем примере они носят более декоративный характер, чем обычно; и шоссы на этом рисунке также выполнены в особом стиле. Предмет взят из Харл. рукописи 2803, написан около 1170 года и представляет Голиафа. Короткий сапог также встречается на печатях Вильгельма Завоевателя и Александра I Шотландского (вырезы 25 и 27). Смотрите также примеры из иллюстрированных рукописей на наших гравюрах 32, 34 и 36. В конце одиннадцатого века мода на сапоги достигла предела, что сильно нарушило невозмутимость церковников и летописцев. "Затем, - говорит Малмсбери, - во времена правления Уильяма Руфуса, - появились распущенные волосы и экстравагантная одежда; а затем была изобретена мода на туфли с загнутыми носками". (Вк. iv. с. 1.) Говорят, что это приспособление придумал Фульк, граф Анжуйский, который пытался таким образом скрыть деформацию своих ног. Ордрик Виталис, который сообщает нам эту информацию, добавляет, что мода вскоре распространилась, и сапожники изготавливали свои изделия с заострениями, похожими на хвост скорпиона: "unde sutores in calceamentis quasi caudas scorpionum, quas vulgo *Пугасия* апеллянт, faciunt". Поскольку этого было недостаточно, один из придворных Руфа — "Robertus quidam *nebulosus* in curia Rufi Regis" — набив козырек паклей, скрутил его в виде бараньего рога; эта прихоть получила большое одобрение придворных, которые назвали изобретателя этой моды Корнардом. (Еккл. История., lib. viii.)



№ 39.

Примеры мантии, надеваемой поверх доспехов, несколько редки. Две следующие иллюстрации из памятников двенадцатого века демонстрируют это расположение. Первый -из скульптурного дверного проема церкви Руардин в Глостершире и представляет Святого Георгия. Плащ здесь застегивается спереди на малоберцовую кость. Второй предмет изображен на эмали, хранящейся в Лувре. Патриарх Авраам, вооруженный как рыцарь, в кольчуге и носовом шлеме, застегивает свою мантию на правом плече. Другой сюжет с этой эмалю выгравирован в *Археологическом ревю*, том vi, стр. 99: Ираклий, убивающий Козрова. "Ираклий Рекс" вооружен точно так же, как фигура Авраама перед нами, и, хотя он занят декольте неверного монарха, все еще сохраняет ниспадающую и просторную мантию. Смотрите также, чтобы узнать об этом периоде, нашу гравюру на дереве № 36 и "Глоссарий архитектуры", том ii, лист lxxiii.



№ 40.

Характерным шлемом этого времени является конический носовой шлем, примеры которого мы видели в конце предыдущего периода. Защитная маска для лица, или носогубка, была возрождением классических времен. Хорошие образцы греческого искусства можно найти среди фигур на тимпане храма Минервы в Эгине, тщательные слепки с которых были помещены в коллекцию в Сиденхеме. Носовой шлем находят не только в одиннадцатом и двенадцатом веках, но иногда в каждом столетии вплоть до семнадцатого. На гобеленах Байе она почти универсальна: нос намного шире, чем у греков, макушка коническая и не сильно возвышается

над головой. В некоторых случаях на затылке головного убора появляются шнурки с кисточками (см. Рисунок xi на гобелене), которые, возможно, служили для крепления шлема к прическе внизу; но основным креплением шлема были шнурки, сходящиеся под подбородком. Посмотрите на печать Вильгельма Завоевателя (гравюра на дереве²⁵) и превосходный образец из коллекции Керриха со скульптуры в Модене (Доп. рукопись, 6728, стр. 17). Круглые шлемы и шлемы с плоским верхом двенадцатого века также имеют носовую часть. Первый экземпляр встречается на печати Патрика Данбара, графа Марча, выгравированной в "Шотландских печатях" Лэйнга. Второй появляется на рисунках Harleian Roll, Y. 6, (гравюра на дереве³²). У печатей часто очень трудно определить, был нос или нет, из-за расплавления воска и из-за того, что эта защита так близко повторяет линию лица. В некоторых редких случаях вместо носа используется что-то вроде козырька, не опускающегося ниже бровей. Смотрите иллюстрацию 65 "Костюмы" Хефнера; и сравните рисунок на листе 9 Cotton. Ср., Тибр., С. vi., пример англосаксонских времен. К носовому шлему иногда добавлялись щитки и защита шеи. Эти предметы также встречаются на греческих образцах и также присутствуют в современных восточных доспехах; как можно видеть на шлеме Типпу Саиба, хранящемся в Доме-музее Индии. Шлем с шейным убором появляется на гобелене из Байе (см. Иллюстрацию ix) и на печати Стефана де Курзуна (Хлопковая хартия, ст. 49). Носовой шлем с защитой шеи и щек встречается среди шахматных фигур, найденных на острове Льюис, а ныне в Британском музее.



№ 41.

Шлемы, не имеющие носовых прорезей, в основном конические, круглые и с плоским верхом. Старая гребенчатая форма англосаксонских времен встречается в Харл. рукописи 603, fol. 13^{vo}., книге конца одиннадцатого века. Фригийская форма встречается в Харл. MS. 2800, fol. 21 тома ii., сочинении конца двенадцатого века. Коническая каска найдена на прилагаемой печати Конана, герцога Британии, около 1165 года: из Харл. Диаграмма., 48, G. 40. Шлем с круглым верхом можно увидеть на первой печати Ричарда I. (гравюра на дереве 1, рис. 1,) и во многих примерах в рукописи Cotton MS., Titus, D. xvi. Шлем цилиндрической формы или с плоским верхом, по-видимому, вошел в моду к концу двенадцатого века. В своей самой ранней форме он напоминал тот, что изображен на второй печати Ричарда I. (гравюра на дереве 1, рис. 2) и аналогичные образцы, изображенные в "Памятниках Стотхарда", таблица xxiv., и "Дареме Сертиса", том i, стр. 24, и том ii, стр. 139. Во всех этих примерах шлем состоит из одного куска, имеет две горизонтальные щели для обзора и укрепляется полосами, пересекающимися друг друга на лице и сверху. Образцы из Дарема лишены орнамента, но шлем Ричарда украшен веерообразным гребнем, украшенным в нижней части львом. Печать Болдуина, графа

Фландрии, около 1191 года, плохо выгравированная Вредиусом, представляет собой еще один ранний пример рыцарского шлема с плоским верхом. Цилиндрическая каска, распространенная в следующем столетии, отличается от этой тем, что у нее есть *решетчатое вентиляционное отверстие*, с помощью которого воин всегда мог получить лучший приток воздуха, а еще более обильный запас воздуха иногда можно было получить, открывая вентиляцию, которая для этой цели была сконструирована с петлями сбоку. Некоторые разновидности шлемов, которые носили в двенадцатом веке, можно увидеть в *Археологии*, vol. xxiv., скопированный сэром Фредериком Мэдденом с шахматных фигур острова Льюис в Британском музее. Среди них следует отметить "Железную шляпу" с круглой тульей и плоским ободком, происхождение которой мы уже проследили от *пеласгуса* классических времен[203]. Иногда шлемы увенчаны чем-то вроде кнопки; как на рисунке, приведенном Сильвестром из латинского Горация в Парижской библиотеке[204]; на печати Вильгельма Завоевателя, на гобелене из Байе и в испанской рукописи 1109 года в Британском музее (доп. MS. 11,695, fol. 194).

Герб-веер, изображенный на гербе Ричарда I. это очень ранний пример моды, которая приобрела большую популярность к концу XIII века. Гребни-веера, как мы видели, использовались древними египтянами, ассирийцами, греками, римлянами и снова среди англосаксов. Но они не появляются во время правления нормандских королей в Англии до конца XIII века, за исключением этого единственного экземпляра печати Ричарда. Возможно, можно усомниться в том, носил ли монарх когда-либо такое украшение: возможно, это украшение, добавленное гравером на печатях с какого-нибудь памятника классических времен. Это кажется более вероятным из-за того факта, что в классических примерах сочетание герба-веера с каской, украшенной по бокам изображением животного, встречается постоянно. Среди тысячи примеров, которые можно было бы привести, мы можем процитировать в качестве легкодоступного источника "*Antiquité Expliquée*" Монфокона, том i, лист xlii. В более поздний период средневековья это сочетание встречается снова: шлем на печати Рейнальда, графа фон Гельдерна, 1343 года, имеет поразительное сходство со шлемом Ричарда: на части, венчающей макушку, изображен лев, а поверх него снова помещен герб в виде веера. Копию этого памятника можно увидеть в полезной серии "Древние печати" в коллекции Сайденхэма. Ранними примерами шлема, украшенного геральдическим символом *на поверхности*, являются эмалированная табличка в Ле-Мане, приписываемая Жоффрау Анжуйскому (Стотард, фото ii) и изображение "Йохана ле Ботильера", около 1300 года, выгравированное на нашей гравюре на дереве № 74.

Щиты этого периода в основном имеют форму воздушного змея, треугольные и круглые. Первые два иногда плоские, а иногда изогнутые; круглые бывают плоскими или выпуклыми. Воздушный змей-щит наиболее часто встречается в более ранней части рассматриваемого периода, треугольный - во второй. Как круглая мишень была наиболее удобной для пешего бойца, так и щит-змея, широкий в верхней части, чтобы прикрывать тело воина, и узкий там, где требовалась только защита ноги, и где положение рыцаря на коне требовало сужающейся формы, по-видимому, был наиболее популярен у всадника. Изогнутый щит воздушного змея очень отчетливо изображен на многих памятниках того времени: на хлопковой рукописи, Титус, ум. XVI, конец XI века; на любопытной пиксе из коллекции покойного Т. Крофтона Крокера, эскайра, выгравированной в "Журнале джентльмена" за 1833 год; на харл. рукописи, 2895, стр. 82; на эмалированной фигурке, приписываемой Джеффри Анжуйскому; и на печатях короля Стефана (ксилографии 30 и 42). Принцесса Анна Комнина в конце XI века сообщает нам, что

щиты французских рыцарей-крестоносцев были такого вида: "Для защиты они носят непробиваемый щит не круглой, а продолговатой формы; широкий в верхней части и заканчивающийся острием. Поверхность не плоская, а выпуклая, чтобы охватить лицо владельца; посередине находится накладка из блестящей латуни; а внешняя поверхность выполнена из металла, отполированного частым натиранием так хорошо, что у смотрящего рябит в глазах[205]."

Плоский щит для воздушного змея не всегда можно идентифицировать на рисунках того времени, потому что лишённые тени очертания опор могут сойти как за плоские, так и за изогнутые поверхности. Но то, что по крайней мере некоторые из тех, что изображены на гобеленах Байе, были плоскими, очевидно из того, что солдаты использовали их в качестве подносов, на которые ставили чашки и тарелки для своего "Прандиума". (См. Рисунок xi.) На плоском щите из слоновой кости также изображён воздушный змей: шахматные фигуры острова Льюис являются хорошими примерами.

Как мы видели из приведенного выше отрывка Анны Комнины, старая северная мода на головной убор все еще иногда сохранялась; но такое дополнение к мишени для всадника, по-видимому, служит скорее украшению, чем использованию. Щит с изображением воздушного змея встречается на эмали Джеффри Плантагенета; на пиксе, названном выше; и в Харл. MS. 2895, fol. 82.



БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ СТЕФАНА.

№ 42.

Вместо выпуклого выступа щит иногда имеет выступающий шип; как на большой печати короля Стефана, приведенной здесь; и на первой печати Ричарда I. Это встречается также в печатях Уильяма де Ромара (temp. Неп. I.), в канцелярии герцогства Ланкастер и Керзуна (Хлопковая хартия, ст. 49).

Примерно в середине XII века появляется треугольный щит — форма, полученная путем сведения изогнутой верхней части воздушного змея к прямой или почти прямой линии. Эта разновидность также была либо изогнутой, либо плоской; и хотя самые ранние образцы были такими же высокими, как щиты для воздушных змеев XI века, треугольная мишень вскоре значительно уменьшилась в своей высоте. Форму этой защиты, как плоскую, так и изогнутую, можно увидеть на печатях Генриха II. и Ричарда I. (вырезки [1](#) и [44](#)), фигурах из *трахтена* Хефнера (вырезка [35](#)) и фигурах из Harleian Roll, Y. 6 (вырезка [32](#)).

Круглый щит имеет более редкий вид. Это встречается в харл. рукописи 603 года конца одиннадцатого века; в испанской рукописи 1109 года, которая уже цитировалась; и в Псалтири Эдвина, около 1150 года. Хотя круглая мишень не часто встречается на миниатюрных картинах, вполне вероятно, что она часто использовалась пешими войсками.

Воздушный змей и треугольные щиты были снабжены ремнями для крепления к руке и для подвешивания на шею. Первые назывались *enarmes*:—

"Por la crieme des dous gisarmes,
L'escu leva par les enarmes."
Уэйс, Рум. де-Пу, л. 13 450.

"Li Dus vit sa gent resortir:
Par les enarmes prinst l'escu."—*Idem, l. 13,880.*

В их расположении было некоторое разнообразие, но целью всегда было прикрепление щита к предплечью: круглая мишень англосаксов, напротив, удерживалась на расстоянии вытянутой руки с помощью перекладки, за которую хватались рукой. Примеры *вооруженных сил* этого периода можно найти на рисунке v. гобелена из Байе. Смотрите также печать Генриха II., (гравюра на дереве 43). *Guige*, или ремень для подвески, уже был описан относительно его назначения в нашем первом разделе. Это представлено в наших гравюрах на дереве 32, 35, 42 и 43. С помощью *guige* щит, когда он не используется, можно было носить на спине. Примером конца двенадцатого века может служить картина на пергаменте Harl. MS. 2800, том ii. fol. 21. Это также видно на очень любопытной резной церковной двери из Исландии, изображенной на странице 103 "Копенгагенского музея" г-на Ворсааэ.

Изображения на Щитах в более ранней части рассматриваемого периода носят религиозный или причудливый характер. Во второй половине XII века начали появляться геральдические знаки, которые стали передаваться по наследству. Более ранние рисунки на щитах состоят из крестов, кругов или безантов, драконов, переплетающихся полос, плоских тонов, окаймленных другим оттенком, или простых плоских тонов; с некоторыми разновидностями, которые можно четко объяснить только карандашом. Многочисленные примеры этого во всем их разнообразии можно найти на гобеленах Байе, в статье сэра Фредерика Мэддена "Шахматные фигуры острова Льюис" (*Archæol.*, vol. xxiv.) и среди табличек с "Платьями и украшениями" Шоу.

Две печати Ричарда Первого очень точно отмечают развитие науки геральдики. На самом раннем щите монарха изображен символ доблести - лев. (Смотрите гравюру на дереве, №1). Но это вздыбленный лев, и поскольку изогнутый щит открывает для обозрения только половину своей поверхности, было высказано предположение, что полное изображение будет состоять из двух сражающихся львов. Это изображение, будь то одного или двух львов, исчезло среди змей и узелков более раннего времени; но надпись на второй печати Ричарда, "три льва *passant gardant*", сохраняет свое место на королевском гербе по сей день. На этой второй печати Ричарда (см. гравюру на дереве, № 1, рис. 2), лев-пассажир появляется также на шлеме монарха. Другим примером повторения королевского герба является гербовая печать

Александра II Шотландского (около 1214 г.), где изображение льва на щите повторяется на седле. (Хлопковые хартии, xix. 2.)

Щиты часто были богато украшены росписью и даже, если мы можем буквально интерпретировать свидетельства хронистов, инкрустированы драгоценными камнями. Примеры богато орнаментированных щитов двенадцатого века можно увидеть в книге Шоу "Платья и украшения" и в Харл. MS. 2895, fol. 82. Роберт из Экса в одиннадцатом веке, описывая первый крестовый поход, сообщает нам, что европейские рыцари носили щиты, "украшенные различными цветами".

На борту корабля рыцари располагали свои щиты вдоль борта судна, образуя своего рода бастион. Это очень четко показано на Листах ii. и x. с гобелена из Байе.

И когда, наконец, рыцарь пал в битве, его воздушный змей-щит послужил ему носилками. Племянник императора Отона был убит под Руаном, германцы...

"O li cors se trahistrent el chief d'une valée;
Sor un escu l'ont miz, la teste desarmée."
Roman de Rou, l. 4024.

Как мы узнали из предыдущего отрывка, "обритые наголо" рыцари времен Завоевателя в правление его преемника приобрели дурную славу образцов моды. Длинные волосы вошли в моду, вызвали анафему Церкви, подверглись временной дискредитации и снова вошли в моду. У Малмсбери есть любопытный набросок этого колебания моды. На двадцать девятом году правления Генриха I. Он сообщает нам: "в Англии произошло обстоятельство, которое может показаться удивительным нашим длинноволосым кавалерам, которые, забывая, кем они родились, превращаются в женщин из-за длины своих локонов. Некому английскому рыцарю, который гордился роскошью своих локонов, мучимому угрызениями совести по этому поводу, казалось, что во сне какой-то человек душит его своими локонами. Проснувшись в испуге, он немедленно отрезал все свои лишние волосы. Этот пример распространился по всей Англии; и, поскольку недавнее наказание способно воздействовать на психику, почти все военные без возражений позволяли стричь свои волосы надлежащим образом. Но эта благопристойность длилась недолго; ибо не прошло и года, как все, считавшие себя придворными, вернулись к своему прежнему пороку, соперничая с женщинами по длине своих локонов, а когда они оказывались неполноценными, заменяли их накладными локонами[206]." В 1102 году на соборе, проведенном в Лондоне архиепископом Ансельмом, это было введено в действие что те, у кого длинные волосы, должны быть подстрижены так, чтобы открывалась часть уха и глаз. Сравните также хорошо известный отрывок из "Ордерика Виталия", где он рассказывает нам, как епископ Серло, проповедуя перед Генрихом I и его двором, так успешно выступал против беззакония длинных локонов, что его аудитория увидела безумие их поведения; и прелат, улучив благоприятный момент, достал из рукава ножницы (*de mantic's forcipes*) и собственноручно обрезал короля и многих его придворных[207].

Из Уэйса и гобелена из Байе мы выяснили, что бороду норманны не носили во времена завоевания, хотя она была в моде у англосаксов:-

"Ли Норман * * *

От моей барби из гернона,
проживающей в Эро, по соседству с эйвонами". — *Строка* 12,252.

И норманны сохраняли свой обычай до второй половины двенадцатого века. Монументальное изображение Генриха II в Фонтевро изображает его без бороды или усов. "Борода, - говорит Стотхард, -[208], - нарисована карандашом, как миниатюра, чтобы показать, что она тщательно выбрита". Среди англичан, однако, борода часто сохранялась и стала своего рода протестом против новой династии[209]. В 1196 году Уильям Длиннобородый, "дерные саксов", как его называет М. Тьерри стал заметен из-за своей оппозиции норманнскому правлению, закоренелость которого была продемонстрирована миру чрезмерной длиной его бороды[210]. Однако в то время борода и усы умеренных размеров были в моде у обеих рас. Изображения Ричарда I в Фонтевро и короля Иоанна в Вустере являются хорошими примерами этой смены моды.

Оружием, находившимся в употреблении у рыцарского ордена, были копье, меч, булава, а к середине XII века - топор. Древко копья было одинаковой толщины по всей длине, выпуклость на рукояти была гораздо более поздним изобретением. Материалом обычно был ясень или сосна. Уэйс в *Романе де Руесть*:—

"Мульт и визитная карточка фернандо д'Ашье,
Поддерживайте связь[211] де сап и де френе брюсье[212]".—*Строка* 4639.

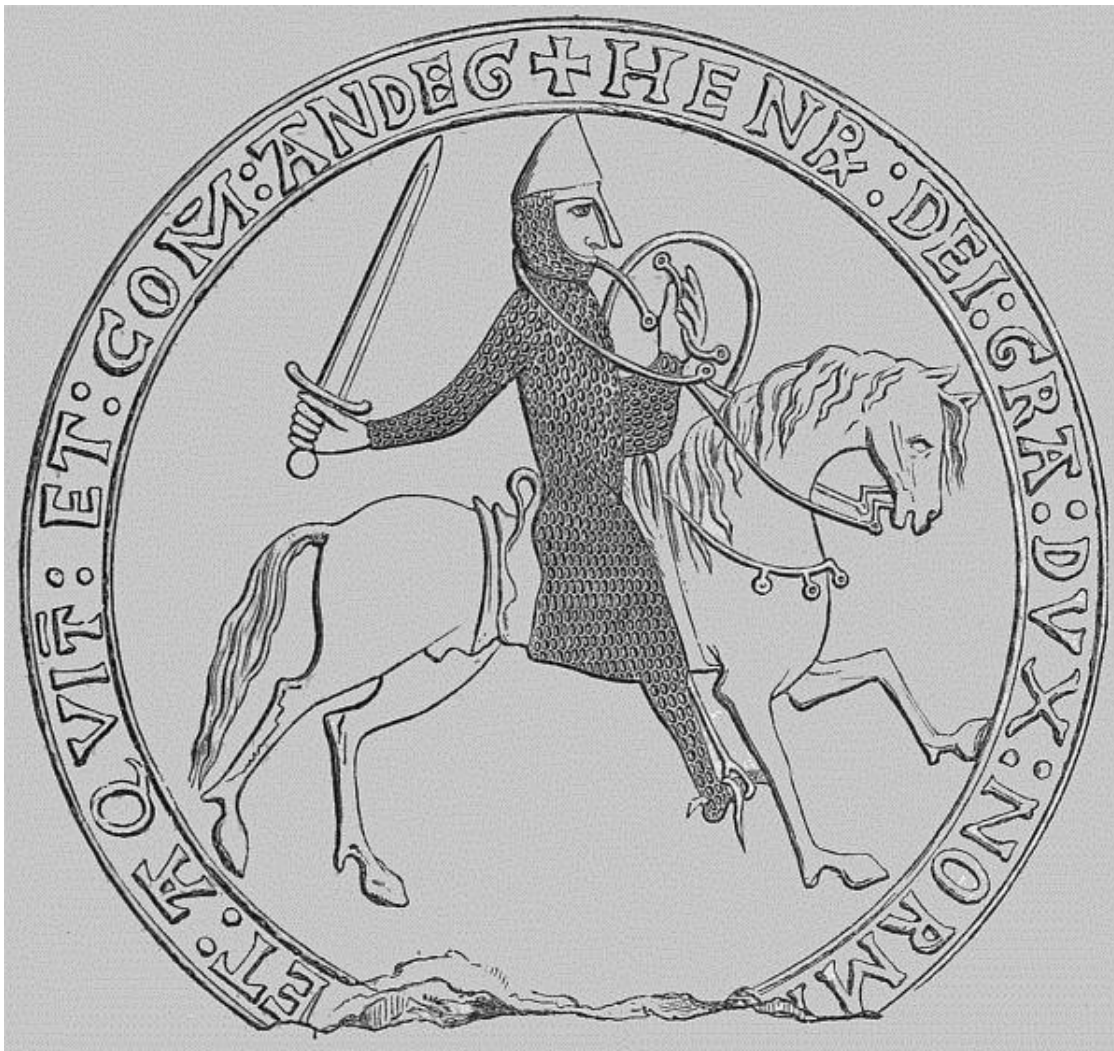
Гийом ле Бретон, описывая битву Ричарда I и Гийома де Барреса, говорит:—

"Utraque per clypeos ad corpora *fraxinus* ibat."

И Альберт Аквенсис, говоря о французах, говорит нам: "Поспешите сломить себя в манибусе железного акутиссимуса, совершенного солнца, квази великих пертичей". Наконечники копий обычно имели форму листа или ромба; реже зубчатые. Все три вида копий изображены на гобеленах Байе и встречаются на многих памятниках XII века. Флажки для копий (или вымпелы) с двумя, тремя, четырьмя и пятью наконечниками встречаются в конце одиннадцатого и в течение двенадцатого веков. Смотрите харлейскую рукопись 603, гобелен из Байе и наши гравюры на дереве, № №1, 27, 28, 30 и 37. Любопытный восточный пример использования копья-флага можно найти в настенной живописи пещер Аджунта, работе, относящейся к первому веку нашей эры. Точная копия этого интересного памятника была размещена в музее Ост-Индского дома. Копье также было оружием низших войск:—

"Арчье труван виленц, не теряй землю и не планируй,
Ки порт арк, ки хаш, ки грант лэнс гелдиер".
Роман де Ру, л. 4680.

Гелдон - имя, которым часто называли пехотинцев: "И цецилий Израиля, начинающий миллию потомства": 1. Царств iv. 10. "Карл и глава третьей армии гельде.



БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА II.

№ 43.

Меч был старой формы: прямой, широкий, обоюдоострый. Крестовина обычно была прямой, в других случаях изогнутой к лезвию. Примеры последнего способа встречаются в большой печати короля Генриха II, приведенной здесь; в Харл. рукописи 603, *passim*; и в рукописи Cotton, Titus, D. xvi. Смотрите также нашу гравюру на дереве, № 41. Навершие было круглым, полусферическим, квадратным, ромбовидным, трехлистным или перевязным. Все эти формы можно увидеть в Харл. ср., 603, Титус, Д. xvi., гобелен из Байе, Дополн. МИСС 11 695 и изображение Генриха II, выполненное Стотардом. На этом изображении также очень четко виден пояс с пряжкой, с помощью которой меч был пристегнут к поясу. Сравните также вторую пластину гобелена из Байе, где очень отчетливо представлена форма этого короткого пояса. Мы уже заметили, что меч иногда носили с рукоятью, выступающей через прорезь в кольчуге, при этом ножны крепились под кольчугой. Смотрите разрез 34 и гобелен из Байе, фото vi. Как и в наши дни, мечи, приписываемые древним героям, имели особую ценность и стали самыми дорогими подарками королей и знати. Так, когда Ричард Львиный Кер находился на пути в

Святую Землю, "король Сицилии прислал ему много ценных подарков, состоящих из золота и серебра, лошадей и шелковых тканей. Но король Англии ничего не захотел получить от него, кроме маленького кольца, которое он принял в знак их взаимного уважения. С другой стороны, король Ричард подарил королю Танкреду тот самый превосходный меч, который бритты называют *Калибурн*, и который был мечом Артура, некогда доблестного короля Англии[213].

Меч Вильгельма Завоевателя стал феодальным орудием, с помощью которого Умфревиллы владели владениями Риддесдейла в Нортумберленде: "На десятый год правления Вильгельма Завоевателя Роберт де Умфранвиль, рыцарь, получил от этого короля пожалование владений, долины и лесов Риддесдейла, за службу по защите этой части страны от Врагов и Волков, с помощью того Меча, который был при короле Вильгельме, когда он вошел в Нортумберленд "[214]."

Из очень любопытного рисунка в "Псалтири Эдвина", написанного в Кентерберии в середине двенадцатого века и ныне хранящегося в библиотеке Тринити-колледжа в Кембридже, мы узнаем, каким именно образом солдаты того времени чистили и шлифовали свои мечи. Орудие для чистки шерсти имеет форму обычного топорика, закрепленного в центре стержня или посоха, который держится обеими руками. Этот любопытный сюжет был запечатлен мистером Вествудом в его *Священной палеографии*.

Булава не часто появляется на живописных памятниках того периода. Однако ее можно увидеть на гобелене из Байе в руках обеих армий. Головки имеют форму четырехлистника или сердечка. То, что Уэйс называет "гибет", считается булавой, и ее носят по правую руку от рыцаря, чтобы использовать, когда копье сломается:

"Endementrez ke il versa,
Sa lance chaï è froissa,
Et il a le *gibet* seisi,
Ki a sun *destre bras pendi*."—*Rom. de Rou*, 1. 13,456.

Это также было обычным оружием церковников, когда они шли на битву; они стремились таким образом избежать доноса на тех, "кто разит мечом". Под названием *клава* упоминается Гийомом ле Бретоном:—

"Nunc contus, nunc clava caput, nunc vero bipennis
Excerebrat."—*Philippidos*, p. 213.

Топор, который на гобелене из Байе никогда не был замечен в руках нормандских рыцарей, по-видимому, в XII веке вошел у них в моду, поскольку, как говорят, даже короли этой расы сражались с ним. Так, Ховеден, описывая доблесть Стефана в битве при Линкольне в 1141 году, говорит: "Тогда была видна мощь короля, равная удару молнии, убивающего одних своим огромным боевым топором и повергающего других. Тогда снова поднялись крики, все бросились на него, а он против всех. Наконец, из-за множества ударов боевой топор короля был разломан на части. Мгновенно, правой рукой выхватив меч, он чудесным образом вел бой до тех пор, пока меч тоже не был сломан. Увидев это, Уильям де Кахамнес, самый могущественный рыцарь, бросился к королю и, схватив его за шлем, закричал громким голосом: "Сюда, все вы, идите сюда! Я захватил короля".

В приведенной выше цитате из *Филиппидос* мы видели, что в то время также использовался двойной топор, *двуручник*. Как и булава, она редко встречается на изображениях того времени, но несколько ее изображений можно найти в Harleian MS. 603, латинской псалтири конца одиннадцатого века, вероятно, написанной во Франции.

Среди оружия, используемого обычными солдатами, - культеллус, гизарма, пика, бисакута, дротик, праща, длинный лук, арбалет (в конце XII века) и некоторые другие, в которых огонь был атакующим средством. Культеллус, или кустель, представлял собой короткий меч или длинный кинжал, хорошо рассчитанный для использования пешими войсками, бросающимися на рыцарей, выбитых из коней при атаке кавалерии; и столь же хорошо приспособленный для ближнего боя пешими против пешеходов. Статут Вильгельма, короля Шотландии (1165-1214), показывает идентичность костела и кинжала: "Habeat equum, habergeon, capitium e ferro и cultellum qui dicitur"*кинжал*[\[215\]](#)". В четырнадцатом веке у Найтона есть: "Cultellos, quos *daggerios* vulgariter dicunt, in *powchiis* impositis[\[216\]](#)." А Уолсингем в пятнадцатом веке пишет: "Mox extracto cultello, quem *кинжал* вульго дицимус, ictum militi minabatur[\[217\]](#)." Cultellus, как и *sica* классических времен, не только стал оружием грабителя, но и дал название этому классу; как мы видим из статута графа Тулузы 1152 года: "Si quis aliquem hominem malum, quem Cultellarium dicimus, cum cultellis euntem nocte causa furandi occiderit, nullum damnum patiatur propter hoc". Герб, который мы уже заметили в предыдущей главе, все еще был в фаворе в двенадцатой главе. столетие, и часто упоминается писателями этого периода. Поразительный отрывок из "*Филиппидос*" представляет нам богатую коллекцию оружия наших дней:—

"Nunc contus, nunc clava caput, nunc vero bipennis
Excerebrat: sed nec bisacuta, sudisve vel hasta
Otia vel gladius ducit."—Page 213.

Контус и судис этих линий - это пики, особое отличие которых друг от друга было бы тщетным исследованием в наше время. Уже были замечены клада (булава) и бипеннис. Bisacuta, по-видимому, была рукой типа пики. Отец Даниэль цитирует из французского поэта, жившего в 1376 году, такие строки:

"Trop bien faisoit la besaguë
Qui est par les deux becs aguë."—*Mil. Franç.*, i. 433.

Фраза, *deux becs*, по-видимому, указывает на форму, о которой мы упоминали, и точная конструкция оружия, возможно, представлена нам в хорошо известной бронзе епископа Вайвила в Солсбери[\[218\]](#). Сохранившееся письмо четырнадцатого века, по-видимому, подтверждает эту точку зрения: "Le dit Hue d'un gran *martel* qu'il portoit, appelé besague, getta au dit Colart" и проч. Головка *martel-d'armes* постоянно, с одной или обеих сторон, имела форму кирки или клюва. Бесага также была плотницким инструментом. Так, Уэйс, рассказывая о вторжении норманнов в Англию, говорит нам:

"Li charpentiers, ki emprès vindrent,
Granz coignies en lor mains tindrent:
Doloères è besaguës

Orent à lor costez pendues."—*Line* 11,650.

Пращу того времени, хотя и грубо нарисованную, можно увидеть в группе из Add. MS. 14,789, скопированной с нашей гравюры на дереве № 37. Сравните также вырезы 12 и 50. Копье найдено в конце XI века; в руках англичан на гобелене из Байе и во французской рукописи, Harl. 603, fol. 60. В двенадцатом веке он, по-видимому, попал в упадок среди этих народов, хотя, вероятно, использовался в гораздо более поздний период испанцами[219], у которых это всегда было излюбленным оружием, и теми расами, которые сохранили грубую моду и героические традиции своих древних северных предков.

Длинный лук был самой простой конструкции: он часто встречается на гобеленах Байе (рисунки XIII, xv и XVI), в современной рукописи Harleian 603 и во многих памятниках двенадцатого века. Стрелы обычно зазубрены. Любопытная разновидность стрелы встречается в испанском кодексе, дополнении MSS. 11,695, написанном в 1109 году. Этот метательный снаряд, который часто изображается в книге, имеет три пары зазубрин, закрепленных на небольшом расстоянии друг от друга вдоль древка; жестокое изобретение, которое, по-видимому, не дошло до других народов Европы и, можно надеяться, недолго было в моде в Пиренеях. Уже в двенадцатом веке англичане начали проявлять то мастерство в стрельбе из лука, которое впоследствии принесло им такую известность. Во время осады Мессины Львиным курганом, как мы узнаем от Ричарда Девизского, сицилийцы были вынуждены оставить свои стены без присмотра, "потому что никто не мог выглянуть за дверь, но стрела попала бы ему в глаз прежде, чем он успел бы его закрыть". Сам король не брезговал иногда пользоваться луком. Оказавшись перед Ноттингемским замком, который был захвачен "графом Джоном", монарх, по словам Роджера Ховеденского, "занял свои покои рядом с замком, так что лучники в нем пронзали людей короля у самых его ног". Король, разгневанный этим, надел доспехи и приказал своим войскам пойти на штурм замка, во время которого произошел острый конфликт, и многие пали с обеих сторон. Сам король сразил одного рыцаря стрелой и, наконец одержав верх, загнал своих врагов обратно в замок, захватил несколько внешних укреплений, которые были возведены без ворот, и уничтожил внешние ворота огнем[220]."

Практика стрельбы из лука поощрялась и защищалась законом. Среди постановлений Генриха I Английского было предусмотрено, что если кто-либо, упражняясь со стрелами или дротиками, случайно убьет другого, это не должно рассматриваться против него как преступление[221].

Колчаны, представленные на гобелене из Байе, без чехлов; но на листе 25 Харл. MS. 603 есть рисунок колчана с крышкой, прикрепленной шнурами, так что, когда колчан используется, крышка остается подвешенной на веревочках. Одежда лучников уже была замечена.

Арбалет, по-видимому, не был признан в качестве боевого оружия до конца XII века. Термин *балиста*, под которым она описывается в монашеских анналах и других писаниях, действительно встречается в более ранний период; но есть большие сомнения, означала ли эта более ранняя балиста ручное оружие или один из тех "джинов", пришедших из классических времен. Более позднее использование руки, по-видимому, подтверждается тем фактом, что она не встречается на графических изображениях примерно до 1200 года. По-видимому, была попытка ввести его в действие в начале этого столетия, но он был запрещен папским указом как непригодный для христианской войны. На соборе 1139 года при Иннокентии II было написано: "Артему илам мортиферам и одиозному балистариуму истрельцу, противостоящему

Христианину и католику, и так далее под запретом анафемы"[222]". Это осуждение было возобновлено при Иннокентии III; но к этому времени Ричард Львиный крест и Филипп Огюст санкционировали использование оружия, и арбалет восторжествовал. И Гийом ле Бретон, и Гиар относят появление этого оружия к концу двенадцатого века; и оба говорят нам, что Ричард был первым, кто взял его на вооружение, и что Филипп последовал его примеру. Описывая осаду замка Бовес, Брито говорит[223]:—

"Francigenis nostris illis ignota diebus
Res erat omnino quid balistarius arcus
Quid balista foret, nec habebat in agmine toto
Rex, quemquam sciret armis qui talibus uti."

И снова, описывая смерть Ричарда I., он заставляет Атропос говорить так[224]:—

"Hac volo, non alia Richardum morte perire.
Ut qui Francigenis balistæ primitus usum
Tradidit, ipse sui rem primitus experiatur,
Quamque alios docuit, in se vim sentiat artis."

У Гиарта есть похожий отрывок:—

"Финал в споре"[225],
К англичанам относятся по-английски, к дешоннесте,
Ли роис Ришар, к д'Арбалету
премьер-лиги США во Франции.
Искусство сына от зла". —*Хроника. Métr.*, l. 2644.

Форму арбалета того времени можно увидеть на нашей гравюре на дереве, № 50. Его сгибали, вставляя ногу в петлю или "стремя" на конце, а затем вытягивая веревку вверх руками. В более поздний период лук был сделан намного прочнее и из стали, что потребовало механических приспособлений для его сгибания. Стрела арбалета была короче и прочнее, чем у длинного лука. Как можно видеть на нашей гравюре на дереве под номером 50, она была покрыта перьями; особенность, которая отмечена у *Романа де Гарина*:—

"Volent piles plusque pluie par prés,
Et les saiettes et *carriax* empennés."

Это название *Carriax* (квадрелли или ссоры) было дано этим ракетам из-за четырехгранной (или пирамидальной) формы головной части. Так, Гийом ле Бретон, говоря о смерти Ричарда Первого:

"—Quadratæ cuspidis una
Pendet arundo."

Из указа Теобальда, графа Шампанского, изданного в следующем столетии (1256 г.), мы узнаем, что количество стрел для арбалета составляло пятьдесят штук: "Оружие коммуны до нечastia, аура арбалетчиков в общежитии для детей и оружие для чинкванте". Стрелу арбалета иногда называют *виретон*, от французского *virer*, из-за ее вращательного полета. Сравните классический *верutum*, копье, которое получило свое название благодаря аналогичному свойству. Хотя англичане, по-видимому, использовали арбалет примерно с конца двенадцатого по конец тринадцатого века, в последующую эпоху длинный лук одержал знаменательную победу над своим соперником.

В руках крепкого солдата, действительно, длинный лук является оружием гораздо более совершенным; ибо дюжина стрел может быть выпущена, пока арбалетчик заводит свой инструмент и закрепляет одну стрелу; а длинный лук, имеющий вертикальную рукоятку, допускает ближний бой, чего нельзя достичь горизонтальным арбалетом; опять же, длинный лук - оружие очень легкое, в то время как его соперник, с его толстым стальным луком и приспособлением для сгибания, одновременно тяжеловесен и громоздок: размер стрел также допускал только восемнадцать стрел из горизонтального арбалета. каждый мужчина должен был вывести их на поле боя ("et auront trousses empanées et cirées de dix-huit traits du moins": Указ французского короля Карла VII), в то время как английский лучник нес "двадцать четыре шотландца за поясом". "Les arbalestriers Gennevois," says Froissart, "commencèrent à traire, et ces archers d'Angleterre firent voler ces sagettes de grand' façon, qui entrèrent et descendirent siouniement sur ces Gennevois que ce sembloit neige. Les Gennevois, qui n'avoient pas appris à trouver tels archers que sont ceux d'Angleterre, quand ils sentirent ces sagettes qui leur perçoient bras, têtes et banlèvre, furent tantôt desconfits[226]." Но чтобы так эффективно обращаться с длинным луком, требовалась раса, сильная мускулами и опытная в своем искусстве: взвести и разрядить арбалет было подвигом мальчика.

Греческий огонь, все еще не принимавшийся во внимание христианскими государствами Запада, часто использовался врагами Креста на Востоке. Все отчеты о Крестовых походах содержат примеры его применения. О трубках, из которых он выпускался, мы уже говорили. В библиотеке Круазад М. Рейно[227], у нас есть описание разновидности этого зажигательного вещества, написанное арабским историком Третьего крестового похода Ибн Алатиром. "Когда Акко был осажден христианами, - рассказывает он нам, - в город прибыл человек из Дамаска, чтобы помочь в его защите. Он начал с того, что разлил по башням, возведенным осаждающими, горшки, наполненные нефтью и другими ингредиентами. Они не загорелись и упали, не причинив вреда христианам, которые смеялись над мусульманами за их кажущуюся неудачу. Тем временем человек из Дамаска подождал, пока смесь не растечется по всем частям башни. Затем, выпустив зажженный снаряд, в одно мгновение башня была объята пламенем, и горение было таким быстрым и обширным, что у христиан не было времени спуститься: люди, оружие - все было сгорело".

Из любопытного отрывка Уэйса мы узнаем, каким оружием пользовались крестьяне, когда их подталкивали к восстанию против своих господ. Описывая восстание "виленов" под предводительством Ричарда Второго, герцога Нормандии, он заставляет этих "холостяков из беле—ювентуса" восклицать: -

"Махуэс и грант пеус,
сажетес и как тинеус,
Как арки, как хаши, как жезлы,
И как пьер ки нара армес,
За гранта генца, которого мы знаем,
шевалье и десендум". —*Рим. де Ру*, л. 6043.

The *peus*, или *pieux*, были пиками; *tineus* были шестами, используемыми для переноски виноградных кадок во время сбора винограда, которые, как мы можем предположить, были переделаны в орудия войны и вооружены железными наконечниками. Идея состязания путем бросания камней ни в коем случае не является простой поэтической фантазией нашего автора. Фруассар даже рассказывает нам о победе, достигнутой этим способом. Группа французских рыцарей и дворян, собиравшихся атаковать часть Вольных отрядов, расположилась на холме и, будучи хорошо обеспечена камнями, "с такой силой бросала их в приближавшихся, что они ломали их люльки, какими бы прочными они ни были, и ранили и калечили латников до такой степени, что никто не мог или не осмеливался продвигаться дальше, каким бы хорошим ни был его щит" (*tant bien targé qu'il fut*). И эта первая дивизия была так основательно разгромлена, что больше никогда не смогла бы сослужить хорошую службу". К ротам прибыло подкрепление, и началось более регулярное наступление: "Que vous ferois-я долго сражался? De celle besogne dont vous oyez parler, les François en eurent pour lors le pieur[228]."

В производстве оружия сталь Пуату уже прославилась. Иоанн, монах из Мармустье, живший в середине двенадцатого века, описывая посвящение в рыцари Жоффруа, герцога Нормандии, сообщает нам, что у него было ясеневое копье, вооруженное наконечником из стали Пуату. Малмсбери отличает также Лотарингия. "При осаде Антиохии, - говорит он, - Готфрид Бульонский лотарингским мечом разрубил на части турка, который потребовал поединка один на один, так что одна половина человека, тяжело дыша, лежала на земле, в то время как другая половина была унесена лошадью на полном скаку; так твердо неверующий держался в седле. Другого человека, напавшего на него, он разрубил на части от шеи до паха; и на этом ужасный удар не остановился, а полностью рассек седло и позвоночник лошади". Венгрия в очень ранний период пользовалась известностью благодаря своему производству оружия. Карл Великий в письме Оффе Мерсийскому, предлагая ему подарки для его церквей, добавляет: "И для вашего собственного принятия я посылаю пояс, венгерский меч и две шелковые мантии"[229]. Способ закалки стали в одиннадцатом и двенадцатом веках путем погружения в холодную воду, когда она была раскалена докрасна, можно увидеть у Феофила Пресвитера, lib. iii. cap. 19.

Флагами и штандартами, использовавшимися в этот период, были штандарты принца, знамя, выпел и маленький флаг-копье или серпантин. Освященный штандарт Вильгельма I., дарованный Папой Римским, по-видимому, изображен на девятой пластине гобелена из Байе, где он имеет квадратную форму и подписан крестом. Рыцарь Тустейн в течение дня носил его рядом с Уильямом: "Турстинус, филиус Роллонисвексиллум *Норманнорум* портавит[230]".

"И сколько бы мне ни было туров, туров;
Сколько бы ни было крепких, крепких". —*Уэйс*, л. 13,807.

Он также использовался для обозначения любой опасности, в которую мог попасть лидер. Так, когда Филипп Август был выбит из седла в битве при Бовинсе, Ригорд сообщает нам, что его знаменосец обозначил опасность для короля, несколько раз опустив Королевский штандарт над этим местом.

Штандарт Дракона, некоторые образцы которого мы видели в нашем первом дивизионе, все еще встречается у немцев и англичан. Мы уже видели его точную форму на изображениях Гарольда на гобелене из Байе. Он сопровождал хозяев Ричарда Львиного поля. Ричард де Девизес, описывая атаку на "Грифонов" в Мессине, говорит: "Король Англии выступил с оружием в руках: ужасный штандарт с изображением Дракона поднят впереди; в то время как позади короля звук трубы возбуждает армию[231]". Ховеден, датированный 1191 годом, сообщает нам, что Ричард "передал *своего Дракона (Draconem suum)* Питеру де Прателлису". Гийом ле Бретон в "*Филиппидос*" вручает императору Отону штандарт в виде дракона и орла.

"Erigit in carro palum, paloque Draconem
Implicat, ut possit procul hinc atque inde videri,
Hauriat et ventos cauda tumefactus et alis,
Dentibus horrescens rictusque patentis hiatu,
Quem super aurata volucer Jovis imminet ala."

У Гиарта есть похожий отрывок; добавляя, что Дракон императора —

"Vers France ot la gueule baée,
Pour le réaume chalengier,
Come s'il deust tout mangier.
Cis Dragons soustint la Bannière
Des connoissances l'emperiere,
Qu'il porte au bel et à loré.
Desus ot un Aigle doré:
C'est *signe de guerre cuisant*."

Штандарт, или карроциум, английского короля Стефана уже был замечен в очерке битвы при Кутон-Муре (стр. 107). Каррочио миланцев по-прежнему считался их Палладиумом.

Знамена несли рыцари баннерет, церковные адвокаты и городские войска, или *Communitates Parochiarum*. Рыцарское знамя, как мы уже видели, было квадратным, и, как только были установлены геральдические знаки, на нем была изображена выправка вождя, которому оно принадлежало. Его особое применение заключалось в том, чтобы собрать и сплотить войска баннерета:—

"Трижды или трижды стреляли,
Больше, чем кумполы". —*Рим. де-Пу*, i. 337.

Епископы и аббаты назначали рыцарей защищать свои владения, руководить своим контингентом и сражаться под их знаменами. Со временем эти адвокаты сделали свою должность наследственной. Графы Вексен были *авуарами* аббатства Сен-Дени, и когда земли Вексена перешли во владение королей Франции, эти монархи получили должность знаменосцев аббатства. Таким образом, простой красный флаг Сен-Дени стал под названием Орифламма самым выдающимся знаменем французской монархии.

"L'Oriflamme est une Banniere,
Aucun poi plus forte que guimple:
De cendal roujoyant et simple,
Sans pourtraiture d'autre affaire."—*G. Guapm.*

Именно Луи ле Гро присоединил графство Вексен к короне Франции[232].

Очень любопытная разновидность рыцарского знамени изображена на двенадцатой пластине гобелена из Байе; знамя полукруглое, украшено птицей в обрамлении каймы и имеет бахрому по краю. Мистер Ворсаи предположил, что эта птица, которая появляется на нормандской стороне, может быть Вороном древних северян, которого их потомки сохранили в честь подвигов своих предков.

На знаменах общинных войск были изображены Святые, каждый приход собирался вокруг флага, на котором был изображен его конкретный святой. Это употребление было таким же старым, как и времена Людовика VI. из Франции: "Следовательно, сообщество во Французском народном институте является пресулибусом, а пресвитерианский комитет - регионом и обсидионом великой борьбы с Вексиллисом и прихожанами в омнибусе"[233].

Слово Гонфанон, *Guntfano*, столь часто встречающееся в писаниях этого периода, по-видимому, безразлично применяется к штандарту вождя, рыцарскому знамени и знамени для копья. Оно произошло от немецкого *kunden*, *indicare*, и *Fahne*, *vexillum*; или от *Fahne* и древнескандинавского *Gunn*, *prælium*. М-р Кембл склоняется к последнему происхождению; см. Глоссарий к *Беовульф* в *v. Гуте*. В капитулярии Карла Лысого знамени вассалов Церкви присвоено имя Гонфанона: "Пусть наши посланники (*missi nostri*) проследят, чтобы войска каждого епископа, аббата и настоятели выступили должным образом экипированными и со своими гонфалоньерами (*cum Guntfannonario*)". Штандарт, присланный папой Вильгельму Завоевателю, написан Уэйсом по имени гонфанон:—

"Апостой
гонфанона окружающей среды". — *Строка 11 450.*

Он дает это также баронам и более могущественным капитанам: —

"N'i a riche home ne baron
Ki n'ait lez lui son gonfanon;
U gonfanon u autre enseigne,

U il se maisnie^[234] restraigne."

В следующих отрывках это знамя копия:-

"Les lances bessent, o sont li gonfanon."—*Rom. de Garin*.

"Нож для копья ли гонфанона пент". —*Рим. д'Обери*.

"Moult si siest bien au col la lance au gonfanon."

Rom. de Duguesclin.

Вымпел, как мы видели ранее (стр. 95), был знаменем тех рыцарей, которые не достигли звания баннерета. По-видимому, он заканчивался точкой или точками, но его точная форма на данный момент не установлена. Вероятно, он ничем, кроме своего размера, не отличался от древков копий, изображенных на гобеленах Байе, на печатях и других памятниках одиннадцатого и двенадцатого веков. Однако Уэйс в следующем отрывке, по-видимому, использует это слово в более общем смысле, поскольку речь идет о виконте дю Котантене, наместнике герцога Нормандского, о котором он говорит:

"Les li fist un penun porter,

U lur gent pussent recuvrer."—*Rom. de Rou*, l. 7839.

Если бы этих различных знамен было признано достаточным для того, чтобы держать вместе войска обычной экспедиции; в крупных вооружениях, таких как вооружение Крестовых походов, вскоре должно было бы ощущаться отсутствие какого-либо более общего различия. Поэтому Ховеден сообщает нам под 1188 годом, что вожди, выступившие против сарацин, "с целью признания своих различных наций приняли отличительные знаки для себя и своего народа. Ибо король Франции и его народ носили красные кресты; король Англии и его народ - белые кресты; в то время как Филипп, граф Фландрии, и его последователи носили зеленые кресты".
Существование способа узнавания среди войск в этот период подтверждается отрывком Уэйса, в котором он называет "отличительные черты" нормандского войска и их союзников:

"E туит орент Фет cognoissances,

Ke Normant алтрэ conéust,

Эт k'entreposture H'éust.

Ты нормандец, а не ферист,

Не Франция, а не Океан". — *Строка 12,816*.

Тщетно сейчас выяснять особую природу знака узнавания, задуманного хронистом. В примечании месье Плуке к этому отрывку приводятся "условные обозначения".

Флаг с копьем встречается на протяжении всего рассматриваемого периода. Множество примеров встречается на гобеленах Байе, а также на королевских и баронских гербах того времени. Обычное изображение на нем представляет собой крест, квадрат, несколько кругов или полос разного цвета; или же лента имеет один оттенок. На нем есть два или более надреза, а иногда и бахрома по краю. Смотрите наши примеры с гравировкой.

Музыкальными инструментами, используемыми на войне, были рог, труба и разновидность последней, называемая *грейслем*. Уэйс упоминает все это в своем отчете о битве при Гастингсе:

"Почему вы остаетесь[235] входите,
разрешите шум и разрешите временный выход.
Мульт "Оссиз грейслс сонер,
булонский лес на углу Корса". — *Строка* 13,135.

Боевой рог этого периода очень четко изображен на листе 25 Harleian MS. 603, работы конца одиннадцатого века. Он имеет обычную полукруглую форму. Труба (буазин: буччина) найдена, хотя и в памятнике несколько более поздней даты, на плите с надписью "Годфри ле Трумпур", ныне хранящейся в библиотеке Лондонской ратуши[236]. Сравните также нашу гравюру на дереве, № 73. Гразль (от *gracilis*) был, как следует из его названия, тонкой формы; его точный вид не установлен.

В конском убранстве появились некоторые новые черты, особенно в облачении коня в кольчугу - практика, которая, по-видимому, возникла ближе к концу двенадцатого века. Уэйс действительно сообщает нам, что Уильям Фиц-Осберт на поле битвы при Гастингсе ехал на коне в таком снаряжении:

"Винт Уиллэм ли филз Осбер,
Сын кавалера тот коверт де фер". — *Строка* 12,627.

Но мы вполне можем полагать, что скорее необходимость рифмы к слову "Osber", чем использование периода, подарила нам этого железного коня в столь ранний период. Уэйс, писавший во второй половине XII века, по-видимому, просто воспользовался обычной вольностью авторитетов среднего возраста: изобразить прошлое поколение в чертах своего собственного. Практика вооружения лошади, по-видимому, не стала повсеместной до конца XIII века. Наглядный пример охотника за кольчугой можно найти на нашей гравюре на дереве под номером 86. Седло имело высокую луку и перекладину, как можно видеть на наших гравюрах королевских печатей этого периода. На многих примерах гобеленов Байе они образуют спирали (если смотреть сбоку), точно такие же, как стороны ионической капители. Чепрак не фигурирует на этом гобелене, но он есть на второй печати Генриха I, на печати короля Стефана и на печати Людовика VII Французского. В этих примерах он довольно прост; но позже он приобретает декоративный характер, как на печати Конана, герцога Британии, ок. 1165 г. (гравюра на дереве 41). Он имеет более обогащенный рисунок на Большой печати Генриха II, приведенной здесь.

колокольчики и круги. Этот памятник относят к первому веку нашей эры. В любопытной испанской рукописи, датированной 1109 годом, хранящейся в Британском музее, дополнение. MSS., 11 695, встречаются круглые подвески, прикрепленные не только к поручням, но и к седлу (стр. 223). Удила, используемые для боевого коня, имеют длинные щеки, которые часто имеют форму огея. Поводья, как правило, довольно простые, хотя иногда украшены шипами, как в примерах из цитируемой последней рукописи.

Шпора по-прежнему была из одного стержня и крепилась одним ремешком. Форма жала отличается некоторым разнообразием: оно имеет листовидную, коническую, ромбовидную форму, а иногда состоит из шара, из которого торчит короткий шип. Разновидность имеет форму пуговицы с тонким шипом в центре. Первые три вида можно увидеть на гобеленах Байе и многих печатях того периода. Шпора в виде шара и шипа хорошо видна на изображениях Генриха II и Ричарда I. в Фонтевро, изображенных Стотардом в его "Памятниках". Последнюю разновидность можно увидеть дополнительно. Ср. 11,695, fol. 223. Хвостовик шпоры иногда прямой, как в англосаксонские времена: иногда изогнутый. Изогнутая форма присутствует на скульптурных изображениях короля Генриха II. и Ричарда I. Шпора Ричарда Первого, по-видимому, крепилась к ремешку с помощью заклепок.

Калтроп, или *трибулус*, инструмент, восходящий к классическим временам, использовался, но нечасто. Анна Комнина сообщает нам, что император Алексей разбрасывал их на пути французской кавалерии; а в более поздний период мы читаем о рыцарях, вонзающих свои шпоры острием вверх на пути наступающего врага, на манер калтропов: но этот жестокий прием, по-видимому, применялся очень редко, и мы можем рискнуть предположить, что обычно его отвергали как недостойный достоинства и великодушия истинного рыцарства. В более поздний период калтропы использовались для посыпки склона бреши, чтобы затруднить продвижение штурмующего отряда.

Из очень любопытного отрывка в *Романе де Ру* мы узнаем, что рыцарь иногда отправлялся на битву, *привязанный к своему седлу*:—

"Ли рейс стал солдатом,
Сокращенный псевдоним, кавалер романа.
Sor son cheval sist noblement,
Apareillié mult richement.
"Я сел за тебя, атачьеэ,
Я люблю тебя" и проч. — *Строка 16 064.*

Каким бы странным ни казалось такое устройство, упоминание о нем другими древними авторами не позволяет нам рассматривать его просто как причуду поэта. Мэтью Пэрис, написанный под 1243 годом, рассказывая о вторжении татар в Европу, говорит: "У них есть лошади, небольшие, но очень сильные, которым требуется совсем немного пищи, и они крепко привязываются к их спинам". А в пятнадцатом веке автор "Жизнеописания графа Ричарда Уорикского" рассказывает нам, что во время состязания его герой был вынужден слезть с лошади, потому что некоторые из его противников обвинили его в том, что он был привязан к седлу.

Что касается самой Лошади, то Испания, по-видимому, пользовалась наибольшей популярностью из-за чистоты своей породы. Уолтер Гиффард привез из Галлии скакуна, на котором герцог Вильгельм скакал на поле Гастингса:

"Требовательница кавалерийского кулака Сунь Боен.

Не поэтична в обращении со мной.

Д'Эспань ли вне конкуренции

В Рейсе, отчасти благодаря дружбе.

Armes ne presse ne dotast,

Se sis Sires l'esperonast.

Galtier Giffart l'out amené,

Ki à Saint Jame aveit esté."—*Rom. de Rou*, l. 12,673.

А в хорошо известном отрывке "Монаха из Мармустье", где он описывает посвящение в рыцари Жоффруа, герцога Нормандии, нам говорится, что молодой герой был "верхом на испанском коне, подаренном королем".

То, как рыцарские лошади перевозились на кораблях и выгружались с них, любопытно показано на девятой и десятой иллюстрациях гобелена из Байе.

Из Машин, использовавшихся при осадах, все те, что упоминались в нашем первом подразделении, по-видимому, все еще использовались. Часто упоминается древняя Винея (Кошка или Свиноматка), а подвижная башня, или *Беффруа*, становится заметной чертой во всех крупных осадных операциях этого столетия. Уильям Малмсберийский оставил нам превосходное описание этих двух ухищрений в своем отчете об осаде Иерусалима[237]:—

"Был один механизм, который мы, древние, называем Свиньей, Vinea; потому что машина, построенная из легких бревен, крыша покрыта досками и плетеными изделиями, а борта защищены выделанными шкурами, защищает тех, кто находится внутри; кто, подобно свинье, приступает к подрыву фундамента стен. Была еще одна, которая из-за нехватки древесины представляла собой всего лишь башню средних размеров, построенную на манер жилых домов. Они называют это Berefreid[238]. Предполагалось, что это сравняется по высоте со стенами. И вот наступил четырнадцатый день июля, когда одни начали подрывать стену Сау, другие - продвигать башню. Чтобы сделать это более удобно, они доставили его к месту работ отдельными частями[239] и, снова собрав его вместе на таком расстоянии, чтобы быть вне пределов досягаемости лука, подкатили на колесиках почти вплотную к стене. Тем временем пращники с камнями, лучники со стрелами и арбалетчики с болтами, каждый занятый своим делом, начали продвигаться вперед и выбивать своих противников с крепостного вала. Солдаты, тоже не имеющие себе равных в храбрости, поднимаются на Башню, ведя почти равную войну с врагом с помощью метательного оружия и камней. На самом деле, наши враги вовсе не были небрежны, но, полагаясь на свою доблесть, они вылили кипящий жир на Башню и забрасывали солдат камнями, радуясь осуществлению своих желаний путем уничтожения множества людей. В течение всего того дня битва была такой, что ни одна из сторон, казалось, не считала себя побежденной. Дело было решено следующим образом, ибо франки, ставшие более опытными после нападения предыдущего дня, забросали пылающими поленьями с маслом башню, примыкающую к стене, и тех, кто ее защищал; которые, вспыхнув под действием ветра, захватили сначала бревна, а затем камни и прогнали гарнизон. Более того,

балки, которые турки оставили свисать со стен для того, чтобы, будучи насильно оттянутыми назад, они могли своей отдачей разнести Башню на куски, в случае, если бы она приблизилась слишком близко, были франками притащены к ним, перерезав веревки; и будучи помещены от машины к стене и обложены заграждениями, они образовали мост сообщения от Башни к крепостному валу. Таким образом, то, что неверные изобрели для своей защиты, стало средством их уничтожения; ибо тогда враг, встревоженный дымящимися языками пламени и мужеством наших солдат, начал отступать. Они, продвигаясь по стене, а оттуда в город, проявляли избыток своей радости усердием своих усилий".

Вильгельм Тирский упоминает также использование беффруа при осаде Иерусалима; добавляя, что сторона, обращенная к городу, была построена таким образом, что ее часть могла быть опущена на манер подъемного моста, что позволяло нападающим проникать на стены[240]. Филипп Огюст часто пользовался этим двигателем. При осаде Шато-Ру, в Берри, —

"Cratibus et lignis rudibus *Belfragia* surgunt
Turribus alta magis et mœnibus."—*Philippidos*, lib. ii.

И снова, при осаде Радепона в Нормандии: "Эрективный в кольце *Туррибуса* амбулаторный, мучитель, подвергающийся многочисленным мужским нападкам, и с тех пор ГИПЕРССЫЛКА \l "X80943a7acd5d9e14307e5ee3ef3b7317c91c6c2""

Король Ричард I. построил также на Сицилии деревянную башню, которую впоследствии увез с собой в Святую Землю. После взятия Мессины "король, - говорит Ричард Девизес, - не слишком доверяя местным жителям, построил у городских стен новую деревянную башню большой прочности и высоты, которую, к упреку грифонов (греков), он назвал *Мате-грифун*" (подп. 1190). В 1191 году "король Англии, собираясь покинуть Сицилию, приказал снести построенную им башню и погрузил все материалы на свои корабли, чтобы забрать их с собой". И "на третий день после своего прибытия на осаду Акко, - продолжает Ричард Девизес, - король приказал построить и установить свою деревянную башню, которую он назвал "Мат-грифон", поскольку она была построена на Сицилии; и перед рассветом четвертого дня машина стояла прямо у стен Акко и с высоты смотрела на город. вниз, на раскинувшийся внизу город. И к восходу солнца лучники были на нем, не переставая метать снаряды по туркам и фракийцам".

Название *Мат-грифон*, по-видимому, происходит от любимой игры придворных в наши дни; "donner eschec et mat" эквивалентно "шах-мату" наших современных шахматистов. У Ордерика Виталиса есть отрывок, любопытно иллюстрирующий эту тему: "Castrum condere cœpit, quod Mataputenam, id est, devincens meretricem, pro despectu Haduissæ Comitissæ, nuncupavit"[242].

В 1160 году император Фридрих, осаждавший Крему в Италии, использовал беффруа, наполнив его отборными войсками. Он разместил арбалетчиков на верхнем этаже, чтобы, стреляя по стенам, они могли очистить парпет от его защитников; в то время как с нижнего этажа солдаты испытанной храбрости могли закрепить свои разводные мосты на стене и продвигаться к захвату города[243].

В том же самом городе Крема в 1159 году произошел акт патриотизма, достойный восхищения из-за вдохновившей его решимости, хотя и ужасный по своим последствиям. Император

выдвинул Беффруа к осажденному городу, перед которым он разместил молодых заложников, полученных им от несчастных креманцев, в надежде таким образом принудить жителей к капитуляции. Но граждане, несмотря ни на что, кроме своей свободы, продолжали обстреливать башню своими двигателями, хотя каждый брошенный камень погибал среди их детей[244].

Осада Анконы в 1174 году представляет собой еще один пример героизма, связанный с колокольной, более приятный в данных обстоятельствах. Осажденные добились успеха в своих попытках отбить башни и рассеять их обитателей; но поскольку эти последние все еще продолжали непрерывно выпускать снаряды с короткого расстояния, никто не осмеливался выйти за стены, чтобы поджечь покинутые строения. Наконец вдова по имени Стамур, схватив факел, вышла на равнину и, невзирая на град болтов и стрел, которые сыпались вокруг нее, неуклонно выполняла взятую на себя задачу и, предав башни огню, благополучно вернулась в город[245].

Осада Анконы примечательна еще и тем, что горожане наняли водолазов, которым удалось захватить несколько судов, участвовавших в блокаде порта. Воспользовавшись сильным ветром, дувшим с моря, водолазы ухитрились перерезать тросы семи венецианских кораблей, которые затем беспомощно вынесло на берег[246].

The *Винья*, упомянутая в приведенном выше отрывке из Малмсбери, называлась также Кошкой. Thus Vegetius: "Vineas dixerunt veteres, quas nunc militari barbaricoque usu Cattos vocant"[247]." Гийом ле Бретон также упоминает эту машину и ее использование:—

"Huc faciunt reptare Catum, tectique sub illo
Suffodiunt murum."—*Philipp.*, lib. vii.

В то время как от монаха из Во-де-Серне мы узнаем, что приспособление было небольших размеров: "Машинам квандам парвам, вульгарному языку, говорящему на лице, учителю и суффодиендому муруму"[248]. Существовали, однако, разновидности Кошки, одна из которых использовалась для противостояния осаждающим в беффруа. Thus Radevicus: "Magnaue audacia, super muros et in suis machinis quos Cattas appellant, operiuntur, et cum (oppugnatores) admoverentur pontes, ipsi eos vel occuparent, vel dejicerent, murumque scalis ascendere nitentes vario modo deterrent"[249]." И другой вид был использован нападавшими при пересечении канавы[250].

Таран, по словам Ричарда Девизского, использовался Львиным куренем при осаде Мессины: "Тем временем король со своими войсками приблизился к воротам города, которые он мгновенно взломал с помощью тарана и, войдя внутрь, завладел каждой частью, даже дворцом Танкреда и жилищами французов вокруг королевских покоев, которые он пощадил из уважения к королю".

Среди камнеметных машин Мангона и Мангонелла выделяются как литейные: первая - с крупными камнями, вторая - с камнями поменьше. Преподобный Аббат уже упоминал в своем рассказе об осаде Парижа в 886 году

"Mangana——
Saxa quibus jaciunt *ingentia*."

Гийом ле Бретон в "*Филиппидос*" рассказывает нам:—

"Interea grossos Petraria mittit ab intus
Assidue lapides, Mangonellusque *minores*."

Среди описанных эффектов этих огромных снарядов мы можем привести рассказ Оттона из Фризинги, который рассказывает нам, что, когда император Фредерик атаковал Тортону в 1155 году, с одного из перил был брошен камень такой величины, что, упав перед дверью собора, где трое знатных горожан обсуждали наилучшие средства защиты города, он убил их всех[251].

Термин *мангонно* иногда применяется к камням или другим снарядам, выпущенным инструментом. От названия *мангона* по-видимому, произошло наше слово *пушка*: предположение, которое, кажется, подкрепляется тем фактом, что самые ранние "гонны", подобные мангонам, использовались для метания камней.

Ужасы балисте иногда усугублялись тем, что их делали орудиями особой мести. Так, Малмсбери сообщает нам, что во время осады Антиохии в 1097 году турки, раздраженные потерями, понесенными от осаждавших крестоносцев, "обрушили свое негодование на сирийских и армянских жителей города, бросая с помощью своих балистов и петрариев головы тех, кого они убили, в лагерь франков, чтобы таким образом уязвить их чувства". О чем-то подобном инциденте сообщает Фруассар в своем отчете об осаде Тун-л'Эвека в 1327 году[252]; так что эти жестокости не кажутся просто рассказами доверчивых паломников или выдумками монахов-хронистов.

Время от времени использовались деревянные форты, материалы для которых перевозились с места на место, чтобы можно было быстро возвести сооружение. Уэйс дает нам описание того, что было привезено Вильгельмом Завоевателем и построено в Гастингсе:

"Donc ont des nés mairrien[253] geté,
A la terre l'ont traîné,
Trestut percié è tut dolé:
Li cheviles tutes dolées
Orent en *granz bariz* portées:
Ainz ke il fust bien avespré,
En ont un chastelet fermé."—*Line* 11,658.

Шахты использовались как Ричардом I, так и Филиппом Огюстом. При осаде Акко в 1191 году Ричард атаковал город с лучниками и балистами: "Но важнее всего, - добавляет Девизес, - были рудокопы, прокладывавшие себе путь под землей, подрывавшие фундамент стен, в то время как солдаты со щитами, установив лестницы, искали вход через крепостные валы". Французский король использовал шахту при осаде замка Бове, как мы узнаем от Вильгельма Бретонца. См. также Rigord, стр. 185. Шахты тех дней представляли собой большие пещеры, в которых деревянные столбы поддерживали действующую массу. Столбы были обмазаны смолой и

окружены горючими материалами, затем был поднесен огонь, и, когда опоры сгорели, стены рухнули. С шахтой пришла контрмина; пример которой приводится в описании Гийомом ле Бретоном осады Шато-Гайяра; где англичане, проводившие контрминирование против французов, встретились с ними в их работах и отбросили их с резней:-

"Suffodiunt murum. Sed non minus hostis ab illâ
Parte minare studet factoque foramine nostros
Retrò minatores telis compellit abire."—*Филипп.*, книга vii.

Позже были устроены состязания в шахтах, бойцы сражались за деревянный барьер, установленный посередине. И Аптон рассказывает нам, что претендент на рыцарское звание в осаждающей армии, где поблизости не было церкви, совершил в шахте свое боевое дежурство.

В то время как осаждающие предприняли свою атаку с помощью уже замеченных машин и мин, они начали, в подражание древним, сооружать линии обхода, чтобы сразу отрезать горожан от всякого сообщения с открытой местностью и защититься от вылазок из города. Пример этого можно увидеть при осаде Кремы императором Фредериком в 1159 году[254].

Под общим названием Хастилюд (игра копьем) использовались несколько видов военных упражнений: рыцарский турнир и беxурд. "Торнемента, юстас, бурдейсиас, *сиве алия* Хастилуда[255]". Рыцарский поединок и турнир были, в их первоначальном смысле, простыми способами атаки. Рыцарский поединок представлял собой атаку одного всадника против одного противника. Турнир был началом отряда, который, совершив атаку, повернул назад, чтобы набрать необходимую скорость для новой атаки. При осаде Руана —

"Mult voissiez, forment armez, issir Normanz,
Querre tornoiement è joste demandanz,
E joster è férir de lances è de branz."
Rom. de Rou, i. p. 209.

Снова, при осаде горы Святого Михаила, -

"Мульт-шоу джостера совента,
E tornier espesement

Эскулап джор, отступник алло,
Настоящий кавалер джостес менант". —*Там же.*, ii. стр. 314.

Беxурд (*Богордикум*) представлял собой упражнение с копьем и мишенью, отличительный характер которого не был установлен. "Трепещущий человек, quod vulgariter *biordare* dicitur, cum *scuto et lancea* aliquis clericus publicè без внимания"[256]."

Военные игры, целью которых было ознакомление солдата в мирное время с обычаями ведения войны, были известны давно. Они практиковались в классические времена: они были в моде,

как сообщает нам Тацит, у древних германцев: ими занимались в Германии, как мы узнаем из Nithard[257], в девятом веке. Но это великолепное и дорогостоящее изображение битвы, называемое Турниром, встречается не ранее эпохи, которую мы сейчас рассматриваем. Несколько наций претендуют на его изобретение, но ни одна не предлагает таких убедительных доказательств, как французская. В Турской хронике под 1066 годом прямо сказано: "Гауфридус де Прульяко (Preulli), изобретатель своего времени, на Западе". И в Хронике святого Мартина Турского есть аналогичный отрывок: "Anno Henrici Imp. VII. et Philippi Regis VI. fuit proditio apud Andegavum, ubi Gaufridus de Pruliaco et *alii barones* occisi sunt. Hic Gaufridus torneamenta invenit". Мэтью Пэрис, опять же, называет турнир "галльский конфликт". А у Ральфа из Коргсхолла есть: "Еще раз, больше франкорума, быстрее покончим с этим, курсивом *equitantes vicissim impeterent*".

Турниры, похоже, впервые получили благосклонность в Англии в смутные времена Стивена[258]. Однако Генрих II не оказал им должного внимания, и молодые претенденты на военную славу были вынуждены искать возможности отличиться в других странах. "Tyronum exercitiis при ингибировании прорезывания зубов в Англии, как сильная сторона оружия, воздействующая на славу, тренирующую волебанта, трансфретантов, на землю, ограниченную физическими упражнениями"[259]. При Ричарде I. они снова начали процветать, и с этого времени и до конца средневековья, хотя короли и церковники часто пренебрегали ими, они пользовались высочайшим расположением всех, кто практиковал рыцарские подвиги и военное величие или восхищался ими. "После возвращения короля Ричарда в Англию, - пишет Джослин Бракелонд под 1194 годом, - было выдано разрешение на проведение турниров; с этой целью многие рыцари встречались между Тетфордом и Сент-Эдмундом, но аббат запретил им. Однако они, вопреки настоятелю, исполнили свое желание. В другой раз пришли восемьдесят молодых людей со своими последователями, сыновьями знати, чтобы совершить свою месть в вышеупомянутом месте; сделав это, они вернулись в город, чтобы поселиться там. Настоятель, услышав об этом, приказал запереть ворота и всех их держать внутри. На следующий день было бдение апостолов Петра и Павла. Поэтому, пообещав, что они никуда не уйдут, в тот день все они отобедали у настоятеля. Но после обеда, когда настоятель удалился в свои покои, все они встали и начали петь гимны, посылая в город за вином, напиваясь, а затем визжа, лишая настоятеля и монастырь сна и делая все с презрением к Настоятелю; проводя таким образом день до вечера и отказываясь прекратить, даже когда настоятель приказал им. Когда наступил вечер, они взломали городские ворота и вышли оттуда целыми. Аббат, действительно, торжественно отлучил их всех от церкви, но не без предварительной консультации с Хьюбертом, в то время судьей; и многие из них пришли, обещая исправиться и прося отпущения грехов".

Однако более регулярные турниры контролировались королевскими указами. Они были ограничены в Англии пятью населенными пунктами, а именно: между Сарумом и Уилтоном, между Уориком и Кенилвортом, между Стэмфордом и Уоллингфордом, между Брэкли и Миксебергом и между Блэке и Тайкехиллом. И, поскольку в те дни ничего нельзя было сделать без штрафа королю или налога папе римскому, каждый граф должен был заплатить двадцать марок за право выступать в качестве комбатанта; каждый барон - десять; каждый рыцарь, имеющий земельное владение, - четыре; каждый рыцарь без такого состояния - два; и все иностранцы были исключены[260].

Во Франции при Филиппе Августе турниры, по-видимому, проводились с большим размахом, как заметил отец Даниэль, исходя из случая, когда Филипп внезапно собрал на собрании такого рода войска, достаточные для отражения неожиданной атаки на Алансон[261].

Давать какой-либо подробный отчет о турнирах и их обычаях не входит в компетенцию (если это вообще входило в рамки) этой работы; ибо в этот период и много лет спустя защитные доспехи, использовавшиеся для рыцарских поединков (как показано изобразительными памятниками того времени), ничем не отличались от тех, которые носили в бою[262].

В любопытном очерке Лондона XII века, сделанном Фитцстивеном, очевидцем описываемых им инцидентов, мы находим оживленное упоминание о военных упражнениях молодых горожан в те дни. "Каждое воскресенье Великого поста, после обеда, компания молодых людей отправляется в поле верхом на боевых конях:

----in equis certamine primis:

каждый из которых

Aptus et in gyros currere doctus equus.

Мирские сыновья горожан толпами выбегают из ворот, вооруженные копьями и щитами (*lanceis et scutis militaribus*); более молодые - с тупыми копьями; и они вступают в притворные драки и упражняются в военных поединках. Когда король оказывается поблизости от города, большинство придворных собираются вместе, и шалопаи (*эфеби*) из дворов графов и баронов, которые еще не достигли рыцарского звания, прибегают туда, чтобы испытать свое мастерство. Надежда на победу воодушевляет каждого. Резвые лошади ржут; их конечности дрожат; они чавкают удилами; нетерпеливые из-за задержки, они волнуются и бьют копытом землю. Когда наконец

----sonipedum rapit ungula cursum,

молодые всадники, разделившись на группы, одни преследуют своих товарищей, но не могут их догнать; другие оттесняют своих товарищей с дистанции и скачут позади них.

"На пасхальных каникулах у них проводится игра, напоминающая военно-морской конфликт. Мишень прикреплена к столбу посреди реки: на носу лодки, подгоняемой веслами и течением, стоит молодой человек, который должен поразить цель своим копьем: если, попав в нее, он сломает свое копье и останется неподвижным, он добьется своего, его желание исполнится; но если его копье не сломается от удара, он упадет в реку, а его лодка пройдет мимо. Однако там стоят две лодки, по одной с каждой стороны мишени, и в них несколько молодых людей, которые будут поднимать кантовщика, когда он выйдет из потока. На мосту и в залах на берегу реки стоят зрители: -

----multum ridere parati.

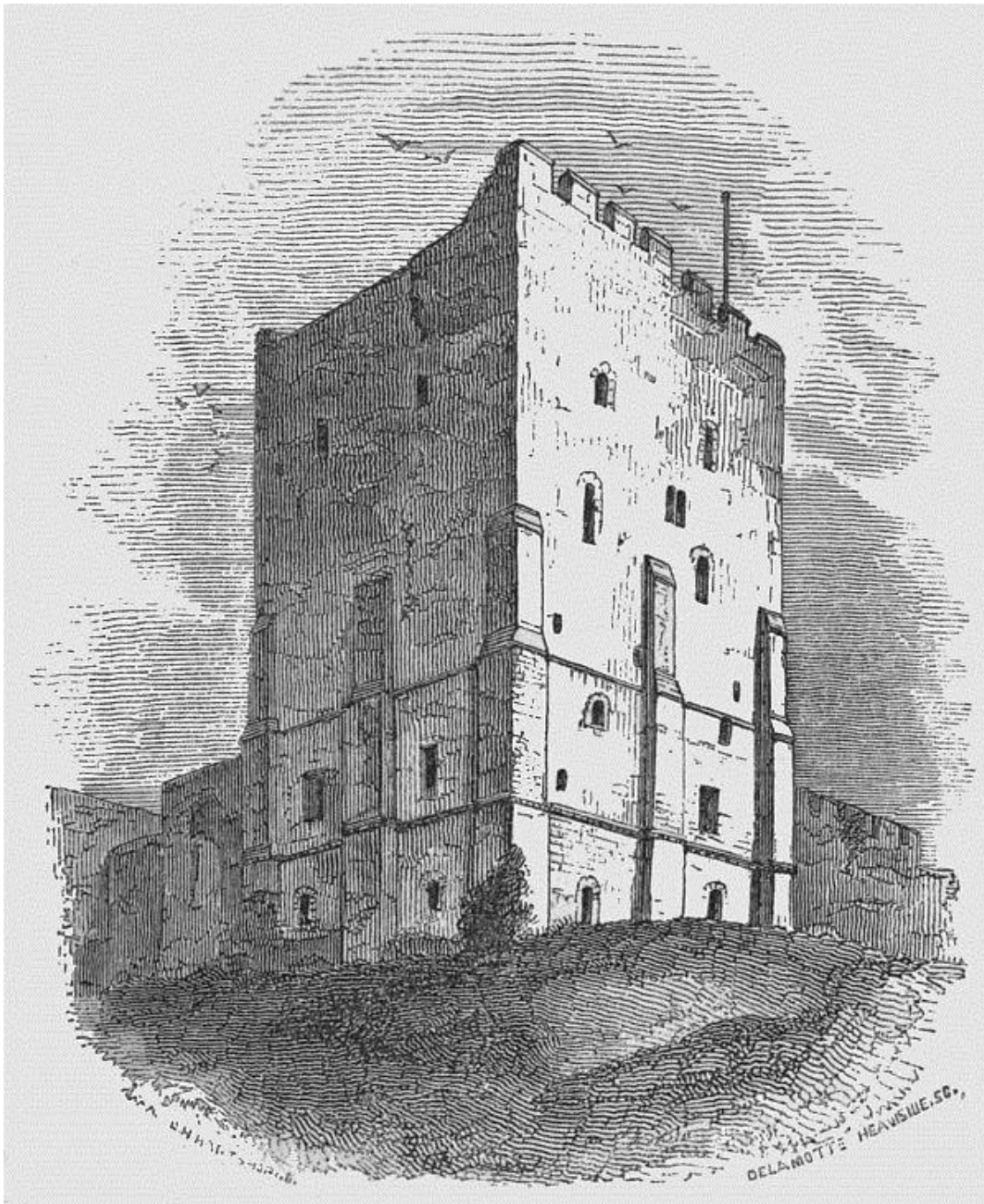
"Во время летних каникул молодые люди упражняются в прыжках, стрельбе из лука, борьбе, метании камней, метании дротиков сверх цели и в бое со щитами".

Зимой конькобежцы, "привязав под ноги берцовые кости какого-нибудь животного, берут в руки окованные железом шесты, которыми они время от времени ударяются о лед и, таким образом, переносятся с быстротой птицы в полете или стрелы, выпущенной из арбалета". Иногда двое конькобежцев, по взаимному согласию расположившихся далеко друг от друга, сближаются с противоположных сторон: они встречаются и ударяют друг друга шестами: один или оба падают, не без телесных повреждений: даже после падения их относит на большое расстояние друг от друга скоростью движения; и какая бы часть их головы ни соприкоснулась со льдом, обнажается до самого черепа. Часто нога или рука падающего человека, если он случайно наткнулся на что-либо из них, оказывается сломанной. Но молодость - это возраст, стремящийся к славе и жаждущий победы: поэтому, чтобы отличиться в настоящем бою, эти тироссы с такой отвагой сражаются в поддельном сражении".

Среди упражнений, рассмотренных в этом очерке спортивного года лондонца, бросается в глаза Квинтайн. Это была особенно игра "не благородных", и в нее можно было играть как верхом, так и пешком. Более древний квинтейн представлял собой просто столб или щит, укрепленный на шесте, на который тайро нападал вместо живого противника. Но вскоре квинтену был придан новый элемент, который сразу же завоевал расположение населения: он был изобретен таким образом, чтобы подвергать неопытных наказанию без суда и следствия. К одному виду был прикреплен мешок с песком, который, вращаясь от силы удара, нанесенного с противоположного конца, ударил кантовщика, который не был достаточно проворен, чтобы убраться с его пути. Другие были сделаны в виде турка, вооруженного мечом и щитом; и они, двигаясь по оси, как и прежде, наносили сильный удар отставшему противнику. В другой разновидности большая бадья с водой была закреплена на столбе, который выливал ее содержимое на лицо любому неуклюжему участнику турнира. Другие виды описаны и изображены в Strutt's Sports. А в маленькой деревушке Оффхэм, в графстве Кент, до сих пор можно увидеть образец кинтена, который установлен "напротив жилого дома поместья, который обязан поддерживать его в рабочем состоянии"[263]. Теперь он состоит из столба с поперечиной, перемещающейся на шарнире, заканчивающейся на одном конце широкой перфорированной доской, а на другом конце - широкой перфорированной доской. другой - с подвешенным бревном из дерева. Бревно, однако, по-видимому, было заменено "мешком с песком", который упоминается в старых описаниях этой реликвии.

"Помимо практики ратных подвигов, - говорит Джон Солсберийский, писавший в царствование Генриха II, - молодой рыцарь должен соответствовать обязанностям своего положения разнообразным трудом и образцовым воздержанием. С самого начала он должен научиться работать, бегать, таскать тяжести, переносить солнце и пыль; он должен употреблять щадящую деревенскую пищу; он должен приучить себя жить в палатках или на открытом воздухе". Затем, обращаясь к роскошным и женоподобным рыцарям своего времени, он обличает их в обличительной речи, которая дает нам своеобразную картину нравов того времени. "Некоторые, - говорит он, - думают, что военная слава заключается в демонстрации элегантной одежды, в ношении одежды, плотно прилегающей к телу, настолько облегающей их льняные или шелковые одеяния, что кажется, что их кожа по цвету напоминает их плоть. Мягко восседая на своих иноходящих лошадях, они воображают себя Аполлосами. Если вы создадите из них армию, у вас будет лагерь Таис, а не Ганнибала. Каждый храбрее всех в пиршественном зале, но

в битве каждый желает быть последним: они скорее осыплют врага стрелами, чем вступят в ближний бой. Вернувшись домой без единого шрама, они победоносно поют о своих битвах и хвастаются тысячами смертей, которые бродили возле их храмов. Если бы прилежная праздность могла раздобыть какие-нибудь копья, которые, будучи хрупкими, как пенька, могли случайно сломаться в поле боя; если бы кусочек золота, сурика или любого цвета радуги случайно или от удара выпал из их щитов; их болтливые языки сделали бы это вечным памятником. Им принадлежат первые места за ужином. Они каждый день великолепно угощаются, если могут себе это позволить, но избегают труда и упражняются, как собака или змея. Все, что сопряжено с трудностями, они оставляют тем, кто им служит. Тем временем они так позолотили свои щиты и так украсили свои палатки, что можно подумать, что каждый из них не ученик, а военный вождь[264].



ЗАМОК ПОРЧЕСТЕР, ХЭМПШИР.

Построен около 1150 года.

№ 45.

Табличка XLVI.



ЧАСТЬ III.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Источники, которые на протяжении последнего раздела нашего исследования служили нам ориентирами — печати, рисунки на пергаменте, металлические украшения, резьба по слоновой кости и труды хронистов и поэтов, — все еще доступны нам: но в XIII веке новым и наиболее ценным источником информации стали многочисленные изображения рыцарей, которые находятся в кафедральных соборах и капеллах, в придорожной часовне и высоком монастыре. Эти надгробные фигуры в натуральную величину представляют особую ценность для изучающего военную одежду, позволяя ему следить за своим исследованием мельчайших деталей. Ни ремня, ни шнура, ни пряжки, ни ремешка, но он может точно проследить форму и определить ее конкретное назначение. Независимо от того, является ли изображение статуей или "медью", он находит в нем обильный материал для дальнейшего изучения; и хотя из иллюстраций к современным рукописям он получает точную информацию *о цвете*, на изображении он видит точную форму каждого рыцарского аксессуара и мельчайший узор, украшающий мельчайшее украшение рыцарского снаряжения. Военной латуни этого столетия очень мало, но статуи из камня, дерева или пербекского мрамора разбросаны по нашим английским графствам в удивительном количестве. Ценность этих национальных мемориалов начинает осознаться: разрушающейся фигуре больше не разрешается погибать на открытом церковном дворе, лежать фрагментами среди мусора в углу колокольни, составлять нелепое украшение грота церковного старосты или глиптотеки сквайра. С благочестивой заботой его возвращают в священный храм, из которого он был извлечен; он снова становится частью алтаря или часовни, под мостовой которой покоятся кости того, памятниками кому церковь, часовня и статуя являются в равной степени. Но само внимание, которое было недавно уделено этим памятникам, породило новую опасность: в некоторых случаях было сочтено целесообразным подвергнуть их так называемой реставрации. Они были залатаны римским цементом, дополнены дополнительными опорами, оштукатурены имитацией пербекского мрамора. Ошибки, допущенные в костюмах, оборудовании и художественной обработке, больше подходят для страниц сборника шуток, чем для трезвого трактата; и едва ли нужно говорить, что для каких-либо целей историка, археолога или даже при более узком взгляде на портретную живопись предков статуя при таком обращении стала совершенно бесполезной. И все же наша задача так проста. Нам нужно только сохранить. Наследники лучшей серии национальных памятников предков, которыми может похвастаться Европа, давайте, по крайней мере, передадим грядущим дням во всей их целостности замечательные произведения, дошедшие до нас сквозь беды и потрясения семи веков[265].

На протяжении всего XIII века феодальные и наемные войска продолжали использоваться совместно. Но к середине этого периода итальянские города, борясь за свои свободы, начали набирать своих воинов как из неблагоприятного сословия, так и из рыцарей; сила, которая под

названием *Кондутитских солдатчин* приобрела в последующую эпоху очень широкую известность.



№ 47.

Помимо конных латников или тяжелой кавалерии, существовали отряды легкой кавалерии, сформированные из конных лучников и арбалетчиков, а также оруженосцев, сопровождавших рыцарей. Приведенный здесь пример взят из Roy. MS. 20, D. 1, fol. 127, работы конца тринадцатого века[266].

Пешие войска или *сержанты* состояли в основном из лучников, арбалетчиков и копейщиков. Были также *Sergens d'armes* или тяжеловооруженные телохранители, кустильеры, прашники, бидо и разбойники или Рибо; к ним можно добавить слуг или пажей, которые следовали за своими рыцарскими хозяевами на поле боя, то яростно сражаясь в схватке, то унося израненное тело своего господина в какое-нибудь укромное и безопасное место. Клиенты и сателлиты были общими названиями, дававшимися низшим войскам феодального и общинного набора, включая как конницу, так и пешую пехоту. Не было ничего похожего на форменную одежду солдат, хотя иногда мы встречаем лидера, пытающегося идентифицировать своих людей по какому-нибудь дополнению к их одежде, например, по кресту, шарфу или другому подобному знаку. В 1264 году Симон де Монфорд "приказал своим войскам прикрепить белые

кресты на грудь и спины, поверх доспехов, чтобы враги могли узнать их и показать, что они сражаются за справедливость"[267]". Однако в данном случае мотивом, по-видимому, было не столько желание получить знак признания среди друзей, сколько предположение, столь обычное в военных действиях, о святом мотиве для непредумышленного убийства. В следующем отрывке из Гиара, относящемся к битве при Монс-ан-Пюэле, цель более отчетливо выражена в дружеском признании:

"Pour estre au ferrir reconnuz,
Vilains, courtois, larges et chiches,
Sont de laz blans et de ceintures
Escharpés sur leurs armures.
Neis li ribaut les ont mises,
Faites de leurs propres chemises."—Vers 11,059.

О латнике и его облаченном в броню коне мы находим замечательное определение в "Кольмарской хронике" под 1298 годом: "Armatis reputabantur для галеаса ферреаса в столице и вамбазии, то есть, тунике, написанной из линолеума и ступы, ветеринару паннис консутам, и десюперу камизиаму феррему, то есть, вести из окружения ферреаса в соответствии с законом". сагитта потеряет человека уязвимого. Ex his Armatis centum inermes mille lædi potuerunt: habebant et multos qui habebant dextrarios, id est, equos magnos, qui inter equos communes quasi Bucephalus Alexandri, inter alios eminebat. Hi equi cooperti fuerunt coopertoriis ferreis, id est, veste ex circulis ferreis, contexta. Assessores dextrariorum habebant loricas ferreas: habebant et caligas, manipulos ferreos, et in capitibus galeas ferreas splendoras et ornatas, et alia multa quæ me tæduit enarrare." Доспехи этих крепких воинов мы сейчас рассмотрим по частям.

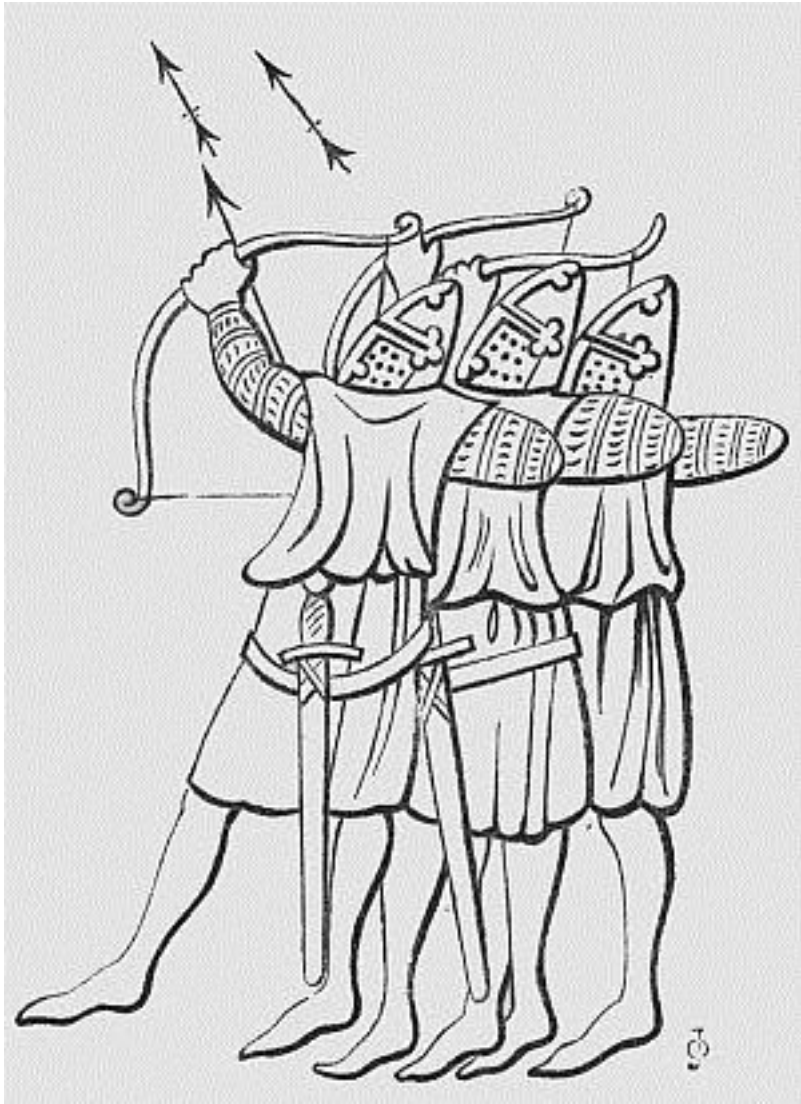
The *Пестрые сержанты* (*Servientes*) включали в себя массу войск, не имевших рыцарского достоинства. Гийом Гиар вооружает их копьем и арбалетом: —

"...добрый сержант с
арбалетами и пиками".
Chronique Métrique, 2^e. partie, vers 8567.

И такое же оружие присвоено тем, кто был введен *ордонансом* Филиппа Французского в 1303 году: "И другие вооруженные силы, состоящие из сержантов, стреляющих в упор, кольчуг, гамбузонов, бачинезов и копий: И шестеро, и вся аура двух арбалетчиков"[268].

The *Sergens d'armes*, (*Servientes Armorum*), whose establishment in the twelfth century we have already observed, (page 100,,) продолжали формировать королевскую личную гвардию на протяжении всего нынешнего века. В 1214 году они особенно отличились в битве при Бовинах, о чем мы находим запись на памятнике (ранее замеченном) в церкви Святой Екатерины. Надпись на памятнике, хотя сама по себе датируется не ранее начала пятнадцатого века, вероятно, очень точно описывает обстоятельства их победы и основания церкви. Оно звучит следующим образом: "А ля приер сержантов армии Монс^p. Saint Loys fonda ceste Eglise et y mist la premiere pierre: Et fu pour la joie de la vittoire qui fu au Pont de Bouines lan Mil. cc et xiiii. Les Sergens darmes pour le temps gardoient ledit pont et vouerent que se Dieu leur donnoit vittoire ils fonderoient une eglise en lonneur de Madame Sainte Katherine. Статут Филиппа ле Беля 1285 года ограничивает

количество этих охранников, присутствовавших при дворе, тридцатью: "Item, Sergens d'armes, trente, lesquels seront à Cour sans plus". Из того же устава мы узнаем, что одним из их видов оружия в то время был арбалет: "Ils porteront toujours leurs carquois pleins de carreaux".



№ 48.

Лучник с каждым днем приобретал все большее значение в полевых условиях; и если лук был эффективным оружием в битве, то еще большее значение он имел при осадах и защите крепостей и горных перевалов. Из различных Воинских уставов мы узнаем, что части военных арендаторов приказано быть обеспеченной длинным луком и стрелами. Статут Винчестера 1285 года предписывает, что каждый мужчина "имеет право жить на земле и плюс еще требует цент жизни, в особенности, ковчега, имущества и милости".... E tuz lez autres qui aver pount, eient arcs e setes hors de forestes, e dedenz forestes arcs e piles." Сравните статут 36-го года правления Генриха III., напечатанный в *Дополнении* к Истории Мэтью Пэриса[269]. Костюм обычного лучника, защищенный только его *часовней фер*, по-видимому, изображен на нашей гравюре на дереве, № 50, из Harleian MS. 4751, fol. 8, написанной в начале этого столетия. О том, что англичане иногда смешивали своих лучников с кавалерией, у нас есть прямое свидетельство Мэтью Пэриса: "Viri autem sagittarii gentis Anglorum equitibus permixti". На многих иллюстрациях

того времени они предстают полностью вооруженными, в кольчугах и шлемах, как на миниатюре, приведенной здесь из Королевской рукописи 20, D. 1, fol. 307. Смотрите также нашу гравюру на дереве под номером 82, группу из Расписной палаты Вестминстерского дворца, где лучник облачен в кольчугу и головной убор из кольчуги. Эти примеры тяжеловооруженных лучников полностью подтверждаются письменными свидетельствами. Мы уже наблюдали, как Ричард Львиный крест пускал свои стрелы под стенами Линкольна (стр. 157); а у Отто Морены есть "Ipse Imperator optime sciens sagittare, multos de Cremensibus interfecit". (стр.58.) Для получения дополнительных иллюстративных примеров лучников этого столетия см. Королевскую рукопись 2, B. vi. fol. 10; и 20, D. i.. ff. 60, 87, 150 и 285.

Из любопытного сборника "Притчи" тринадцатого века, напечатанного по рукописи того же времени в *Частной жизни Франсуа*[270], мы узнаем, что "лучшие лучники находятся в Анжу". Другими знаменитостями, вошедшими в поговорки, в этой рукописи являются: шевалье де Шампань, Экуэйер де Бургунди, Сержанс де Эно, Чемпионы Европы, Рибо де Труа.

Предоставление снаряженного лучника для сопровождения короля в его войнах - частое назначение сержантов на земли в это время; и особенности, связанные со службой, иногда схожи с причудливостью, присущей другим должностям того периода. Любопытно также проследить за изменениями, которые претерпевают эти уставы за небольшой промежуток времени, по мере того как они попадают под контроль присяжных, назначенных для обеспечения выполнения своих обязательств. Таким образом, служба в поместье Фейнтри в Шропшире в 1211 году - это "пехотинец с луком и стрелами в королевской армии Уэльса". В 1274 году солдат обязан был оставаться с войском только "до тех пор, пока не выпустит свои стрелы". В 1284 году лучник должен "сопровождать короля в его войнах в Уэльсе с луком, тремя стрелами и "терполусом"[271]. "Этот терполус, или трибулус, вероятно, был "колом лучника", а не простым маленьким железным *колтропом*, из которых было бы полезно иметь только по одному каждому лучнику". мало толку от того, чтобы препятствовать атаке кавалерии. Обязанность лучника, который должен был оставаться на поле боя только до тех пор, пока не выпустит три стрелы, была достаточно легкой; но в других случаях лучник не отделялся так легко. Поместье Четтон, Колорадо. Салоп, поставляющий в 1283 году лучника для королевского войска в Уэльсе, который должен взять с собой порцию бекона и оставаться с армией, пока не съест все это[272].



№ 49.

Арбалетчик был важным компонентом войска в течение всего этого периода. Он был в авангарде битвы. "Balistarii semper præibant", - говорит Мэтью Пэрис[273]; и вряд ли найдется конфликт, упомянутый этим хронистом, в котором арбалетчик не играл бы заметной роли. В битве близ Дамьеты в 1237 году "пало более сотни рыцарей Храма и триста арбалетчиков (аркубалистариу), не считая некоторых других светских лиц, и большое количество пехотинцев"[274]. Император Фредерик в 1239 году, давая отчет о своей итальянской кампании королю Англии, пишет: "После того, как мы с помощью наших рыцарей и арбалетчиков подчинили всю провинцию Лигурия"[275] и т.д. В 1242 году граф де ла Марш, отказавшись засвидетельствовать почтение Ампульсу, брату французского короля, "раздвигшись от гнева и с громкими угрозами, в сопровождении своей жены Изабеллы и в окружении отряда солдат, прорвался сквозь ряды пуатевинских арбалетчиков и, подожг дом, в котором он жил, внезапно вскочил на лошадь и обратился в бегство"[276]. Людовик Святой, шедший навстречу англичанам в Пуату, имел армию, в которой там было "около четырех тысяч рыцарей, великолепно вооруженных до зубов, не считая множества других, которые прибывали со всех сторон, стекаясь к армии, подобно рекам, впадающим в море; а число слуг и арбалетчиков, как говорили, составляло около двадцати тысяч"[277]. Противостоящие силы английского короля состояли из "тысячи шестисот рыцарей, двадцати тысяч пехотинцев и семисот арбалетчиков".

Арбалетчики были нескольких видов, некоторые верхом, некоторые пешие. Конными балистариями во времена короля Иоанна были те, у кого была одна лошадь, у тех, у кого было две лошади (*ad duos equos*^[278]), а у других было три лошади^[279]. В 1205 году король посылает шерифу Салопа "Питера, балистера, запряженного тремя лошадьми, и девять балистеров, запряженных двумя лошадьми", которым следует платить 10*ш.* 4*д.* в день (все десять). Обычная плата в то время была: арбалетчику с двумя лошадьми - 15*д.* суточных; с одной лошадью - 7½*д.* в день; и к подножию лестницы - 3*дня* в день.

Стрелы для арбалетов везли вслед за армией на телегах. Итак, Гийом Гиар:—

"Arbaletriers vont quarriaux prendre,
A pointes agues et netes,
Qui la furent *en trois charrettes*
Venues par mesure Oudart."—*Année* 1303, p. 291.

Сами луки вместе с другим оружием и средствами защиты также везли вслед за хозяином и называли "артиллерией" экспедиции:—

"Artillerie est le charroi
Qui par duc, par comte ou par roi
Ou par aucun seigneur de terre
Est charchié (chargé) de quarriaux en guerre,
D'arbaletes, de dars, de lances,
Et de targes d'une semblance."—*Guiart*, an. 1304.

Несмотря на услуги, оказанные в начале сражения арбалетчиками и другими пешими войсками, чей пост был более опасным из-за того, что они были лишь слегка снабжены защитным снаряжением, рыцарская часть их собственного отряда без колебаний сбивала их с ног всякий раз, когда они вставали на пути славы или честолюбивых устремлений конного ордена. В 1302 году при Куртре, когда французская пехота доблестно отразила натиск фламандцев, мессир де Валепапель крикнул графу Артуа:

"Sire, cil vilain tant feront
Que l'onneur en emporteront."—*Guiart*, pt. ii. v. 6132.

И тотчас же воины

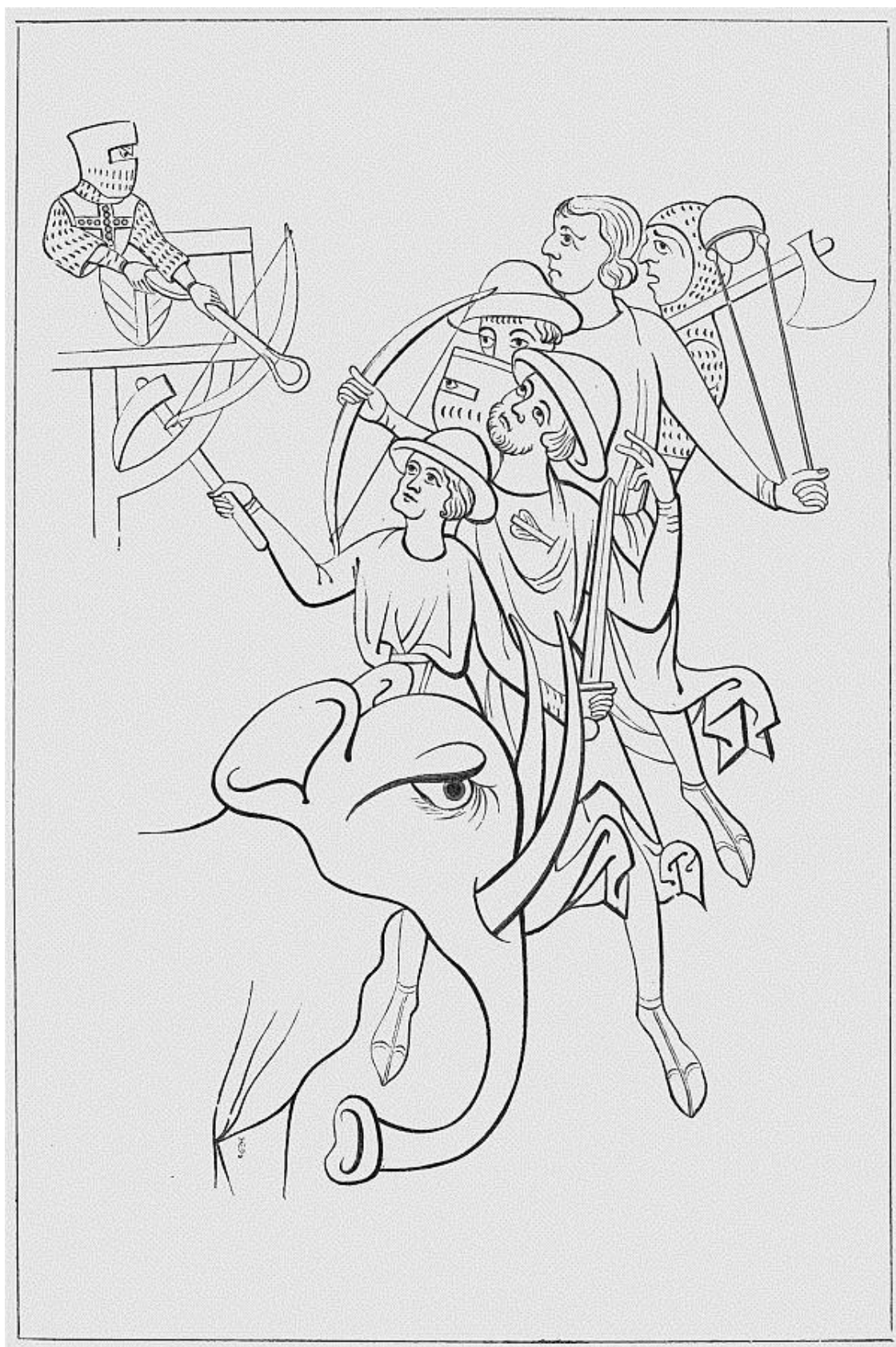
"Parmi les pietons se flatissent,
Qu'a force de destriers entr'ouvrent:
Des leurs meismes le champ queuvrent,
Et merueilleux nombre en estraignent."

Это подтверждается *Великими хрониками*: "Нет рода ученых, нет дома, где победила королева, и нет нашего дома, где есть точка почета"^[280]. Все наши читатели, вероятно, помнят похожую

судьбу генуэзских арбалетчиков при Кресси: "Или вот так, по пути в рибодайль, оставайтесь наедине с войной без смысла"[281]".

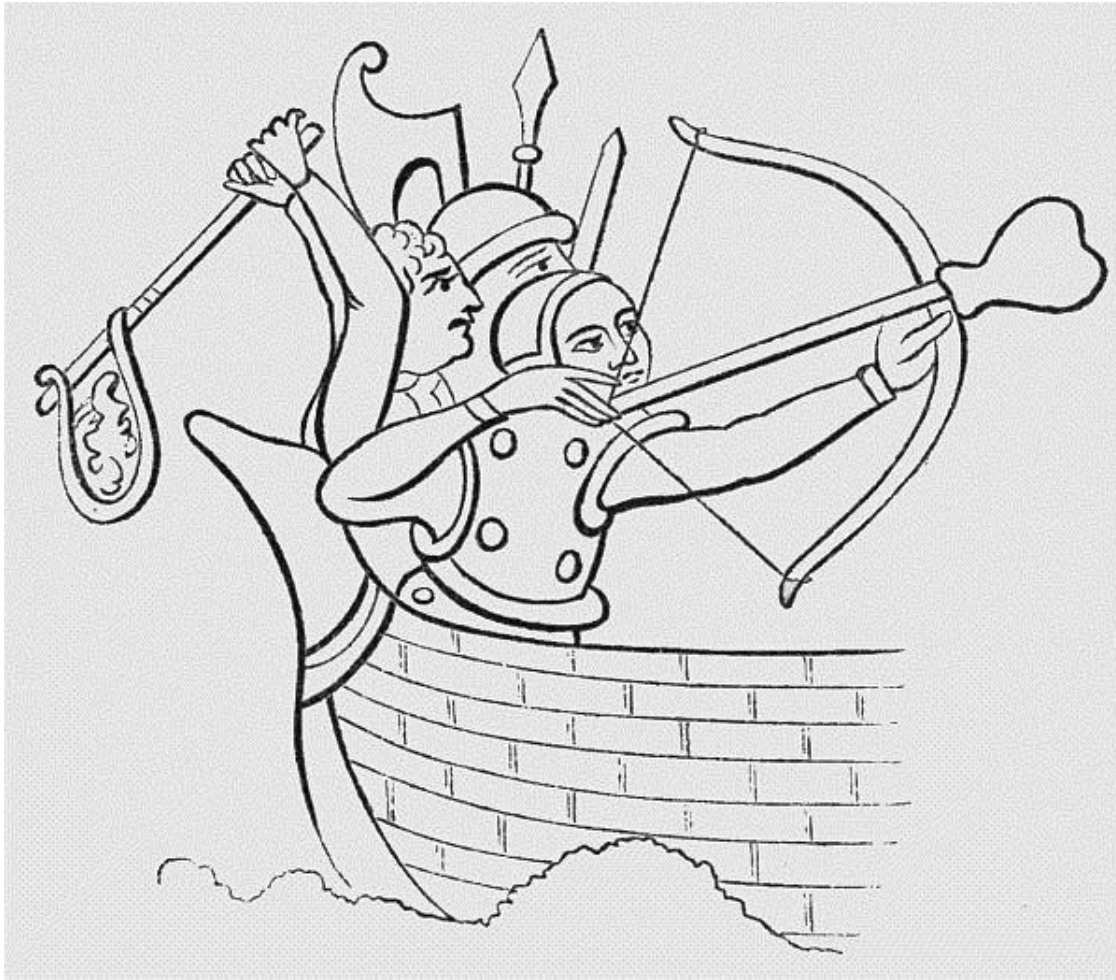
Арбалетчик иногда появляется в тяжелых доспехах, как на наших гравюрах на дереве, № № 49 и 50. И у Мэтью Пэриса есть: "Arcubalistarii circiter sexaginta loricati"[282]. Как мы узнаем из хартии Теобальда, графа Шампани, 1220 года, каждому арбалетчику общинного войска полагалось пятьдесят арбалетов: "Шаскуны коммуны Витре с аурой вайана в 20 ливров, аура обелеста с сыном остела и каменоломен". Должность "Мастера арбалетчиков" стала одним из главных почетных званий французской армии и присваивалась только лицам самого высокого ранга. Тибо де Монлеар занимал эту должность при Людовике Святом, и в *полиции Франсуазы* отца Даниэля можно найти полный список "мэтры французских арбалетчиков" до времен Франциска I., когда должность прекратила свое существование[283]. Маленькое окошко в городской или замковой стене, через которое выпускались арбалетные болты, называлось *арбалетной стрелой*. О других изображениях арбалетчика XIII века, отличных от тех, что приведены на наших гравюрах на дереве, № 49 и 50, см. Add. MS. 15,268, fol. 122, и Roy. MS. 20, D. 1, fol. 361^b.

Кусторез, применявшийся, как мы видели, на скотоводстве в 1214 году, пользуется спросом на протяжении всего этого столетия; его снова можно найти на страницах Фруассара, где он участвовал в битвах следующего века.



Пластина L.

Пращик по-прежнему встречается нечасто. В этой очень любопытной группе из рукописи 4751, fol. 8, работы начала XIII века, пращик появляется без каких-либо защитных доспехов, и его оружие ничем особенным не отличается от пращи англосаксонских времен, как показано на нашей гравюре на дереве, № 12. Помимо древней веревочной пращи, в рукописях этого столетия встречается разновидность оружия - Праща для посоха. Похоже, это было в моде при ведении морских войн или в ходе осадных операций. Приведенный здесь пример взят из книги Стратта "Хорда", том i, лист 31; авторитетным источником является рукопись Мэтью Пэриса этого столетия, хранящаяся в библиотеке Бенет-колледжа в Кембридже. Другие примеры строп для персонала приведены в Strutt's Sports, bk. i. глава 2.



№ 51.

Бидо (*бибальди*) были пешими войсками, сражавшимися без защитных доспехов, обычным оружием которых были копья, метательные копья и кутель. Гиарт точно описывает их:—

"De Navarre et devers Espaingne
Reviennent Bidaux a granz routes.
En guerre par accoustumance
Portent deux darz et une lance,
Et un coutel a la ceinture:

D'autres armures n'ont cure."—*Pt. ii. verse 10,518.*

Рибо, или бригааны, были самыми скромными из войск, и из-за своей крайней бедности были вынуждены совершать акты грабежа, которые в конечном итоге сделали само их имя синонимом слова "мародер". Они имели при себе такое оружие, какое смогли раздобыть: —

"Я люблю пилете"[284] porte,
Приготовьте крок или маковый торт.

L'un tient une epee sans feurre,
L'autre un maillet, l'autre une hache."—*Guiart, v. 6635.*

Они не только без доспехов, но и вообще их снаряжение в очень потрепанном состоянии:—

"Et Ribaldorum nihilominus agmen inerme,
Qui nunquam dubitant in quævis ire pericla."
Филиппидос, глава iii.

"Leurs robes ne sont mie neuves,
Ainz semble tant sont empirées
Que chiens les aient déciriées."—*Guart, ст. 6640.*

Мэтью Пэрис называет их без особой чести: "Рибальди и другие личности"[285]. Однако они ни в коем случае не были бесполезными членами воинства. Thus, when Philippe Auguste appeared before Tours in 1189: "Dum Rex circumquaque immunita civitatis consideraret, Ribaldi ipsius, *qui primos impetus in expugnandis munitionibus facere consueverunt*, eo vidente, in ipsam civitatem impetum fecerunt," &c.[286]

Они были сделаны для помощи в переноске армейского багажа: "Inermes Ribaldos et alios, qui solent sequi exercitum propter onera deportanda"[287]. И, не имея защитных доспехов, всякий раз, когда они добывали какую—либо добычу, "судойеры", которые были лучше вооружены, чем они, нападали на них и присваивали их трофеи:-

"Mais li Soudoiers de Biaugiers,
Qui d'armes ne sont mie nuz,
De ce qu'ils portent les desrobent."—*Guiart, v. 10,826.*

The *Rya de Рибо* был офицером, назначенным для сдерживания бесчинств Рибальди, и упоминается во многих документах Франции со времен Филиппа Августа до правления Карла VI. В битве при Бовинсе в 1214 году Роджер де Вафалия назван в списке пленных, как выпавший на долю короля Рибо: "Роджерус де Вафалия. Hunc habuit Rex Ribaldorum, quia dicebat se esse servientem."

Названия Clientes и Satellites использовались, как мы уже упоминали, для обозначения в целом низших войск, будь то конные или пешие. В битве при Бовинсе клиенты представляют собой конный отряд, вооруженный мечом и копьем:—

"—Et quos Medardicus abbas[288]
Miserat immensâ claros probitate Clientes
Terdenos decies quorum exultabat in armis
Quilibet altus equo gladioque horrebat et hastâ."
Гильдия. le Breton.

В следующем отрывке Клиенты кажутся пехотинцами. Это из "Истории Дофини", где в 1283 году Гумберт обещает помочь архиепископу и венскому капитулу: "вопреки всем людям, собственной выгоде и расходам, центу hominibus armatis в equis, и cum tercentis balistariis, и septingentis clientibus cum lanceis".

Спутники появляются у крупного рогатого скота, как верхом, так и пешком. Похоже, что конница сформировала легкий корпус и была использована для начала боя. Однако на них с большим презрением смотрят *рыцари* противника, которые, пренебрегая наступлением на подлого врага, принимают атаку, не покидая своего поста. "Præmisit," says Rigord, "idem Electus[289], de consilio Comitum S. Pauli, cl. Satellites in equis ad inchoandum bellum, ea intentione ut prædicti milites egregii invenerint hostes aliquantulum motos et turbatos. Indignati sunt Flandrenses ... quod non a Militibus sed a Satellibus primo invadebantur: nec se moverent de loco quo stabant, sed eos ibidem expectantes acriter receperunt," &c. Эти войска, как нам сказали, были из долины Суассон и сражались как пешими, так и конными. "Erant Satellites illi probissimi, de valle Suessionensi, nec minus pugnabant sine equis quam in equis."

Использовались не только шпионы, но, что несколько подрывает уверенность в возвышенной простоте тех времен, уже было обнаружено, что прекрасный пол может быть с пользой использован на этой должности. Героический Эдуард I. в своей кампании против валлийцев в 1281 году дает шиллинг "некой женщине-шпионке" за ее услуги: "Cuidam spiatrici, de dono, xij. денарии[290]." И снова, фунт другой из этих полезных дам, "чтобы купить ей дом": "Cuidam spiatrici, ad unam domum sibi emendam, de dono, XX. s.[291]"

Из различных Оружейных уставов этого столетия мы очень точно узнаем об экипировке военных арендаторов. Сохранились три из этих статута для Англии: статут 1252 года в дополнении к "Главной истории" Мэтью Пэриса и напечатанный в книге Раймера "FœDera"; статут, составляющий часть статута Винчестера 1285 года, напечатанный Регистрационной комиссией в томе i "Статута королевства"; и статут 1298 года, напечатанный в новом издании "FœDera", том i, стр. 901. Шотландские законы можно найти в "Королевском государстве" Скене, а французские - в "Сборнике законов".

Судебный акт 1252 года, 36 из Hen. III., очень напоминает судебный акт 1285 года; но в первом случае снаряжение бывает шести разновидностей, в то время как во втором - семь классов вооруженных людей. Чтобы избежать повторений, мы приведем в тексте самый ранний из этих статута и добавим в примечании показания, касающиеся доспехов, из Статута Винчестера.

Шерифы с двумя рыцарями, избранными для этой цели, должны объехать сотни, города и т. д. И призвать к себе "граждан, горожан, свободных людей, вильянос и алиос, которые являются единственными в своем роде, а также тех, кто сексуально озабочен, и тех, кто является лицом к лицу с юраром и армией, вторым по величине террариумом и каталлорумом"[292] суорум; сцилисет: До конца либратас террейн, унам лорикам, железная капелла, гладиум, культеллум и equum[293]: Ad decem libratas terræ, unum habergetum[294], железная капелла, гладиолус и культура: Ad centum solidatas terræ, unum purpunctum, железная капелла, гладиолус, ланцетник и культура[295]: Для четырехгранных солидных растений и их усиления, для центума солидных растений, гладиолуса, дуги, стрельца и культуры[296]. Qui minus habent quam xl. solidatas terræ, jurati sint ad falces, gisarmas, cultellos et alia arma minuta[297].

"Ad catalla sexaginta marcarum, unam lorica[m], capellum ferreum, gladium, cultellum et equum[298]: Ad catalla xl. marcarum, unum haubercum, capellum ferreum, gladium et cultellum: Ad catalla xx. marcarum, unum purpunctum, capellum ferreum, gladium et cultellum: Ad catalla novem marcarum, gladium, cultellum, arcum et sagittas: Ad catalla xl. solidarum et eo amplius usque ad decem marcas, falces, gisarmas, et alia arma minuta[299].

"Omnes enim alii qui possunt habere arcus et sagittas extra forestam, habeant: qui verò in forestâ, habeant arcus et pilatos[300]."

Посмотреть на оружие должны мэры, судебные приставы и проректоры городов[301]. Для командования силами будут назначены констебли. Турниры и поведение запрещены: — "Clamare faciant Vicecomites, и т.д. quod nulli convenient ad turniandum vel burdandum, nec ad alias quascunque aventuras". И никто не должен появляться вооруженным, кроме специально назначенныхлиц.

Различие между видами стрел, которые следует использовать в пределах леса и за его пределами, любопытно и не совсем понятно на таком расстоянии от дней стрельбы из лука. Смертоносная сила зазубренного древка для королевского оленя действительно достаточно очевидна, но сравнительно безобидный характер сложной стрелы не так очевиден. Использование, однако, хорошо подтверждено многочисленными примерами. В гербовом уставе Вильгельма Льва, короля Шотландии, у нас есть: "И всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда, и всегда".^[302]. И соглашением, заключенным в 1246 году между Роджером де Квинчи, графом Винчестером, и Роджером де Сомери, затрагивающим определенные права на чейс в Брэдгейт-парке, графство Лестер, оговаривается "право на лес без переноса в bosco prædicti Rogeri de Somery et hæredum suorum sagittas barbatas sed pilettas"^[303].

У Шекспира, который иллюстрирует все, есть отрывок, касающийся этой темы, среди прочих. Под зеленым деревом Арденского леса герцог в песне "Как вам это понравится" обращается к своим спутникам:

- Ну что, пойдём зарежем оленины?

И все же меня раздражает, что бедные пятнистые дурачки (будучи коренными жителями этого пустынного города)

Должны в своих собственных пределах, с *раздвоенными головами*,

Забодать свои круглые бедра ".—Акт II. Sc. 1.

И фатальные последствия раздвоенной головы знакомы всем нам по делу о

"... бедный загнанный олень,
Которого из-за прицела охотника ранило",

приходит томиться своей жизнью

"На самом краю быстрого ручья".

На феодальный сбор бана и Арьер-бана, конечно, большое влияние оказали обстоятельства, потребовавшие их вооружения. В 1205 году король Иоанн на Совете, состоявшемся в Винчестере, призвал каждого десятого рыцаря королевства сопровождать его в Пуату за счет остальных девяти; и если во время его отсутствия в страну вторгнутся, каждый человек, способный носить оружие, должен был присоединиться к ее защите под страхом конфискации любых земель, которыми он мог владеть; или, если не землевладельцем, то стать со всем своим потомством *рабом* навсегда и платить ежегодный подушный налог в размере четырех пенсов. Каждый рыцарь должен был получать по два шиллинга в день[304]. Однако эта экспедиция не покинула наших берегов.

Когда Филипп Французский готовился напасть на короля Иоанна в 1213 году, английский монарх призвал на помощь всех своих "свободных людей и слуг, вель кикунке синт" под страхом перекрытия водопропускной трубы[305].

В 1264 году, когда граф Лестер собрал свои силы в Бархэм-Даунс, чтобы противостоять угрозе вторжения королевы Элеоноры, военным арендаторам было приказано под страхом уголовного преступления вывести на поле боя не только силы, указанные в их штатном расписании, но и всех всадников и пехоту, которые были в их силах: каждый городок был вынужден послать восемь, шесть или четырех пехотинцев, хорошо вооруженных копьями, луками, мечами, арбалетами и топорами, которые должны были служить сорок дней за счет городка; а города и бурги получили приказ предоставить как можно больше многих всадников и пехотинцев в качестве шерифа следует назначить[306].

Жалованье, назначенное войскам, которые, оказав оговоренную услугу своим владениям или взносам, должны были оказывать дальнейшую помощь королю в его войнах, мы находим в Ведомости расходов короля Эдуарда I. в замке Раддлан в Уэльсе, в 1281-2 гг. Из этого любопытного документа, который полностью напечатан в шестнадцатом томе "Археологии", мы находим:

<i>Выплата</i>	<i>суточных. В современных деньгах.</i>	
Рыцарь	12 пенсов	15 шиллингов
Эсквайр	12 пенсов	15 шиллингов
Лучник	2 пенса	2 шилл. 6долларов.

Арбалетчик	2 пенса	2 шилл. 6долларов.
Капитан двадцати (лучников)	4 пенса	5,0 шилл.
Констебль (из 100 лучников)	6 пенсов	7 шилл. 6долларов.

"Суббота, пятый день января, выплачена лорду Энголрейну, служащему у лорда Джона де Дейнила и его четырех оруженосцев, за их жалованье с первого дня апреля по четвертый день июня, за lxxv. дни XIX. li. x. с.

"К тому же, за жалованье своего пятого Эсквайра, за xxiv. дней: xxiv. с.

"Упомянутым пяти эсквайрам за их вознаграждение в течение пятнадцати дней после четвертого июня lxxv. с."

"Выплачено Джеффри ле Чемберлену за жалованье двенадцати арбалетчикам (*balistariorum*) и тринадцати лучникам (*sagittariorum*) за xxiv. дней, каждый арбалетчик получает за день iv. д., а каждый лучник ij. д. vii. ли. viii. с."

Здесь арбалетчик получает вдвое больше лучника, но в следующих и других случаях его оплата такая же.

"Гильмену и его товарищу, арбалетчикам, за их жалованье за двадцать один день, в ij. г. ко дню XXI. с."

Однажды Гильмен и его спутница получали шесть пенсов в день, но это совершенно необычная сумма.

Лучники были разделены на отряды по двадцать человек, и над каждым был поставлен Капитан. К каждой сотне лучников вместе с их капитанами был назначен констебль.

"Мастеру Р. Гиффарду на жалованье одного пешего констебля, получающего шесть д. в день, и пятидесяти трех лучников с двумя двадцатилетними капитанами в течение трех дней xxix. с.

"Роберту Гиффарду - за жалованье сорока трем двадцатилетним капитанам, каждый из которых получает по четверти д. в день" и проч.

Были также конные констебли, возможно, командовавшие конными лучниками, и их жалованье составляло двенадцать пенсов в день. Иногда в подчинении констеблей находится двести человек, а иногда их число доходит до пятидесяти. Однако обычно их число составляет сто.

О вооруженной городской страже в Англии мы узнаем некоторые подробности из "Breve Regis" 36-го века III. "Генрих, король и т.д. такому-то шерифу приветствие. Да будет вам известно, что для поддержания нашего мира нашим Советом было предусмотрено, что в каждом городе, местечке и поселении вашего графства с Вознесения Господня до Праздника Святого Михаила должна быть установлена стража; а именно: что в каждом городе шесть вооруженных людей (*armis munitos*) должны дежурить у каждых ворот: в каждом районе двенадцать человек: в

каждом городе (*in singulis villis integris*) шесть человек или, по крайней мере, четверо, также вооруженных, в зависимости от количества жителей. Они должны постоянно наблюдать в течение всей ночи от заката до восхода солнца, чтобы все незнакомцы, пытающиеся пройти через город, могли быть задержаны до утра. И затем, если он лояльный человек (*fidelis*), он должен быть освобожден; если подозреваемый (*suspectus*), он должен быть передан шерифу, чтобы тот содержал его в безопасном месте. Но если случится так, что незнакомцы этого последнего сорта откажутся позволить остановить себя, тогда вышеупомянутые Охранники поднимут шум против них со всех сторон, и будут следовать за ними со всеми жителями этого места (*cum tota villata*) и прилегающих мест, поднимая шум и кличи "*de villa in villam*", пока они не будут захвачены[307], " ис. Порядок подачи звука и крика описан в "*Articuli*"[308]. "Преследование с помощью звука и крика должно осуществляться в соответствии с древней и надлежащей формой, чтобы те, кто пренебрегает криком, могли быть приняты за сообщников злодеев и доставлены к шерифу. Более того, в каждом городе должны быть назначены четыре или шесть человек, в зависимости от числа жителей, которые будут быстро и настойчиво поднимать шум и клич и преследовать злодеев, если таковые появятся, с луками, стрелами и другим легким оружием (*et aliis levibus armis*); это оружие должно быть предоставлено на хранение всему городу и оставаться для использования вышеупомянутым городом. И в дополнение к вышесказанному, из каждой сотни должны быть выделены два свободных и лояльных человека с наибольшим влиянием, которые будут руководить ими и следить за тем, чтобы должным образом неслась стража, а также за вышеупомянутыми занятиями ".

Сравните правила для часов города Парижа, содержащиеся в указе Людовика Святого 1254 года; напечатано в *Сборнике предписаний*.

Феодальное устройство армий неизбежно изменялось в разных странах в зависимости от характера территории, привычек народа и богатства государства. В Германии, где класс дворян был более ограниченным, чем во Франции и Англии, к пехоте в ранний период относились с уважением. В холмистых странах, где порода лошадей была небольшого роста, легковооруженная кавалерия была наиболее доступной силой. В то время как в горных твердых пики и алебарды крепкой пехоты компенсировали нехватку лошадей и бедность пересеченной местности.

Шотландская армия в 1244 году, Мэтью Пэрис[309] сообщает нам, что "шотландская армия в 1244 году была "очень многочисленной и мощной, состоящей из тысячи вооруженных рыцарей, хорошо конных, хотя и не на испанских, итальянских или других дорогих лошадях, и хорошо защищенной доспехами из стали или полотна; и около ста тысяч пехотинцев, которые были единомышленниками, и которые, исповедавшись и воодушевленные утешительные заверения их проповедников в том, что дело, которым они занимались, было справедливым и для блага их страны, они очень мало боялись смерти." В 1298 году Уоллес, лично сражавшийся с Эдуардом I, сформировал своих пикинеров, которые были силой его армии, в четыре круглых отряда[310], соединенных вместе несколькими лучниками из леса Орландо. Селкирк. Перед ними он установил защиту из частоколов: позади них расположилась кавалерия. Впереди всех было болото, отделявшее их от англичан. Последние, проведя ночь на голой пустоши, утром перешли в атаку. Их первая дивизия, которой командовал граф маршал, из-за незнания местности вскоре увязла в болоте. Вторая, возглавляемая епископом Даремским, обогнула болото и оказалась в поле зрения шотландской кавалерии, когда прелат приказал своим людям

дождаться прибытия остальных тел. "К твоей мессе, епископ!" - воскликнул один из его рыцарей и бросился на врага. Они отступили при первой же атаке; лучники были растоптаны, но четыре отряда пикинеров со всех сторон образовали непроницаемый фронт. Однако самое храброе сопротивление не смогло восстановить успех того дня. Эдуард выдвинул своих лучников, поддерживая их своими боевыми машинами, в каждом круге было сделано отверстие, латники ворвались в ряды беспорядочно стоявших пикинеров, и битва была выиграна[311]. Этот конфликт, произошедший близ Фолкерка 22 июля 1298 года, представляет собой один из бесчисленных примеров, показывающий, что нельзя доверять количеству убитых, приводимому даже современными авторами. Тривет сообщает о потере Виски в двадцать тысяч долларов; Мэтью Вестминстерский увеличивает сумму до сорока тысяч.

Валлийцы, продолжая враждовать со своими норманнскими захватчиками, приберегали свои агрессивные операции до дождливого и штормового сезона года, когда местность была непригодна для маневров тяжеловооруженной кавалерии, и мрачных дней, благоприятных для внезапного нападения воинов-горцев. "Видентис темпус хайемале мадидум сиби конкурере", - говорит Мэтью Пэрис[312].

Богатые города Италии, как мы видели, начали примерно в середине нынешнего столетия нанимать на жалованье латников; и представляется вероятным, что первыми из этих рыцарей были те из сословия всадников, которые из-за политического отвращения или семейной вражды стали беженцами на территории своих новых хозяев. Хорошее жалованье и добыча, добытые этими благородными наемниками, побудили других представителей более скромного сословия заняться этим ремеслом, и под руководством умелых руководителей (хорошо известных кондотьеров) они добились славы, богатства и почестей.

Баски были в то время одними из самых выдающихся наемных войск, действовавших как легкий корпус, для которого жизнь в горах сделала их очень подходящими. Это были швейцарцы тринадцатого века.

Благодаря неутомимому Мэтью Пэрису мы получаем представление о фрисландцах среди наших северных соседей. "Эти фрисландцы, - говорит он, - грубый и неукротимый народ: они населяют северную страну, хорошо умеют вести морскую войну и с большой энергией и отвагой сражаются на льду. Именно о холодных регионах этих людей и их соседей сарматов Ювенал говорит: "Лучше было бы бежать отсюда, за пределы сарматов и ледяного океана" и т. Д. Поэтому фрисландцы, устроив засады среди зарослей камыша вдоль морского побережья (во время их войны с Вильгельмом Голландским), а также по болотистой местности - а приближался зимний сезон - отправились в погоню за упомянутым Вильгельмом, вооруженные дротиками, которые они называют *гавелохами*, в обращении с которыми они очень искусны, и датскими топорами и пиками, и одетые в льняные платья, прикрытые легкими доспехами. Достигнув определенного болота, они встретили Уильяма в шлеме и доспехах, верхом на большом боевом коне, покрытом кольчугой. Но пока он ехал вперед, лед треснул, хотя он был толщиной более полуметра, и лошадь провалилась по бока, увязнув в болотной грязи. Загнанный всадник на большую глубину вонзил свои острые шпоры в бока животного, и благородный, вспыльчивый зверь попытался подняться и освободиться, но безуспешно. Раздавленный и покрытый синяками, он только глубже погружался в воду из-за своих усилий, и в конце концов своим сопротивлением он швырнул своего всадника на грубые скользкие обломки льда. Затем фрисландцы бросились на Вильгельма, которому некому было помочь с его позиции, поскольку

все его товарищи бежали, чтобы избежать подобной катастрофы; и, атаковав его со всех сторон своими дротиками, несмотря на его крики о пощаде, они пронзили его тело насквозь, которое уже окоченело от сырости и холода. Он предложил своим убийцам огромную сумму денег за выкуп своей жизни, но эти бесчеловечные люди, не проявляя милосердия, разорвали его на куски. И таким образом, подобно тому, как он почувствовал вкус империи, был Расцвет рыцарства Вильгельм, король Германии и граф Голландии, креатура и ученик папы римского, низвергнутый по воле своих врагов с вершины своего высокого достоинства в пучину смуты и разорения[313]."

Священнослужители по-прежнему участвуют в опасностях и славе поля битвы; не только в качестве советников или лидеров, но и уверенно владеют смертоносной булавой и облачены в кольчугу и шлем, как окружающие их вассалы-миряне и латники. Мы уже видели епископа Даремского, возглавлявшего английскую дивизию в битве при Фолкерке. В великой битве при Бовине в 1214 году французской армией командовал Герен, избранный епископ Санлиса; и там тоже, вооруженный до зубов и орудующий духовным оружием, булавой, сражался тот епископ Бове, которого мы уже видели в плену у Ричарда Львиного Кер-де-Лиона. При осаде Милана в 1238 году "избранный епископ Валентии, знавший больше о светском, чем духовном оружии, поспешил с рыцарями, которых графы Тулузы и Прованса послали на помощь императору[314]."

В 1239 году император Фредерик в письме королю Англии жалуется на то, что папа стал генералом, а его монахи - с оружием в руках, чтобы вырвать у него корону империи. "Он открыто объявил себя лидером войны против нас и империи, сделав дело миланцев и других вероломных предателей своим собственным и открыто направляя их дела в соответствии со своими собственными интересами. Более того, он назначил своими заместителями над миланской, или, скорее, папской, армией, вышеупомянутого Григория де Монте-Лонго и брата Льва, служителя ордена миноритов, которые не только опоясались мечом и облачились в доспехи, выдавая себя за солдат; но также, продолжая свою проповедническую деятельность, отпускали грехи миланцам и другим, когда они оскорбляли нашу личность или личность наших последователей[315]."

Отец Джон из Гейтсдена смело сбрасывает с себя альбу и ризу, чтобы всерьез облачиться в рыцарскую кольчугу и шоссы. "Anno Domini 1245, король Генрих провел Рождество в Лондоне и наблюдал за торжественностью этого праздника в компании многих своих вельмож. В этом месте, в день Рождества, он даровал рыцарское звание Джону де Гейтсдену, клерку, который пользовался несколькими богатыми привилегиями; но который, как и положено, теперь отказался от них всех[316]."

В борьбе за империю в 1248 году армией, поднятой против Конрада легатом ", командовали архиепископы Конрада. Майнце, Меце, Лотарингии и Страсбурге и состояли из бесчисленных отрядов из своих провинций и из Фрисландии, Готланда, России, Дакии, а также из провинций Германии и тех, что были *прилегающими, которые*[ГИПЕРССЫЛКА \l "X98d6a9a1b2fbb26a4cef209012300015ba6bd79" \h\[317\]](#),"и с. Ибо частью папской тактики было наделять солдат, сражавшихся в распрях Святого Престола, священным достоинством крестоносцев. Во время восстания шотландцев под командованием Брюса в 1306 году среди пленных, захваченных англичанами, были аббат Сконе и епископы Сент-Эндрюса и Глазго, все взяты в полном вооружении[318].

Ведущим принципом тактики этого столетия было, за уже отмеченными исключениями, составлять *численность армии* рыцарского ордена. Это был рыцарь, который сражался в ужасной схватке на поле битвы; это был рыцарь, который взобрался на стены осажденной крепости; который руководил разгрузкой перье и мангонеля; который заполнил штурмовые башни у городских стен; который защищал эти стены от нападения извне; и который в морских

сражениях командовал боевыми кораблями и пикой и дротиком сражался с другими латниками, сражавшимися в составе вражеского флота. Остальные войска рассматривались просто как вспомогательное оборудование, машины, полезные для расчистки пути к "достижению" конного порядка.

Латники маршировали к полю боя эскадронами, такими плотными, что, как пишет один из авторов того времени, "перчатка, брошенная в их гущу, не долетела бы до земли".

"Chacun conroi lente aleure
S'en va joint comme en quarreure,
Si bien que s'un gant preissiez
Et entr'eux haut le gétissiez,
Il paroît qu'à son asseoir
Ne duste mie tost cheoir."—*Guiart*, 2 par., v. 11,494.

Они атаковали, однако, в одну линию —*en haie*— наступление первой шеренги поддерживалось последовательными атаками тех, кто находился позади. Древнее построение клином (*cuneus*), однако, не было полностью заброшено, будь то конное или пешее. Особый способ построения немецкой кавалерии клином, начиная с фронта из семи человек и увеличивая каждую шеренгу на одного дополнительного солдата, вплоть до половины глубины построения, очень четко показан Фронспергером[319]. "Wie wohl bey den Alten gebraeuchlich gewesen das sie ihre Schlachtordnung (fur die Reisigen) gespitzt oder in Dreyangel gemacht haben, also das etwan im ersten Glied sieben Mann, im andern acht, im dritten neun, im vierten zehn; also fort an bis auf den halben Theil der Ordnung und Hauffen, darnach seien si durchaus geviert gemacht worden." В 1302 году отряд фламандской пехоты принял аналогичное построение, действуя против французов. "Les François virent une très grande bataille des Flamands, qui contint bien huit mil hommes; et avoient ordonné leur bataille en guise d'un escu, la pointe devant, et s'estoient entrelaciez l'un en l'autre, si que on me les peut percier[320]."

Пример кругового построения мы уже видели у шотландцев в битве при Селкерке. Гиар приводит другой: —

"Renaut, jadis quens de Bouloingne,
Qui mort ne mehaing ne resoingne,
Tant est plain de grant hardement,
Ot fait dès le commencement
De serjanz plains de grant prouece
Une closture en réondèce,
Ou, en reposant, s'aisoit
Toutes les fois qu'il li plaisoit;
Et r'issoit de leanz souvent
Quant il avoit pris air ou vent."—*Sub an.* 1214.

Вся армия обычно формировалась для трех "сражений", иногда для четырех; а иногда все силы собирались в один отряд. В 1249 году империалисты, сражавшиеся против болонцев,

разделили свои войска на три корпуса, в то время как последние сформировали четыре[321]. А в 1266 году Манфред в битве с Шарлем Анжуйским выстроил свою кавалерию в три отряда, в то время как его противник разделил свою армию на четыре части[322].

Впереди всех были расставлены различные "орудия" войска: мангонели, требушеты, пердрио и т. Д., Служащие в некоторой степени целям артиллерии в наши дни.

"Près du roi devant la banière
Metent François trois Perdriaus,
Jetans pierres aus enniaus
Entre Flamens grosses et males,
Joignant d'eus rot deux Espringoles,
Que garçons au tirer avancement."
Guiart.—2^e. Par., v. 11,573.

В битве при Монс-ан-Пюэле в 1304 году три эспринголя были выставлены в качестве батареи перед французской армией, сила которой была настолько велика, что выпущенные из них пули, как говорят, пронзили четыре или пять шеренг противника подряд.

"Li garrot, empené d'arain,
Quatre ou cinq en percent tout outre."—*G. Guapm*.

Лучники и арбалетчики обычно размещались по флангам, пехота общинного призыва - в центре, а позади них - конные воины.

"Cil d'armes se rangent derrières."—*Guiart, Année 1303*.

Лучники иногда смешивались с кавалерией. Так, в 23 году правления Эдуарда I, графа Уорика, сражавшегося против валлийцев, последние "разместили своих латников перед армией графа: они были вооружены очень длинными копьями, которые, будучи опущенными на землю, внезапно поворачивались остриями в сторону графа и его отряда, чтобы сломить силу английской кавалерии. Но граф хорошо подготовился против них; ибо между каждыми двумя всадниками он поставил лучника, так что их метательное оружие обратило в бегство тех, кто держал копья[323]". Мы уже видели *тела* лучников вперемешку с другими войсками в конфликте между Эдуардом и Уоллесом в 1298 году[324].

Чтобы защититься от атаки кавалерии, армия время от времени выстраивалась в заслон из повозок.

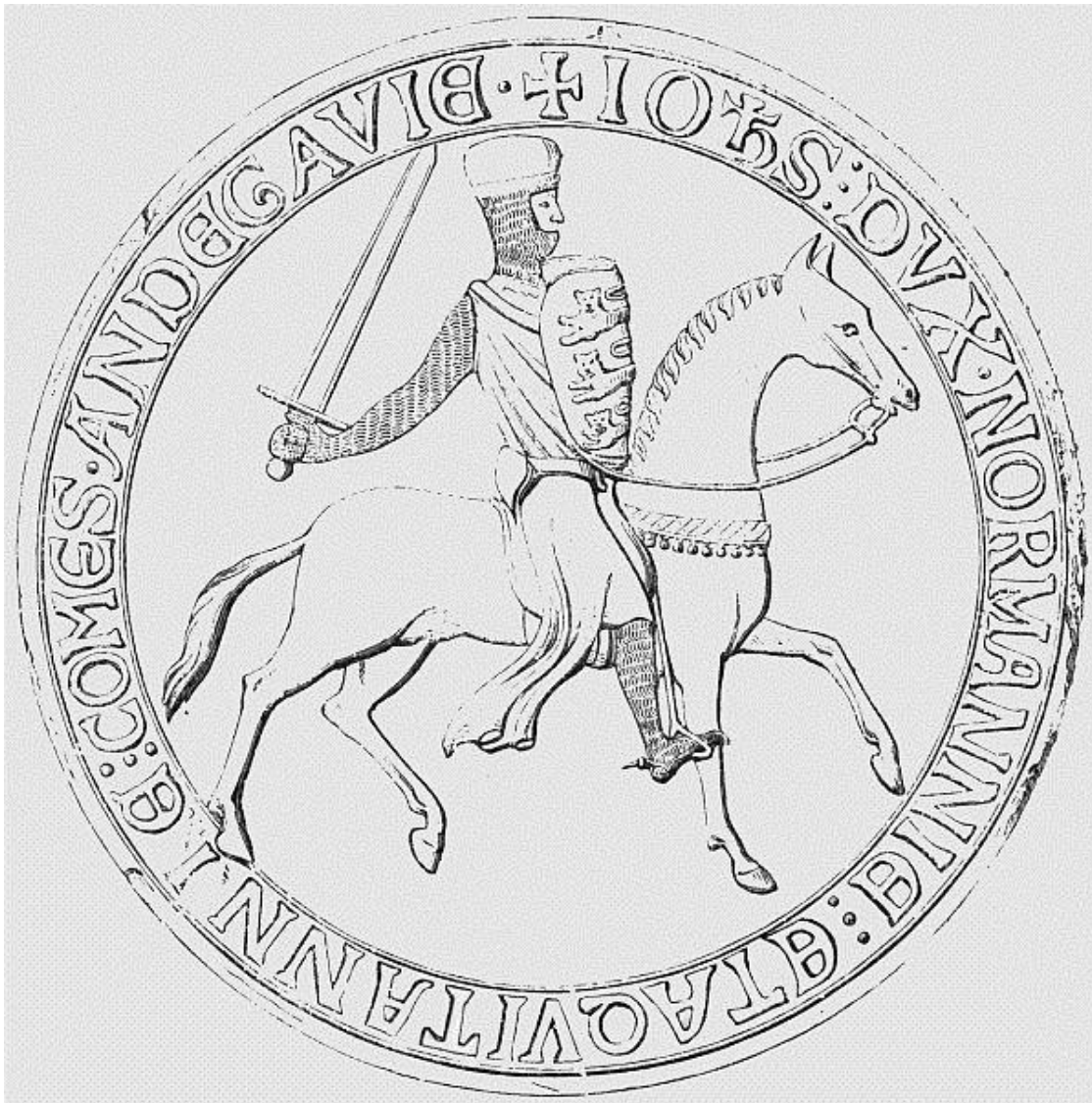
"De chars et de charettes vuides,
Qu'à grant diligence ont atruites,
Ont entr'eus trois rengies faites,
En tel sens et par ordre commune
Que le derrière de chacune
Est mis, si com nous estimons,
A l'autre entre les deus limons."

Более обычным укреплением было древнее укрепление со рвом и частоколом на берегу.

Стратагемы все еще были в большой моде, и некоторые из них носят настолько драматический характер, что говорят скорее о жонглере, чем о трезвом историке. Другие, в которых достаточно чудесного, менее выходят за рамки вероятности. В 1250 году, сообщает нам Мэтью Пэрис, сарацины одержали победу над отрядом крестоносцев, которых они перебили. Желая завладеть Дамией, которая находилась в руках христиан, "их сильный отряд, примерно равный по численности убитым ими крестоносцам, предательски облачился в доспехи и, неся щиты и штандарты павших христиан, направился, замаскировавшись таким образом, к Дамие; для того, чтобы, приняв вид французских войск, они могли войти в город и, как только их впустят, убить всех, кого найдут в нем. Когда они приблизились к стенам, христиане, стоявшие на страже, выглянули с крепостных валов и башен и сначала подумали, что это христиане, ликующие, неся добычу; но чем ближе они подходили, тем более непохожими на французов они казались: ибо они маршировали поспешно и беспорядочными толпами и неровно наклоняли свои щиты, больше на манер сарацин, чем французов. И когда они достигли оконечностей укреплений и приблизились к воротам города, по их черным бородатым лицам было ясно, что это сарацины. Но кто может в полной мере передать искреннюю скорбь христиан, когда они увидели врагов веры, дающих волю своей гордыне и насмешкам, облаченных в доспехи и несущих штандарты и раскрашенные девизы, которые были им так хорошо известны[325]."

Устройство оснащения нескольких солдат оружием, аналогичным вооружению лидера воинства, по-видимому, также использовалось. Во время осады Витербо в 1243 году Мэтью Пэрис рассказывает нам: "Один прославленный солдат на стороне императора, украшенный своим особым оружием (*armis ipsius specialibus decoratus*), к великому горю императора, прискорбно скончался, будучи пронзенным стрелой из арбалета. Его враги издали радостный крик, думая, что убили самого императора; но император, предшествуемый своими трубачами, двинулся вперед; и, хотя и не без труда, отвел свою армию от ярости их противников, которые внезапно устремились вперед, чтобы сокрушить их[326]."

Влияние звезд, власть удачных и неудачных дней над исходом сражения все еще иногда признавались; не только грубыми командирами отрядов латников, но и командующими армиями, коронованными сановниками. Император Фредерик II. он твердо верил в предсказания астрологов; он никогда не предпринимал похода, пока искушенные в предсказаниях люди не определяли удачный момент для отхода; и когда в 1239 году он собирался выступить против Тревизо, его поход был внезапно остановлен солнечным затмением[327].



БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ ИОАННА.

№ 52.

Обычными доспехами рыцарского ордена в начале XIII века были соединенные между собой кольчуги; но во второй половине века появляются части пластин в виде наплечников, налокотников и наколенников. Кольчуга была из кованого железа, а искусство волочения проволоки было изобретено примерно в середине следующего века. В оборонительных целях иногда использовались и другие материалы: кожа, лоскутное шитье, чешуя и джазерант, а в конце века появился вид доспехов, получивший название кольчужной, но структура которых точно не установлена. Не может быть никаких сомнений в том, что среди более скромных войск, кустильеров и Рибо, использовались все виды защитных средств, какие только могли раздобыть эти люди: наперсник и своего рода шлем были почти незаменимы для защиты от летящих вниз стрел, которые играли столь важную роль, будь то в поле или при осаде. Сами рыцари, действительно, не стремились к единообразному костюму: напротив, им часто ставят в упрек, что каждый старался превзойти другого в великолепии своего одеяния. В редких случаях мы находим группу кавалеров, демонстрирующих чудо подобного снаряжения. Когда Ричард, граф

Глостерский, посетил папу Римского в 1250 году, "он путешествовал по королевству Франция в сопровождении графини, своей жены и своего старшего сына Генриха, с многочисленной свитой и в сопровождении большой свиты, с большой помпой, состоящей из сорока рыцарей, одетых в новое снаряжение, все одинаково, верхом на прекрасных лошадях, в новой сбруе, сверкающей золотом, с пятью фургонами и пятьюдесятью вьючными лошадьми; так что он представлял собой чудесное и почетное зрелище для изумленных французских зрителей"[328]."

Обычным набором рыцарской одежды были туника, гамбезон, кольчуга, шоссы и сюркот. К ним прилагаются различные аксессуары: элероны, кудьеры, поляны и поножи.

Туника уже была замечена на первой печати Ричарда I. и других памятниках. Оно снова появляется в этой любопытной группе, части "Мученичества Томаса Бекета", из Харл. MS. 5102, fol. 32, произведение начала тринадцатого века (*на обороте.*) Это встречается также на нашей гравюре на дереве № 63, от Add. MS. 17,687, пример конца века.



Гамбезон, стеганая одежда, которую, как мы видели, носили в качестве дополнительной защиты под кольчугой, изображен на монументальном изображении из церкви Хасли в Оксфордшире (гравюра на дереве⁴⁶), по-видимому, относящемся к середине этого века. Это снова очень четко показано на нашей гравюре на дереве № 59, изображении в церкви Эш, недалеко от Сэндвича. В обоих этих примерах вертикальные линии квилтинга четко выражены скульптором. Дюканж в своих наблюдениях за историей Сент-Луиса приводит отчет о 1268 году, который включает "Финансовые расходы и расходы на гамбезоны"[³²⁹]. Однако это могли быть Гамбезоны, которые сами по себе составляли бронежилет солдата. Это очень четко выделено как одежда всадника в отрывке из Статуты Фрежюса 1235 года; где также мы видим, что *только* гамбезон присваивается *пешему бойцу*: "*Militem sine equo armato intelligimus armatum auspergoto et propuncto (с кольчугой и гамбезоном) et scuto: peditem armatum intelligimus armatum scuto et propunctoseu*, а не только, как у вандалов". The Chronicon Colmariense, under the year 1298, is still more explicit: "Armati reputabantur qui galeas ferreas in capitibus habebant, et qui wambasia, id est, tunicam spissam ex lino et stuppa, vel veteribus pannis consutam, et *desuper* camisiam ferream."



Табличка LIV.

Кольчужная кольчуга в начале XIII века состояла из сплошной прически и перчаток, при этом прическа была несколько сплюснута на макушке, а перчатки не разделены на пальцы; она спускалась почти до колен, а при открывании лица оставляла видимыми лишь глаза и нос рыцаря. Ярким примером последнего названия является выгравированная здесь фигура - скульптурное изображение Уильяма Лонгспи в Солсбери, около 1227 года. Смотрите также печать короля Иоанна, стр. 228, и гравюру на дереве, № 53, из Харл. MS. 5102. Рукав кольчуги иногда закрепляется на запястье шнурком или ремешком; как на фигурке Длинного меча, выполненной из меди сэром Роджером де Трампингтоном, ок. 1289 г. (гравюра на дереве 73) и на изображении в Нортоне, Дарем, конца века (гравюра на дереве 70). Чтобы время от времени освобождать руку от перчатки без пальцев, в центре ладони было оставлено отверстие. Это ясно показано на наших гравюрах на дереве, № 80 и 62; первая из "Жизней Оффы", мисс Коттон, Д. и.н. Ниро; а другая из Roy. MS., A. xxii. Перчатку, снятую и свисающую с запястья, можно увидеть на Фото 17 Трахтена Хефнера, а также на скульптурном изображении рыцаря в церкви Бингем, Ноттингемшир. Во второй половине века кольчужные перчатки были разделены для пальцев; исходя из этого, мы можем предположить, что к этому времени кузнец доспехов усовершенствовал свое искусство, сделав кольчужную ткань более гибкой и изощренной. Ранние примеры встречаются в скульптурных изображениях рыцарей в Рэмптоне, Кембриджшир, и Данбери, Эссекс; первые изображены на памятниках Стотарда, фото 20; вторые - на Одежде и привычках Стратта, фото 45 и 46. Среди наших гравюр можно найти примеры как неразделенной перчатки, так и перчатки с пальцами. Иногда рукава кольчуги заканчиваются у запястья, как у лучников с разрезами 47 и 48; в этих случаях, очевидно, для большей свободы обращения с луком. Там, где кольчуга улана выполнена таким образом, рука имеет дополнительную защиту в виде перчатки. Чешуйчатые перчатки выполнены из рыцарской латуни, ок. 1280, выгравированы Уоллером, часть х., и Бутеллом [330], стр. 113. К локтям кольчуги иногда прикреплялись, но редко в этом столетии, металлические пластины, называемые *кудьерами*. Хорошим примером может служить изображение в соборе Солсбери, около 1260 года (Стотард, стр. xxx.). Есть еще один, рыцарь из семьи Клинтонов, в церкви Коулсхилла, Уорикшир. Кольчуга имела еще одно разнообразие: ее шили с *воротником* или без него. Мэтью Пэрис рассказывает нам, что в экранизации "в Валленденском аббатстве" в 1252 году копье Роджера де Лембюрна вошло под шлем его противника и пронзило ему горло, поскольку эта часть тела у него была обнажена и без ошейника (*carens collarium*). Дюканж цитирует аналогичный отрывок: "Venitque ictus inter cassidem et collarium, dejecitque конец всего этого в теле" [331]. Кольчугу без воротника можно увидеть в фигурах *Щедрости* и *Вежливости* на картинах Расписной палаты (Vet. Mon., vol. vi.)

В начале века сплошная прическа была почти плоской на макушке; во второй половине более распространенной стала прическа с круглым верхом. Уплощенная форма хорошо показана на статуе Лонгспи (гравюра на дереве, № 54), а также на статуях Де л'Иля и Де Браси (Стотард, Листы XIX. и xx.) Округлая макушка часто встречается на наших гравюрах на дереве. Прическу набрасывали на голову с помощью отверстия сбоку, а затем закрепляли шнурком, пряжкой или галстуком. Способ, которым шнурок, проходящий через чередующиеся группы звеньев, образующих прическу, делается для крепления шнурка к неподвижной части шапочки, превосходно показан на фигурах Лонгспи и так называемого герцога Нормандского в Глостерском соборе (Стотард, фото xxii). Хорошим примером крепления с помощью ремешка и пряжки является фрагмент изображения, найденного в Эксетере, выгравированный в

"Археологическом журнале", том ix. стр. 188. Прическа, поправленная завязкой, изображена на нашей гравюре на дереве под №62. Свободно свисающая боковая часть изображена на рыцарской статуе этого столетия в церкви аббатства Першор, Вустершир, выгравированной в Журнале Археологической ассоциации, том iv. стр. 319. Прическа иногда обрамляется закруглением. Посмотрите наши гравюры на дереве под №46, 59 и 63. Круги золотого цвета на рисунках Расписной палаты (стр. xxx.): на изображении Уильяма де Валенса полоса богато украшена драгоценными камнями (Стотард, стр. xlv.)

Множество примеров показывают, что воин часто отправлялся на битву без какого-либо шлема, *надетого* поверх кольчужного убора; хотя вполне вероятно, что в этом случае под ним надевалась какая-то дополнительная защита, будь то пластины или стеганые изделия. Правильная и компактная форма короны на многих древних образцах подтверждает это предположение, а современный пример с Востока помогает его подтвердить. Бирманский доспех в Лондонском Тауэре имеет пластинчатую черепную коробку, которая полностью скрыта от посторонних глаз внешней броней головы. На уже упоминавшемся изображении в Бингеме, Ноттс, верхняя часть прически настолько велика, что почти создает впечатление тюрбана, надетого под ней. Прическу, использованную в бою без какой-либо дополнительной защиты, можно увидеть на наших гравюрах под № 80 и 82.

В других случаях кольчужный колпак дополнялся каким-либо дополнительным вооружением в виде шлема. Возможно, это лучше учесть в нашем общем уведомлении о шлемах.



Капюшон кольчуги, по-видимому, был разработан как усовершенствование Сплошной прически, сделав ненужными отверстие сбоку и шнуровку вокруг лица. Но у капюшона был один большой недостаток: поскольку он лежал на плечах рыцаря, он позволял копьё противника проходить под ним и наносить смертельный удар по незащищенной шее. Этот факт встречается постоянно, как в хрониках, так и на фотографиях того времени. Капюшон, как и чепец, одновременно плоский и круглый. Приплюснутый капюшон виден на изображении Де л'Иля (Стотард, стр. хх). Круглый виден на медных изделиях сэра Джона Д'Обер-Нуна (гравюра на дереве, №55) и сэра Роджера де Трампингтона (Уоллер, Стр. iv., и наша гравюра на дереве, №73): на статуях Де Вера, Краучбека и Шурланда, выполненных Стотардом; и на наших гравюрах, № 59 и 63. Простой шнурок, проходящий через лоб и завязывающийся сзади, прочно прикреплял капюшон к голове. Способ этого можно увидеть, сравнив медь сэра Джона Д'Обер-Нуна и статую сэра Роберта Шурланда. И капюшон, и прическа, по-видимому, иногда надевались на голову и оставались на плечах. Сравните изображение в церкви Темпл (Стотард, стр. xxxviii), табличку Хефнера 27 и наши гравюры на дереве № 56 и 70. Капюшон иногда изображается сделанным из материала, похожего на ткань (ткань, кожа или полиуретан?), как на переднем рисунке нашей гравюры, №68, из рукописи в библиотеке Меца. Его цвет коричневый, в то время как кольчуга на этом рисунке окрашена в железный цвет. (Хефнер, стр. lxxvii.) Простые и украшенные нашивки, которые, как мы видели, надевались поверх кольчужной накидки, также присутствуют на капюшоне. Простой круг встречается на изображении Госбертона (Стотард, стр. xxxvii) и на наших гравюрах на дереве, № 59 и 63. Обогащенные примеры можно найти в скульптурах Де Вера и Краучбека (Стотард, стр. xxxvi. и xlii.).



Под защитой головы в виде кольчуги надевался головной убор из более мягкого материала, чтобы смягчить шероховатость железной ткани; и, возможно, также для защиты головы, поскольку он был сделан из стеганой ткани. Смотрите нашу гравюру на дереве, №56, с миниатюры, предоставленной Виллемином (Monumens Inédits, j. Pl. cii.) Сравните также Painted Chamber, стр. xxxv., и Willemin, j. Pl. cxliii.

Помимо уже описанной кольчуги, которая, однако, в подавляющем большинстве случаев служила доспехами рыцарей того времени, у нас есть несколько разновидностей защитного снаряжения. Кольчуга все еще упоминается и, по-видимому, подразумевает не только кольчугу меньшего размера, но иногда и одежду меньшей защиты из другого материала. Существует также кольчужная кольчуга с рукавами, достигающими лишь немного ниже локтей. Хороший пример приводится на листе 9 книги Роя. СР. 12, F. xiii.; Бестиарий. Смотрите также изображения Добродетелей на табличках xxxviii. и xxxix. из Расписной палаты.

Гамбезон, или Точка разлива, или *Гамбезиата Лорика*, как он назван в завещании 1286 года, часто появляется как образующий сам по себе герб ограждения. Таким образом, это отмечено в уже цитировавшемся Статуте Винчестера; где, в то время как арендаторам первого класса предписывается иметь "дом, часовню де фир" и т. Д., третьему классу надлежит иметь "parpoint, часовню де фир, особенно красивую". Сравните также Гербовый устав 1252 года. В восьмом Эдуарде I. мы читаем, что "Роджерус де Ванстеде придерживается принципа димида. *serjantiam ibidem per servitium inveniendi unum Valectum per octo dies, sumptibus propriis, cum praepuncto, capella ferrea et lancea, custodire castrum de Portsmut tempore guerraе*[\[332\]](#)." В "Ордонах торговли и метрополитена" очень точно определены обязанности парижских портных в конце нынешнего столетия. "Se l'on fait cotes gamboisiees, que elles soient couchees deuement sur neufves estoffes, et pointees, enfermees, faites a deux fois, bien et nettement emplies, de bonnes estoffes, soient de coton ou dautres estoffes[\[333\]](#)." Again: "Item que nul doresnavant ne puist faire cote gamboisiee ou il n'ait trois livres de coton tout net, si elles ne sont faites en fremes, et au dessous soient faites entremains, et que il y ait un ply de vieil linge emprez l'endroit de demie aulne et demy quartier devant et autant derriere." Из этих постановлений мы видим, что контрнаступники XIII века были слишком склонны создавать свои доспехи из неустойчивых материалов и набивать их скупой рукой.

Кюрира (*Cuirena*), как следует из ее названия, изначально была защитой из кожи: ее также делали из ткани. Оно закрывало только тело, требуя добавления *плечиков* для завершения пальто. Таким образом, в Списке покупок, сделанных для Виндзорского турнира на шестом году правления Эдуарда I., мы имеем: "De Milon. le Cuireur (Мило Курьер) xxxiiij. quiret, p'c pec iij. s." Каждый взял по два локтя ткани, которая по своей конструкции называется Carda: "Это соответствует требованиям quiret ij. Карточка локтевой кости". Рукава, по-видимому, были из ткани *pourpointerie*: "Это про xxxviiij. пар брач, х. букеранн[\[334\]](#)."

В отчете, цитируемом Дюканжем, датированном 1239 годом, говорится: "Pro hernesio suo, свидетель смерти и ее последствия IX. lib. v. sol. Item pro tribus baccis et tribus cuirenis ad eosdem, iv. lib. iv. sol." Смотрите глоссаристов в разделе *Бака*. Гиар также упоминает cuirie:—

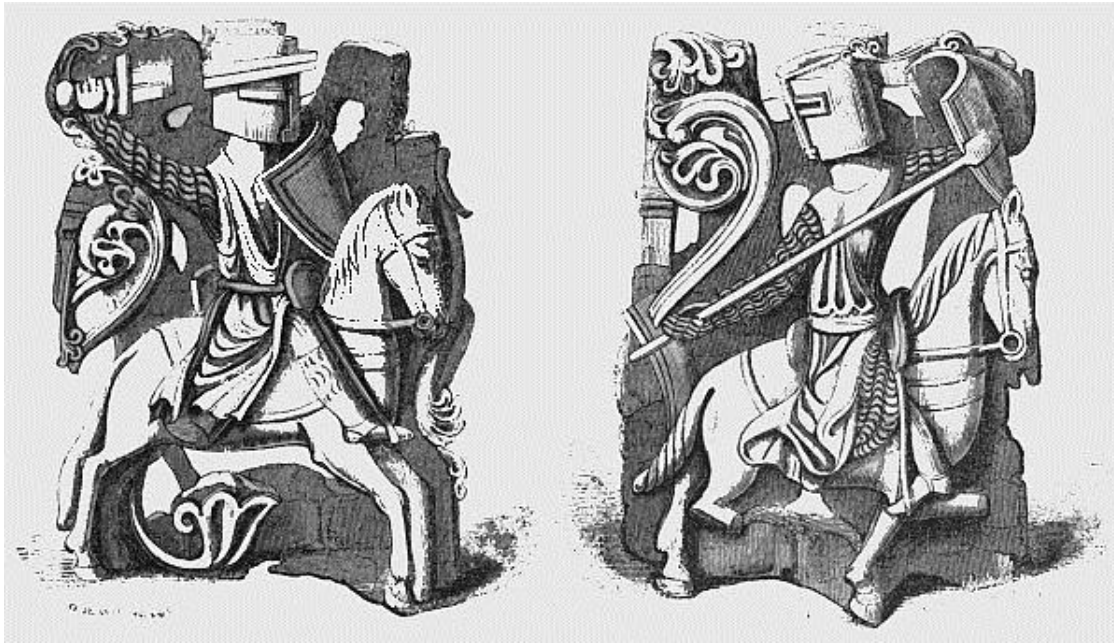
"Hyaumes, haubers, tacles, cuiries,
Fondent par les grans cops et fraingnent."

Карган, по-видимому, представлял собой воротник или накидку из кольчуги. Он встречается как часть доспехов пехотинца в Статутах Фрежюса, 1233 г. н.э.: "Peditem armatum intelligimus armatum scuto et propuncto, seu auspergato, et cofa seu capello ferreo, et cargan, vel sine cargan" и т.д. Глоссаристы выводят это и родственное ему слово, *carcannum*, от καρκίνοϛ, genus vinculi; и, если это происхождение верно, можно с уверенностью сделать вывод о кольчужном горжете.

Другие материалы для доспехов, отличные от упомянутых выше, появляются в XIII веке; но, прежде чем обратить на них внимание, возможно, было бы неплохо взглянуть на остальные *части* рыцарского костюма в том виде, в каком они встречаются в обычных памятниках того времени; затем изучить придатки, прикрепленные к доспехам, такие как элероты; после чего мы обратим внимание на исключительные материалы, использовавшиеся в защитных целях; и, наконец, на те части снаряжения воина, которые не были включены в приведенную выше схему исследования.

Шоссы в начале XIII века были полностью из кольчуги, закрывавшей всю ногу; как показано на наших гравюрах на дереве под № 46, 52 и 54. Иногда они затягивались ниже колена шнурком, как на двух солсберийских изображениях (Стотард, Листы XVII. и xxx., и наша гравюра на дереве, №54.) Разновидность этой защиты накладывалась на переднюю часть штанины, а затем шнуровалась сзади. Смотрите гравюру на дереве, № 53, из рукописи 5102, фол. 32, книги начала века; и наши номера 56 и 62, ближе к концу этого периода. Сравните также листы xxxiii. Хефнера, лист liv. Хорды Стратта и лист 10 Роя. CP. 12, Ф. xiii.

К кольчугам, будь то кольчужные или кольчужно-перевязные, иногда добавляют шесты (или наколенники) из пластин. Однако часто бывает трудно определить, прикреплены ли древки к шоссам или к шоссону, поскольку их верхний край прикрыт кольчугой. Хорошим примером шоссов, вооруженных наколенником, является рыцарская статуя в соборе Солсбери (Стотард, стр. xxx.), около 1260 года. Смотрите также наши гравюры на дереве, № 75 и 77: первая из доп. рукописи 11,639, fol. 520; последняя из росписи на стекле в северном трансепте Оксфордского собора. Немецкий пример, приведенный Хефнером (Pt. i. Pl. lxxvii.), из рукописи, освещенной в Меце около 1280 г., скопирован с нашей гравюры на дереве, № 68. Имена Полейнов указаны в описании гардероба 28-го изд. I. (1300): "factura diversorum armorum, vexillorum, et penocellorum, pro Domino Эдварда филио Региса и Иоганны де Ланкастрии, джамбериса, полейнса, платиса, уно капелло ферри, una cresta cum clavis argenti в защиту эдема Капелло" и т.д.



№ 57.

Ближе к концу XIII века шоссы чаще всего сопровождалась шоссонами из кожи или стеганой работы, целью которых, вероятно, было устранить неудобства, связанные с длинными металлическими шоссами при верховой езде. Он встречается равнинный, покрытый вертикальными линиями и иногда богато опушенный. Равнинный шоссон хорошо показан на стотардовских рисунках xxii. и xxvi., изображения в Глостере и в церкви Темпл, Лондон. Гамбуированный шоссон виден на этом рисунке шахматной фигуры из слоновой кости, хранящейся в музее Эшмола. Смотрите также изображение Де Вера в Хэтфилд-Бродоук (Стотард, стр. xxxvi). Превосходный пример шоссона с заостренными краями, выполненного в дорогом подгузнике, предлагает the brass of De Bures, 1302 (Waller, Стр. 2, и книга Бутелла "Латуни и слябы"). Любопытное разнообразие шоссона и шоссов можно найти в фигуре рыцаря из Roy. MS. 2, A. xxii. fol. 219, приведенной на нашей гравюре на дереве, № 62; шоссон здесь выполнен из кольчуги, в то время как шоссы, по-видимому, сделаны из заклепанных пластин. В нашей вырезке под номером 86 из "Расписной комнаты" снова появляется кольчужный шлем. К шоссону обычно крепились наколенники из какого-нибудь твердого материала: металла, *кирасы* или смеси того и другого. Посмотрите наши гравюры на дереве, №59 и 63; изображение в церкви Эш близ Сандвича и иллюстрацию из немецкой рукописи, доп. СТР. 17 687, обе конца этого века. Сравните также изображение в Госбертоне (Стотард, стр. xxxvii) и изображения Де Вера и Де Бюреса, упомянутые выше. Среди украшений этих шестов иногда встречаются маленькие гербовые щиты; как на нашей гравюре на дереве, №70, изображение неизвестного рыцаря в церкви Нортон, Дарем, около 1300 г.[335], и на статуе Брайана Фитц-Алана в церкви Бедейл, Йоркшир, выгравированной в "Чучелах Холлиса", Pt . 4, и в Памятниках Блора.

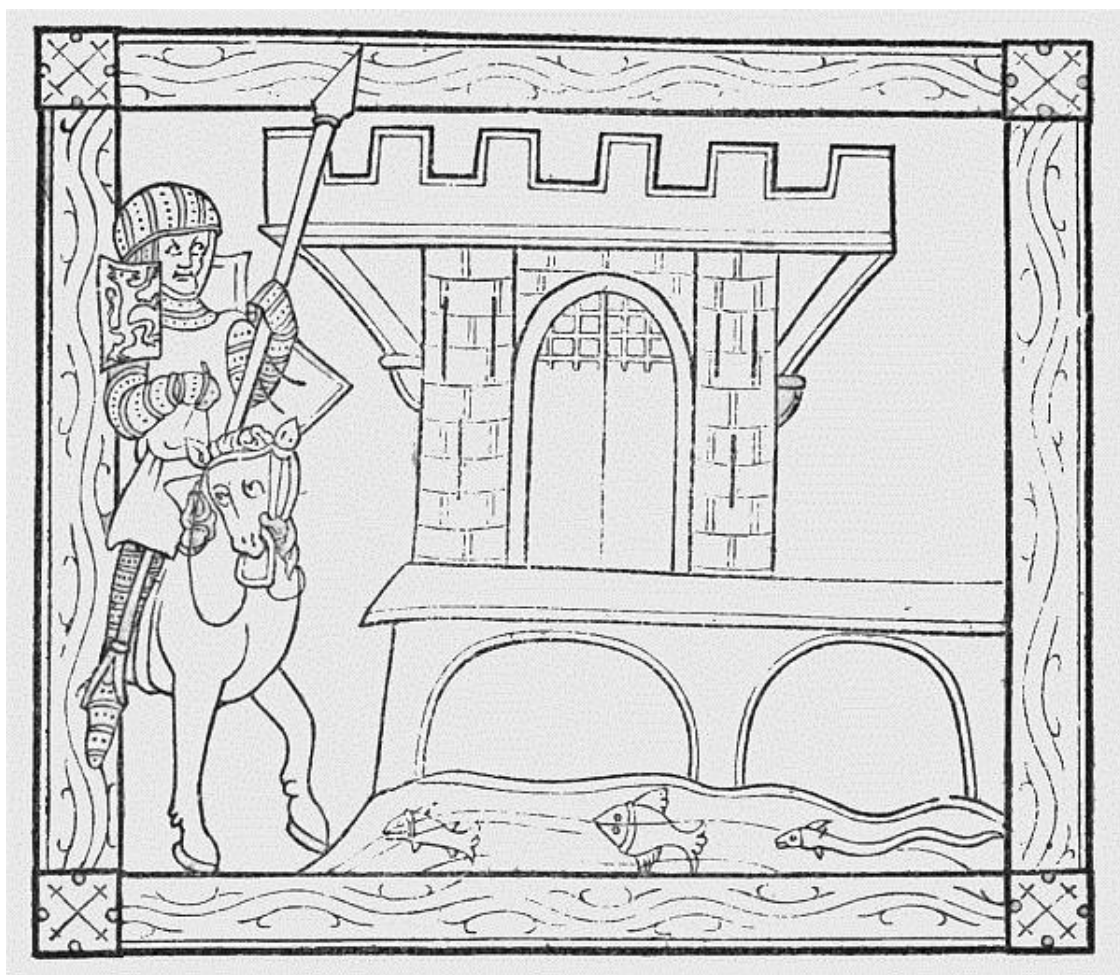


В конце этого столетия впервые появляются металлические поножи или *кирасы*, закрывающие переднюю часть ноги от колена до подъема. Вероятно, они были немецкого происхождения, поскольку их латинское название было *Bainbergæ*, от немецкого *Beinbergen*; и представляется вероятным, что немцы, возможно, скопировали их с образцов классических времен, с которыми они познакомились во время своих войн в Италии. На юге Европы поножи уже приобрели в высшей степени декоративный характер, как мы можем видеть по этой скульптуре Гулиэльмуса Балниса, 1289 г., с барельефа в монастыре Аннунциата во Флоренции[336]; в то время как в Англии они ни разу не появляются среди наших монументальных изображений или на наших королевских печатях. Среди картин, украшавших королевский дворец в Вестминстере, также нельзя найти ни одного примера. Однако их можно увидеть среди иллюстраций к рукописи "Жизни двух оффов" Мэтью Пэриса (Cott. Ср., Неро, Д. 1,) произведение, обычно относимое к тринадцатому веку, но, возможно, не ранее следующего века. Наша гравюра на дереве под номером 80 содержит пример из этой рукописи, фолио 7. При сравнении двух приведенных нами гравюр будет видно, что, в то время как на рисунке на пергаменте изображена защита только ниже колена, на итальянском рисунке она изображена и внизу, и вверху. Обилие орнамента на последнем экземпляре, по—видимому, подразумевает формованный материал -*cuir bouilli*? Однако античные образцы, найденные в Помпеях и других местах, сделаны из металла, сильно украшенного чеканкой и тиснением. Имя Байнберг встречается в нескольких древних документах. В "Лексе Рипуарии" у нас есть: "Бейнбергас бонас за VI. соль. tributat." И в завещании святого Эверарда, герцога Фрежюса: "Бруниам унам, хелмум 1. и маникам 1. до конца опуса, бемберга II". и проч. И снова: "Бруниам унам, хальсберга и маникам унам, бемивергас дуа". Слово в последнем отрывке, вероятно, ошибочно для *байнбергаса*.

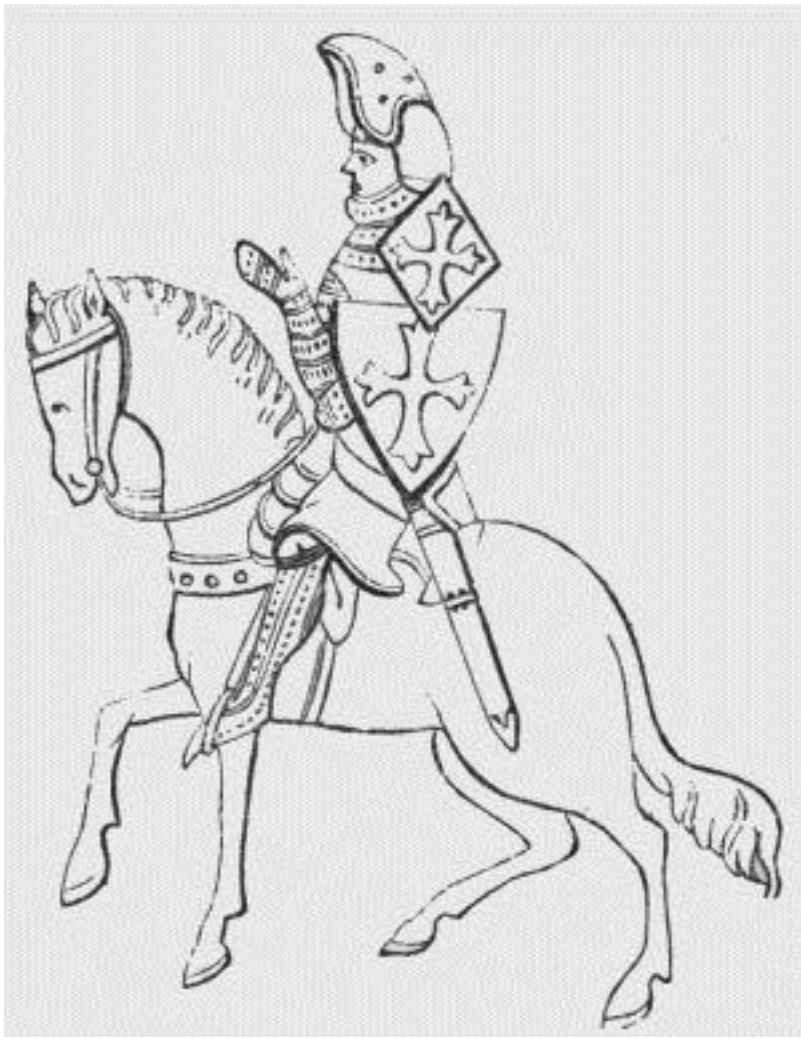


Пластина LIX.

В последней четверти XIII века появляются эти любопытные дополнения к рыцарскому костюму - жилеты. Но они не встречаются с какой-либо частотой до начала четырнадцатого века. Поэтому, отмечая это новшество, мы обратимся к некоторым примерам более позднего периода. Судя по их названию, *ailettes*, фр.; *alette*, итал.; и *alettæ* на латыни того периода, они, по-видимому, были французским или итальянским изобретением. Первое упоминание о них содержится в Списке покупок для Виндзорского турнира в 1278 году, где они сделаны из кожи, покрытой тканью под названием Карда. "De eodem (Майло Курьер) xxxviii. поднимите кор по номиналу. viii. d." "If pro xxxviii. паралетт с. карточка pro q par для локтевой кости. с. XIX. локтевая кость. Они были застегнуты шелковыми шнурками, поставленными "Ричардом Патерностером". "Ричард Патерностер № viii. Duoden laqueorum seric pro alett p'c duoden viii. d.[337]" Сэр Роджер де Трампингтон был одним из тридцати восьми рыцарей, участвовавших в этом турнире, и примечательно, что его монументальная бронза представляет собой один из самых ранних и лучших живописных образцов бронзы, дошедших до нас. (Смотрите нашу гравюру на дереве, № 73.) Есть один экземпляр, и только один, на рисунках Расписной палаты, стр. xxxv. На нем изображена птица. На монументальных статуях он встречается очень редко. Приведенный здесь рисунок взят из рыцарской гробницы в церкви Эш-бай-Сэндвич, по-видимому, конца этого столетия[338]. Элероны появляются за плечами, возвышаясь над плитой под ними примерно на восьмую часть дюйма. Они были четырехугольными, внешние углы были случайно сломаны: нет ни следов какого крепления, и от цвета ничего не осталось. Другими монументальными статуями в Англии, демонстрирующими айлетт, являются статуи Пембриджа в церкви Клеонгре, Херефордшир (подробно изображена в "Изображениях Холлиса", стр. 5) и так называемого крестоносца в Грейт-Тью, Оксфордшир. Фигура Клеонгре особенно любопытна, поскольку демонстрирует жилет, застегивающийся на "лакеус", который виден снаружи. В Швейцарии есть статуя Рудольфа фон Тирштейна в Базеле: элероны здесь квадратные и закреплены на *стороне* фигуры. (Hefner, Стр. 2, стр. xli.) Наши английские монументальные латуни служат несколькими примерами. Посмотрите на работы Септванса и Буслингторпа, предоставленные Уоллером, и на горлстонскую латунь, пластинку li. из Стотхарда. Любопытные расписные окна в Тьюксбери, полностью выполненные Картером (Скульптура и живопись) и частично Шоу (Одежда и украшения), представляют собой лучшую иллюстрацию, созданную изображенным стеклом. Хорошие примеры можно найти в резьбе по слоновой кости и печатях того периода. Печати Эдуарда Третьего, герцога и короля, являются хорошо известными экземплярами; а шкатулка из слоновой кости, гравированная Картером, листы sxiii. и sxiv., представляет собой исключительное разнообразие этого аксессуара. Иллюстрированные рукописи дают множество примеров. См., например, Roy. MSS., 14, E. iii. и 2, B. vii., и доп. MS. 10,292. У Лутерелловской псалтири есть хороший образец, скопированный в упомянутой выше работе Картера и в *Памятнике Ветусты*. Французские монументальные образцы, которые мы изучаем у M. Allou, are very scarce: "L'accessoire qui nous occupe est fort rare dans les monuments français. Nous en trouvons des exemples dans les dessins qui nous ont été communiqués par M. Achille Deville, des pierres sépulchrales de Robert Duplessis, 1322, de Robert d'Estouteville, 1331, et de Jean de Lorraine, Duc de Brabant, 1341[339]."



№ 60.



№ 61.

Формы козырька разнообразны: наиболее частой является четырехугольная, как на изображении в церкви Ясеня, приведенном выше, и в этом примере из Add. MS. 10,293, fol. 58; книга, датированная 1316 годом. Круглая форма встречается на шкатулке из слоновой кости, выгравированной в томе 4 Журнала Археологической ассоциации, а также на табличках схiii. и схiv. скульптуры и живописи Картера. Пятиугольник виден на иллюстрации Слоуна MS. 3983, выгравированной в качестве фронтисписа к Одежде и привычкам Стратта; крестообразный - в фигуре рыцаря из Roy. MS., 2, A. xxii. fol. 219 (наша гравюра на дереве, № 62). И на листе 94^{vo}. из Роя. СР., 14, E. iij. это единственный пример, когда-либо наблюдавшийся автором, элеутерококка в форме ромба. Из того, что Крест на щите находится в том же положении, что и другой, ясно, что накладка не квадратная, изношенная наперекосяк.

Размер этого придатка сильно различается у разных памятников. В приведенном выше примере круглой шкатулки из слоновой кости она едва ли больше ладони, в то время как при освещении Roy. MS., 20, D. 1, fol. 18^{vo}, она немного меньше обычного щита того периода. Обычно он располагается за плечом или сбоку от него; иногда он появляется спереди; но не следует давать слишком строгого толкования грубым памятникам тех времен.

Использование элероны несколько озадачило авторов-антикваров. Современные французские археологи признают, что это "трудно объяснить"^[340]. Некоторые авторы рассматривали это просто как средство защиты; другие рассматривают это как знак, указывающий своим последователям место лидера на поле боя. Против предположения, что это был *просто* герб, можно возразить, что во многих случаях он вообще не имеет геральдической символики: иногда на нем изображен только крест, иногда рисунок подгузника, а иногда он совершенно пустой. Смотрите примеры всех этих разновидностей на картинах на стекле Тьюксбери, на горлстонской латуни (Стотхард, Pl. li.) и на буслингторпской латуни (Уоллер, Стр. 10). На рисунках на пергаменте его часто можно увидеть на рыцарях в тилте; там, где геральдические обозначения, уже изображенные на щите, гербе и плаще всадника, а также на попоне лошади, бесполезно повторять на накладке. В случае с примером Clehongre, процитированным выше, внешняя завязка шнурка, по-видимому, не соответствует изображению гербовых знаков на крыле под ним. В Германии их называют *Tartschen* (Хефнер: *Trachten*, Стр. 2, Pl. xli.), и их назначение в качестве щитов, по-видимому, наиболее соответствует многочисленным древним свидетельствам, в которых они появляются. Рыцари, действительно, не довольствовавшиеся своими стальными доспехами, по-видимому, в средние века укрепили себя целым комплексом щитов. Таким образом, у нас есть элероты, собственно щит, *garde-bras*, или налокотник, наплечный щит, *Beinschiene*, или щит для ног, накладка на копье и стальная передняя часть седла, которая на самом деле была всего лишь другим щитом для защиты тела рыцаря. Обращаясь еще раз к изображению Клеонгра, можно заметить, что, в то время как "защита от кирасы" (место, где рука соединяется с телом) укреплена *спереди* стальным кругляком, это уязвимое место на *тыльной стороне руки* прикрыто накладкой. Смотрите подробности на третьей табличке Холлиса с изображением этого памятника. Сразу бросается в глаза аналогия между этими средствами защиты и теми любопытными вертикальными кусками стали на плечах, которые так часто встречались в доспехах шестнадцатого века.

Элероны превосходной конструкции фигурируют в Описи имущества Пирса Гавестона в 1313 году: "Предмет, принадлежащий водолазам, вооруженным доспехам Пьера Гавестона, хранящим украшения гарниз и фретты перла"^[341]. Они названы также в Описи товаров Умфри де Богуна 1322 года: "ii рыцарский орден вооруженных сил графа Херефорда"^[342].



Табличка LXII.

Помимо защиты в виде кольчуги, которая, как мы видели, составляла обычную броню рыцарей XIII века, существовали и другие материалы, иногда использовавшиеся для облачения воина. Масштабная работа все еще встречается, хотя и в немногих памятниках; и, по-видимому, она использовалась только для небольших частей оборудования. Смотрите рисунок на латуни Уоллера, часть х, и Бутелла, стр. 113.

На этой необычной фигуре рыцаря из Roy. MS. 2, A. xxii. fol. 219 средства защиты ног состоят из своего рода беззубых доспехов: маленькие металлические кругляшки, расположенные рядом, кажутся приклепанными к ткани или коже, образуя предмет одежды, очень похожий на "пенни-пластинчатые доспехи" шестнадцатого века. На оригинальном рисунке шоссы закрашены синим, но, что довольно странно, шоссон закрашен красным, хотя, по-видимому, он явно предназначен для кольчуги. Датировка рисунка, по-видимому, относится примерно к концу тринадцатого века. В качестве любопытной иллюстрации доспехов с безантовкой покойный мистер Хадсон Тернер сказал автору этих страниц, что он видел в старинной летописи описание кольчуги Эдуарда III, украшенной золотыми флоринами; хотя, с обычной осторожностью первооткрывателя антиквариата, он умолчал о названии и местонахождении документа.



Табличка LXIII.

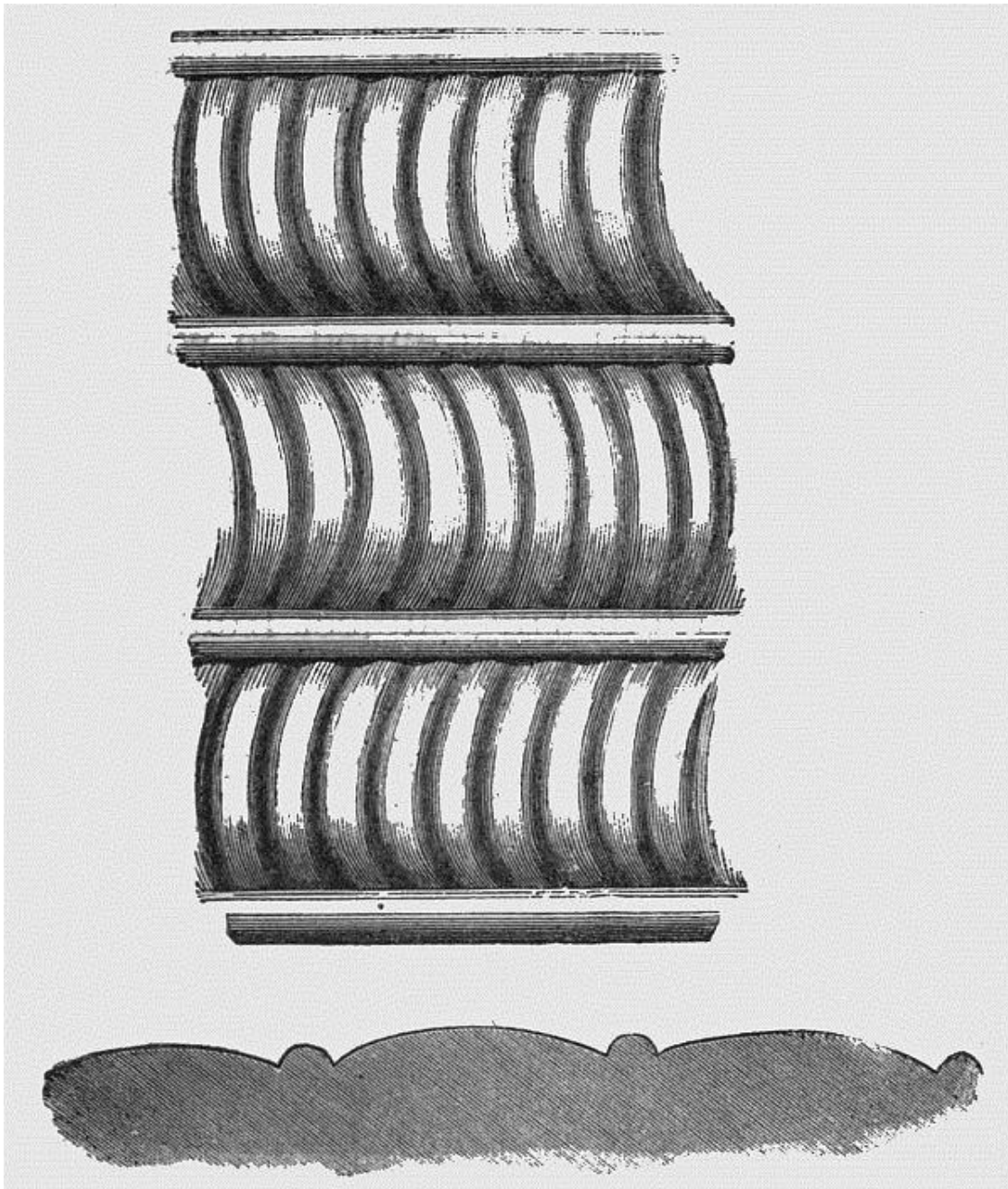
На гравюре, приведенной на обороте, из Add. MS. 17,687, немецкого издания конца этого века, мы видим образец брони с шипами. Предметы одежды, украшенные снаружи заклепками, часто встречаются в следующую эпоху, и поэтому мы будем свободно использовать памятники того времени для иллюстрации нашей темы; и действительно, мы можем почерпнуть некоторые ценные свидетельства из существующих доспехов восточного производства. Многие тайны средневековых преданий могут быть разгаданы при внимательном изучении восточных произведений. Поскольку в древних памятниках нашему взору представлена только поверхность военной одежды с шипами, мы редко можем с точностью определить ее конструкцию, но из сравнения различных примеров представляется вероятным, что существовало не менее четырех или пяти разновидностей этого вида одежды. Во-первых, у нас есть стеганая работа, в которой шпильки, по-видимому, используются для скрепления составных частей ткани. Мы уже видели подобный пример в нашем предыдущем разделе (гравюра на дереве, № 37). Гравюра, которая сейчас перед нами, по-видимому, изображает похожие доспехи: пятна красно-коричневого цвета на светло-сером фоне. В прекрасной рукописи Мелиадуса, доп. ср. 12,228, не только части рыцарского костюма, но и седла лошадей усеяны заклепками; что, по-видимому, явно подразумевает стеганое покрытие. Смотрите также изображения, выгравированные Стотардом (листы lx. и lxiii.) А в коллекции Tower представлены современные китайские доспехи, выполненные из стеганой одежды, усыпанной металлическими заклепками. Следующий вид шипованных доспехов - это те, настоящий образец которых четырнадцатого века был найден доктором Хефнером при раскопках старого замка Танненберг в Германии: реликвия, которая проливает ярчайший свет на костюм многих рыцарских изображений того периода. Защита, таким образом, продумана: полосы металла, похожие на обручи, расположены горизонтально поперек тела, верхний край каждой шины перфорирован для заклепок. Эти полосы слегка накладываются друг на друга: затем поверх всего этого укладывается кусок бархата или другого материала аналогичного вида и рядами заклепок прикрепляется к расположенным под ними железным шинам. Поскольку бархат насыщенного оттенка, а головки заклепок позолочены или посеребрены, одеяние в точности повторяет внешний вид тех рыцарских доспехов, в которых видны золотые или серебряные вкрапления по всей поверхности платья малинового или другого блестящего оттенка. Реликвия, о которой идет речь, подробно описана в замечательном трактате о результатах находки докторов Хефнера и Вольфа: "Die Burg Tannenberg und ihre Ausgrabungen". Латунь Стэпелтона, факсимиле которой имеется в коллекции Крейвена Орда в Британском музее, и гравюра в работе Стотхарда, а также латунь в Эйвли в Эссексе (Waller, Стр. 1), по-видимому, демонстрируют рассматриваемые доспехи. Зарубежные примеры можно найти в рисунках Конрада фон Сонсхайма и в Бамбергском соборе, приведенных Хефнером во ВТОРОЙ части. из *Трахтена*. Джазерантовые плащи пятнадцатого века, несколько реальных образцов которых до нас дошли, имеют очень похожую конструкцию. Третий вид шипов, по-видимому, отличается от описанного выше шарнирного типа тем, что его основа однородна и жестка, в то время как поверхность имеет те же особенности, что и цветная основа, усыпанная золотыми или серебряными выступами. Смотрите таблички Стотарда lxxvi. и xciii. Четвертая разновидность, по-видимому, описана в этом отрывке из "Описи имущества Пьера Гавестона": "Предмет, принадлежащий кофейне, в которую вложены тарелки и гарнир серебряного цвета, или четверем чейнам серебряного цвета, покрывало из темно-коричневой ткани с бархатным вермайлом, украшенное драгоценными камнями"[343]. Здесь мы имеем одеяние из бархата,

расшитого золотом, прикрывающее доспехи, отделанные серебром: таким образом, оно явно отличается от предыдущих видов, где заклепки объединяют составляющие материалы в одно облачение. Следующий пункт Инвентаря, кажется, еще более ясно показывает, что бархатный плащ (без шитья или без) отличался от железной защиты: "Предмет, два чехла из бархата, покрытые пластинами". Наконец, другой вид военной одежды с шипами, существование которого мы прослеживаем на примерах Современной Азии, состоял из нескольких слоев гибкой материи, скрепленных между собой заклепками с выступающими на поверхности головками. В музее Объединенного военного ведомства можно увидеть китайские доспехи, изготовленные по этому методу, но с подкладкой на груди из нескольких железных пластин размером примерно с игральные карты. В других примерах шпильки не заклепываются, а только пришиваются к предмету одежды.

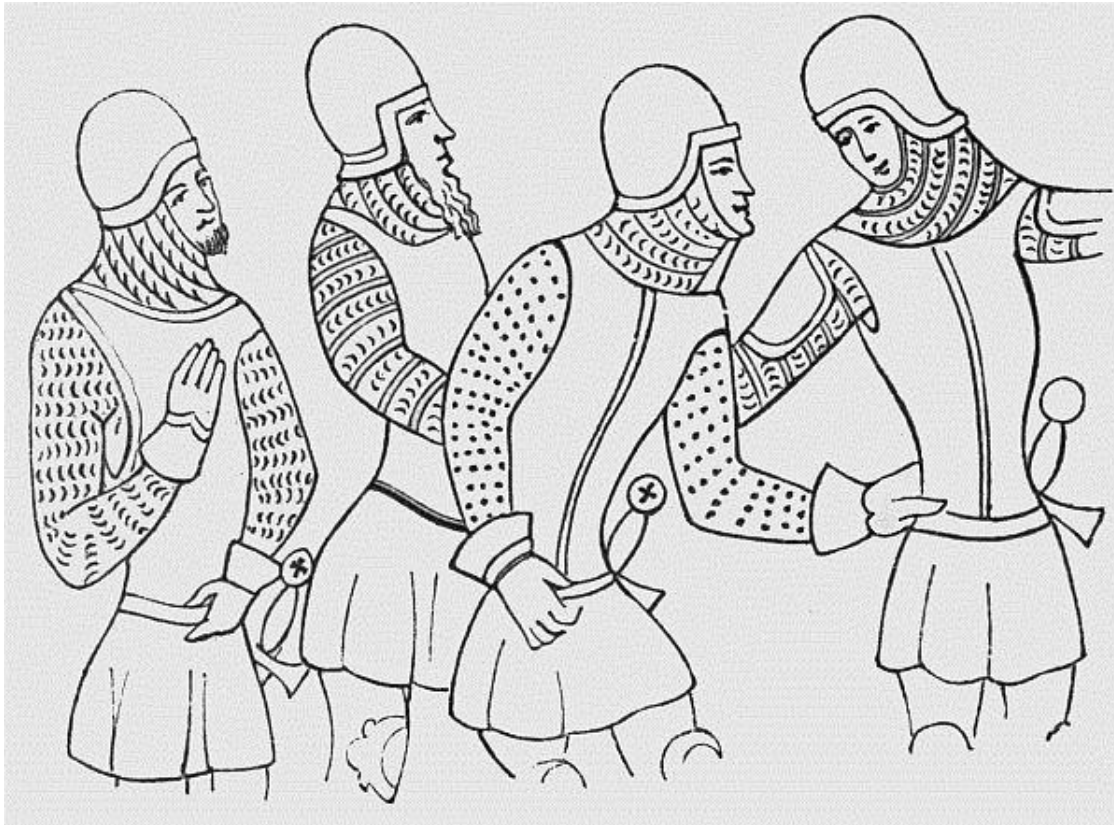


Табличка LXIV.

Ближе к концу тринадцатого века мы находим доспехи, приобретающие новый внешний вид, которым дали название кольчужной кольчуги. Несмотря на тщательное рассмотрение, его точная структура до сих пор не обнаружена, хотя ее представления очень многочисленны. На протяжении целого столетия иллюстрации к рукописям, монументальная латунь, расписные окна, королевские и баронские печати, металлическая чеканка и скульптуры различных видов предоставляют нам бесконечное множество примеров; ни в одном из которых до сих пор не было обнаружено точных свидетельств ни о материале, ни о конструкции. Монументальные скульптуры, судя по их большим размерам и тщательной проработке деталей, могли бы решить проблему, которую они только усложняют. Изображение[344] здесь выгравирован рыцарь из семьи Де Сульни, изображающий воина, вооруженного с головы до ног кольчужой; и на следующей гравюре на дереве мы привели часть доспехов этой фигуры в ее реальном размере. Вид в профиль был скопирован с особой тщательностью в надежде, что он может быть полезен при определении структуры этой весьма своеобразной защиты. Многие авторы описывали эту ткань как *roupointerie*; другие рассматривали ее лишь как общепринятый способ представления обычной кольчуги. Г-н Керрич, к мнению которого всегда будут относиться с величайшим уважением, говоря о рядах маленьких дуг, используемых для выражения последней защиты, говорит: "Когда между рядами есть линии, будь то две или только одна, я полагаю, это означает все то же самое[345]." М. Потье в тексте к "*Памятникам в Эдмсе*" Виллеминане отличает так называемую кольчугу от другой, но называет ее просто "Кольчужная броня"[346]. Но, кажется, трудно поверить, что речь могла идти об обычной кольчуге, настолько сильно различаются два способа репрезентации, будь то в скульптуре или в живописи. Обратите внимание, например, на детали — особенно на ту часть, которая изображена в профиль, — на изображении в Ньютон Сольни. И в следующем сюжете из "Романа о Мелиадусе" (доп. ср. 12,228, стр. 79), кажется, нет никакой видимой причины для обозначения одной фигуры, так отличающейся от остальных, если только сами доспехи не были особого вида[347].



№ 65.



№ 66.

Еще более маловероятно, что рассматриваемые защитные элементы с полосами имели цветовую гамму, поскольку расшитое одеяние, будь то из бархата, шелка, материи или любого другого материала, на раскрашенных изображениях демонстрировало бы те разнообразные цвета, которые так щедро представлены на других частях рыцарского наряда. Тем не менее, тщательное изучение многих сотен рисунков в иллюстрированных рукописях не позволило обнаружить ни единого случая положительного окрашивания кольчужных лент, за исключением тех, которые могут быть отнесены к металлам. Зеленый, алый, малиновый, опушечный или лучистый никогда не появляются. Но золото или золотистая настойка, серебристый или белый, а также серый различных оттенков встречаются постоянно. И все это, по-видимому, указывает на ткань, в которой металл играет, по крайней мере, заметную роль. Примеров среди рисунков на пергаменте, в которых окантовка окрашена в серый цвет или оставлена белой, так много, что едва ли можно открыть рукопись того периода, не найдя их. Примеры этого в серебре можно увидеть в рукописях Коттона, Вителлия, XIII века н.э., и Неро, VI века н.э.; в рус. ср. 20, Д. i., и доп. ср. 12,228. На листе 217^ю последней названной книги можно найти фигуру рыцаря в позолоченной кольчуге. Такие же доспехи золотого цвета украшают витрины церкви Бир-Феррерс в Девоншире и церкви Фулборн в Кембриджшире. Точные копии этих примеров см. в сборниках Лайсона в Девоншире, стр. 326, и Керрича, доп. СТР. 6730, стр. 61. Если из приведенных выше свидетельств мы выводим убеждение, что основой этой ткани был металл, взятый из памятника, изображенного в превосходной работе графа Бастарда *"Рисунки рукописей" и т. д.*, мы заключаем, что линии дуг были кольцами; поскольку кант, скрепляющий прическу вокруг висков, явно пропущен через чередующиеся группы колец,

точно так же, как в обычном кольчужном капюшоне. Фигура взята из французской Библии начала четырнадцатого века и встречается в седьмом ряду *Иллюстраций*. Справедливости ради мы должны признать, что этот пример не является совершенно неприемлемым в качестве доказательства в пользу теории обычной кольчуги. И с этой стороны может быть помещен очень любопытный образ Оффы Первого, приведенный на нашей гравюре на дереве, №80, из "Жизни двух Офф" Мэтью Пэриса (Кот. МИСС, Неро, D. i. fol. рис. 7); где верхняя часть шапки воина выполнена из "кольчуги", в то время как нижняя часть помечена способом, обычно используемым для обозначения обычной кольчуги.



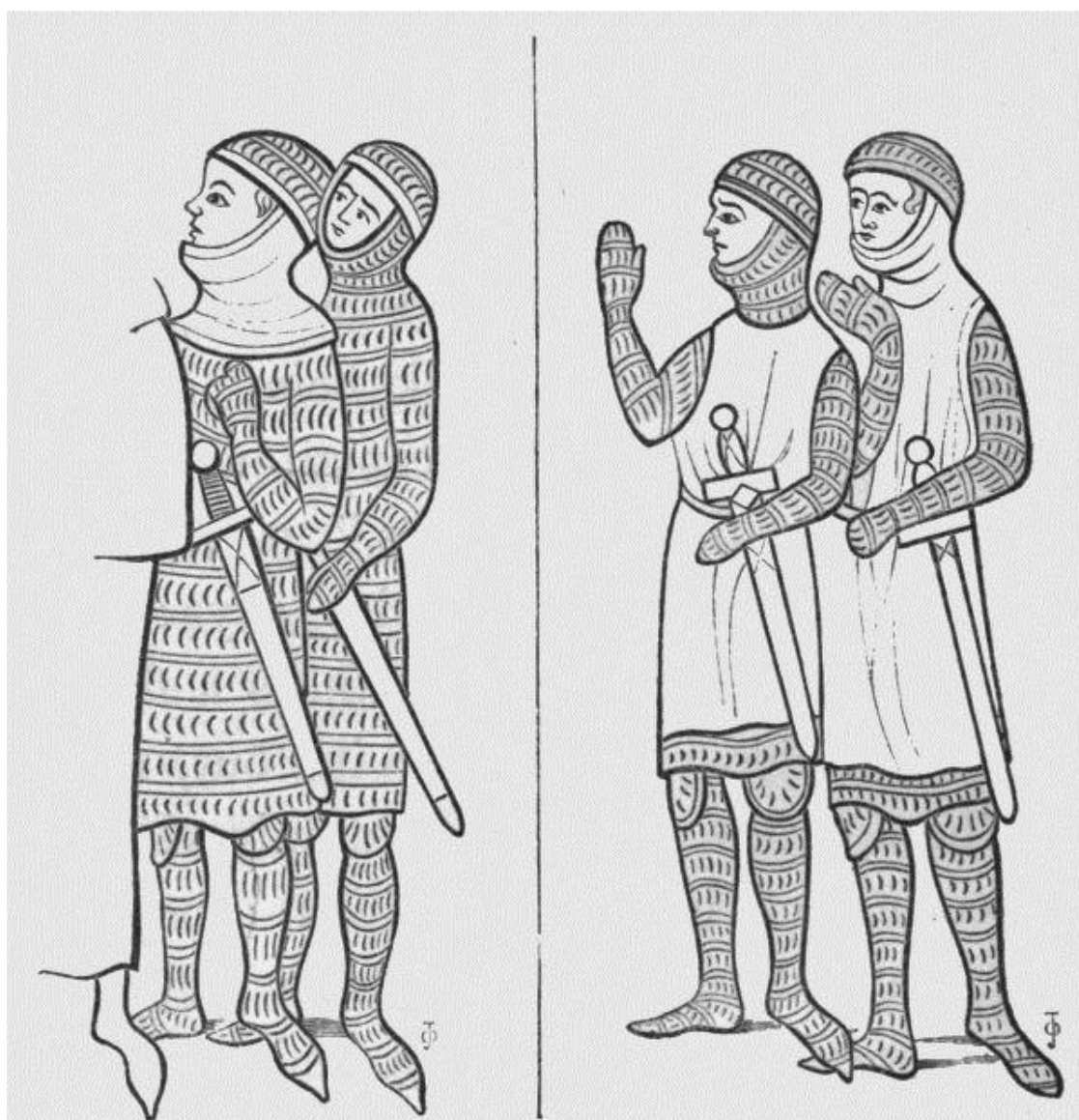
№ 67.

От всего этого отличается интерпретация, предложенная М. де Винем в его *Обзоре костюмов моей эпохи*. На листе lvi. этой работы автор привел серию эскизов, показывающих предполагаемую конструкцию различных древних доспехов. Кольчуга с лентами представлена в виде рядов накладывающихся друг на друга колец, пришитых к коже или другому подобному материалу, "пример кутюрных украшений из петитовых лент". Фон Лебер в своем эскизе средневековых доспехов придерживается той же идеи: "Том 13. his nach Anfang des 14. Jahrh. der lederstreifige Ringharnisch als unschöne und unbequeme Ritterhülle[348]." Эта интерпретация, однако, расходится с теми древними памятниками, где *внутренняя* часть защиты демонстрирует кольцевую конструкцию так же, как и внешняя. Посмотрите нашу гравюру с изображением Де Сульни. Более невероятного одеяния, мягко говоря, чем кольчуга из кожи, *обшитая* кольчугой и *подбитая* кольчугой, трудно себе представить. Другие примеры кольчуги с окантовкой изнутри представлены латунью Де Крика (Waller, Стр. viii.; Бутелл, стр. 39), латунью в Минстере, остров Шеппи (Stothard, Pl. liv.; Бутелл, стр. 42), изображенной на портрете сэра Джона Д'Обер-Нуна (Stothard, Pl. lx.), и латунью в Генте, изображенной в *Archæological Journal*, том vii. стр. 287 .

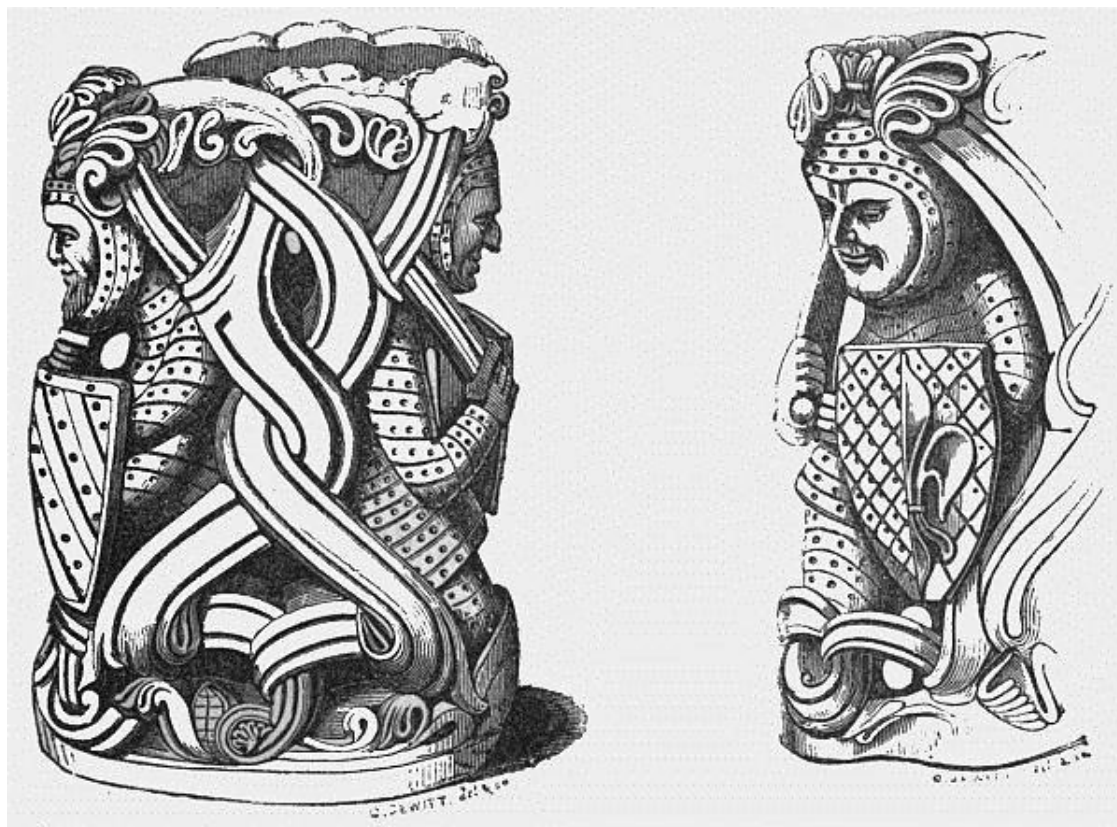
Иногда рыцарский конь защищен кольчугой, как на рисунке из рукописи библиотеки Камбре, приведенном Де Винем в его *Книге о костюмах*, том ii., лист viii. B Roy. MS. 20, D. i. fol. 330, произведении примерно конца тринадцатого века, изображены слоны в похожих пополах: на их спинах замки, полные воинов.

Мы уже заметили, что в Англии были замечены четыре скульптурных изображения в кольчугах с полосами. Фигура Тьюксбери дана Стотардом; пример, еще более любопытный, поскольку кольчуга выполнена в виде обычной кольчуги, в то время как только камилла выполнена с

лентами. В "Воспоминаниях", стр. 125, Стотхард, описывая это письмо мистеру Керричу, говорит: "Среди других любопытных вещей, с которыми я встретился, есть фигура, в которой есть несколько примечательных особенностей; но для их обнаружения я потратил целый день на то, чтобы убрать толстый слой побелки, который их скрывал. Кольчуга, прикрепленная к шлему, была такого типа, который так часто изображался на рисунках, и который у вас вызвал сомнения, не был ли это другой способ изображения того типа, с которым мы уже знакомы. Мне жаль, что сейчас я знаю о его конструкции не больше, чем до того, как познакомился с ним". Изображение в Додфорде, недалеко от Уидона, выгравировано в Baker's Northamptonshire, том i, стр. 360. Рыцарь облачен в кольчугу, шоссы и головной убор из полосатой кольчуги, с полейнами, кутюгами и сервелонами из пластин. Фигура в Толлард-Ройял, Уилтс, не выгравирована; но из нескольких записок, любезно предоставленных моим другом, явствует, что этот рыцарь облачен в кольчугу, шоссы и головной убор из полосатой кольчуги с латным шлемом.



Сравните также изображение Уильяма де Валенса из позолоченного металла в Вестминстерском аббатстве, умершего в 1296 году (Стотард, стр. xlv). На следующих рисунках, взятых из немецкой рукописи около 1280 года, скопированной с "*Трахтена*" Хефнера, можно заметить, что каждый рыцарь отличается от своего товарища способом своего снаряжения, хотя основным средством защиты для всех является кольчуга. Другие примеры такого рода доспехов можно найти на наших гравюрах на дереве под № 47, 48, 63, 72 и 77. В конце концов, мы не можем прийти к определенному выводу. Наши доказательства носят лишь отрицательный характер. И все же определение того, чем вещь не является, всегда что-то значит. Таким образом, из-за отсутствия разнообразных цветов, которое мы отметили, кажется совершенно очевидным, что кольчуга с лентами ни в коем случае не является *pourpointerie*. И, судя по наличию колец как на внутренней, так и на внешней стороне доспехов, они, по-видимому, не той конструкции, которую предполагали немецкие и бельгийские антиквары. Если речь идет об обычной кольчуге, то следует признать, что средневековые художники никогда не находили способа передать этот материал, столь мало напоминающий оригинал. Удовлетворительную разгадку этой рыцарской тайны мы должны искать в дальнейшем изучении древних свидетельств или в обнаружении памятников, до сих пор остававшихся ненаблюдаемыми.



№ 69.

В дополнение к различным уже замеченным доспехам, мы находим в XIII веке защиту, выраженную поперечными линиями, которые мы отмечали в более ранние периоды. Хорошие примеры встречаются на листе 9 книги Roy. MS. 12, F. xiii., и на шотландских печатях Лэйнга, лист iv.

А на шахматной фигуре начала этого века знаки на доспехах нанесены очень своеобразным образом: рядами просверленных отверстий, разделенных линиями. (Гравюра на дереве 69.) Похоже, что это прием грубого художника, чтобы передать обычную кольчугу. Впервые этот пример был широко освещен на страницах "Археологического журнала", том iii. стр. 241.

Иногда, но очень редко, кольчугу изображали на монументальных статуях, просто рисуя звенья на плоской поверхности. Изображение Де Иль в Рэмптон-Черч, Кембриджшир, выгравированное Стотардом, Фото ххi., представляет собой хороший пример этого метода.

Еще одной особенностью того периода является то, что кольчуга иногда имеет поверхность такого оттенка, который, по-видимому, не соответствует защите из стали. На изображении Лонгеспи в Солсбери (гравюра на дереве №54) доспехи выкрашены в коричневый цвет. Центральная фигура на нашей гравюре на дереве № 53 одета в кольчугу с желто-желтым рисунком на белом фоне, остальные кольчуги синие. Рыцарь на гравюре на дереве № 62 имеет шоссон, оттененный красным. А в харл. рукописях 1,526 и 1,527 есть много рисунков, на которых знаки кольчуги видны на ярко-красном фоне. Представляется вероятным, однако, что такие вариации могут быть списаны на прихоть художников; как в раскраске гобелена из Байе, где ближние ноги лошадей сделаны синими, а дальние - желтыми.

Среди рыцарских изображений в церкви Темпл в Лондоне есть фигура, которая, по-видимому, требует особого внимания; доспехи на ней по моде, нигде не отмеченной. Он состоит из спинки и нагрудника, каждая из которых представляет собой единую деталь, соединенную по бокам ремешками. Поскольку скульптура выполнена из камня, без какой-либо сохранившейся живописи, конечно, невозможно определить материал, который художник хотел изобразить. Возможно, это была кожа (*cuirie*, о существовании которой мы уже упоминали); но, похоже, нет веских причин, по которым она не должна была быть железной: и если это так, то это, возможно, самый ранний пример бронежилета, образованного из "пары пластин большого размера".[349], который может предложить Европа. Изображение, о котором идет речь, находится в юго-восточном углу группы в Круглой церкви.

Примерно в начале XIII века вошло в обиход военное облачение. Первым английским монархом, который на своей Большой Печати появляется в этом одеянии, является король Джон: 1199-1216. (Смотрите нашу гравюру на дереве, №52.) Печать дофина Людовика, соперника Иоанна, (приложена к Харлианской хартии, 43, Б. 37, датирована 1216 годом) также имеет это название. Самый ранний шотландский король, носивший сюрко, - Александр Второй: 1214-1249: прекрасный оттиск его печати приложен к Хлопковой хартии, XIX. 2. Авторы с богатым воображением утверждали, что эта одежда впервые была использована крестоносцами, чтобы смягчить дискомфорт от металлической кольчуги, "которая так часто нагревается под сирийским солнцем". Современные власти, однако, прямо говорят нам, что его целью было защитить доспехи от влаги:—

"Тогда секс или атте[350] по утверждению
, что армут живы и продолжают жить

С шарпе вепуном и шене,
Гаем гауном гренским,
Чтобы удержать тайре армур клен
И были[351] хитте с запада".
Признание короля Артера, строфа 39.

Сюртук был двух основных видов: без рукавов. Последний встречается только во второй половине века.

Накидки без рукавов бывают разной длины: иногда едва прикрывают кольчугу, иногда доходят до пят. Как короткие, так и длинные можно увидеть на протяжении всего века. Длинный рисунок изображен на королевских печатях, замеченных выше. И на печати Де Квинси, около 1250 г. (гравюра на дереве, №87); на скульптуре из Хасли, ок. 1250 г. (вырезка, № 46); на латуни Д'Обернуна, 1277 г. (№55); на печати Де Трампингтона, 1289 г. (№ 73); на изображениях конца века в Эше и Нортоне (№ 59 и 70); и на статуях Де Вера и Краучбека (Стотард, Листы xxxvi. и xlii.).

Более короткий плащ встречается на изображении Лонгеспи, ум. 1226 (гравюра на дереве, №54); рыцарь в Уитворте, ок. 1250 (Стотард, стр. xxiv); фигуры из Расписной палаты и "Жизни двух Оффов" (гравюры на дереве, № 80 и 86); рыцарь во Флоренции, 1289 (гравюра № 58); Де Валенс в Вестминстерском аббатстве (Стотард, стр. . xlv.); и наши гравюры, №47, 56, 63, 64 и 68: последние названные примеры относятся к концу века.

Плащ либо однородного оттенка, либо с пеленкой, либо с геральдическим изображением. Вероятно, на некоторых ранних скульптурных изображениях плащ, ныне простой, имел гербовые элементы, выраженные росписью, которая со временем стерлась. Гербовый плащ был необходимым результатом ношения шлема с забралом, ибо когда забрало было закрыто, уже невозможно было отличить короля от подданного, лидера от незнакомца, товарища от врага. Аналогичное неудобство уже было обнаружено в носовом шлеме. На поле битвы при Гастингсе герцогу Уильяму пришлось снять полосу с лица, чтобы убедить своих сторонников в том, что он все еще жив. Фигура Лонгеспей в Солсбери, ок. 1226 г., до сих пор представляет собой часть геральдического убранства сюрко. И это снова встречается на статуе Де л'Иля в Рэмптоне, около 1250 года (Стотард, стр. xx.). Изображения Расписной палаты предлагают множество примеров. (Смотрите нашу гравюру на дереве, № 86.) Смотрите также наши гравюры № 58 и 62. Изображение Уильяма де Валенса в Вестминстерском аббатстве, около 1296 года, представляет собой любопытное разнообразие этого одеяния: оно украшено гербовыми щитками, на каждом из которых изображен герб его дома. Аналогичное расположение видно на одном из рисунков Раскрашенной камеры (фото vi.)

Рыцарский плащ того времени имел разрезы спереди и сзади для удобства верховой езды. Странное отклонение от этого стиля одежды можно найти на рисунке в Констанцском соборе, около 1220 года; где часть передней части проходит под мышками, перекрывает часть, свисающую с плеч сзади, а затем застегивается сзади. Смотрите работу Хефнера, стр. iv части первой

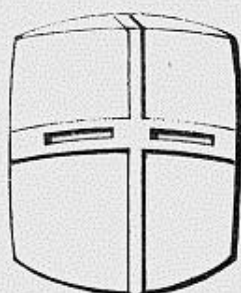
Иногда плащ имеет декоративный край бахромы; как на латунных изделиях Д'Обер-Нуна, 1277 г., и Де Бюреса, 1302 г. (гравюра на дереве, №55, и Уоллера, Стр. ii.). В некоторых случаях, как на

фигуре церкви Темпл, выгравированной Стотаром, стр. хv., одеяние имеет жесткий вид на плечах, что, как было принято, указывает на усиление плаща в этой части. Но такое же обращение наблюдается и с эмалированным изображением Иоанна, сына Людовика Святого, в Сен-Дени; где одеяние является частью гражданского платья (Виллемин, том i, стр. хсі., и "Памятники Сен-Дени" Гильерми, стр. 164). Накидка иногда свободно свисает, как на нашей гравюре на дереве, № 86; но обычно она подпоясывается на талии шнуром или ремешком. Шнур можно увидеть на медных изделиях сэра Джона Д'Обер-Нуна и сэра Роджера де Трампингтона; ремешок с длинным свисающим концом - на изображениях в церкви Эш, церкви Нортон и церкви Сент-Брайд (наши гравюры на дереве, №55, 73, 59, 70 и 74). Группа из Add. MS. 17,687 приводит еще несколько примеров (вырезано, № 63). Редко, сюркот изготавливается с "фенте" у горла и скрепляется малоберцовой костью. Изображение в церкви Темпл демонстрирует это устройство. (Холлис, Глава ii.)

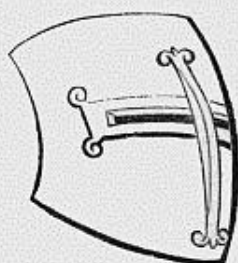
Накидка с рукавами, как мы уже заметили, вошла в обиход только во второй половине тринадцатого века. Она часто встречается на картинах Расписной палаты. Хорошим примером может служить изображение в Нортоне, Дарем (наша гравюра на дереве, №70); и очень похожие можно найти в статуе лорда Фитц-Алана в Бедейле, Йоркшир, (гравировка Холлиса, Стр. iv., и в памятниках Блора) и храмовой скульптуре (Стотард, стр. xxxviii.). Рыцарская фигура на нашей гравюре на дереве №56 отличается разнообразием, поскольку рукава "разрезаны". Изображения шурландской статуи (Стотхард, стр. xli) разделены под мышкой и скреплены завязками.



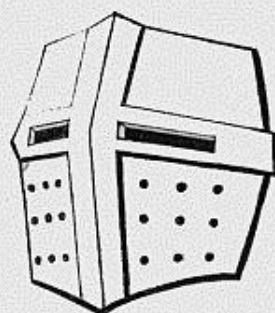
Табличка LXX.



1



2



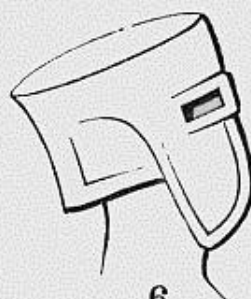
3



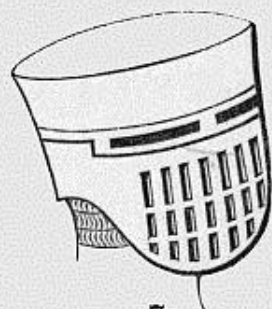
4



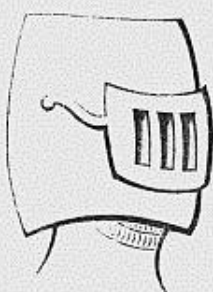
5



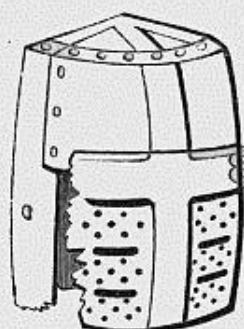
6



7



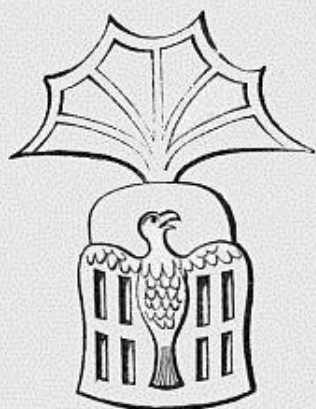
8



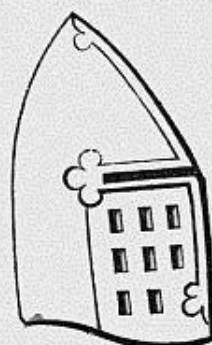
9



10



11



12

Табличка LXXI.

Шлемы XIII века, хотя и дают много отличий при сравнении конкретных примеров, все же могут быть легко отнесены к различным классам. Первое разделение, которое напрашивается само собой, - это Шлем (большая, тесная каска рыцаря) и Каска, защита, как указывает само слово, уменьшенной полноты. Руль снова следует разделить на два основных вида: тот, в котором все образующие его пластины склепаны вместе, образуя единое целое; и тот, у которого передняя часть снабжена подвижным вентиляционным отверстием. Последовательные изменения моды привели к дальнейшему разделению шлемов, придав им плоскую, круглую форму и форму "сахарной головы". Шлемы могут быть классифицированы как полусферические, цилиндрические, конические, с широкой оправой (форма петаса) и носовые. Помимо этого, существуют некоторые разновидности своеобразной конструкции, которые можно лучше заметить после рассмотрения более общих форм.

Слово "Шлем" у северных народов означало просто какое-либо покрытие: *шлемом* англосаксов была маленькая шапочка, которую носил солдат, и мы видели много примеров этого в наших предыдущих исследованиях. Но с конца XII века, когда в обиход вошла большая каска, закрывающая всю голову, подобная той, что изображена на второй печати короля Ричарда, термин шлем или хеом был ограничен этим новым видом головного убора.

Шлем с плоским верхом, образующий единую конструкцию, обычно появляется в одном из следующих вариантов. I. Цилиндр с полосами спереди, образующими крест, и иногда подобными полосами, пересекающимися на слегка выпуклой или конической макушке; две горизонтальные щели для обзора, но без отверстий для дыхания. Примеры встречаются в нашей гравюре на дереве под номером 71, рис. 1, со статуи Хью Фитц-Эдо в Киркстедской часовне, Линкольншир; в шахматном коне (гравюра на дереве 57); в изображении Уитворта (Стотард, стр. xxiv); в резьбе по своду пресвитерия Вустерского собора (гравюра на дереве 71, рис. 2); все это в начале века: и в группах Расписной палаты. II. Цилиндр с поперечными полосами, как и раньше, но, в дополнение к окулярию, имеющий отверстия для дыхания. Этот вид виден на нашей гравюре на дереве 71, рис. 3, из *Трахтена* Хефнера; на изображении Уолкерна (Холлис, Pt. i.); на скульптурах перед собором Уэллса, около 1225 г.; на миниатюрах из жизни Оффов (Кот. Ср., Неро, Д.и.н.); и на печати Хьюго де Вера, графа Оксфорда (гравюра на дереве 71, рис. 4). III. Цилиндр с окулярием и дыхательными отверстиями, но без поперечных полос: гравюра на дереве 71, рис. 5, с очень любопытного рисунка на листе 27 Харл. MS. 3244, датированного примерно 1250 годом. IV. У этой разновидности передняя часть закруглена снизу, имеет окулярий, но не имеет дыхательных отверстий: гравюра на дереве 71, рис. 6, с печати Александра II Шотландского, 1214-1249 гг. (Котт. Хартия, XIX. 2); и сравните печать Людовика Дофина, около 1216 г. V. Этот вид напоминает последний, за исключением того, что он снабжен отверстиями для дыхания. Хорошим примером является печать Роберта Фитц-Уолтера второй половины века: гравюра на дереве 71, рис. 7.

Мы должны также отметить разницу, существующую между этими шлемами в плане орнамента. Некоторые из них совершенно простые; как на наших гравюрах на дереве 57 и 71, а также на изображении Уитворта (Стотхард, стр. xxiv); другие изобилуют орнаментом, как на рыцарской фигуре из Роя. CP. 2, A. xxii. (гравюра на дереве, № 62). Термин "цилиндрический", который был применен к ним, не всегда следует понимать буквально. На гравюре на дереве №57 мы имеем настоящий цилиндр; но в других случаях шлем раздувается по бокам, принимая форму

"бочонка", как на второй печати Генриха III. (гравюра на дереве 81); или, если смотреть в профиль, сзади видна вогнутая линия, как на печати Де Квинчи (гравюра на дереве, № 87), или, что более поразительно, на примере в Вустере (гравюра на дереве, 71, рис. 2).

Шлем надевался поверх кольчужного убора. Резьба по слоновой кости, выгравированная в шестнадцатом томе *Археологии*, служит прекрасной иллюстрацией этого употребления; рыцарь изображен там в процессе снятия шлема с головы, вооруженный в *майской прическе*.

Цилиндрический шлем с плоским верхом и подвижным вентайлем появляется примерно в середине века. Хорошим примером может служить фигура Фердинанда, короля Кастилии, в окнах Шартрского собора. Он умер в 1252 году: памятник выгравирован Виллемином, том i, стр. xcvi.: шлем изображен на рис. 8 из нашего отрезка 71. Настоящий шлем такого типа есть в коллекции Tower: вентиляционный люк открывается с помощью боковых петель (см. *Archæol. Journal*, vol. viii., стр. 420, и наша гравюра на дереве 71, рис. 9). Он полностью сделан из железа и весит 13 фунтов 8 унций. И не лишено смысла отметить, что гораздо более поздний шлем с клювообразным забралом, характерным для конца четырнадцатого века, также находящийся в Лондонском Тауэре, отличается по весу от приведенного выше примера всего на четыре унции. (*Археол. Журнал*, том ix., стр. 93.) Подвижная решетка, по-видимому, изображена также на второй печати Генриха III и на печати Эдуарда I. (гравюры на дереве, № 81 и 85).

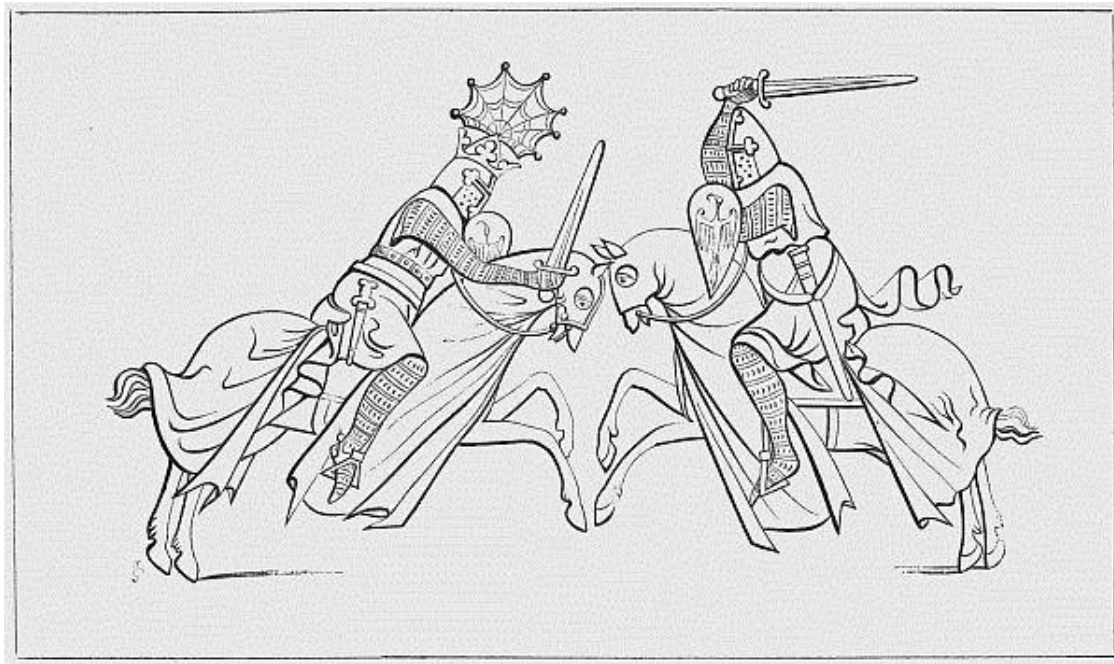
Примерно в 1270 году шлем с круглым навершием вошел в моду: не полностью, однако, исключая старую моду, примеры которой встречаются до конца этого столетия и даже в течение части следующего. Смотрите нашу табличку lxxi., рис. 10, из Cotton Roll, xv. 7. Печать Патрика Данбара, десятого графа Марча, представляет собой еще одну хорошую иллюстрацию шлема с круглой короной: выгравирована в книге Лэйнга "Древние шотландские печати", стр. 54. У него, как и раньше, подвижная вентиляционная труба с отверстиями для зрения и дыхания. Другие примеры встречаются в группах "Раскрашенная камера" и "Жизнь потомства". Очень любопытная разновидность этого типа представлена на печати Людовика Савойского, 1294 г., где жерло имеет форму орла, а между перьями крыльев проделаны щели для обзора и доступа воздуха. (Рисунок Сибрарио на *Сигиллах Принципов Савойи*, стр. XXX., и на нашей гравюре на дереве, № 71, рис. 11.)

Примерно в 1280 году шлем приобретает форму "сахарной головы" с полосами, образующими крест спереди. Смотрите гравюру на дереве, № 71, рис. 12, из Roy. MS. 20, D. i.; и медь сэра Роджера де Трампингтона, 1289 г. (гравюра на дереве, № 73). Следует заметить, что этот вид хиома продолжается так низко, что опирается на плечи.

Не исключено, что некоторые из этих шлемов были изготовлены частично из кожи. Ранний шлем, сделанный из кирасы с железными полосами, изображен Хефнером (*Трахтен*, Часть ii., Стр. lxxviii.); а для Виндзорского турнира 1278 года были предоставлены "xxxviii. galee de coř."

Шлем крепился шнурками. В романе о Персивале герой

"Prant ses armes et s'aparoille:
Sans atargier le haubert vest,
L'iaume lace sans nul arest," &c.—*Fol.* 237.

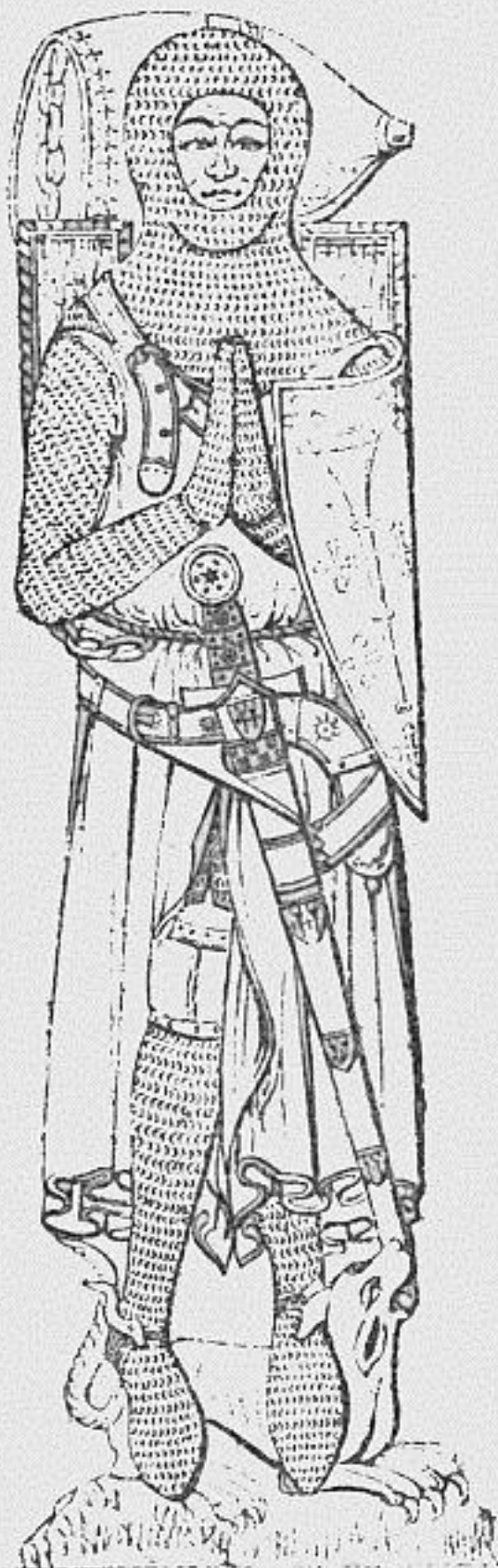


Табличка LXXII.

Эти шнурки очень четко показаны на наших гравюрах, № 47 и 62; из Roy. MSS., 20, D. i. и 2, A. xxii.

Чтобы вернуть шлем, если он был сбит *всхватке*, его прикрепляли цепью к какой-либо части снаряжения рыцаря. Медальон сэра Роджера де Трампингтона (вырезанный, № 73) служит нам иллюстрацией. И это употребление замечено в Романе о *Турнуа де Шовеней*, написанном около 1285 года:—

"Chescun son hiaume en sa chaaine,
Qui de bons cous attent l'estraîne."
Vers 3,583.



№ 73.

Гребни часто встречаются на шлеме в конце этого столетия; но они не того отличительного вида, состоящего из львов, грифонов, орлов, крыльев, топоров и так далее, которые появляются в такой разнообразии в следующую эпоху. Они просто имеют форму веера. Печать Де Квинчи, действительно, кажется доказательством обратного, и ее часто описывают как образец шлема начала XIII века с изображением виверны вместо герба (гравюра на дереве, № 87). Но виверна в верхней части этой печати, по-видимому, помещена там только для того, чтобы заполнить пространство между буквами, и принадлежит легенде, а не изображению; точно так же, как мы видим цветок, занимающий пространство под ногами льва, и на лицевой стороне печати виверна заполняет пустоту под лошастью и под корпусом. Геральдические знаки действительно присутствуют на шлемах нескольких фигур, датируемых до 1300 года. Но они являются частью самого головного убора: они не венчают его. На шлеме Ричарда Первого изображен лев, но это фигура, выбитая или нарисованная на части шлема. Хорошо известное изображение Плантагенета (Стотард, Стр. ii.) является аналогичным примером. Памятник Ле Ботильеру в Сент-Брайде, Гламорганшир, (гравюра на дереве, № 74) дает другой пример: и в любопытном шлеме Людовика Савойского (гравюра на дереве, 71, рис. 11) у нас есть геральдический орел, образующий *козырек* шлема, в то время как герб состоит из обычного веерного орнамента. Этот веер мы уже видели на шлеме Ричарда I., но во всеобщее употребление он вошел только в конце XIII века. Смотрите примеры на наших гравюрах на дереве, № 71 и 72. Другие примеры можно найти в "Шотландских тюленях" Лэйнга, стр. 54; в "Жизнях оффов", Котт. Ср., Неро, Д. и.н.; и в большом количестве среди миниатюр Роя. ср. 20, Д. и.н., где они прикреплены к головам лошадей, а также к шлемам. На Виндзорском турнире в 1278 году также были предоставлены гербы как для человека, так и для лошади:—

"Это квалибет галеа дж. креста }

Это квалибет экво дж. креста } См. lxxvi. Герб".

А для изготовления этих гребней использовались телячья кожа и пергамент:

"lxxvi. pell' vitul' p crešt faciend' p'c pell' iij. d."

"Īt p qualibet cresta j. pell' parcameñ rud'. См. lxxvi. укажите 'rud' pcameni[352]."

Иногда вместо украшения веера используются перья. Плюмаж из семи павлиньих перьев венчает увенчанный короной шлем на листе 205 Роя. MS. 20, D. i.; и аналогичные примеры встречаются на ff. 60^{vo}. и 239^{vo}. той же рукописи. Сравните и добавьте. MS. 15,268: обе эти книги относятся к концу века.



Табличка LXXIV.

Еще одним любопытным дополнением к рыцарскому шлему того времени были рога, сделанные, как мы узнаем от Гийома ле Бретона, из китового уса и предназначенные для того, чтобы внушать ужас гигантским видом владельца. Граф Булонский в битве при Бовине в 1214 году применяет этот прием:

"Cornua conus agit, superasque eduxit in auras,
E costis assumpta nigris quas faucis in antro
Branchia balenæ Britici colit incola ponti:
Ut qui magnus erat magnæ super addita moli
Majorem faceret phantastica pompa videri."
Филипп., библиотека xi. 322.

Королевские шлемы окружены короной, как это видно на печатях Генриха III. и Эдуард I Английский (гравюры на дереве, №79, 81 и 85); но на капелле короля Иоанна такого орнамента нет. Смотрите также нашу гравюру под № 72. Корона иногда помещается на кольчужный колпак: как на листе 7 "Жизнеописаний Оффов" (гравюра на дереве, №80), так и на изображениях Расписной палаты.



№ 75.

Что касается шлемов меньшего размера, или шапель—де-фер, то мы уже заметили, что некоторые из них надевались под майонскую шапочку. Другие располагались над ним или образовывали из себя всю опору головы. Они бывают цилиндрическими, полусферическими, коническими, с широким ободком и носообразными. Первое название встречается на нашей гравюре на дереве, №53, с харл. MS. 5,102, начала века. Он встречается также на печати Святого Людовика и на изображении в церкви Темпл, выполненном Стотардом, стр. х. Округлый шлем встречается на печати короля Иоанна (гравюра на дереве 52); на нашей гравюре № 53, из Харл. MS. 5,102, начало века; и в № 49 и 74, оба памятника конца этого периода. Это в изобилии встречается в Рой. ср. 20, Д. и.н., и в группах Расписной палаты. Коническая часовня видна на нашей гравюре под номером 58; она встречается также на Харл. рукописи 1527, а также в Расписной комнате и Жизнеописаниях Оффов. Шлем с широкой оправой встречается на протяжении всего этого столетия. Ранний пример представлен на нашей гравюре, №50, с Харл. MS. 4751. Приведенная здесь цифра взята из Add. MS. 11 639, fol. 520; конца века. Он изображает Голиафа, и шлем раскрашен таким образом: корона - железного цвета; обод и гребень - золотые. Книга на иврите, но считается, что она была написана в Германии. Смотрите также нашу гравюру на дереве, № 49, из доп. рукописи 15,268; и табличку Хефнера v.; и изображения Расписной комнаты. Хороший пример скульптуры можно найти в галерее северного придела часовни Пресвятой Богородицы в Вустерском соборе. На рулоне хлопка, xv. 7, разновидность этого головного убора имеет вертикальный шип наверху. В "Археологическом журнале", т. viii. стр. 319, выгравировано рыцарское изображение, на котором широкая и заостренная железная шляпа надета поверх тесной пластинчатой черепной коробки, к которой прикреплен кольчужный колпак. Носовой шлем бывает трех разновидностей: цилиндрический, с круглым верхом и конический. Первое встречается на монументальном изображении Рауля Де Бомона в аббатстве Эстиваль, основанном им в 1210 году. (Коллекции Керриха, Доп. СР. 6728.) Полусферическая фигура появляется в "Жизнеописаниях оффы" и "Расписной камере", а также на фото xxxiii. работы Хефнера. Заостренная корона находится среди предметов Расписной Палаты, примером чего является приведенное ниже изображение. Смотрите также нашу гравюру на дереве, № 82.



№ 76.

Помимо вышеперечисленных, которые являются обычными типами шлемов, найденных в тринадцатом веке, существуют некоторые разновидности случайного появления. Среди них

можно упомянуть шлем с открытым лицом из храмового изображения, изображенного Стотардом, стр. xv. В этом любопытном примере вся голова выше шеи защищена каким-то жестким материалом (металлом или кирасиром?) и окружена лентой или тюрбаном. Другой необычный головной убор встречается на листе 7 "ЖизнеописанийОффаса" (гравюра на дереве, № 80); там кольчужный колпак спереди прикрыт пластиной с отверстиями для обзора и дыхания и укреплен поперечными полосами, которые уже можно увидеть на рыцарском уборе. Шлемы, состоящие из металлического каркаса, покрывающего кожаный колпак, похожие на защиту, замеченную в более ранний период (см. стр.69), по-видимому, использовались в этом столетии. Хефнер изобразил металлическую часть настоящей, найденной на острове Негропонт, которую он относит к этому периоду (*Трахтен*, стр. lxiii.) Он очень похож на бронзовый образец, обнаруженный в Лекхэмптоне (гравюра на дереве 18), состоящий из обруча, от которого отходят две металлические дуги, пересекающиеся на макушке. Из сходных смешанных материалов, по-видимому, сделаны шлемы, изображенные в группах Расписных залов, где оправа золотого цвета окружает шапочку малинового или пурпурного цвета (фото xxxv. и xxxvi.). И сравните нашу гравюру на дереве, № 82, также из Расписной камеры, в которой рамка головного убора окрашена в железный цвет, в то время как закрытая часть окрашена в желтый.

Люлька и Сервелон названы в документах того времени, но, похоже, это не что иное, как уже замеченная тубетейка с круглым верхом.

Люлька упоминается в завещании Одо де Россильона в 1298 году, цитируемом Дюканжем[353]; памятник, еще более любопытный, поскольку дает нам подробную информацию о рыцарском снаряжении в те дни:—

"То, что мы делаем с *lego domino Petro de Monte Ancelini*, предсказывает столетие весов и единую интегральную схему Арматуры *meis*, показывает, что я живу в виссере, что я бассинетум, что я порпункт чендалло, что я годбертум"[354], *теат горгретам*, *меас букулас*[355], *меас годичетум*, *меас трумультер*[356] *д'Асье*, *меос куисселлос*, *меос шантонес*[357], *теит магнум сутеллум* и мой ансамбль парвам".

Люлька с *прикрепленным* не является характерной чертой этого века, хотя, возможно, можно найти отдельные примеры. Рыцарское изображение в Ашингтоне, Сомерсетшир, на которое мы уже обращали внимание, похоже на одно из таких: кольчужный колпак прикреплен к пластинчатому колпаку с помощью заклепок. (Археол. Journ., vol. viii. с. 319.) Следует отметить, что на этом очень ценном памятнике, Изображениях Расписной комнаты, пластинчатые черепные коробки во многих случаях расположены на кольчугах таким образом, чтобы очень ясно показать, что две защиты совершенно различны.

Гиар в "*Метрической хронике*" часто использует название *сервельер*:—

"*Sus hyaumes et sus cervelières*
Prennent plommées à descendre
Et hachètes pour tout porfendre."—*Line* 1912.

"*Aucuns d'entr'eus testes desnuent*
De hyaumes et de cervelières."—*Line* 5267.

"Hauberjons et cervelières,
Gantlez, tacles et gorgières."—*Line* 5467.

В *Chronicon Nonantulanum* рассказывается забавная история об изобретении сервелона Майклом Скотом, "Астрологом Фридерика Императорского семейства". Предвидя, что он встретит свою смерть от падения камня весом в две унции ему на голову, он смастерил шапку (*infulam*) из листового железа. Но однажды, находясь на мессе, во время возвышения хозяина, он благоговейно приподнял свою шапку, когда ему на голову упал маленький камешек и нанес легкую рану. Взвесив камень, он обнаружил, что в нем ровно две унции; а затем, зная, что его судьба предрешена, он устроил свои мирские дела и умер.

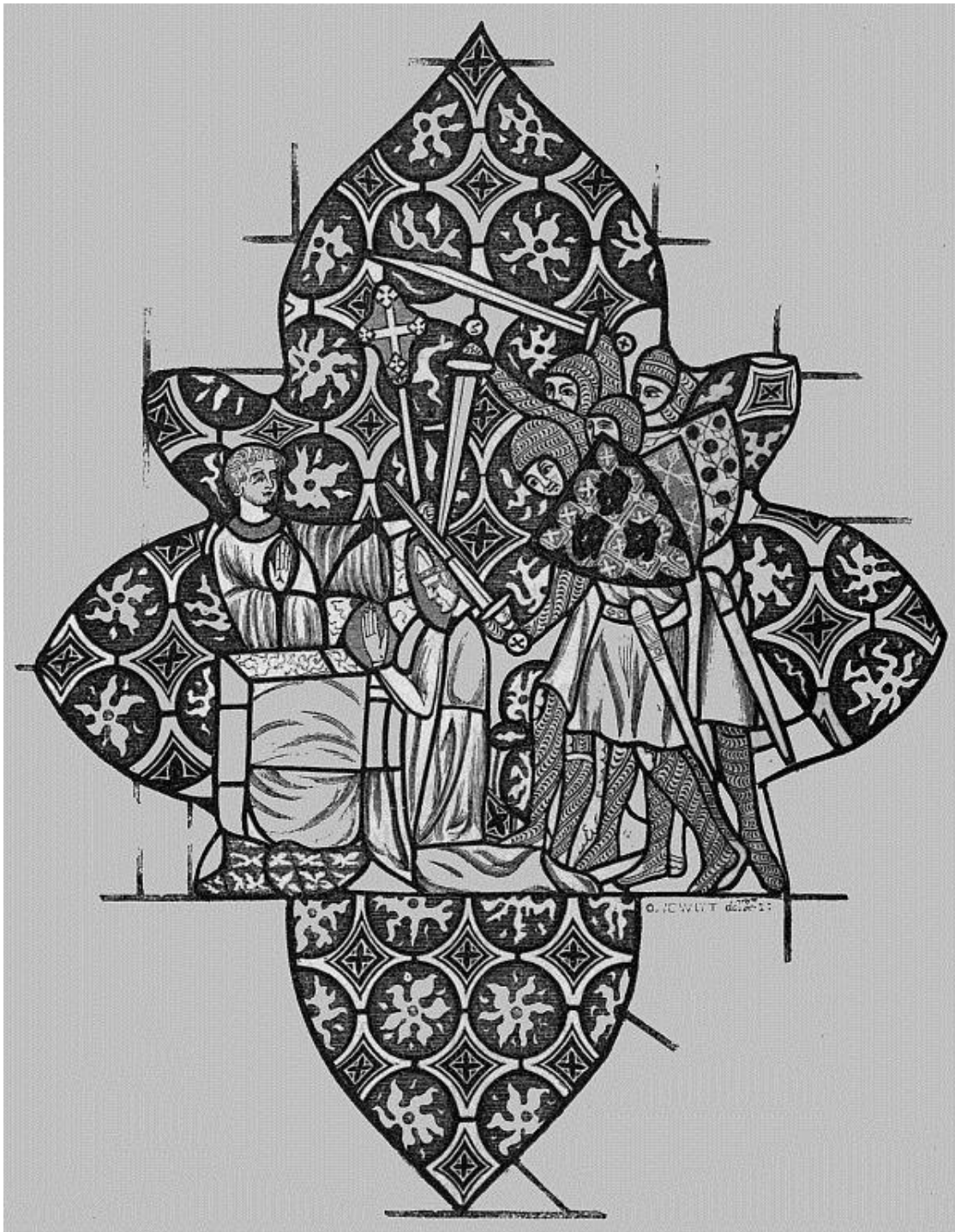
Из рукописного собрания "Пословиц" XIII века, хранящегося в Императорской библиотеке в Париже и цитируемого Ле Гран д'Осси в "*Личной жизни Франсуа*"^[358], мы узнаем, что "Дом де Пуатье" получил наивысшую степень одобрения.

Обычным щитом того периода был треугольный: его размеры уменьшались по мере продвижения столетия. Он был изогнутым или плоским. Другими мишенями этого времени являются воздушные змеи, грушевидные, сердцевидные, круглые, четырехугольные, а также щит, угловой вверху и закругленный внизу.

Треугольный изогнутый щит появляется на наших гравюрах № 52, 53, 57 и 87; все это ранние образцы. Более поздние экземпляры встречаются в печати Эдуарда I. (№ 85) и нашей гравюре на дереве, № 75, от Add. MS. 11,639. Плоский треугольный щит встречается на очень любопытном рисунке на листе 27 Харл. рукописи 3244, около 1250 г.; на медной работе сэра Джона Д'Обер-Нуна 1277 г. (гравюра на дереве, № 55); на росписи по стеклу в Оксфордском соборе (гравюра на дереве, № 77); и на изображении Ле Ботильера (гравюра на дереве, № 74): двух последних памятниках конца века. Смотрите также Расписную камеру, фото xxxvi. Можно заметить, что щит Д'Обер-Нуна на удивление мал. Изображения Краучбека и Уильяма де Валенса на их могилах едва ли больше. (Стотхард, стр. xliii. и xliv.) Щит в форме воздушного змея очень часто встречается в Roy. MS. 20, D. i.; предмет, с которого, с такой формой мишени, приведен на нашей гравюре на дереве, № 72. Это встречается также в Харл. ср. 1527 и на табличке xxxvi Расписной палаты. Эта форма, как и предыдущая, иногда изогнутая, а иногда плоская. Грушевидная разновидность встречается на печати Сэра де Квинчи, 1210-19 гг., выгравированной на Древних шотландских печатях Лэйнга, стр. xi.; и на печати Джона де Меткила, ок. 1220 г. (Лэйнг, стр. vii. рис. 3). Другой шотландский тюлень дарит нам щит в форме сердца, редкий и ранний образец (Лэйнг, рис. 11, рис. x). Круглая мишень, поддерживаемая своим наконечником, появляется в группе бойцов на Харл. стр. 1527; снова в изображении Малверна (Стотхард, стр. xix); в "Жизнях оффы"; и среди изображений Расписной комнаты. Четырехугольный изогнутый щит изображен на нашей гравюре на дереве под номером 88 из Тауэрского свитка в память о сражении в царствование Генриха III. Щит, выполненный угловатым сверху и закругленным снизу, можно найти на табличке xxxi. Расписной палаты, и он снова встречается на печати хартии Мелроса 1285 года, выгравированной на странице 30 "Шотландских печатей" Лэйнга. Едва ли нужно говорить, что типы, которые мы пытались различить, будут несколько различаться в конкретных примерах: описывать каждую модификацию обнаруженных нами общих форм было бы утомительной и бесполезной задачей.

Босс все еще присутствует на некоторых щитах этого времени, хотя и редко. Это встречается на наших гравюрах на дереве, № 75 и 88, а также на листе 4 "Жизнеописаний оффов". Энармы, или ремни, с помощью которых рыцарь поддерживал свой щит в бою, хорошо показаны на изображении Де Шурланда (Стотард, стр. xli.), а некоторые дополнительные иллюстрации можно найти на статуях Де Вера в Хэтфилд-Бродоук, Эссекс, и Брайана Фиц-Алана в Бедейле, Йоркшир. Сравните также лист 4 "Жизнеописаний"Оффы и табличку xxxviii. "Расписная комната". Перевязь, или ремень, на котором щит вешался на шею, является обычным дополнением к этой защите на протяжении всего столетия и иногда носит весьма обогащенный характер. Многие из наших гравюр на дереве демонстрируют способ его использования.

Из отрывка "Анкренского щита", недавно напечатанного Кэмденским обществом, с рукописи XIII века, мы узнаем, что материалами для изготовления щита в то время были "дерево, кожа и роспись". (стр. 393) Эти ингредиенты часто появляются в реальных объектах более позднего времени, которые были спасены от разрушения в прошедшие столетия.



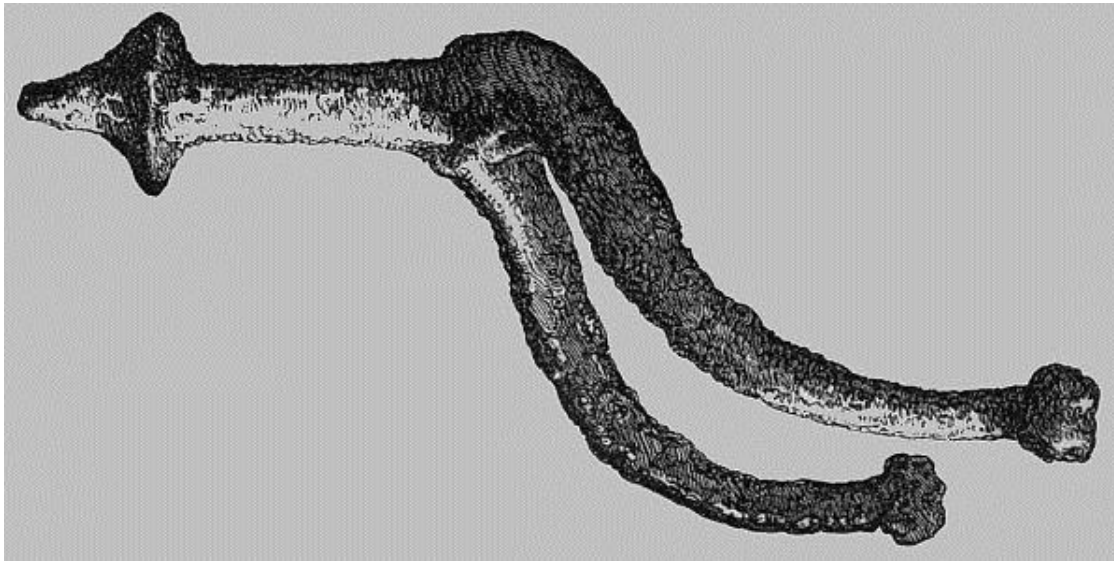
№ 77.

Гербовые опоры являются обычным украшением рыцарского щита на протяжении всего этого периода; и иногда поле было богато украшено, как в этом примере из окна северного трансепта Оксфордского собора. Сравните памятник Де Вере в Хэтфилде (Стотард, стр. xxxvi). Там, где геральдических знаков нет, их место обычно занимает "узор": крест, розетка, звезда, лад или какой-нибудь подобный простой орнамент. В других случаях лицевая сторона щита окрашена в один цвет. На изображениях, размещенных над могилами рыцарей, щит обычно изображается несомым на руке. Фигура Уильяма де Валенса в Вестминстерском аббатстве перекинута через

бедро; такое расположение часто используется во французских памятниках, а иногда и в памятниках других континентальных стран.

Другим континентальным обычаем, которому иногда подражают наши соотечественники, было украшение стен банкетного зала по торжественным случаям щитами выдающихся героев. Когда в 1254 году английский король принимал французского монарха в Темпле в Париже, "пир был дан, - говорит Мэтью Пэрис, - в большом зале Темпла, где, согласно *континентальному обычаю*, было развешено столько корзин, сколько могли вместить четыре стены". Среди прочих был замечен щит Ричарда, короля Англии, по поводу которого один остроумный человек, присутствовавший при этом, сказал королю Генриху: "Почему, милорд, вы пригласили французов отобедать с вами в этом доме? Смотрите, вот щит благородного английского короля Ричарда! ваши гости не смогут есть без страха и трепета[359]."

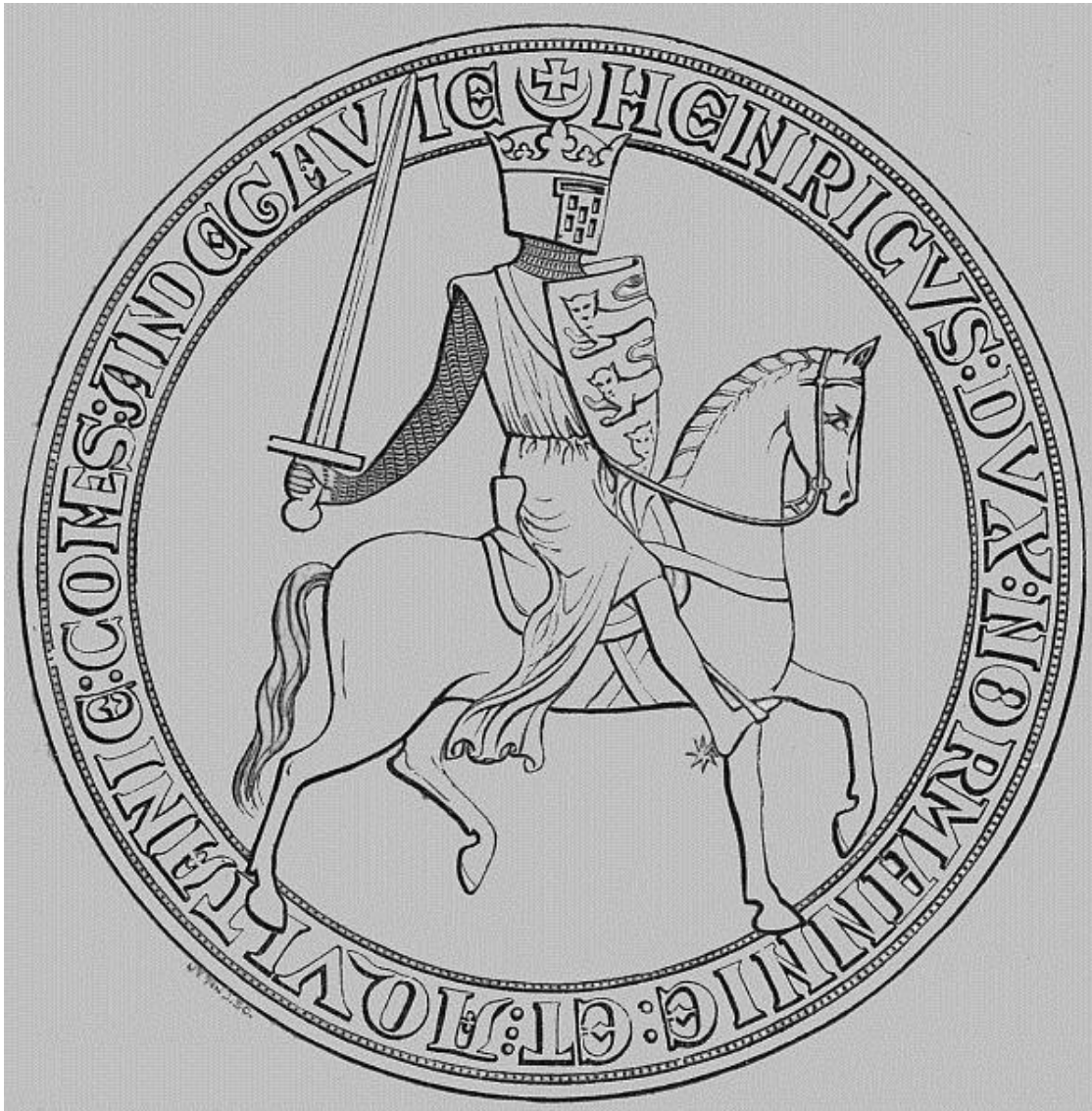
Из уже цитировавшегося любопытного тома "*Правило Анкрена*" мы узнаем, что после кончины храброго рыцаря его щит был водружен на стены церкви в честь его доблестных подвигов.



№ 78.

Шпора этого века бывает трех видов: простая, с шариком и шипом и гребенка. Шпора иногда прямая, иногда изогнутая. Прямой шип виден на этом примере железной шпоры, найденной на церковном дворе Честерфорда, Кембриджшир, и ныне хранящейся в коллекции достопочтенного Дж. Ричард Невилл. Сравните наши гравюры №58 и 85. Изогнутый стержень встречается на гравюрах на дереве 55 и 73. На наших гравюрах под номерами 62, 72 и 81 изображен шар с шипами, примеры которого мы уже видели на статуях Генриха II и Ричарда I. в Фонтевро. Гребневая шпора встречается лишь в одном или двух экземплярах в течение этого столетия. Он изображен на печати Генриха III, приведенной здесь; где, чтобы довести гребень до середины пятки, гравер на печати прибегнул к необычному приему - поднял поле в виде своего рода холмика, на вершине которого он изваял звездообразный гребень. См. Харлейскую хартию, 43, С. 38. Шпора роуэля снова появляется на изображении Ле Ботильера (гравюра на дереве, № 74). Это, однако, скорее характеристика четырнадцатого, чем нынешнего столетия; и, вообще говоря, само по себе его наличие должно заставить долго колебаться, прежде чем

относить памятник к более раннему периоду, даже если он должен демонстрировать все другие черты более древнего костюма. Только что названный памятник Йохану Ле Ботильеру ни в коем случае не является исключением из действия этого правила.



БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА III.

№ 79.

Хвостовик шпоры изогнут, каждый конец выполнен в виде петли для крепления ремешка. Сам ремешок одинарный, застегивается на подъеме. Смотрите Таблицы Стотарда XVII. и XXII. Из этого обычного расположения есть некоторые исключения. На изображении Де Иля, изображенном Стотаром, фото XX., внешняя ножка сплющена в виде трилистника и прикреплена к коже заклепками. На рисунке из Нортон, Дарем, (гравюра на дереве, № 70) голени заканчиваются кольцами, а для крепления шпоры к стопе используются два ремешка. И ремешки, и шпоры иногда изображаются в обогащенном виде. На листе 27 Harl. MS. 3,244

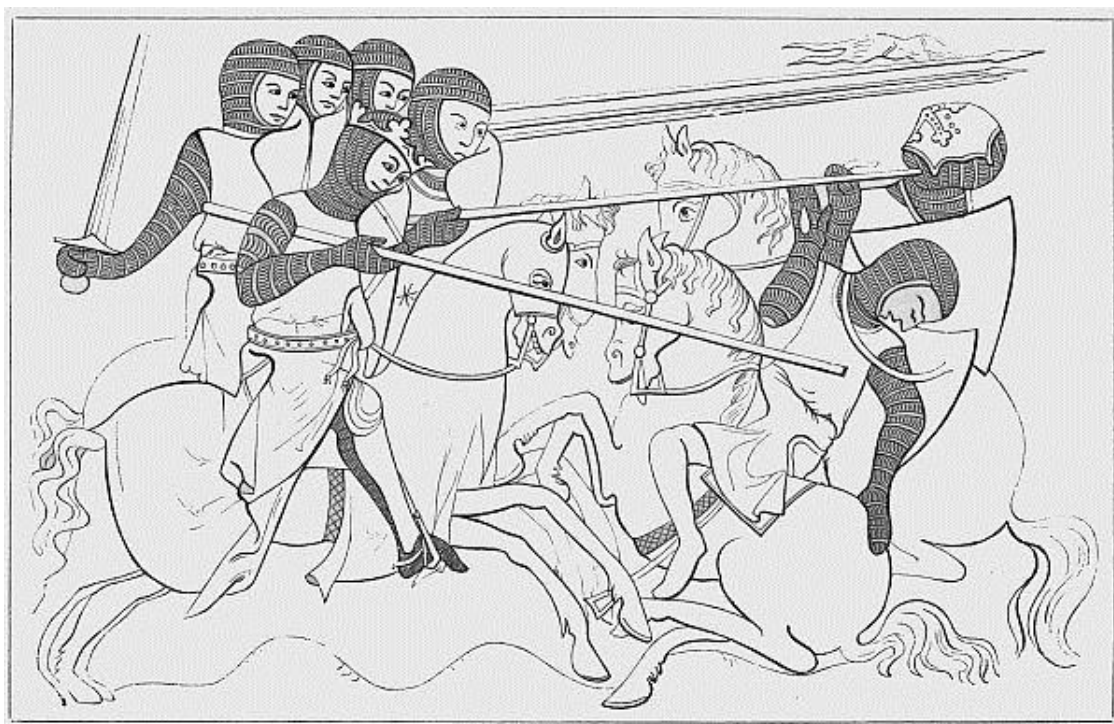
шпора украшена рядом шипов или выступов. На латуни в Эктоне, Саффолк, 1302 г. (Waller, Pt. ii.) узор состоит из розеток.

Позолоченные шпоры рыцарей иногда становились трофеем победы, как в случае с битвой при Куртре в 1302 году. По словам Фруассара, более пятисот пар были подвешены в часовне церкви Богородицы в Куртре: "И эти люди избегают жадеитства сеньоров Франции, избегают смерти в доме Батая; и этот справедливый путь из Куртре к ним, к триумфальной арке, к великой церемонии"[360]."

Бороду в этом столетии, по-видимому, обычно носили только пожилые люди. У молодого рыцаря обычно нет ни бороды, ни усов: действительно, сарацины ставят им в упрек это закоснелое состояние западных кавалеров. Султан, как сообщает нам Мэтью Пэрис, около 1250 года, обращаясь к своим военачальникам с оружием в руках против войск Людовика Святого, воскликнул: "Что за безрассудное безумие побуждает этих людей нападать на нас и пытаться лишиться нас нашего наследства, которые населяли эту благородную страну со времен Потопа? Определенный мотив, каким бы незначительным он ни был, побуждает христиан желать земли, которую они называют Святой: но какое отношение они имеют к Египту? Поистине, они недостойны господствовать над землей, которая орошается и обогащается рекой, посланной из Рая: безбородые, стриженные мужчины, невоинственные и слабоумные, больше похожие на женщин, чем на мужчин, что за опрометчивая смелость в этом[361]!"

Чтобы узнать, как выглядели бороды того времени, посмотрите изображения королей Иоанна и Генриха III. (Стотард, Листы xi. и xxxi.) и лист xxxix. Расписной камеры.

Мода на Прическу значительно отличалась в первой и второй половине века. В обоих случаях волосы были коротко подстрижены на лбу, но в первой половине им было позволено естественным образом ниспадать на некоторую длину по бокам головы и сзади; в то время как во второй половине они были тщательно уложены в крупные локоны, которые прикрывали уши и придавали памятникам того времени ярко выраженный характер. На изображении короля Иоанна в Вустере волосы с боков обрезаны прямо чуть ниже уха. На фигуре принца Джона, сына Святого Людовика, в церкви аббатства Сен-Дени волосы естественным локоном ниспадают на шею[362]. Крупный и формальный завиток более позднего периода хорошо показан в рыцарской скульптуре из церкви Нортон в Дареме (гравюра на дереве, №70). Смотрите также статую Генриха III. (Стотард, стр. xxxi.), и серия монументальных фигур, изваянных в 1263-4 годах по приказу Людовика Святого, чтобы увековечить память его предков, погребенных в Сен-Дени. (Гильерми, стр. 218, 223, 225 и 228.)



Табличка LXXX.

Боевое копьё XIII века ничем не отличается от копья предыдущей эпохи. Древко у него все еще однородное от конца до конца, еще не выдолбленное для рукоятки, как у копья более позднего времени. Головка бывает трех форм: ромбовидная, листовидная и колючая. Ромбовидный наконечник копья является самым обычным и появляется в сопровождающей группе из "Жизней двух оффов", Котт. СР., Неро, Д. и. н., фол. 7. Смотрите также наши гравюры на дереве, № 62 и 75. Листовидная головка встречается на fol. 4 Неро, Д. и.н.; на фол. 27 Харл. ср. 3244; и на памятнике Шурланд (Стотхард, стр. xli.) Зазубренное копьё, вероятно, не считалось рыцарским оружием, но его носили солдаты низшего ранга. Во всяком случае, мы иногда находим вооруженных людей, снабженных им, как в книге Roy. MS. 20, D. i., написанной примерно в конце этого столетия. А ранее в этот период, в битве при Бовинсе в 1214 году, у нас есть любопытный отчет Ригорда, показывающий опасность, которой подверглась жизнь короля Филиппа из-за нападения солдата, вооруженного копьем подобного описания. Этот солдат императорского войска нанес удар в шею короля, обычное место для атаки, и хотя горжетка монарха не позволяла оружию нанести какую-либо рану, наконечники копья так прочно застряли между кольчугой и защитой головы, что крепкий немец смог стащить Филиппа Огюста с лошади и уложить его ничком у своих ног. Королю удалось снова подняться, но солдат держался стойко. Император, который был рядом, бросился вперед, чтобы положить конец борьбе смертью своего соперника, и все, казалось, было кончено. Галон де Монтиньи тем временем, Знаменосец короля, возвещал об опасности, грозящей его господину, беспрестанно *поднимая и опуская* Знамя над местом, где происходило это состязание. Французы были воодушевлены новыми усилиями: группа сеньоров и дворян пробилась к месту, где король сражался в неравной схватке со своими врагами: копейщик, сраженный или убитый, выпустил свою хватку: битва продолжалась, яростная, как всегда, но в количестве менее непропорциональном, чем раньше: Этьен де Лоншан, один из храбрейших французских дворян, убит рядом с королем; Пьер Тристан, другой выдающийся рыцарь, спрыгивает со своего

коня и передает его своему монарху: Гийом де Барр в этот момент подходит с подкреплением, поражает немецкое войско безудержной храбростью и обращает их триумф в разгром.

Копье иногда снабжается серпантинном, как и в прежние времена. Это видно на нашей последней гравюре (№80) из "Жизни Оффы"; и снова на гравюрах на дереве, № 55 и 62. Сравните также Харл. ср. 3,244, фол. 27 и другие группы из жизни потомков. В некоторых из этих примеров на знамени копья изображен только крест; в других оно совершенно пустое; в других, опять же, как на латуни Д'Обер-Нуна, на нем изображен явно геральдический знак.

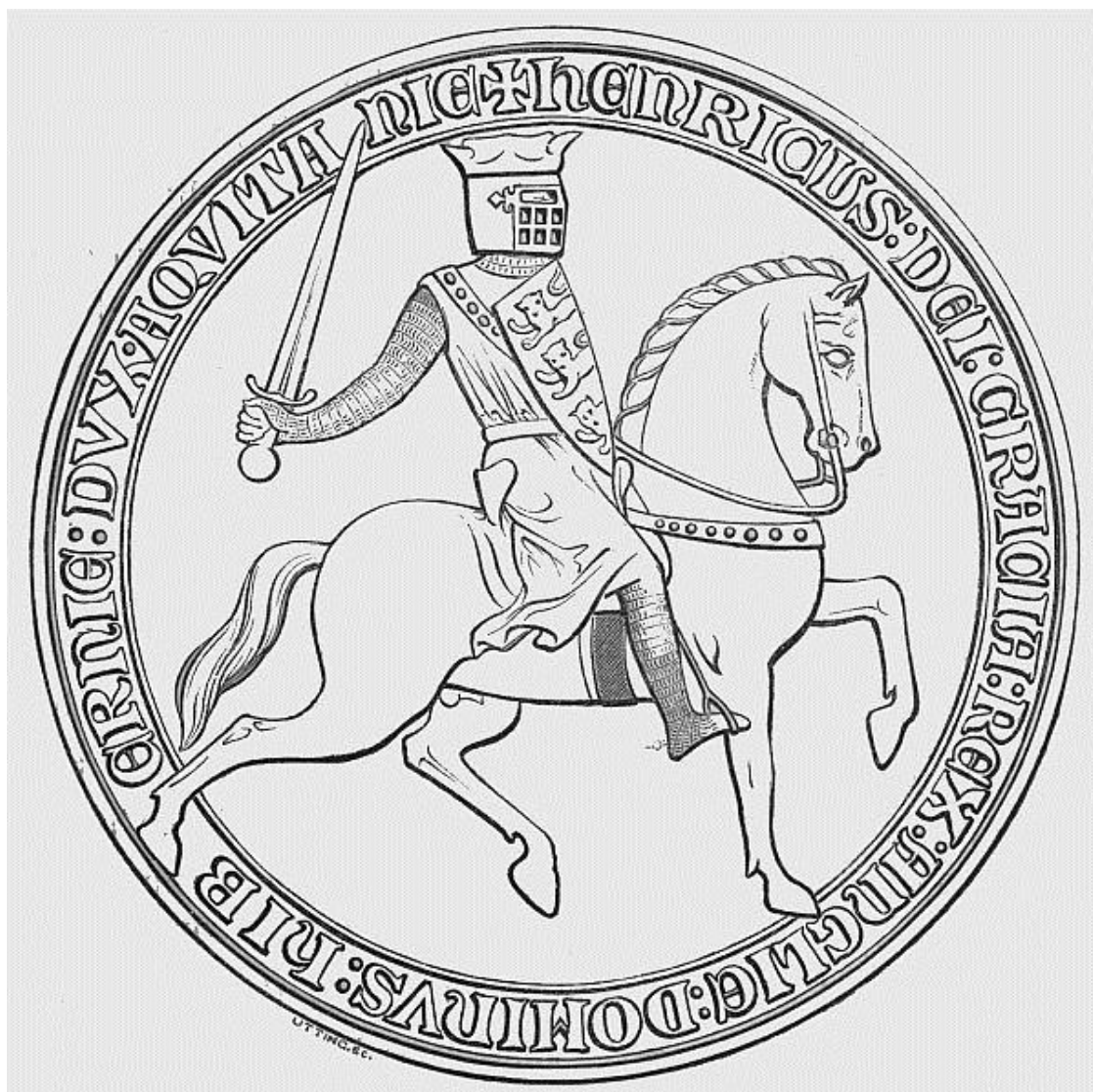
В нескольких редких случаях копье изображено на могиле рыцаря. Необходимость уменьшить его намного ниже его законных пропорций, чтобы вместить в узкие рамки надгробного памятника, послужила бы достаточным основанием для того, чтобы его вообще исключили из монументального дизайна: но не исключено, что простая мода (ибо у гробницы есть свои моды) в какой-то степени способствовала этому исключению; потому что мы находим, что королевские и рыцарские гербы, на которых раньше постоянно изображалось копье с вымпелом, теперь чаще изображают воина, вооруженного мечом. Копье найдено на латуни Д'Обер-Нуна (гравюра на дереве, №55), на скульптурном изображении рыцаря на церковном дворе Руабона в Уэльсе и на надрезанной плите в Ашингтоне, Сомерсетшир, изображенной в *Archæological Journal*, vol. viii. с. 319.

Для начала наконечник копья был затуплен и "был шириной с небольшой нож", как мы узнаем от Мэтью Пэриса в его рассказе об игре за круглым столом, состоявшейся в Валленденском аббатстве в 1252 году. Здесь один из рыцарей, Роджер де Лембурн, направил свое оружие, острие которого не было затуплено, как следовало бы, таким образом, что оно вошло под шлем его противника, Арнольда де Монтины, и пронзило ему горло; поскольку в этой части он был непокрыт и без ошейника (*carens collario*). Граф Глостерский с другими рыцарями немедленно попытался извлечь обломок копья, и когда ему удалось извлечь его деревянное древко, железный наконечник остался на месте: когда его наконец извлекли и осмотрели окружающие рыцари, оказалось, что острие очень острое, как кинжал, хотя должно было быть тупым и шириной примерно с небольшой нож. Его форма была похожа на сошник в мелком масштабе, откуда его обычно называли маленьким плугом (*vomerulus*), а по-французски - *soket*[363]. Здесь мы имеем описание двух наконечников копий, очень разных по характеру: один, предназначенный для рыцарских турниров мира, по-видимому, прототип коронеля, который впоследствии заменил его; а другой - острый инструмент, форму которого мы, возможно, узнаем среди метательного оружия *Триумфа Максимилиана*. Посмотрите, например, на группу рыцарей, вооруженных для "Курса аппеле Бунд".

Когда в битве атака была произведена Копьем, и это оружие больше не было доступно в схватке, оно было отброшено в сторону, и завоевание продолжалось Мечом:

"Après le froisseis des Lances,
Qui ja sont par terre semées,
Giettent mains à blanches espées,
Desquels ils s'entr'envaissent,
Hyaumes e bacinets tentissent
E plusieurs autres ferreures.

Кутье совершенствует оружие".—*Гуар*.



ВТОРАЯ БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА III.

№ 81.

Рыцарский меч того времени в своей основе напоминал меч предыдущего столетия: действительно, он существенно не менялся на протяжении всего готического периода. Лезвие было прямым, широким, обоюдоострым. Этот тип хорошо виден на второй печати Генриха III. (гравюра на дереве, № 81).

Крестовина обычно была изогнута по направлению к лезвию, как показано на нескольких наших гравюрах. Иногда эта изогнутая планка выдавала нечто вроде выступа посередине, как на скульптуре в Хасли (гравюра на дереве 46) и на изображении Стотхарда, фото хх. В других случаях перекладина была прямой, как на печати короля Иоанна (гравюра на дереве, № 52), а также на других наших гравюрах на дереве с номерами 53, 56 и 63. Сравните меч Де Вера (Стотард, стр. xxxvi.). Разновидность прямой гарды образует также выступ над центром лезвия,

как в примере, приведенном на нашей гравюре под номером 80. Рыцарское изображение в церкви Уолкерн (Холлис, штат Массачусетс) имеет гарду для меча в виде шеврона. Эдуард I. на своей большой печати (гравюра на дереве, № 85) предлагает нам еще одно разнообразие, очертания которого чем-то напоминают очертания греческого лука.

Навершие меча в этом столетии принимало множество форм: круглую, с трилистником, лапчаткой, розетку, ромбовидную, коническую, грушевидную, квадратную и в виде лилии. Круг либо простой, либо с орнаментом по бокам: в последнем случае орнаментом обычно является крест или гербовый щит. Простое круглое навершие обычно имеет форму колеса; то есть оно имеет выступ в центре, что-то вроде ступицы колеса. См. Журнал Археологической ассоциации, том i, стр. 336. Священный символ Креста очень часто встречается на круглой рукояти; как на наших гравюрах на дереве, № 55 и 77. Гербовый щит изображен на нашей гравюре под номером 70. Сравните памятник Фиц-Алану (Холлис, Стр. iv). Навершие в виде трилистника изображено на наших вырезках под № 56 и 74; лапчатый лист - на нашей гравюре под № 64 и на табличке хх Памятника Стотарда. Форма розы встречается на нашей гравюре на дереве под номером 62; ромб на изображении короля Иоанна (Стотард, стр. xi); коническая форма на нашей гравюре под номером 63; грушевидная форма на 37-й пластине Стотарда; квадратная форма на пластине xxxv Расписной палаты; и лилия на печати Эдуарда I. (гравюра на дереве под номером 85).

Рукоять меча иногда имеет очень обогащенный характер. Оружие короля Иоанна, изображенное на его памятнике в Вустерском соборе, представляет собой оружие, у которого и навершие, и перекладина были инкрустированы драгоценными камнями. Декоративные рукоятки видны на памятнике Краучбеку (Стотард, стр. xliii. илл. 4), и латунь Де Бюреса, 1302 г. (Уоллер, П. ii.).

Оболочка также иногда демонстрирует обогащение. Это либо металлические накладки с готическими узорами, похожие на архитектурные проекты того времени, как на нашей гравюре на дереве, № 70, и изображение Брайана, лорда Фитц-Алана (Холлис, Стр. iv); либо ножны от края до края украшены серией гербов, как на нашей гравюре, № 73, и статуе Де Монфора (Стотард, стр. xxxix). Эти накладки, вероятно, были окрашены эмалью.

Характерный пояс для меча этого века состоял из двух ремешков, длинного и короткого. Длинный ремень прикреплялся петлей к ножнам примерно на расстоянии двух ладоней от верха, оборачивался вокруг пояса и пристегивался к пряжке спереди, оставляя длинный конец с металлической биркой. Короткий ремешок удерживал пряжку и был разделен на два ремешка, один из которых был продет в верхнюю часть (кожаных) ножен; другой, проходивший наискось через ножны, был продет в петлю длинного ремня внизу. Посмотрите наши гравюры на дереве, № 55 и 73. Разновидность этого способа заключалась в прикреплении длинных и коротких ремней к ножнам с помощью металлических колец-медальонов вместо петли и шнуровки. Это произошло в конце века. Смотрите гравюру на дереве, № 70, и изображение Брайана Фитц-Алана (Холлис, Стр. iv). Обычный солдатский пояс для меча был изготовлен по старому плану: на одном конце широкого ремня были две щели, через которые пропускались два ремешка, на которые расщеплялся другой конец, и завязывались в узел. Смотрите гравюру на дереве, № 63. Приведенные там фигуры представляют солдат Ирода, занятых избиением невинных. Рыцарский пояс для меча часто бывает очень дорогим; он покрыт замысловатыми узорами, выполнен в самых ярких цветах и украшен планками и выступами из позолоченного

металла или, возможно, из самого золота; выступы к концу периода нередко принимали форму львиных голов. Орнамент только из прутьев появляется на изображении церкви Темпл, выполненном Холлисом, Стр. i.; из прутьев и розеток - на 15-й и 45-й табличках Стотарда; из раскрашенного узора - на табличке XXI работы Стотарда; из выступов в виде львиных голов - в части iv Холлиса. Пояс с мечом Эдмунда Краучбека украшен геральдическими надписями. См. Стотхард, стр. xliii. деталь 1.

Можно найти незначительные вариации от вышеупомянутых типов перевязи для меча, но, похоже, они не требуют особого описания. Однако мы не должны упускать из виду, что на некоторых ранних памятниках этого периода меч изображен носящимся на правом боку воина. Три изображения в церкви Темпл в Лондоне демонстрируют это расположение.

В Йорке, на Рождество 1252 года, король Генрих III. даровал рыцарское звание молодому королю Шотландии, который на следующий день женился на принцессе Маргарите, дочери Генриха, среди великого ликования и великолепного церемониала. Археолог едва ли мог надеяться получить подробное описание Меча, использованного королем Англии в этом случае; но, как ни странно, до нас дошел такой отчет, отличающийся любопытной подробностью. Оно сохранилось в Тауэре (Рукопись, 36 Ч. III. м. 31) и было напечатано в книге Уолпола "Живопись в Англии" (том i, глава 1):—

"Mandatum est Edwardo de Westm. quod cum festinatione perquirat quendam pulchrum gladium et scauberg. ejusdem de serico, et pomellum de argento bene et ornate cooperiri, et quendam pulcram zonam eidem pendere faciat, ita quod gladium illum sic factum habeat apud Ebor., de quo Rex Alexandrum Regem Scotiæ illustrem cingulo militari decorare possit in instanti festo Nativitatis Dominicæ. Teste Rege apud Lychfeld xxi. die Novembr. Per ipsum Regem."

Помимо обычного рыцарского меча XIII века, размер которого подтвержден многими существующими памятниками, у нас есть свидетельства современных авторов о том, что разные народы использовали мечи разного размера. Немцы предпочли крупную марку, французы - оружие покороче. Итак, Гиар:—

"A grans espées d'Allemagne
Leur tranchent souvent les poins outre."

"Là François espées reportent
Courtes et roides, dont ils taillent."

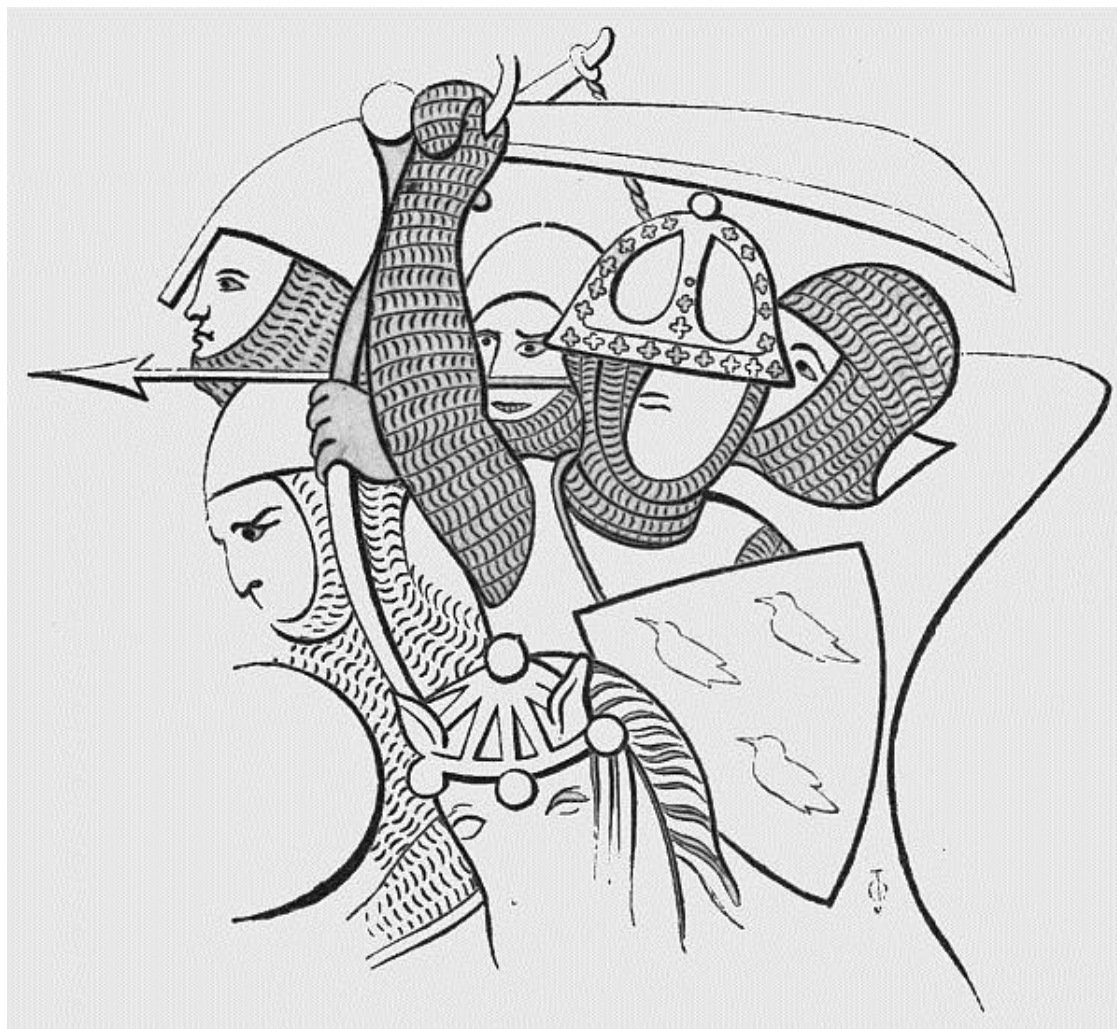
И снова, под 1301 годом:—

"Epées viennent aux services
Et sont de diverses semblances,
Més François, qui d'accoutumance
Les ont courtes, assez légères,
Gient aux Flamans vers les chieres."

В описании битвы при Беневенто в 1266 году Хьюг де Баусуа, очевидец конфликта, рассказывает нам, что войска Манфреда, немцы и сарацины, сражались длинными мечами, топорами и булавами; но французы, подойдя вплотную, пронзили их своими короткими мечами: "ex brevibus spathis suis eorum latera perfodiebant"[364]. Гийом де Нанжи дает аналогичные показания[365]. Бесполезно спрашивать, насколько это германское оружие приблизилось к большим двуручным мечам более поздних времен или французы вернулись к короткому клинку римлян. Комментаторы видели в приведенных выше описаниях оба названных здесь типа; но свидетельства изобразительных памятников не подтверждают этот вывод. Поскольку большие и малые - это всего лишь сравнительные понятия, вполне вероятно, что мечи французов и немцев отличались незначительно.

Другими разновидностями мечей, появившимися в XIII веке, являются фальчион, изогнутая сабля, Эспе-а-л'эсток, Культеллус и шнурок.

Фальшион (*fauchon*, фр., от латинского *falx*) бывает двух видов: первый - широкое лезвие, становящееся шире к острию, край выпуклый, задняя часть вогнутая; как в этом примере из The Painted Chamber:



другой отличается от него только тем, что у него совершенно прямая спина. Последний изображен на пластине xxxi Расписной палаты; и именно такой формы любопытный меч принадлежит лордству Сокберн, штат Колорадо. Дарем, выгравированный в "Археологии", том xv. Лист xxvi. Посмотрите в "Старинных владениях" Блаунта рассказ об этом оружии; о "чудовищном Драконе, Черве или летучем Змее, пожиравшем мужчин, женщин и Детей", которое в конце концов пало под его острым лезвием; и о "могиле великого Предка Коньерсов, на которой вырезаны фальчион, собака и чудовищный Червь или Змея, лежащий у ног Рыцаря, убитого им самим, о чем История Семьи сообщает выше". Отрывок слишком длинный для извлечения[366].

Фальчион - оружие очень отдаленной древности. Он фигурирует среди рисунков на гробнице Рамзеса III в Фивах, 1230 г. до н.э. Смотрите Таблицу III. из книги Уилкинсона "Древние египтяне" (изд. 1837). И он обнаружен, почти идентичный по форме, на настенных росписях пещер Аджунта первого века христианской эры, тщательная копия которых была сделана для музея Ост-Индского дома. Гиар часто упоминает об этом в "*Метрической хронике*", как в этом отрывке:—

"Là ou les presses sont plus drues
Est le chape[367] aux espees nues,
Aux fauchons, aux coutiaus à pointes,
Si merueilleus que les plus cointes
N'ont ores soing de vanteries."

Изогнутая сабля имеет очень редкий вид. Она встречается среди изображений Расписной палаты, фото xxxv.

Ерée à l'estoc (Колющий меч) назван в постановлении парижского парламента от 1268 года: "Достаточный изобретатель для того, чтобы диктовать Босо изречение Адемарума перкусситом, а также для того, чтобы эсток был прав позднее, в собственном праве человека, и для того, чтобы он сам мог это сделать". Похоже, что это также оружие, которое Ригорд присвоил некоторым имперским войскам в битве при Бовинах: "Habebant cultellos longos, graciles, triacumines, quolibet acumine indifferenter secantes, a cuspidе usque ad manubrium, quibus utebantur pro gladiis".

Культеллус, как мы уже видели[368], был оружием, сочетающим характер меча и кинжала. Он явно различался по размеру; ибо Одо де Россильон в 1298 году назвал в своем завещании "meum magnum cultellum et meam parvam ensem". Поскольку это было главное оружие кустильеров, оно должно было быть довольно значительного размера; и таким же большим должно было быть и оружие, назначенное крестьянину в "Outillement du villain" для защиты своего дома:

"Si le convient armer
Por la terre garder,
Coterel e hauvet,
Macue e guibet,

Arc e lance enfumée," &c.

В других местах он фигурирует просто как второстепенное оружие, нож или кинжал; как в уже цитировавшихся Уставах о вооружении, где различным классам владельцев предписывается иметь "особые, изящные и кавалерийские", или "особые и кутюрные", или "особые, дугообразные, сеты и кутюрные".

Особая конструкция шнурка, равно как и происхождение его названия, до сих пор ускользали от самого тщательного изучения антикварами и глоссаристами. Некоторые относят название к латинскому или итальянскому, *annulus*, или *аннелло*. Другие к древнегерманскому, *Laz*, от *latus*; следовательно, оружие является "боковой рукоятью". Мэтью Пэрис часто использует это слово и сообщает нам, что рукоятку носили на поясе: "Loricâ erat indutus, gestans anelacium ad lumbare". Не надеясь разрешить этот вопрос, мы можем рискнуть указать, что оружие типа кинжала, которое носили на поясе и имело цепочку с *кольцом, свободно проходящим по рукояти*, чтобы оно не было потеряно в схватке, несомненно, использовалось в средние века; пример этого можно увидеть на изображении Уильяма Венемара в Генте, датированном 1325 годом; выгравировано в "Археологическом журнале", том vii, стр. 287. Мы можем также отметить, что колесовидная форма *щитка*, возможно, дала название; поскольку Флорио в шестнадцатом веке определяет "Аннели" как "тонкие пластины из железа, сделанные в виде колец, которые наши артиллеристы называют шайбами" и т.д. Гиар также упоминает шнурок: под 1298 годом у него есть:

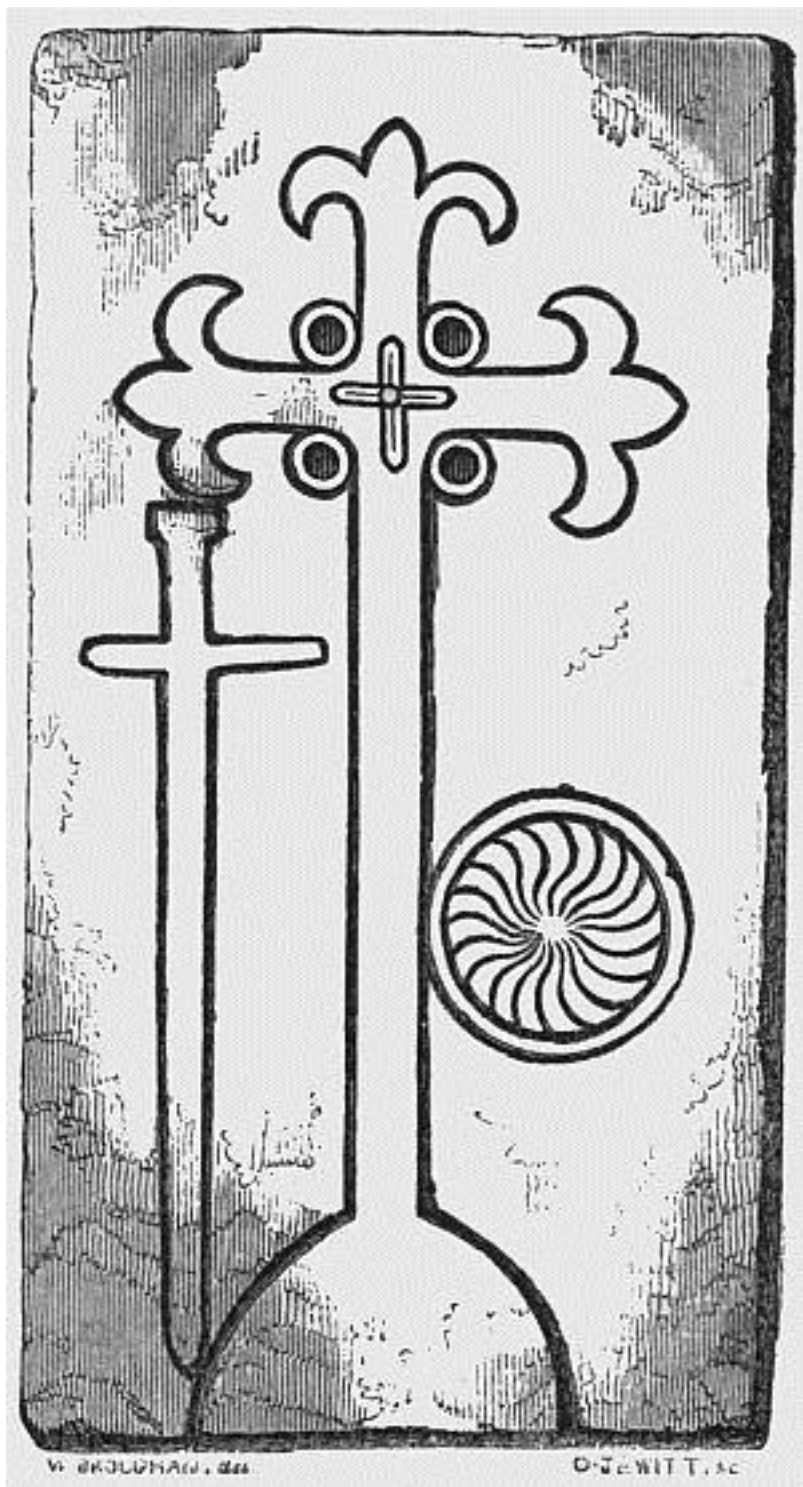
"Aucuns d'entr'eus testes desnuent
De hyaumes e de cervelieres,
E plantent alenaz es chieres
En pluseurs lieux jusques es manches."

В производстве мечей в этот период, по-видимому, пальма первенства принадлежала Кельну. В уже отмеченном объеме пословиц первое место принадлежит "Кельнскому стилю". И Мэтью Пэрис, под 1241 г. [369], рассказывающий о том, как некие злые немецкие евреи, желая помочь татарам, послали им определенные бочки (наполненные, как они сказали христианам, отравленным вином), добавляет, что при подозрительном осмотре содержимого таможенником "было обнаружено, что все бочки были наполнены кельнскими мечами и кинжалами без рукоятей". , плотно и компактно уложенный. Поэтому евреи были немедленно переданы палачам, чтобы либо быть приговоренными к вечному заключению, либо быть убитыми их собственными мечами".

Упражнения с мечом и щитом (*Эскирмье де Бокилер*) были в моде в этом столетии, и для их обучения были созданы школы. Но из-за беспорядков, возникших в результате этой практики, школам было приказано закрыться. Таким образом, "Гражданский статус Лондона" от 13-го изд. I. гласит: "Главный исполнительный директор по борьбе с многочисленными преступлениями, грабежами и убийствами, совершенными в отношении людей, находится в центре внимания города Нью-Йорка в течение дня, а также преследует и третирует различные авантюры, связанные с борьбой с людьми (с прибылью), защищает то, что не привело к серьезным жертвам". батраунт парми, жители города, апрес, коллега Парсона, сенатор Мартин ле Грант, шпион, бокюйлер, автор книги "За зло", поэт, подозреваемый в убийстве венир и другие....

"Ensement pur ceo qe fous qe sei delitent a mal fere vount aprendre eskirmye de bokyler e de ceo plus sei abaudissent de fere lour folyes, purveu est e defendu qe nul ne tiegne eskole ne aprise de eskirmye de bokyler de deinz la Citee de nuyt ne de jour, e si nul le faceo, eit la prison de xl. jours."

Изображения состязания на мечах и щитах встречаются в Roy. MSS. 14, E. iii. и 20, D. vi., оба выгравированы в Strutt's Sports. См. также Хефнер, Глава ii. Лист vii. Однако все это миниатюры четырнадцатого века; хотя 14, E. iii. относится к раннему периоду. Из этих примеров мы узнаем, что щит был около полутора футов в диаметре, имел выступ в центре и удерживался на расстоянии вытянутой руки перекладиной, пересекающей выемку на макушке, в точности на манер англосаксонских щитов, описанных и изображенных на предыдущей странице. (См. гравюру на дереве, №[20](#).)



№ 83.

Иногда на могиле рыцаря вырезали фигуру Меча, указывающую на его призвание, как на этой резной плите из церкви Броэм в Уэстморленде, посвященной памяти одного из членов семьи Броэм. Этот пример еще более любопытен тем, что включает в себя также круглый щит того периода ; отличающийся, как мы видим, от названного выше щита отсутствием выступа. На могилах такого рода меч обычно сопровождается крестом: иногда он сам образует крест на памятнике, как в мемориале Горфорта, выгравированном на странице 84 работы мистера

Бутелла на надгробных плитах. В Эйклиффе, Дарем, есть могила, на которой изображен крест с мечом на одной стороне, с другой - молотком и клещами. Считалось, что эта группа эмблем указывает на кузнеца-оружейника. Изображение памятника приведено в "Археологическом журнале", т. v., стр. 257. Не только меч, но и копье, топор, кинжал и другое оружие найдены на резных плитах тринадцатого и четырнадцатого веков; многие примеры этого можно увидеть в работах преподобных мистера Каттса и мистера Бутелла, посвященных этим памятникам.

Кинжал ни в коем случае не занимал того видного места в рыцарском снаряжении в этом столетии, которое он, как выясняется, занимал в четырнадцатом; хотя ближе к концу периода он, как видно, входит в моду. Его носят рыцари, представленные на наших гравюрах №58 и 72; а изображение Ясеновой церкви (гравюра на дереве, № 59) показывает нам шнурок, которым кинжал, ныне уничтоженный, был прикреплен к поясному ремню. Фигура Де Монфорда (Стотард, стр. xxxix.) вооружена кинжалом. Он также присутствует на памятнике Шурландии (Стотхард, стр. xli.), который носил сопровождающий рыцаря; и в этом примере его гарда состоит из двух набалдашников, мода на которые иногда встречалась вплоть до шестнадцатого века. В Даремском соборе сохранился настоящий кинжал, который, как полагают, принадлежал одному из приближенных епископа Антония в 1283 году. Он полностью сделан из железа, а на лезвии, имеющем шестнадцать дюймов в длину, выгравировано "Anton: Eps: Dunolm.[370]"

Под названием *Мизерикордия* кинжал впервые упоминается в Хартии Арраса в 1221 году: "Quicumque cultellum cum cuspidе, vel curtam sphatulam, vel misericordiam, vel aliqua arma multitoria portaverit" и т. д. Под 1302 годом Гиар говорит о нем под тем же названием:—

"Plusieurs piétons François ala,
Qui pour prisonniers n'ont pas cordes,
Mais coutiaux et misericordes,
Dont on doit servir en tiex festes."

И под 1303 годом:—

"Fauchons trenchans, espées cleres,
Godendas, lances émoulues,
Coutiaux, misericordes nues."

Это название мизерикорд, по-видимому, было дано потому, что в последней схватке соперничающих противников поднятый кинжал заставил поверженного бойца взмолиться о пощаде. С этой точки зрения, убийственный мизерикорд был у поэтов средневековья отнесен к "Жалости" как символ ее благожелательности. Так, Жан де Мен в "Романе о розе":

"Pitiez, qui à tous bien s'accorde,
Tenoit une Misericorde
Decourant de plors e de lermes."

Короткий топор очень редко вручался рыцарским бойцам художниками тринадцатого века. Похоже, что с ним смирился менее достойный воинский орден. Форма наконечника имеет три основные разновидности: одинарный клинок, хороший пример которого мы имеем в Харл. MS.

4751, fol. 8 (гравюра на дереве, № 50); двойное оружие, у которого с одной стороны вертикальное лезвие топора, а с другой - кирка (см. "Одежда и привычки Стратта", Стр. lxx.); и двойное оружие, у которого с одной стороны горизонтальное лезвие, а с другой кирка (см. Памятники Стотхарда, стр. xix.). Гиарт, под 1264 г., упоминает топор, смешивающийся в схватке с булавой и мечом: —

"Le chaple commence aus espees,
Dont là a de maintes manieres.
Sus hyaumes e sus cervelieres
Prennent plommees à descendre,
E hachetes, pour tout porfendre."

И когда в том же 1264 году граф Лестер собрал свою армию в Бархэм-Даунс, в дополнение к обычному воинскому набору от каждого городка требовалось прислать восемь, шесть или четырех пехотинцев, хорошо вооруженных копьями, луками и стрелами, мечами, арбалетами и топорами. (Нью-Раймер, 444.)

Из сборника пословиц XIII века, который уже снабдил нас несколькими любопытными сведениями об этом раннем времени, мы узнаем, что "Haches de Dannemark" занимали первое место среди топоров того периода; но неясно, проводится ли это различие по форме или изготовлению оружия. Мэтью Пэрис говорит об этом под 1256 годом: "Cum jaculis-Danisque securibus et gesis"[371]-враждебный ответ".

"Датский топор" упоминается в нескольких военных орденах этого столетия; но происхождение самого гранта обычно связывают с более отдаленной древностью. Оружие (более или менее оригинальное) всегда с большой гордостью выставлялось в фамильном особняке. Дагдейл сообщает нам, что Пламптоном в Уорикшире "владел во времена Генриха 3. некто Уолтер де Пломптон, который владел этими землями с помощью определенного оружия, называемого датским топором, которое, являясь той самой Хартией, по которой указанная земля была передана одному из его Предков, долгое время висело в Зале принадлежащего ему столичного здания в качестве свидетельства указанного владения; до тех пор, пока указанный Дом не был захвачен сэром Джоном Брейсбриджем, рыцарем, лордом Кингсбери в "Эдварде 3. времени" и рухнул на землю: после чего он долгое время оставался в холле особняка, принадлежащего Уильяму де Пломптону, в Хардрешалле (примерно в двух милях отсюда), который широко известен и называется Хартией Пломптона[372]".

И в 12-м издании I.: "Принцип Робертуса Хердинга "Унам акрам терра и унум фурнум" на вилле Кастри де Лансвотон (Лонсестон, Колорадо). Cornwall) nomine serjantie essendi in Castro de Lanceveton cum uno Capello ferreo et una Hachet Denesh per xl. dies tempore guerraе ad custum suum proprium, et post xl. dies, si Dominus Castri velit ipsum tenere in eodem Castro, erit ad custus ipsius domini[373]."

Булава имеет как название, так и изображение в свидетельствах этого столетия. Мэтью Пэрис, описывая катастрофы турнира близ Хартфорда в 1241 году, добавляет: "Многие другие рыцари и латники также были ранены и серьезно травмированы булавами (*clavis*) на этом же турнире, потому что ревность многих из тех, кто был в этом замешан, превратила спорт в битву"[374]. Это и подобные неудачи привели к тому, что булава и другое оружие были запрещены во время этих

игр; ибо в "Уставе вооружения и военной техники" этого столетия король приказал "не брать рыцаря и эскайра, не брать оружие в руки, не брать оружие в руки, не брать булаву, не брать оружие в руки, не брать оружие в руки, не брать оружие в руки, не брать булаву, не брать оружие в руки" [375]. Изображенные примеры булавы встречаются в Roy. MS. 20, D. i., ff. 12 и 69; и на табличке xxxiii. Расписной камеры. Ударная часть выполнена в виде зубчатого колеса: верхушка иногда заканчивается набалдашником; иногда она продолжается в виде пики.

Батон, упомянутый в вышеупомянутом Уставе, вероятно, был не более чем крепкой дубинкой. Форма турнирного батона более позднего времени во всех подробностях описана в "Турне короля Рене".

Оружие пехоты с длинной рукоятью, получившее название в этом столетии, - гизарм, голендак, крок, Фаус, фоссар и пилете.

Гизарма, или древковый топор, уже была описана (ante, стр. 50). Мэтью Пэрис назвал его "Gestabant autem gladios, bipennes, gaesa, sicas et anelacios". Это встречается также в Статуте Винчестера: "И что касается моего замка xl. soudes, сейт юри в качестве faus, gysarmes, coteaux и autres menus armes". Древковый топор с единственным вертикальным лезвием можно увидеть на миниатюре XIII века, вставленной в Евангелия Мак-Дурнана в Ламбетской библиотеке (фигурирует в "Палеографии" Вествуда); и он снова появляется в "Жизнеописаниях Оффас", Котт. МИСС, Неро, д. и. н.

Голендак - это название, данное фламандцами Алебарде. У Гиара, описывающего битву при Куртре в 1302 году, есть такой очень любопытный отрывок:

"A grans batons pesans ferrés
Avec leur fer agu devant
Vont ceux de France recevant
Tiex baton qu'il portent en guerre
Ont nom Godendac en la terre.
Goden-dac, c'est *Bon jour* à dire,
Qui en Francois le veut décrire.
Cil baton sont long e traitis,
Pour férir a deux mains faitis."

Если удар топором не удался, то умелый алебардщик исправляет свою неудачу быстрым ударом пробитой головы: -

"Et quand l'on en faut au descendre,
Si cil qui fiert y veut entendre,
Et il en scache bien ouvrir,
Tantot peut son cop recouvrer,
Et férir sans s'aller moquant,
Du bout devant en estoquant

Son ennemi."

Алебарда, состоящая из лезвия топора, уравниваемого киркой, и имеющая наконечник пики на конце древка, изображена на рисунке xxxi. из Расписной камеры.

Фаус (*falso*: от *falx*), по-видимому, представлял собой разновидность копья с широким режущим лезвием. Оно становится синонимом копья в этом отрывке Синода Немцев 1284 года: (de Clericis) "Enses non deferant, nec cultellos acutos, nec lanceasseu *falsones*" и с. Но в Статуте Экклза. Кадурченсис, в 1289 году его отличают от копья: "balistas et arcus, lanceas, *falsones*, costalarios seu alia arma non deferant". В Уставе Винчестера, как мы видели (ante, стр. 211), оно было помещено во главе более скромного вида оружия, предписанного малообеспеченному ополчению.

Фауссар, родственное слово, вероятно, было родственным оружием. Как и фалсо, он, скорее всего, представлял некоторое разнообразие среди образцов, изготовленных в деревенских кузницах оружейников. Один вид был трехлезвийным и имел второе название - *Trialemellum*. У крупного рогатого скота, "Передние конечности западного региона Стефана де Лонго Кампо, в ушной раковине лонго, грациозный Триалемелло"[376], номинант на звание Фальзариума[377]. Фауссар, по-видимому, иногда использовался как метательный снаряд: так, в Хронике. де Дюгесклен (четырнадцатого века) нам сказано, что сражающиеся

"Gettent dars et faussars, moult en vont ociant."

Вероятно, Ключом был Крокодил. Гиар называет его среди оружия Рибо в 1214 году:—

"Li uns une pilete porte,
L'autre croc ou macue torte."

Характерный для того времени клюв - широкое режущее лезвие, образующее клюв у вершины и заканчивающееся щукой, - можно увидеть на рисунке xxxi Расписной камеры.

Пилете (ум. of *Pilum*), упомянутый в приведенном выше отрывке Гиарта, представлял собой пику, точная форма которой, как и у столь многих видов оружия того периода, не установлена. "Макуэ торте" - это клуб с завязанными узлами.

Метательным оружием того времени были дротик, длинный лук, арбалет, веревочная праща и посох-праща.

Копье упоминается Мэтью Пэрисом: "cum jaculis Danisque securibus et gesis"[378]."

Длинный лук уже был замечен при нашем рассмотрении войск этого столетия. Его форма видна на наших гравюрах на дереве № 47, 48, 49 и 50. Форма колчана показана на гравюре из Роя. MS. 20, D. i. (№ 47). Оперение стрел изображено на том же оттиске; древко и головка - гравюра на дереве, № 82, из Раскрашенной камеры. Помимо обычных стрел, из длинного лука иногда

выпускались древки, снаряженные пузырьками негашеной извести. Стратт в своей ГИПЕРССЫЛКЕ на *Horda* привел пример этой ракеты из рукописи Мэтью Пэриса в Бенет-колледже в Кембридже (скопирована на нашей гравюре на дереве, № 51); а в Дополнении к печатной истории Мэтью Пэриса, страница 1091, приводится письмо сэра Гая, рыцаря из дома Бенет. виконт Мелунский, в котором, рассказывая о взятии Дамьетты, он говорит: "Мы выпускали огненные дротики (*spicula ignita*) и камни из наших морских мангонелей, и мы бросали во врага маленькие бутылочки, наполненные известью (*phialas plenas calce*), сделанные для стрельбы из лука, или маленькие палочки, похожие на стрелы. Поэтому наши стрелы пронзали тела их пиратов, в то время как камни дробили их, а известь, вылетающая из разбитых бутылок, ослепляла их".

Арбалет, как мы видели (ante, стр.201), широко использовался на протяжении всего этого столетия. Он изображен на наших гравюрах на дереве под № 49 и 50. В обоих этих примерах предусмотрено удерживание лука ногой, в то время как шнур был натянут до выемки. Лук, таким образом, мог сгибаться вручную; но, по-видимому, в то раннее время также существовало какое-то приспособление, подобное мулине более поздних времен, с помощью которого более прочный лук можно было легко согнуть механическим способом. Такой лук назывался "arbaleste à tour", а инструмент, с помощью которого его заводили, назывался "la clef". Никаких очертаний этого маленького механизма пока не было замечено среди памятников того времени. У Гиарта:

—
"Мессир Альфонс возмущен,
К армезу нет[380] де сын наш,
поссорившийся д'Арбалет в туре".

И снова:—

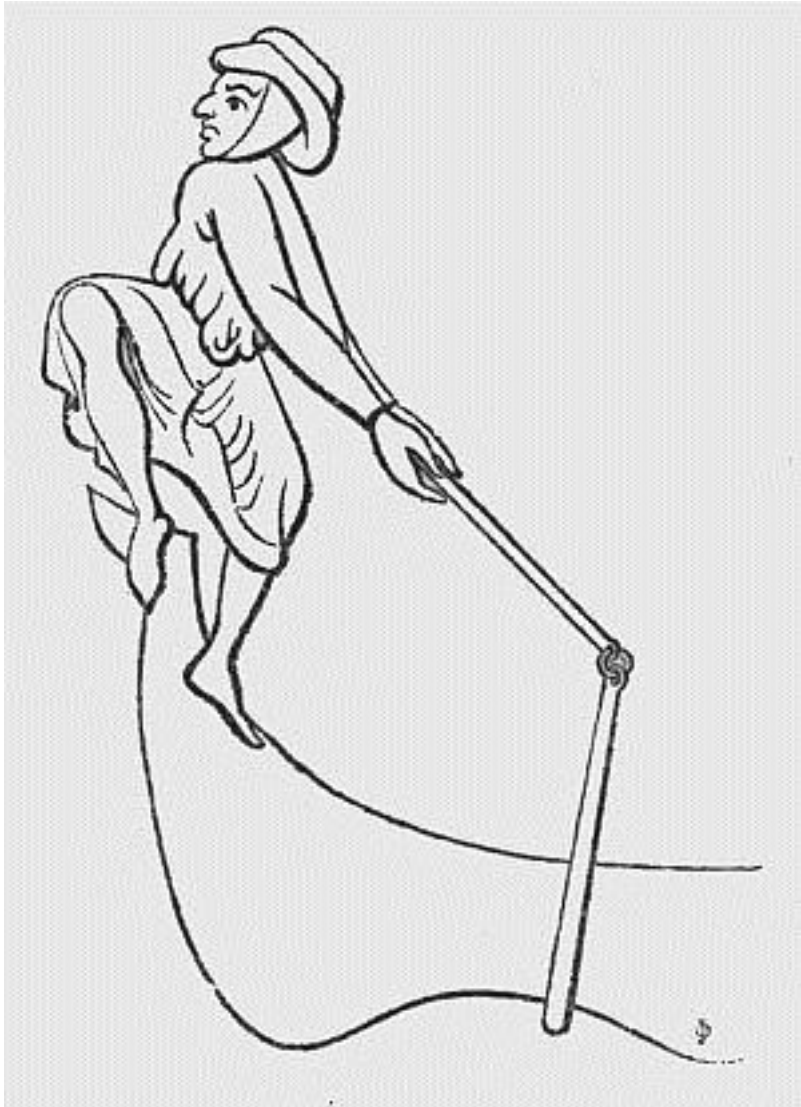
"En haste vont les clefs serrant des arbalestes."
2°. Partie, vers 8,625.

Примерно в это же время были названы еще несколько разновидностей арбалета: -Balistæ corneæ; ad stapham[381]; ad viceas[382]; де торно—вель-де-лена[383]; в единственном числе; лигния для двоих; корну для двоих; грудная кость; пезарола[384]; и среди прочего, *Двойной арбалет*, выпускающий две стрелы: "Balista sine nuce, quæ duos projicit quarrellos". См. Дюканж и Аделунг против *Балисты*.

Стрела (*carreau*), как следует из ее названия, представляла собой стрелу с четырехгранным или пирамидальным наконечником. Эта характерная форма древка арбалета тщательно сохранена в иллюминации с доп. рукописи 15,268 (наш №49); где, пока лучник пускает свою зазубренную стрелу, арбалетчик выпускает свою угловатую стрелу. Оперение стрелы очень отчетливо видно на гравюре на дереве, № 50; где пометки показывают, что на самом деле предназначены *перья*, а не кусочки дерева, кожи или металла. Поскольку эти материалы с последним названием найдены в более поздних памятниках, не кажется маловероятным, что они могли использоваться так рано; и у нас есть четкие свидетельства современных авторов о том, что более крупные ядра, выпущенные из двигателей, называемых *espringales*, были "оперением воздуха"[385]."

Пращи этого периода уже были замечены (стр. 204): перевязь с веревкой изображена на нашей гравюре на дереве под № 50, перевязь для посоха - под № 51.

Военный цеп появляется на следующей гравюре на дереве из книги Стратта "Хорда", том i, фото xxxii. Оригинальная миниатюра находится в рукописи Мэтью Пэриса в Бенет-колледже в Кембридже, который уже предоставил нам образцы пращи и другого оружия того времени. Человек с кистенем на нашей гравюре занят штурмом замка: другие нападающие на том же судне вооружены луками и пращами. Аделунг цитирует следующий отрывок, в котором цеп упоминается под названием *flaellum*: "Cum ducentis hominibus in armis, electis et gleatis, et cum flaellis"[386]".



№ 84.

Греческий огонь, все еще отвергаемый народами Западной Европы по причинам, указанным на предыдущей странице, часто использовался сарацинами. В 1250 году христиане, продвигавшиеся к Дамiette по воде, были перехвачены своими врагами. "Сарацины на своих кораблях встретили христиан, плывущих вниз по реке, где последовал самый роковой морской конфликт, снаряды сражающихся летели как град. Наконец, после упорного сражения,

ставшего еще более ужасным из-за греческого огня, обрушенного на них сарацинами, христиане, измученные горем и голодом, потерпели поражение[387]". В письме "своему уважаемому лорду Ричарду, графу Корнуоллу" от "Джона, его канцлера" приводится аналогичный отчет об этой ужасной битве, из которой спасся только один христианин, "Александр Гиффард, англичанин благородной крови". "Сарацины, обрушив на христиан греческий огонь, сожгли множество их лодок и убили находившихся в них людей, одержав таким образом победу. Христиане были утоплены, убиты и сожжены[388]". Авторы трактата, *Дю фе Грегуа*, капитан Фаве и месье Рейно, отмечают, что в течение пятидесяти семи лет правления французских принцев в Константинополе (взятого в 1204 году) секрет греческого огня не мог оставаться скрытым от людей, добившихся определенных успехов в науке химистике. "Mais alors les préjugés de l'ignorance se joignaient aux idées religieuses et aux sentimens chevaleresques, pour repousser l'emploi d'un art qui semblait rendre inutiles la force et le courage individuels[389]."

Однако на Востоке применение зажигательного оружия было постоянным, и его разнообразие было очень велико. Арабский трактат этого столетия, опубликованный в упомянутой выше работе М. М. Рейно и Фаве, дает нам наиболее любопытную информацию, касающуюся их, и интерес к рукописи усиливается тем, что в ней содержатся рисунки (несколько грубоватые, правда) описанных основных инструментов и механизмов. Из этого "Трактата об искусстве боя" Хасана Альраммаха мы узнаем, что арабы XIII века использовали свои зажигательные составы четырьмя различными способами: они отливали их вручную; они прикрепляли их к шестам, с помощью которых они атаковали своих врагов; они изливали огонь через трубки; и они выпускали различные виды горящих смесей с помощью стрел, дротиков и метательных устройств больших машин, напоминающих требушеты и мангоны их западных соседей. Among these fire-weapons we have—"Balles de verre; Pots à feu; La Maison de feu; Massue de guerre; Massue pour asperger; Lance de guerre; Lance à fleurs; Lance avec massue; La lance avec la flèche du Khatay; Flèches en roseau; Flèches du mangonneau; Flèches de la Chine; Marmite de l'Irac; Marmite de Mokharram; Vase de Helyledjeh; Cruche de Syrie (the last four for the mangonel); L'œuf qui se meut et qui brûle (Captain Favé takes this to be a projectile on the principle of our rockets); Dard du Khatay; Des Coupes; Des Volants; Des Lunes," &c.

Стеклянные и глиняные сосуды, выпускаемые вручную или с помощью машин, были изготовлены таким образом, что при попадании в объект, на который они были нацелены, их содержимое распространялось вокруг, и огонь, уже переданный запалом, охватывал все в пределах его досягаемости. Солдат, о голову которого была разбита огненная булава, внезапно облился дьявольской жидкостью, которая покрыла его с головы до ног пламенем; и пламя было настолько ужасного свойства, что считалось абсолютно неугасимым. Квитанция на приготовление боевой мессы дана с большой подробностью: "Tu feras faire par le verrier une massue" и т. Д. В ванной комнате tu feras les mélanges usités и т. Д. Tu mettras le feu à la massue et tu la briseras pour le service de Dieu[390]. Одно из копий снабжено фейерверком, "чтобы копье сожгло врага, предварительно ранив его своим острием". Another lance "brulera bien et s' étendra à plus de mille coudées." Следует помнить, что превосходная степень в арабском языке обычно выражается словом "тысяча". Таким образом, мы узнаем, что этот огнемет был сконструирован так, чтобы поражать на расстоянии. Применяя средство от аспергера, вы должны разбить его о лицо вашего противника, "но держитесь подальше от потока ветра, чтобы искры не вернулись и не обожгли вас". Машины для отливки горшков для огня и ваз большего размера имеют настолько близкое сходство с требушетами и мангонами, используемыми христианскими

народами, что капитан Фаве склонен думать, что последние воины скопировали свои машины с машин арабов во время крестовых походов (стр. 49).

На второй странице трактата приведены примеры двух арабских мангонелей. Один состоит из пращи и утяжеленного рычага, подобно инструментам, представленным на Roy. MS. 16, G. vi., выгравированным в книге Шоу "Платья и украшения" и на шкатулке из слоновой кости, изображенной в четвертом томе Журнала Археологической ассоциации. Другой отличается только тем, что вместо груза с конца рычага свисает несколько шнуров; из чего следует, что рычаг в данном случае приводился в движение людьми, действовавшими сообща с помощью шнуров. Капитан Фаве отмечает, что выражения "Китайский огонь", "флер Китая", показывающие нам, что китайцы практиковали изготовление зажигательных веществ и передали эти названия арабам в столь ранний период, могут позволить нам предположить, что этот способ ведения войны получил от них свое главное развитие, и даже что им можно приписать его изобретение (стр. 44).

Различные Штандарты и Флаги, найденные в прошлый период, сохраняются и в настоящем. Но развитие науки геральдики придало гербам того времени постоянство, которое во многих случаях сохранилось до наших дней. Штандарт с Драконом все еще использовался в Англии. В битве при Льюисе в 1264 году между королем и его баронами "король, получив сообщение о приближении своих врагов, вскоре пришел в движение со своей армией и двинулся им навстречу с развернутыми знаменами, которым предшествовал королевский прапорщик, который назывался Дракон"[391]. В той же битве, на стороне баронов, мы находим древний Карроциум. Когда взбунтовавшаяся знать во главе с Де Монфором "достигла места, находящегося всего в двух милях от города Льюис, Саймон со своими друзьями *возвышенность* и поставил свою Повозку на ней, среди багажа и вьючных лошадей. Там он выставил свой Штандарт, надежно прикрепив его к машине, и окружил его большим количеством своих солдат[392]". Миланцы по-прежнему относились к своему Carroccio с величайшим почтением. Когда император Фредерик в 1236 году пересек Альпы, чтобы напасть на них, "горожане выступили из города большими силами, числом около пятидесяти тысяч вооруженных людей, и двинулись со своим Штандартом, который они называют Carruca, или Каррочиум, навстречу императору, сообщив, что они готовы сразиться с ним"[393]. В 1237 году миланцы снова выставили свой непокорный Карроциум перед императорским войском. Они выступили вперед с армией численностью около шестидесяти тысяч человек и расположили свой карроциум там, где их ряды казались наиболее сильными. Увидев это, император созвал своих советников и, воодушевив их воинственными словами, сказал: "Смотрите, как эти дерзкие миланцы, наши враги, осмеливаются выступить против нас и провоцировать меня, их повелителя, на битву; они враги истины и Святой Церкви и придавлены тяжестью своих грехов. Перейди реку, разверни мое Знамя, мой победоносный Орел! а вы, мои рыцари, обнажите свои грозные мечи, которые вы так часто обагрjali кровью своих врагов, и обрушьте свою месть на этих мышей, которые осмелились выползти из своих нор, чтобы справиться со сверкающими копьями римского императора[394]". Из письма самого императора, адресованного "Ричарду, графу Корнуолла, его любимому шурина", мы узнаем, что в Повозку были запряжены лошади: "quod apud Crucem-Novam (*Новая Жизнь*) in equorum celeritate præmiserant". И далее он пишет: "Теперь мы обратили наше внимание на атаку и захват этого штандарта, и мы увидели, что часть наших войск, пробившись через верх траншей, проникла почти до мачты Карроциума. Однако наступила ночь, и мы воздержались от атаки до следующего утра; улеглись отдыхать с обнаженными мечами и, не снимая железных кольчуг. Однако, когда рассвело, мы обнаружили,

что Карроциум опустел, оставленный посреди толпы мерзких повозок, совершенно незащищенный и брошенный, а с верхушки древка, где раньше был Крест, теперь сорван Крест: но, поскольку беглецы сочли его слишком тяжелым, чтобы унести его в безопасности, они оставили его на полпути[395]."

Колесница с изображением Дракона и Орла, составляющая штандарт императора Отона в Бовинсе, уже была замечена (страница 164). Орифламма французских монархов сохраняет свое выдающееся положение. Захваченный магометанами вместе со Святым Людовиком и его экипажем, он все еще чудесным образом существует; и когда фламандцы уничтожили его в битве при Монс-ан-Пюэле, обнаружилось, что разорванное на куски знамя, в конце концов, всего лишь поддельная орифламма, настоящая все еще находится в целости и сохранности под опекой аббата Сен-Дени. Итак, Гийом Гиар:—

"Aussi li Sire de Chevreuse
Porta l'Oriflamme vermeille,
Par droite semblance *pareille*
A cele s'élevoit esgarde
Que l'Abbé de Saint Denis garde.

Et l'Oriflamme *contrefaite*
Chai à terre, et la saisirent
Flamans, qui après s'enfuirent."
Хроника. Mét., ann. 1304.

"Королевский штандарт" французских монархов описывается как синий, украшенный золотыми лилиями. То, что Филипп Август в "Бычках", таким образом, замечено Гиаром:

"Galon de Montigni porta,
Ou la Chronique faux m'enseigne,
De fin azur luisant Enseigne
A fleurs de lys d'or aornée,
Près du roi fut cette journée
A l'endroit du riche Estendart."

Указ Филиппа IV в 1306 году, цитируемый отцом Даниэлем (Ум. Fran. j. 520) под заголовком "Королевское командование в армии" предписывает: за королевский штандарт должен отвечать главный экуер Траншана; что главный камергер должен нести Знамя короля; и что главный слуга Траншан должен следовать непосредственно за королем, неся его Вымпел; и его обязанность - сопровождать короля, куда бы он ни отправился, чтобы все могли знать, где находится монарх.

Рыцарское знамя того времени можно увидеть в книге Роя. ср. 20, Д. i.; в "Жизнеописаниях Оффов" (Кот. Ср., Неро, Д. и.н.); и на многих табличках Расписной палаты. Во всех этих примерах он четырехугольный, но *не квадратный*: его высота вдвое больше ширины. Изображение в Минстере, остров Шеппи (Стотард, стр. xli.) дает нам в скульптуре большой образец знамени и очень отчетливо показывает, как оно крепилось к древку шнурами с кисточками.

Должность знаменосца Лондонского сити была занята в XIII веке семьей Фитца Уолтера, которая владела кладовой замка Байнард в качестве вознаграждения за выполнение этой обязанности. Услуги и привилегии, связанные с офисом, изложены в любопытном документе, напечатанном в "Старинных документах" Блаунта, с рукописи, сохранившейся у Дагдейла. Они подразделяются на две категории: права во время войны и права в мирное время. Мы приводим первое полностью: простого примечания будет достаточно для других, которые являются привилегиями скорее гражданского, чем военного характера:—

"Таковы права, которыми обладает Роберт Фиц Вотер, кастелян Лондона, лорд Вудхэм, в лондонском сити: иными словами, упомянутый Роберт и его наследники должны быть и являются Главными Знаменосцами Лондона за плату за упомянутую крепость, которая принадлежит *его предкам* и ему самому в замке Байнард в упомянутом Городе. Во время войны упомянутый Роберт и его наследники должны служить городу следующим образом. Упомянутый Роберт должен прибыть на своем коне в доспехах (*sus son Destrier covert*), он двадцатый воин, все лошади покрыты тканью или железом (*coverts de teyle ou de fer*), до больших ворот собора Святого Павла, с развернутым перед ним Знаменем *своего герба*. И когда он подъедет к большим воротам вышеупомянутого собора верхом и в снаряжении, как указано выше, тогда мэр Лондона со своими шерифами и олдерменами (*уве туз, виконт и одерманы*), вооруженные до зубов, должны выйти из собора Святого Павла до указанных ворот со своим Знаменем в руке; все должны быть пешими. И Знамя должно быть красным, с изображением святого Павла из золота, с серебряными ногами, руками и головой, с серебряным Мечом в руке указанного изображения. И как только упомянутый Роберт увидит, что мэр, его шерифы и олдермены пешком выходят из упомянутого собора, неся это Знамя, тогда упомянутый Роберт или его Наследники, которые обязаны этой услугой упомянутому Городу, сойдут с лошади и поприветствуют мэра как своего товарища и равного, и скажут ему: "Сэр мэр, я прибыл сюда, чтобы исполнить службу, которой я обязан городу". Затем мэр, шерифы и олдермены скажут: "Мы передаем вам, как Знаменосцу за вознаграждение этого Города, это Знамя, чтобы вы несли его и управляли им во славу и на пользу нашего Города, в меру ваших сил". Затем упомянутый Роберт или его Наследники получают Знамя. Затем мэр указанного города и его шерифы должны следовать за ним до ворот и передать упомянутому Роберту лошадь стоимостью в двадцать фунтов^[396]. И у лошади должно быть седло с гербом упомянутого Роберта^[397], и у нее должен быть чехол из цендальского шелка того же герба; и они должны взять двадцать фунтов стерлингов и доставить их камергеру упомянутого Роберта для покрытия его сегодняшних расходов. И упомянутый Роберт сядет на лошадь, которую дал ему упомянутый мэр, держа в руке Знамя. И как только он сядет на коня, он потребует от мэра, чтобы тот избрал Маршала из войск Города. И как только Маршал будет избран, упомянутый Роберт прикажет мэру и горожанам позвонить в Набат упомянутого города (*que facent soner le Sein community de la dicte Citee*); и все население пойдет со Знаменем Святого Павла, которое упомянутый Роберт понесет до Олдгейта. Кроме того, Знамя должен нести тот, кто одобрен упомянутым Робертом и мэром. Если так будет (*si issint soit*), то им придется покинуть город, тогда упомянутый Роберт должен избрать двух самых благоразумных людей из каждого прихода города, чтобы обеспечить

безопасность города во время их отсутствия. И этот совет будет проведен в приорате Святой Троицы в Олдгейте. И за каждый город или замок, который лондонское воинство будет осаждать, упомянутый Роберт получит от лондонской общины сто шиллингов за свои труды, и не более, хотя осада должна продлиться год. Таковы права, которыми упомянутый Роберт будет обладать в Лондоне во время войны".

Правами Главного Знаменосца в мирное время были владение одной из юрисдикций, называемых Сокэ, право заключать в тюрьму и наказывать определенных правонарушителей в пределах своего округа, привилегия принимать участие в каждом "Большом совете", проводимом мэром, и некоторые другие подобного рода. И если преступник, находящийся под его юрисдикцией, заслужил смерть за государственную измену, "тогда он должен быть привязан к столбу, который находится в Темзе у Вуд-Уорф, где пришвартованы лодки, и оставаться там в течение двух наводнений и двух отливов. И если он будет осужден за *воровство в общине*, то он должен быть доставлен в Elms[398], и там подвергнется наказанию, как другие обычные воры".

Не меньшим почетом, чем золотое с серебром Знамя Святого Павла на юге, пользовалось Знамя святого Иоанна из Беверли на севере Англии. Он сопровождал героического Эдуарда Первого в его войнах в Шотландии; и, помимо военного знаменосца, у него, по—видимому, был духовный хранитель: как мы узнаем из этого любопытного документа, сохранившегося в Тауэре:

"Rex dilecto et fideli suo, Johanni de Warennæ, Comiti Surr', custodi suo regni et terræ Scotiæ, salutem.

"Cum nos, ob reverentiam Sancti Johannis de Beverlaco, gloriosi confessoris Christi, concesserimus dilecto clerico nostro Gileberto de Grymesby, qui Vexillum ejusdem Sancti ad nos usque partes Scotiæ, detulit, et ibidem de præcepto nostro cum Vexillo illo, durante guerra nostra Scotiæ, moram fecit, quandam ecclesiam, viginti marcarum vel librarum valorem annuum attingentem, ad nostram donationem spectantem, et in regno Scotiæ proximo vacaturam.

"Vobis mandamus quod præfato Gileberto, de hujusmodi ecclesia, in prædicto regno Scotiæ, provideri faciatis, quamprimum ad id optulerit se facultas.

"Teste Rege, apud Kyrkham xiiij. умри октябрём". (1296[399].)

Треугольный выпел встречается во многих группах Расписного Зала. Он не всегда имеет геральдический оттенок, но, возможно, это произошло из-за частичного выцветания цветов.

Знамя копьё с одним, двумя или тремя остриями можно увидеть на наших гравюрах на дереве под № 55, 62 и 80.

Рога и Трубы, использовавшиеся в битвах, не часто изображаются на картинах того времени; но хорошие примеры есть в Рой. ср. 20, D. i., и на табличке xxxvi Расписной палаты. Трубы бывают двух видов, прямые и слегка изогнутые, и имеют длину в четыре или пять футов. Прямая труба изображена на листе 222^{vo}. of Roy. MS. 20, D. i.; и изображена в качестве геральдического знака на щите сэра Роджера де Трампингтона (гравюра на дереве, № 73). Длинная изогнутая труба встречается на листе 21^{vo}. книги Roy. MS. 20, D. i. Оба вида изображены на листе xxxvi Расписной палаты. Меньший полукруглый Рог нарисован на листе 70 из 20, D. i..



БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ ЭДУАРДА ПЕРВОГО.

№ 85.

Из уже цитировавшегося сборника средневековых "Пословиц" мы узнаем, что Испания по-прежнему оставалась излюбленным рынком рыцарского скакуна. Дания и Бретань также прославились своими породами лошадей с другим характером. Решение о всеобщем одобрении отдается

"Dextriers de Castille.
Palefrois Danois.
Roussins de Bretagne."

Благородство высокородного декстрариуса было таково, что, когда два рыцаря спешили и продолжили бой пешими, их лошади, предоставленные самим себе, немедленно вступили в самостоятельную схватку самого доблестного и отчаянного характера. Изображение двойного сражения такого рода приведено на листе 42 книги Роя. ср. 12, F. xiii., трактат "О природе

Пекудума, Волюкрума" и др. Форму седла того времени с его высокой лукой и балкой можно увидеть на королевских печатях, выгравированных на листах 52, 79, 81 и 85; и снова на рисунке под номером 58. Иногда его украшали геральдикой. В закупках для Виндзорского турнира[400], в количестве 1278, у нас есть:—

"D Felis Le Seler. viij. продам оружие Англ. p'c. lxiiij. † i. P'is.

"D Eodem. iiij. деревня брон-де-фило-аури и аргентинский трактат, где виден уна-де-арм Робти Тибетот уна-де-арм Джохис де Нил. дж. де арм Imb'ti Guidonis et una de arm Comitis Cornub' p'c^{xx}/iiij. viij. † i.

"D Eodem. j. sella brond' eodem modo de arm Joh'is de Grely. с чешуйчатый серебряный' p' c. xxxviiij. † i". и с.

На печати Александра II Шотландского, 1214-49 гг., королевское седло украшено вставшим на дыбы львом (Хлопковая хартия, XIX в. 2). И печать Роберта Фиц-Уолтера 1299 года представляет собой аналогичный пример (Табличка xvii. из тома v. *Археологии*). Многочисленные примеры показывают, что стремя того периода было треугольным. Смотрите гравюры на дереве, № 47, 48 и 56. Пейтрел, или нагрудный знак, иногда был простого покроя, как на первой печати Генриха III. (гравюра на дереве, № 79): иногда на нем были подвесные украшения предшествующего периода, как в примере на табличке xxxvii. из Расписной комнаты, где узор представляет собой цепочку золотых трилистников. Из Виндзорского свитка, процитированного выше, мы узнаем, что поручень был из кожи, и что эта кожа иногда покрывалась позолотой:—

"De Stephano de Perone xi. pař. стрептококк и xi. грудной моллюск p'c. xxij. † i.

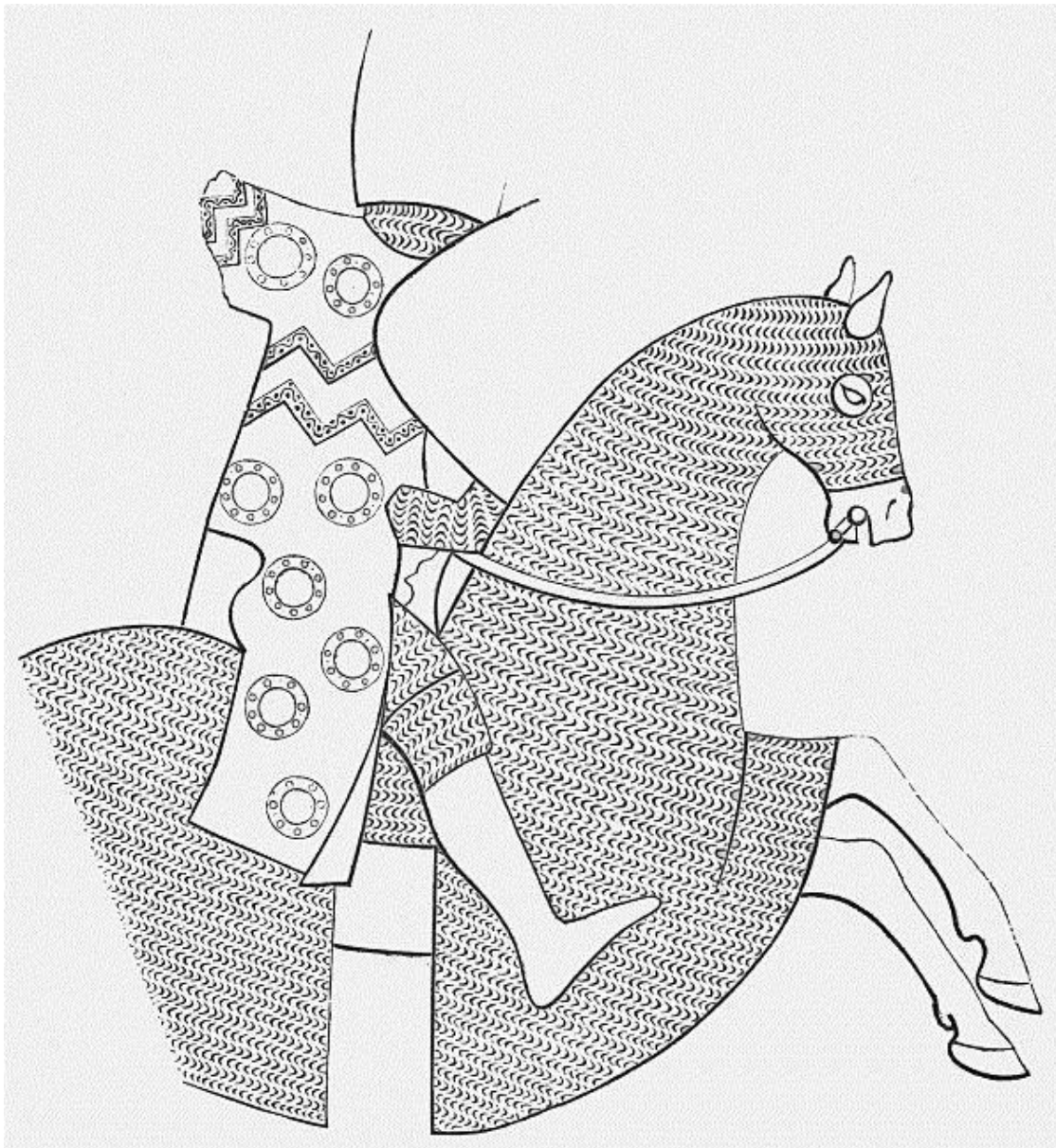
"De eodem. iiij freñ cū pectoř et strepis de corea. p'c. vi. † i.

"De eodem. ij. freñ ij. pectoř et ij. острый стрептококк. пк. iiij. † i."

Уздечка представляет собой два вида удил: у одного щечки соединены перекладиной с нижнего конца, как на гравюре на дереве, № 80; у другого такой перекладины нет (см. фол. 27 Харл. рукописи 3,244). Последняя цитата из Виндзорского списка показывает нам, что уздечки иногда покрывались позолотой. Группа из Раскрашенной комнаты на нашей гравюре на дереве, №82, предлагает любопытное расположение повязки на лбу. Патроны в оригинале золотистого цвета.

Попона рыцарского скакуна, по-видимому, была пяти видов. 1. На лошади есть только "кувертура" из кольчуги. 2. Кувертюра выполнена из стеганой ткани. 3. Корпус из легкого, трепещущего материала, вероятно, прикрывающего кольчужную броню. 4. Легкий корпус, украшенный геральдикой, под которым, кажется, нет доспехов. 5. У лошади нет никакого снаряжения, кроме обычного боевого - седла, пейтреля и уздечки.

О рассылаемых по почте dextrier мы уже имели некоторое представление в предыдущем столетии (см. стр.169). Приведенный здесь пример взят из Расписной комнаты.



№ 86.

"Ловец кольчуги" изображен на двух табличках этой работы: пронумерованных 31 и 37. Фрагмент подобной защиты можно увидеть на памятнике Шерланд в Минстере (Стотард, стр. xli.). Но изображения этого вида вооружения являются величайшей редкостью. Это, однако, часто упоминается писателями того времени; хотя, возможно, не без некоторого преувеличения количества закованных в кольчуги коней, собранных в войске. В битве при Нуова-Кроче в 1237 году между империалистами и миланцами Мэтью Пэрис рассказывает нам, что: "Заслуживающий доверия итальянец утверждал, что Милан с его зависимыми районами собрал армию из шести тысяч латников на закованных в железо лошадях^[401]". В *"Хронике Кольмарьенсе"* под 1298 годом, описывая силы "австралийцев, вооруживших феррейру утебантур", выдвинутых против герцога Австрийского, говорится: "Habebant et multos qui habebant dextrarios, то есть equos magnos. Hi equi cooperti fuerunt coopertoriis ferreis, id est, veste ex circulis ferreis contexta." Указ Филиппа Красивого от 1303 года предусматривает, что каждый владелец арендуемого имущества в размере 500 ливров должен предоставить для защиты

королевства "рыцарский титул в армии и монте-карло в чинквантских турнуаских ливрах и другие" средства для борьбы с коррупцией[402]." Особое применение стальных доспехов или портупеи заключалось в защите лошадей от вражеских снарядов. В книге Сатклиффа "Практика владения оружием", написанной в шестнадцатом веке, когда мушкет быстро вытеснял длинный лук, есть: "Использование в последнее время привело к появлению различных видов Всадников, которые, в зависимости от их вооружения и экипировки, имеют разные названия. Некоторые лошади в доспехах, другие без доспехов. В прошлые времена французские вооруженные люди использовали лошадей в доспехах, опасаясь наших стрел. Теперь, поскольку лучники не так уж ценятся, а барды - всего лишь слабая защита от Шотте, лансеры, оставляющие свои барды, вооружены так же, как албанские страдиоты".

Корпус с точечной заливкой назван в указе Филиппа IV. цитируется выше, и это, вероятно, может подразумеваться в большинстве случаев, когда мы читаем о "шевалье куверте". Ригорд под 1214 годом (битва при Бовинсе) описывает приближение империалистов на их закованных в доспехи лошадях: "Dixit quod viderat equos militum coopert", ... quod erat evidentissimum pugnæ signum." In a roll of expenses, of 1294, given by Du Cange[403], "Pour les gages de Monsieur Bertran Massole, retenu aux gages accoustumez pour lui et deux Ecuyers," we read: "Et estoit luy et autre à chevaux couverts, et un autre sans cheval couvert:" and again: "Pour onze Ecuyers à chevaux couverts, à chacun vii. sols vi. deniers par jour, et pour deux qui n'ont point chevaux couverts, chacun v. sols."

В Англии вооруженная лошадь вошла в обиход между 1285 и 1298 годами; ибо, в то время как Статут Винчестера 1285 года не упоминает о какой—либо защите коня, Статут 27 Edw. I в каждом конкретном случае требует такого вооружения:-

"Le Rey ad ordene qe sire Thomas de Furnivall voit en les contees de Notingham et de Derb', de eslire, trier, ordener et asseer gentz d'armes en meismes les contez, aussi bien a chival come a pie, de toutz ceus qui sont de age d'entre vint anns e seissaunte: ensi qe chescun qe eyt xxx. живущие на земле, это *нерыцарское укрытие*: они живут в сейссонте, двое в *укрытии шиво*: они видят гору Эскун XXX. житель земли, не *рыцарский тайник*. E s'il eit plus avant qe xxx. liveree de terre e ne mie seisaunte, qe en ceo qe il avera entre les xxx. livereez, seit joint e mis a un autre qe serra de meisme la condicion.

"E de ceus qui averont meins de trente liveree de terre en aval jusques a seisaunte soudes, e de ceus qe out seisaunte soudees, e de seisaunte soudees en amount, soient enjoingnz e mis as autres qe serront de meisme l'estat, de si qe il seient a xxx. liverees, e adunkes soient assis a *unchival covert*: ensi qe chescune trente liveree de terre, aussi de greindres come de meindres, face un *chival covert*.

"E face le dit sire Thomas mettre en rulle les nouns de touz ceaus qe serront assis as chivaux covertz, e le noumbre des chivaux par eus severeaument de chescun wapentakel, e aussi les nouns de gent a pe par eus.

"E ausitost come il avera ce fet, distinctement e apertement de ce certifie le Rey.

"Не трогай Шастель-сюр-Тайн, журнал XXV ноября"[404]."

Корпус из более легкого материала, по-видимому, представлен нам на гравюрах № № 47, 72 и 80. Складки драпировки в этих примерах ни в коей мере не имеют характера жесткой стеганой одежды. Последняя из трех миниатюр ("Из жизни Оффов") еще более любопытна тем, что в той

же группе изображена лошадь с жилищем и без него. Конь в попоне впереди - это конь короля Оффы Первого, который ведет свои войска на поражение шотландцев. Очень ранний образец траппера обнаружен на печати Сэра де Квинчи, графа Винчестера, 1210-19 гг.: выгравирован на шотландских печатях Лэйнга, лист xi. В этом памятнике корпус также защищен броней, что, по-видимому, свидетельствует о том, что геральдический и простой корпус были введены одновременно. Ни один из них не был в то раннее время необходимым атрибутом рыцарского достоинства; поскольку мы не находим английской королевской печати с изображением скакуна в попоне до времен Эдуарда I. (См. Гравюру на дереве, № 85.) Другой ранний экземпляр гербового траппера представлен печатью Хьюго де Вера, графа Оксфорда, 1221-63 гг.[\[405\]](#); и в этом, как и в других примерах, следует отметить, что, в то время как кувертура лошади украшена геральдическими знаками, плащ рыцаря совершенно простой. Приведенная здесь печать Роджера де Квинчи, графа Винчестера с 1219 по 1264 год, имеет такое же расположение.



Табличка LXXXVII.

Другие примеры бронированного жилья можно найти в "Жизнеописаниях Оффов", "Расписной камере", в печати Патрика, графа Марча, 1292 г. (Лэйнг, стр. 54), в памятнике Эдмунда Краучбека, 1296 г. (Стотард, стр. xliii.) и в наших гравюрах, № № 47 и 85.

К концу XIII века вошло в моду украшать голову лошади Веерным гребнем, подобным тому, что был закреплен на шлеме рыцаря. Этот веерный герб для лошади является украшением очень глубокой древности: он встречается среди ассирийских скульптур, а затем среди ликийских мраморов в Британском музее. Посмотрите гравюры на стр. 159 и стр. 285 умелой работы г-на Во в нашей национальной коллекции. Герб Патрика Данбара, графа Марча, 1292 г., представляет собой хороший пример рыцаря и коня, украшенных гербом веера: он изображен на Древних шотландских печатях Лэйнга, стр. 54. В положении о Виндзорском турнире 1278 года для каждого рыцаря и каждой лошади предусмотрены гербы[406]:—

"It p_uqualibet galea j. cresta }
It p_uqualibet equo j. cresta } Sm. lxxvj. Герб".

В данном случае они были сделаны из пергамента и скреплены с помощью гвоздей или заклепок и "шастонов":—

"It p_uqualibet cresta j. pell' parcameñ rud'.
Это квалибет креста дж. за честон и дж. клауон".

Клавоны снова упоминаются в Отчетах о гардеробе короля Эдуарда I. в 1300 году[407]:
"Разнообразное вооружение, вексиллорум и пеноцеллорум, сторонники Домино Эдварда филио Региса и Иоганны де Ланкастрия, джамбери, полейнс, платис, уно капелло ферри, уна Креста склависом". аргентинец за Эдема Капелло" и проч. Часть (фр. *châton*) представляла собой своего рода гнездо или впадину, но конкретное расположение ее для крепления гребня не установлено.

Примерно в то же время мы впервые слышим о защите лошади от природы позднего шанфрейна. Тот же Виндзорский свиток 1278 года дает нам самое раннее упоминание об этих кожаных "копитах", изготовленных по образцу лошадиных голов (*de similitudine*):—

"D Miloñ le Cuireuř. xxxviii. copita coř de similitud' capit equoz p'c pęc ij. s."

Они снова появляются в 1301 году под названием *testaræ* (или *testeræ*) в Договоре о передаче замка Монтгомери Уильяму де Лейберну (Cott. MS. Vitell. C. x. fol. 154): "Пункт освобождения в последний раз. pař coopertorum ferri et ij. Testaras et v. loricas cum capite et v. sine capite," &c.

В тринадцатом веке, по-видимому, сохранились все Механизмы для подхода и атаки городов, которые использовались в предыдущую эпоху. В этом столетии мы впервые получаем наглядное свидетельство формы и принципа действия мангоны или требуше средневековья, и изэтого

ценного свидетельства мы узнаем, что движущая сила *кручения*, применявшаяся в классический период, больше не в почете; вместо этого у нас есть машина, с помощью уравновешивающей балки большой камень выбрасывается из пращи, закрепленной на одном конце балки. Мы уже (стр. 330) ссылались на рисунки этих инструментов в арабской рукописи этого столетия, использованной капитаном Фаве и М. Рейно в их работе "*Дю фе грегуа*" и др. Другие ранние изображения встречаются в Roy. MS. 16, G. vi., скопированы в "Платьях и украшениях" Шоу; в резьбе по слоновой кости, представленной в четвертом томе Журнала Археологической ассоциации, и в *Этюдах по искусству* Императора Франции, том ii. Табличка iii. В работе Жиля Колонна[408], написанной для его ученика Филиппа Красивого из Франции, у нас есть отчетливое описание четырех разновидностей требуше: "Пьерье, - говорит он, - бывает четырех видов, и во всех этих машинах есть балка, которая поднимается и опускается с помощью противовеса, к которому прикреплен строп до конца балки нужно выгрузить камень. Иногда противовеса недостаточно, и тогда к нему прикрепляют веревки, чтобы перемещать балку. Противовес может быть либо неподвижным, либо подвижным, либо и тем и другим одновременно. В неподвижном противовесе к концу балки крепится ящик, наполняемый камнями, песком или любым тяжелым предметом. Эти машины, в древности называвшиеся *trabutium*, отливают свои снаряды с максимальной точностью, потому что вес действует равномерно. Их цель настолько верна, что можно, так сказать, попасть в иголку. Если гинеколог заносит слишком далеко, его необходимо оттянуть назад или нагрузить более тяжелым камнем; если наоборот, то его необходимо продвинуть вперед или снабдить камнем меньшего размера. Ибо, не обращая внимания на вес камня, нельзя надеяться достичь заданной отметки.

"Другие из этих машин имеют подвижный противовес, прикрепленный к балке и поворачивающийся вокруг оси. Этот сорт был назван римлянами *биффа*. Третий вид, который называется *трипантум*, имеет два груза: один прикреплен к балке, а другой может перемещаться вокруг нее: благодаря этому он бросает с большей точностью, чем *биффа*, и на большее расстояние, чем требушет. Четвертый вид, вместо гирь, прикрепленных к балке, имеет несколько веревок; и разгружается с помощью людей, одновременно тянущих за веревки. Этот последний вид не бросает такие большие камни, как другие, но у него есть то преимущество, что он может быстрее загружаться и разряжаться, чем они. При использовании *perriers* в ночное время необходимо прикрепить к снаряду корпус с подсветкой: таким образом можно определить силу машины и соответствующим образом регулировать вес камня[409]."

Требуше, снабженное шнурами, представлено в упомянутом выше трактате *О грегуа* и в *Этюдах по искусству*, том ii, стр. iii. Те, кто знаком с видами Темзы, не преминут быть пораженными любопытным сходством между этим древним орудием ведения войны и устройством, с помощью которого бригада угольщиков поднимает груз из трюмов своих кораблей.

Мэтью Пэрис упоминает о курсировании днем и ночью ужасного требушета. Под 1246 годом он приводит нам письмо магистра Уолтера де Окра, клерка императора, королю Англии, в котором излагаются события итальянской кампании: "Примерно за восемь дней до конца июля прошлого года мой господин осадил замок Капаччо, в котором находились (некоторые рыцари), предавшие его и покушавшиеся на его жизнь, со ста пятьюдесятью другими, включая рыцарей, арбалетчиков и других их друзей; всех их мой упомянутый господин непрерывно обстреливал метательными снарядами, днем и ночью, из семи хорошо организованных частей. Требушеты, а также энергичные и непрекращающиеся атаки, которые велись днем и ночью, привели к такому

беспомощному состоянию, что они не могли помогать друг другу[410]". В конце концов замок был взят и разрушен, гарнизон был наказан потерей зрения и другими увечьями; а шесть главарей, покушавшихся на жизнь императора, приняв участие в наказании своих товарищей, были по императорскому приказу "разосланы ко всем королям и принцам по разным странам мира с отпечатком найденной там папской буллы на лбу, чтобы публично уведомить об их предательстве".

Требушеты иногда отличались особыми названиями, что уже зародилось в "Мат-грифоне" боевой башни Львиного Куреня, а впоследствии в значительной степени использовалось в великих бомбардах пятнадцатого и последующих веков. В 1303 году, когда бернцы осадили Виммис, у них было два требушета, один из которых назывался *лесная поляна*, другой *Л'Ан*[411].

В 1850 году под руководством нынешнего императора Франции по образцу древних памятников было построено требуше больших размеров, которое было установлено в Школе искусств в Венсенне. Подробный отчет о его создании и экспериментах, проведенных с ним, был дан в Отчете военному министру капитаном Дж. Фаве: этот отчет напечатан в "*Этюдах искусства*", том ii. страница 38.

Снарядами, выпущенными из древних требушетов, были округлые камни, бочки с греческим огнем или другими зажигательными составами, а иногда и гниющие тела животных, когда осада затягивалась или сражающиеся были сильно раздражены. Округлые камни особо упоминаются Гиаром:—

"Giétent mangonniaus et perrières:

La grosse pierre areondie

Demainne a l'aler grant bondie."

Хроника. Métr., Par. i. vers 3,296.

Англичане, похоже, несколько отстали в постройке своих перье, поскольку Мэтью Пэрис рассказывает нам, что в 1253 году гасконцы забрасывали армию короля камнями и дротиками таких замечательных размеров, что многие из них были доставлены в Англию для показа в качестве дикувинок[412].

Мангонель использовалась также в морских боях. В дополнении к "*Большой истории*" Мэтью Пэриса у нас есть отчет о взятии Дамьетты, в котором встречается такой отрывок: "И лапидезы *мангонеллиса* военно-морского", как парабантур и квинке, и секс лапидесов одновременно и долгое время"[413]. " Однако не похоже (как предполагалось), что мы имеем здесь описание машины, которая бросала пять или шесть камней одновременно: мы должны скорее понимать, что пять или шесть мангонелей были устроены так, что стреляли залпами.

Другой разновидностью требушета была Библия, но ее отличительный характер точно не установлен. Упоминается в 1238 году: "Приводим вторую библию, Петра и историю военного инструмента"[414]." И в *Романе де Клариса*:

"Li rois fait ses engins drecier

Et vers les haus murs charroier;

Bibles et Mangoniaux geter,
Et les Chats aux fossez mener,
Les Berfrois traire vers les mur:
Cil dedens ne sont pas à sur."

И снова, в том же романе:—

"Et pierres grans et les Pierriers,
Et les Bibles qui sont trop fiers,
Getent," &c.

В это время встречаются и другие названия, указывающие на машины для литья камней: некоторые из них, вероятно, являются просто синонимами уже замеченных слов; а что касается конкретного механизма, подразумеваемого другими, то при отсутствии современных чертежей тщетно надеяться на точное представление.

Помимо двигателей типа mangona, образованных стропой и грузом, существовал еще один класс, построенный по принципу арбалета. Спингарда и Спингарделла (*Espringale*), по-видимому, представляли собой арбалеты, установленные на рамах с колесиками, что несколько напоминает полевые орудия наших дней. Французы использовали их против фламандцев в битве при Монс-ан-Пюэле в 1304 году:—

"Joignant d'eus rot deux Espringales,
Que garçons au tirer avancement."—*Guiart*.

Они пускали в ход не только камни, но и дротики или пули: —

"Et font getter leurs espringales:
Ça et là sonnent li clairain:
Li garrot, empené d'airain,
Quatre on cinq en percent tout outre."
Guiart, année 1304.

Их также называли *Arbalestes à tour*, и под этим названием Кристин де Пизан (в четырнадцатом веке) включила их в состав вооружения для сильной осады: "Два цента арбалетов, *тренте* отцы *арбалеты* в *туре*, и цент отцов в *крок*, ... дужные туры по новым местам, нежные арбалеты" и т. Д. Из последнего пункта мы очень ясно видим, что отличительное название этого арбалета произошло от инструмента, используемого для сгибания его мощный лук. Фигура эспрингаля, установленного на его каретке, приведена в *Этюдах по искусству*, том i, Пластина i.

Старые приспособления для прикрытия саперов, когда они приближались к стенам осажденного города, все еще использовались: Кошка, Кошачий замок (*chat-chastel*), Винья и другие разновидности мантии, часто встречающиеся в хрониках и поэмах того времени. Король в *Романе "Де Кларис"*,

"——fait ses engins drecier,
Et les Chats aux fossez mener."

В 1256 году папские войска во главе с архиепископом Равенны нападают на Падую, обороняемую сторонниками тирана Эчелино; архиепископ, окруженный отрядом рыцарей и монахов, солдат и священников, атаковал город у ворот Понте Альтинато: они подступали к городу под прикрытием "своего рода передвижной галереи, которую они называли *Vinea*". Обвиняемые со своих стен вылили горящую смолу и кипящее масло на деревянную виною, так что она загорелась; но городские ворота тоже были деревянными, осаждающие подтолкнули машину вплотную к воротам, сожгли ее дотла и вошли на место[415].

Передвижные башни также все еще были в моде. Под именем *берфруа* они упоминаются в отрывке на предыдущей странице из *Романа де Клариса*. Под 1204 годом они названы Гийартом:—

"Un fort Chastel se fust drécié:
Le sommet plus haut en repose
Que les murs de Gaillart grant chose."

На Roy. MS. 20, D. i., относящейся примерно к концу этого столетия, деревянная башня встречается на нескольких миниатюрах. Он построен в виде строительных лесов, имеющих наверху открытую платформу, заполненную лучниками: его высота равна высоте городских стен, рядом с которыми он расположен. Примеры можно найти на листах 305, 306 и 317. Осажденные, когда им удалось определить точку, к которой должна была быть перемещена штурмовая башня, разрыхлили почву в этом месте путем рытья; так что, когда тяжелая машина прибыла, она была опрокинута, поскольку ее передние колеса погрузились в мягкую землю[416]. *Чат-шастель* объединил *беффруа* и *каттус*.

Но лучший отчет, который можно предложить об осадных операциях того времени, составлен современным автором, сенешалем Каркассона; сам он был командующим обороняющимися силами. Этот весьма любопытный документ сохранился в архивах Франции и был опубликован в *Библиотеке Академии художеств*, том vii. стр. 363. Каркассон был осажден осенью 1240 года сыном виконта де Безье; и защитник города Гийом де Орм посылает королеве Бланш, регентше королевства во время отсутствия Людовика Святого, точный отчет о происходящем. Каркассон был окружен двойной стеной, снабженной, как обычно, башнями, и несколькими барбаканами перед различными воротами. Цель барбакана состояла в том, чтобы предоставить осажденным средства для атаки с фланга: он был образован чем-то вроде улицы со стенами с каждой стороны, заканчивающейся чем-то вроде открытой башни: и, таким образом, стало необходимым, чтобы враг действовал в первую очередь против этого внешнего укрепления; ибо, атакуя завесу, они были бы подвержены фланговому удару из барбакана, а также могли быть атакованы с тыла вылазками из головы укрепления.

"Его превосходнейшей и в высшей степени прославленной госпоже Бланш, милостью Божьей королеве Франции, Уильяму де Орму, сенешалю Каркассона, ее смиренному и преданному слуге, приветствие и верная служба.

"Мадам, это для того, чтобы вы знали, что город Каркассон был осажден тем, кто называет себя виконтом, и его сообщниками в понедельник, следующий за октавой Рождества Пресвятой Девы Марии"[417]. И тотчас же мы, находившиеся в пределах города, отняли у них предместье *Гравийян*, которое находится перед тулузскими воротами; и оттуда мы получили много древесины, которая была нам очень полезна. Упомянутое предместье простиралось от городского барбакана до самого угла упомянутого города. И в тот же день наши враги множеством своих сил отняли у нас мельницу. Впоследствии Оливье де Терм, Бернар Югон де Серр-Лонг, Жеро д'Аниор и те, кто был с ними, засели между углом города и водой; и там, в тот же день, с помощью рвов в том месте и разрушив дороги, которые лежали между ними и нами, они так укрепились, что мы никоим образом не могли добраться до них.

"На другой стороне, между мостом и замком Барбакан, обосновались Пьер де Фенуйе и Рено де Пюи, Гийом Форт, Пьер де ла Тур и многие другие жители Каркассона. И в обоих этих местах у них было так много арбалетчиков[418], что ни один человек не мог выйти из города, не будучи раненым. Впоследствии они установили мангонель перед нашим барбаканом, когда мы, не теряя времени, противостояли ему изнутри превосходного турецкого петрария[419], который сыграл на мангонеле и тех, кто вокруг него; так что, когда они попытались бросить в нас и увидели луч нашего петрария в движении, они сбежали, полностью бросив свой мангонель. И в том месте они соорудили рвы и частокол. И все же, как только мы разряжали нашу артиллерию, мы отгоняли их от этого места, все еще не имея возможности приблизиться к нему из—за рвов, ям и стрел из их луков (?) -*propter fossata, quarellos et puteos qui ibi erant*.

Более того, мадам, они начали минировать барбакан у Нарбоннских ворот; и мы, подслушав, где они работают, приступили к разминированию; и мы возвели внутри барбакана прочную каменную стену, чтобы все еще удерживать половину барбакана в целости; затем они подожгли подпорки своей шахты, и во внешней части нашего барбакана была проделана брешь.

"Они также начали минировать другую башню (*торнеллам*) внешнего баллиума, но контрминированием нам удалось отстранить их от работы. После этого они начали (минировать) под другой стеной и разрушили две наши зубчатые стены (*cranellos de liceis*): но мы быстро воздвигли между нами хороший прочный частокол.

Они добывали также на углу города, по направлению к дому епископа, и, начав свою добычу с очень большого расстояния, они прошли под некой сарацинской стеной (*мурум сарраценеум*[420]) к стене *баллиума*, которую, когда мы заметили, мы немедленно возвели между нами и ними хороший прочный частокол, и обезврежен. Затем они подожгли подпорки своей шахты и обрушили около десяти саженей наших зубчатых стен. Но мы быстро соорудили хороший прочный частокол, на вершине которого соорудили хорошую *башню*[421], с хорошими бойницами для стрел; так что никто из них не осмеливался приближаться к нам в этом месте.

Они начали также добывать руду в барбакане *Порта Родез*, работая под ним, чтобы добраться до нашей стены; и в этом месте они образовали удивительно большой проход. Но когда мы поняли это, мы немедленно воздвигли с каждой стороны их работы большой и крепкий частокол; и мы также провели контрразведку и, ворвавшись в их шахту, быстро лишили их ее.

- Да будет вам также известно, мадам, что с самого начала осады они не прекращали штурмов. Но у нас был такой хороший запас арбалетов и храбрых парней, решивших сопротивляться изо всех сил, что они никогда не нападали на нас, кроме как с очень большими потерями для себя.

Наконец, в одно из воскресений они собрали всех своих латников, арбалетчиков и других и всем скопом атаковали барбакан под замком; но мы спустились в барбакан и выпустили в них столько камней и пуль, что вынудили их отступить; многие были убиты или ранены. В следующее воскресенье, после праздника Святого Михаила, они предприняли очень ожесточенный штурм. Но мы, благодаря храброй обороне наших людей, отразили их, убив и ранив многих: с нашей стороны ни один не был убит или смертельно ранен.

На следующий день, ближе к вечеру, услышав, мадам, что ваши войска приближаются на помощь нам, враг поджег пригород Каркассона. Они полностью разрушили здания братьев Минор и монастыря Пресвятой Марии в пригороде, используя древесину из них для строительства своих частоколов. Но ночью все осаждающие тайком отступили, а вместе с ними и жители предместий.

- По правде говоря, мадам, мы были вполне готовы продержаться гораздо дольше; ибо за все время осады ни один из ваших людей, каким бы бедным ни было его состояние, ни разу не страдал от нехватки продовольствия; а у нас было достаточно зерна и мяса для гораздо более упорного сопротивления, если бы возникла необходимость. Да будет вам известно, мадам, что эти злодеи на второй день своего прихода убили тридцать три священника и других святых человека, которых они встретили при въезде в пригород. Знайте также, мадам, что сеньор П. де Вуазен, ваш констебль Каркассона, Р. де Капендю и Жерар д'Эрменвиль очень отличились в этом деле. Но констебль, благодаря своей бдительности, храбрости и отваге, имеет право на главную всеобщую похвалу. Что касается других вопросов, касающихся округа, мы сможем дать более точный отчет, мадам, когда будем в вашем присутствии. Одним словом, они заложили против нас мины в семи разных местах, но мы в большинстве случаев обезвредили их и оказали решительное сопротивление. Они начали строить мины в своих собственных кварталах, так что что мы ничего не знали об их приближении, пока они не оказались у наших стен.

"Дано в Каркассоне 13 октября 1240 года.

- Знайте, мадам, что враг сжег замки и города, мимо которых они проходили во время своего бегства.

Город Каркассон в его нынешнем состоянии, вероятно, является самым совершенным фортификационным сооружением средневековья из всех существующих. Все стены, башни, барбаканы, рвы и даже разводные мосты сохранились до наших дней и удивительно мало пострадали, учитывая, что они датируются тринадцатым и четырнадцатым веками. Осталось достаточно, чтобы восстановить все в совершенстве, без сомнений и колебаний.

Замечательная серия планов и чертежей этих интересных укреплений была составлена М. Виолле-Ле-Дюком для французского правительства, демонстрируя каждую деталь в ее фактическом состоянии, и не менее полная серия проектов их восстановления, представляющих их в точности такими, какими они выглядели во время осады, так хорошо описанной сенешалем. Отчеты, касающиеся строительства этих стен и подготовки к их обороне, сохранились во французских архивах. Очень ценная и интересная серия рисунков, названная выше, была выставлена французским правительством в архитектурной галерее *Выставки изящных искусств* в 1855 году, и большая их часть прекрасно выгравирована в уменьшенном масштабе в "Очерках военной архитектуры моей эпохи", о которых мы уже упоминали. На этих планах очень четко обозначено расположение замка на одной стороне

города и различных барбаканов, описанных сенешалем. В Англии есть несколько барбиканов, сохранившихся в совершенстве, например, в Уорике и Олнвике.

Осада замка Бедфорд в 1224 году представляет собой еще один хороший пример способа нападения на крепость в этот период. Гарнизон в данном случае был мятежниками против короля; их предводитель, некто Фоукс, иностранец, сторонник епископа Винчестерского, хотя сам не присутствовал во время осады. Замок был заложен самим королем. Две высокие деревянные башни, подобные уже описанным, были возведены у стен и заполнены лучниками. Семь мангонов с утра до ночи бросали тяжелые камни. Саперы подошли к стенам под прикрытием Кошки. Сначала был взят барбакан, затем внешний баллиум. Вскоре после этого пролом во второй стене позволил осаждающим проникнуть во внутренний двор. Донжон все еще держался, и роялисты приступили к его штурму с помощью своих саперов. Когда была снесена значительная часть фундамента, подпорки были подожжены, один из углов ушел глубоко в землю, и внутри крепости образовалась широкая брешь. Теперь гарнизон водрузил королевский штандарт на башне и отправил женщин молить о пощаде. Но требовался суровый пример, чтобы посеять ужас среди недовольных в других частях королевства. Таким образом, рыцари и другие в количестве восьмидесяти человек были повешены; лучники были отправлены в Палестину, чтобы искупить свою вину, сражаясь с врагами веры; в то время как их лидер Фоукс, который теперь сдался в Ковентри, был изгнан с острова[422].

Мэтью Пэрис рассказывает о существовании необычного и в чем-то поэтичного Памятника Победы, оставленного в честь взятия замка в римской Кампанье. Император "захватил замок близ Монфора, принадлежавший племянникам и другим родственникам папы римского, который он, папа римский, недавно построил на деньги крестоносцев. Император разрушил крепость, повесил всех, кого нашел в ней, и в знак разрушения оставил что-то вроде *полуразрушенной башни*, чтобы память об оскорблении, равно как и о его мести, никогда не умирала[423]".

В морских сражениях по-прежнему участвовали те же рыцари, латники, лучники и "спутники", что и в сухопутных войнах. Хороший наглядный пример морского сражения того времени приведен на листе 357 Roy. MS. 20, D. i.. См. Также fol. 23^{vo} того же ср., для изображения вооруженного флота. В этом очень любопытном томе вы найдете другие примеры подобного рода, а также палатки и многие другие предметы военного назначения.

Турниры продолжали пользоваться большой популярностью среди знати, рыцарей и их слуг: но принцы начали понимать, что эти грандиозные вооруженные собрания их могущественных вассалов, с точки зрения возможностей, которые они предоставляли для проведения комбинаций против королевской власти, и впечатляющей демонстрации баронской силы и достоинства, обязательно участвующих в этих зрелищах, были полны опасности для королевского ордена; и, как следствие, запретили их проведение, кроме как с прямого разрешения суверена[424]. Ссылка заключалась в опасностях, которым подвергались участники этих пробных боев, и беспорядках, к которым они иногда приводили. И действительно, было нетрудно обосновать запрет на этих основаниях. Среди многих примеров, которые можно привести о бурном завершении турнира, мы можем отметить случай в Рочестере в 1251 году. "В том же году", - говорит Пэрис[425], - "в Праздник Зачатия Пресвятой Богородицы в Рочестере был проведен жестокий турнир между англичанами и иностранцами, в котором иностранцы были так позорно избиты, что позорно бежали в город в поисках убежища; но,

будучи встречены рыцарями, двигавшимися в противоположном направлении, они снова подверглись нападению, были ограблены и жестоко избиты". избивали палками и посохами: и таким образом они с большим интересом отвечали на удары и травмы, полученные ими на турнире в Брэкли. Вследствие этого гнев и ненависть между англичанами и иностранцами возрастали и с каждым днем становились все более страшными ". Другим ярким примером этого столетия является поспешная ссора между королем Эдуардом I и графом Шалонским в 1274 году, которая носила настолько серьезный характер, что получила название "Маленькая шалонская баталия". Король, возвращавшийся из Святой Земли, чтобы вступить во владение своей короной, был приглашен графом принять участие в турнире, который он готовил. Говорят, что отряд короля насчитывал всего тысячу человек, в то время как тех, кто сражался на стороне графа, вдвое больше. Но это оценка английских хронистов. Участники турнира встретились близ Шалона, одни верхом, другие пешком, вооруженные мечами. Граф, который был очень могущественным человеком, выбрал короля в качестве противника; отбросил в сторону меч, обхватил монарха руками за шею и употребил всю свою силу, чтобы стащить его с лошади. Но король, воспользовавшись тем, что граф крепко держал его за руку, и полагаясь на собственную силу, внезапно пришпорил своего коня, выбил графа из седла, а затем сильным ударом сбросил его на землю. Снова сев на коня, граф возобновил атаку, но не с большим успехом, чем раньше. Тем временем его рыцари, взбешенные поражением своего предводителя, начали нападать на англичан со всей яростью настоящей войны. Англичане наносили ответный удар за ударом: "рыцарский турнир мира" превратился в "Шутку за оскорбление": лучники Эдуарда пускали свои ужасные стрелы, обращали в бегство противостоящие им войска, бросались на рыцарей, убивали их коней или перерезали подпруги седел, чтобы повергнуть на землю многих крепких баронов и богатых пленников[426].

До нас дошло множество примеров мандатов, выданных для пресечения турниров. В Фандере их содержится значительное количество. Некоторые из них были разосланы светским князем, другие были пущены в ход духовной рукой; ибо в те дни было нетрудно заручиться помощью папы в любом плане подобного рода, где можно было выдвинуть благие намерения и был предоставлен либеральный душер. В 1220 году легат Пандульф запрещает турнир в Англии под страхом конфискации имущества и отлучения от церкви[427]. В 1234 году король Англии обвиняет своих подданных в том, что они оскорбляют людей, не участвуя в турнирах (*buhurdare vel torneare*[428]). В 1255 году королевский запрет снова разослан, и указана причина его публикации - опасность, грозящая принцу Эдуарду в Гаскони: "eo quod Edwardus, filius Regis in gravi periculo existit in Wasconia"[429]. 1265 год - дата другой[430]. В 1299 году король снова издает свой мандат: на этот раз с особыми суровыми наказаниями. The knight is forbidden "sub forisfacturâ vite et membrorum, et omnium que tenet in dicto regno, torneare, bordeare, seu justas facere, aventuras querere, aut aliàs ad arma ire, quoquo modo, sine nostrâ licenciâ speciali." Если кто-либо осмелится ослушаться, то он немедленно будет арестован и помещен под надежную стражу ", - говорится в документе "corpora ipsorum, unà cum equis et hernesio suis"[431]."

В то время как, однако, монарх с робким характером и ревнивым отношением к своему баронству с неприязнью относился к турниру, принц предприимчивого нрава и искусный в военных упражнениях, естественно, с большим самодовольством относился к развлечению, в котором его собственные достижения выставлялись в самом блестящем свете, а уважение и привязанность его знати обеспечивались демонстрацией тех качеств, на которых они сами основывали свои главные притязания на власть и отличие. Таким образом, в тринадцатом веке, когда король (Генрих III.) создал восемьдесят новых рыцарей, доблестный принц Эдуард

сопровождал их на турнир, который был объявлен на континенте, "чтобы каждый мог испытать свои силы, как это было принято с новоиспеченными рыцарями"[432]. В 1253 году граф Глостер со спутником также отправился за границу, чтобы принять участие в свадебном торжестве и в последовавшем за ним турнире: приключении, в котором рыцари-антагонисты так грубо обошлись с ними, что потребовались ежедневные разжигания и купания, чтобы восстановить их здоровье[433].

Что касается снаряжения рыцарей и их помощников на Турнире, то существуют два документа этого столетия, которые представляют наибольший интерес и содержат самую любопытную информацию. Это "Statutum Armorum ad Tournamenta", составленный до 1295 года; и список с подробным описанием "Фактов противодействия вооружению парка Виндзор" на 6-м году правления Эдуарда I.; из последнего мы уже извлекли несколько отрывков, иллюстрирующих различные части рыцарского вооружения.

Из устава турнира мы узнаем, что в то время существовал своего рода Суд чести для рассмотрения всех споров и правонарушений, которые могли возникнуть во время проведения игр; и членами его были старший сын короля, принц Эдуард; Эдмунд, граф Ланкастер; Уильям де Валенс, граф Пембрук; Гилберт де Клэр, граф Глостер; и граф Линкольн. Поскольку Де Валенс, последний носитель его имени, умер в 1296 году, а граф Глостер в 1295 году, дата этого документа, конечно, не может быть более поздней, чем год, указанный в последней цитате[434]. Стоит отметить, что изображения двух из этих Судей Турнира, полностью облаченных в атрибуты вооруженного рыцарства, сохранились до наших дней: памятники Эдмунду Краучбеку и Уильяму де Валенсу в Вестминстерском аббатстве являются одними из самых любопытных памятников, с которыми может ознакомиться любой, кто изучает старинные военные костюмы. Сохранилось несколько копий этого устава. Нижеследующее, из рукописи, хранящейся в Бодлианской библиотеке, было выбрано Регистрационной комиссией как наиболее заслуживающая доверия[435]:—

"A la requeste de Contes e de Barons e de la Chivalrie de Englet're, ordine est e p_u nostro Seign^r le Rey comaunde: qe nul ne seit si hardi desoremes, Conte ne Baron ne autre Chivaler, qe al Torney voysent de aver plus qe treys Esquiers armez, pur li servir al Turney: e qe chescun Esquier porte chapel des armes son Seignur qe il servira a la jornee pur enseygne.

"Ни одного человека, кроме Эскьера, не было в Турне, ни одного порта, ни одного очка, ни одного котла, ни одного бастуна, ни одной булавы, ни одной большой цели. Е вопрос о запрете, предзнаменование запрета, появление армии мустильеров[436], вопросы[437], е de пользователи, электронная ПОЧТА[438] sanz plus.

"E sil avent qe nul Conte ou Baron ou autre Chivaler voyse encontre le estatut p_u le assent e le comaunde^{nt} nostre Seign^r Sire Edward, fiz le Rey, e Sire Eumond frere le Rey, e Sire Willeme de Valence, e Sire Gilbt de Clare, e le Cunte de Nichole[439], qe celi Chivaler, qe issint s'ra trove en forfeaunt en nul poynt encontre le estatut, seyt encurru cele peyne: qe il perde chival e armes, e demeorge en prison a la volunte de avaũtdiz Sire Edward, Sire Eumond, e le autres. Что касается эсквайра, что касается сокровищницы серры, что касается того, что есть в мире, что есть в мире, что есть в мире, что есть в мире рыцарей и херни[440] e seyt iij. aunz en la prison.[441] Рыцарь на земле, отрекшийся от серрута армеза за права сеньора^r servir, отрекшийся от пуска, вернувший сына рыцаря, и, возможно, отрекшийся от эсквайров диз.

"E qe nul fiz de graunt Seignur, ceo est asaver, de Conte ou de Baron, ne seit arme fors de mustilers, e de quisers, e de espaulers, e de bacynet, saunz plus, e qe nul aporte cutel a poynte, ne espeye, ne mace, fors espee large. E si nul seit trove qe, en ascun de ceos poynz, alast encontre le estatut, qe il perde son chival le quel il serra munte a la jornee, e seit en la prison un an.

"E qe ceus qe vendrunt pur veer le turneꝛt ne seent armez de nule manere de armure, ne qe il ne portent ne espee, ne cutel, ne bastun, ne mace, ne perre, sur la forfeiture des Esquiers avaunt diz. Никогда не видел гарсона, никогда не видел портье, никогда не видел бастона, никогда не видел преступника, никогда не видел тюремного заключения. aunz.

"Я не граунт сеньор^р от имени тейгни мангери, я не эсквайр, не амейна эйнз, я не собираюсь покидать своих сеньоров.

"Отсутствие Роя де Хараунза у менестралей"[442] знамение прибытия армии, а не авторство для вас сонц пойнте. E qe le Reys des Harraunz eyent lur huces des armes saunz plus." &c.

Этот документ дает нам несколько любопытных намеков на обычаи того времени; не столько тем, что он запрещает, сколько тем, что предписывает. Турнир, в котором сражающиеся могут быть заброшены камнями и пращами слуг и других зрителей, не дает нам слишком возвышенного представления об этих празднествах; а для праздничной игры правила кажутся странно суровыми, которые предписывают, что бедный оруженосец, нарушивший их, лишается коня и доспехов и "унижается". aunz en la prison."

Список покупок, сделанных для турнира в Виндзорском парке, "*per manum Adinetti cissoris*", хранится в Лондонском Тауэре и датирован 9 июля шестого года правления Эдуарда I. (1278). Турниры были из тех, что называются "Турнирами мира", и рыцарей, для которых были предоставлены доспехи, было тридцать восемь. Из них двенадцать носили титул "сановников" и позолоченные шлемы, в то время как у остальных были только посеребренные головные уборы. "Памятная записка" сообщает нам, что каждый костюм состоял из одного плаща, одной накидки, одной пары жилетов, двух гербов (из которых один для лошади), одного щита, одного кожаного шлема и одного меча, сделанного из китового уса. "M^a в чем дело? рука дж. Кител: дж. кооператор: дж. паретт. Itm ij. Герб и гербовый герб и una galea cor и j. ensis de Balon." Каждый защитный слой состоял из кирасы и средств защиты рук. Кирасы (*quirettæ*), поставляемые "Милоном Курьером", вероятно, были кожаными, как и шлемы: "De Milon le Cuireur. xxxviii. вопрос: "Для каждого из них было приготовлено по два локтя ткани, называемой "Карта"; в то время как восемь кусков "Подгузника" внесли свой вклад в формирование целых тридцати восьми:-

"Pro qualibet quirett^f ij. карточка локтевой кости.
Защитник "Хнес Арман" viij. диаспор".

Плата за карту составляет четыре пенса за элл, за подгузник - восемь шиллингов за штуку. "Десять картечин" поставляются для формирования средств защиты рук: "Пункт р xxxviii. часть 1. букеранн". И все это нарисовано: "Пункт р fciij и рисунок xxxviii. напарник де Бокерана П.К. п. III. д. " Эти доспехи, должно быть, очень сильно различались по своей конструкции или украшению; ибо, в то время как доспехи Уолтера де Санкто Мартино стоили всего семь шиллингов, доспехи графа Линкольна стоили тридцать три шиллинга и четыре пенса.

Маленькие колокольчики были добавлены к снаряжению либо рыцарей, либо их лошадей; возможно, и то, и другое: и они были куплены у Ричарда Патерностера: "De Ricō pat'nr dccc. Новый Тинтунабул в XVI веке. III век н.э.". Это украшение из колоколов приобрело большую популярность в последующие два столетия.

Сюртуки четырех графов[443] были из синдонского шелка, остальные тридцать четыре - из Карда: "Pro iii. генеральный директор ^{или} Комитет ij. Имя и фамилия. Пункт р xxxiiij. кооператор. cxix. локтевая кость. карточка". Накидки были сделаны из кожи и кардигана и скреплялись шелковыми шнурками: "D. Milon le Cuireur. xxxviiij. номинал кор п'к, номинал viiiij. д.... Предмет за xxxviiij. номинал хix. локтевая кость. карточка.... viij. Двенадцатиперстная кишка (Duoden laqueoz seric p alett p'c duoden viij. d.)." У каждого шлема и у каждой лошади был гребень, сделанный из телячьей кожи и скрепленный *шастонами* и *ключицами*, которые уже были замечены на странице 347. Столяр Стивен изготовил тридцать восемь деревянных щитов по пять пенсов за каждый: "De Stephō Juncior xxxviiij. scut fustin p'c scuti. v. d." Поскольку в другом месте они называются *гербами*, мы можем заключить, что они были геральдически подписаны. Шлемы были кожаные, поставленные Робертом Эруннлером в их грубом виде по шестнадцать пенсов за шлем; но впоследствии украшенные Ральфом де ла Хэем, который позолотил двенадцать из них чистым золотом для главных рыцарей по шиллингу за штуку, а остальные посеребренные по восемь пенсов за штуку: "De Rob'o Erunnler xxxviiij. galee de cořp'c galee xvj. d. Item Rađo de la Haye p Batuf'xij. Галеа де ауро в дингморском оружейном зале XIII. д., посвященном битве XXVI. гал де ардженто, п.к. гал viij. д." Мечи были сделаны из китового уса и пергамента, их клинки были посеребрены, рукоять и навершие позолочены: "De Petro le Furbeur (меховщик) xxxviii. рад, что де-Бален & Parcomen, P'c pēs Вий. д. ИТМ Р Батур dcoз рад, что де Аргент' XXV.сек. ИТМ Р Батур romell' & eoзд рукоять де ауро полиуретан iiij. сек. ви. д."

Общая сумма, уплаченная за эти тридцать восемь предметов экипировки, включая их перевозку из Лондона в Виндзор, составила 80 фунтов стерлингов 11с. 8д. Другие покупки были сделаны в Париже, часть из которых, по-видимому, предназначалась для турнира, как и мебель для лошадей, о которой уже говорилось на странице 340. Другие предметы носят разный характер, например, охотничьи перчатки, меха для мантий, ковры и "сотня *украшений из Бри* для короля и королевы" (с. casei de Bria pro Rege et Regina, precium xxxv. s.). Весь документ, однако, заслуживает тщательного изучения, хотя мы извлекли основные детали, которые иллюстрируют предмет нашего исследования. Полностью оно напечатано в семнадцатом томе *Археологии*.

В этом столетии была в моде разновидность турнира, называвшаяся Круглым столом; хотя некоторые любопытные детали сохранились, конкретная характеристика его не установлена. Мэтью Пэрис[444] с особой отчетливостью отметил, что *Tabula rotunda* было не просто новым названием, данным старому виду спорта, но что это было времяпрепровождение иного рода. "В этом, 1252 году, - говорит он, - рыцари Англии, чтобы доказать свое мастерство и храбрость в военной практике, единодушно решили испытать свои силы не в спорте, который обычно и вульгарно называют Турниром, а в той военной игре, которая называется Круглым столом: (non ut in hastiludio illo quod communiter et vulgariter Torneamentum dicitur, sed potiùs in illo ludo militari qui Mensa Rotunda dicitur:) поэтому в октаву Рождества Христова Пресвятая Дева, они в большом количестве собрались в Валленденском аббатстве, стекаясь с севера и с юга, а некоторые и с континента. И, согласно правилам этого воинственного вида спорта, в тот день и на следующий несколько английских рыцарей проявили себя с большим мастерством и доблестью, к удовольствию и восхищению всех присутствовавших там иностранцев. На четвертый день

после этого два рыцаря великой доблести и славы, Арнольд де Монтиньи и Роже де Лембурн, выступили вперед, полностью вооруженные, как подобает рыцарям, и верхом на отборных красивых лошадях. И когда они бросились вперед, чтобы сразиться своими копьями, Роджер нацелил свое оружие, острие которого не было затуплено, как должно было быть, так что оно вошло под шлем Арнольда и пронзило ему горло: ибо он был безоружен в этой части своего тела, будучи без ошейника (*carens collario*). Монтиньи скончался на месте, и празднества сменились трауром; так что "те, кто пришел туда с радостью, внезапно расстались среди горя и стенаний; де Лембурн сразу же дал обет принять Крест и совершить паломничество за освобождением души Арнольда".

Из этого рассказа мы узнаем, что рыцари в полном вооружении сражались копьями верхом на лошадях и что особым правилом боя было то, что наконечники копий должны быть тупыми или "заостренными".

В 1280 году, на восьмой день правления Эдуарда I., граф Роджер де Мортимер созвал Круглый стол в своем замке Кенилворт. "Это было, - говорит Дагдейл, - большое и знаменитое собрание благородных людей, называемое *Круглым столом*, состоявшее из сотни рыцарей и стольких же дам, куда приезжали ныряльщики из чужих краев для упражнений с оружием, а именно, для тиртинга и боевых турниров: причина существования *Круглого стола* заключалась в том, чтобы избежать споров, касающихся прецедентности; обычай глубокой древности, которым пользовались древние *галлы*, как мистер *Кэмбден* в *Хантше*. от *Афиней* (одобренного Автора)". Первоначальными источниками для этого описания фестиваля "Круглый стол в Кенилуорте" являются Тривет и Уолсингем, и отрывки из них можно увидеть либо в их "Истории", 1280 г. н.э. 1280 г., либо в "Дюканже", *sub voce* *Tabula Rotunda*. Дагдейл, по-видимому, считал, что во избежание споров о прецедентности все участники турнира ужинают вместе за Круглым столом; но стол должен был быть большим, чтобы вместить "сотню рыцарей", не говоря уже о сотне Дам. Сравнивая это учреждение с другими аналогичного характера, представляется более вероятным, что определенное количество рыцарей, представлявших (и, возможно, носивших имена) короля Артура и его прославленный отряд воинов, сражались "против всех желающих". Эта точка зрения получает некоторое подтверждение от хорошо известной реликвии в Винчестере, "таблицы раундов Кинга Артура и хайс Найтс", которая расписана по отделениям, каждое из которых носит имя одного из членов братства. Стол, о котором идет речь, на самом деле не более древний, чем примерно начало шестнадцатого века; но, поскольку зал в Винчестере, в котором он сохранился, относится к тринадцатому веку (тому самому периоду, когда в моду вошел спорт *Tabula Rotunda*), представляется вероятным, что этот стол представляет собой какой-то более древний стол, разрушенный временем. Существующий "Круглый стол короля Артура" фигурирует в Винчестерском томе Археологического института; и в уведомлении о нем в этом томе цитируется любопытный отрывок из Леру де Линси (который сам цитирует Диего де Вера, присутствовавшего на свадьбе Филиппа и Марии), из которого следует, что традиция присвоила определенному отделению название "место Иуды, или опасное место": "Свадьба Филиппа II. авэк ла рейн Мари, в Монтро на бис на английском[445] столовая ронда фабрики "Пар Мерлен": все о композиции из 25 сравнительных образцов в блан и эн верт: современное танцевальное направление, посвященное кавалеру и обмороку. L'un de ces compartimens, appelé *Place de Judas* ou *Siège périlleux*, restoit toujours vide." Иуда, по-видимому, был вставлен из одной из средневековых мистерий, и следует признать, что стол, "сделанный Мерлином" и окруженный королем Артуром и его рыцарями, с Иудой в качестве приятеля, обладает определенной смелостью сочетания, которая вполне могла бы внушить

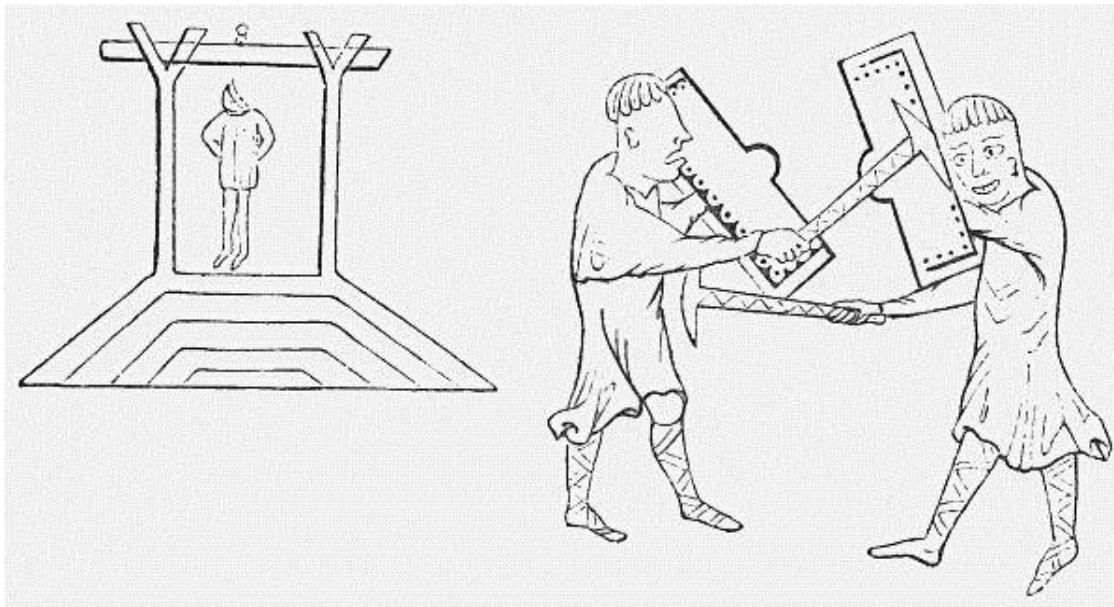
благоговейный трепет серьезному уму дона Диего де Вера по случаю его визита в Ханскрит. Отрывок из "*Фактов Бушко*", по-видимому, подразумевает, что проведение Круглого стола означало спешку, во время которой претенденты держали дом открытым: "Я соответствую своему великолепному одеянию и почетному поведению мессира Бушко, а также провизии для хорошего вина, а также для того, чтобы наша жизнь была просторной и простой, и для того, чтобы она была удобной, так как использование растений *подходит для того, чтобы накрыть стол в Венеции*". за то, как диктуют времена Дюрана и за то, как ведут себя люди Бушко[446]."

Если местная знать сохранила любовь к военным забавам своего ордена, то простолюдины были не менее привязаны к родственным видам спорта своего класса. Действительно, их энтузиазм иногда приводил их к чрезмерным амбициям, которые выливались в вооруженное состязание между двумя отрядами рыцарей и ремесленников: они осмеливались практиковать упражнение с квинтеном за приз в виде павлина! павлин, эта благородная птица, каждое перышко в хвосте которой было выражением презрения, презрительно взирающим на целое поколение плебеев.

Неистоимый Мэтью Пэрис снова дает нам иллюстрацию: "В первые две недели Великого поста (1253 г.) молодые люди Лондона испытали свои силы и быстроту своих лошадей в спорте, который обычно называют Квинтенем, выбрав Павлина в качестве приза состязания. Некоторые слуги и пажи королевского двора (он тогда находился в Вестминстере) были возмущены этим и оскорбляли горожан, называя их деревенщинами, цинготными и мыльными негодяями, и сразу же выступили в поле, чтобы выступить против них. Лондонцы с готовностью приняли их вызов и, избив их спины сломанными древками копий до черноты и синевы, они сбросили с коней всех королевских слуг или обратили их в бегство. Затем беглецы отправились к королю и, сложив руки и заливаясь слезами, умоляли его не оставить безнаказанным столь тяжкое преступление; и он, прибегнув к своему обычному способу мести, вымогал у граждан крупную сумму денег".

Фигуры квинтейна и тилтеров можно увидеть в "Спортивных состязаниях" Стратта: рукописи, которыми он пользовался, относятся к несколько более поздней дате (то есть к четырнадцатому веку), но формы квинтейнов можно с уверенностью считать похожими на формы предшествующей эпохи.

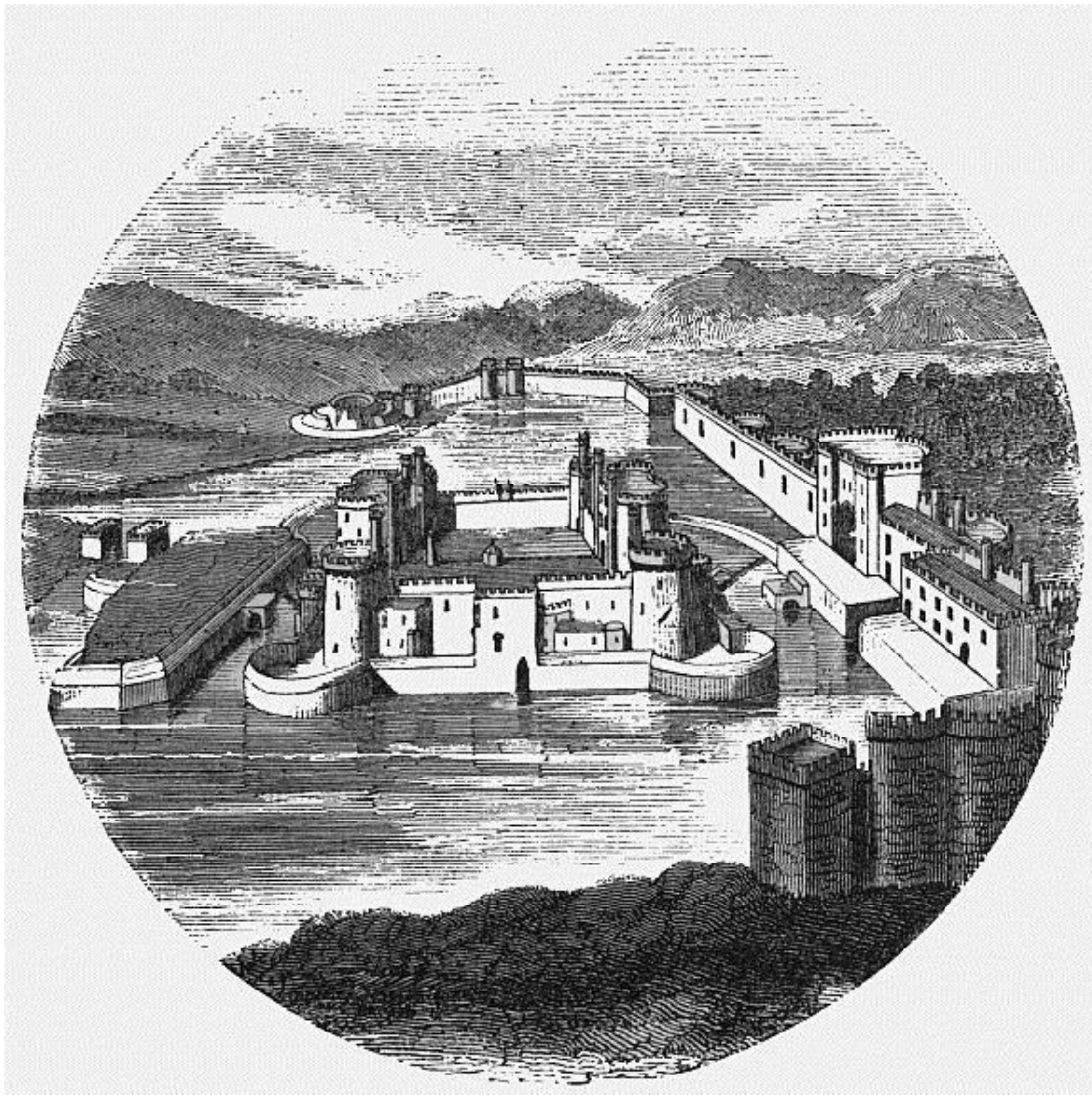
В XIII веке мы впервые встречаем графическое изображение Юридической дуэли, или боевого пари: грубое, это правда, но любопытно подтверждающее дошедшие до нас письменные свидетельства об оружии и одежде Чемпионов.



№ 88.

Этот рисунок был тщательно прослежен по одному из "Разных свитков" в Тауэре времен Генриха III. Бойцами являются Уолтер Блобберм и Хамун ле Старе, последний является побежденным чемпионом и, как считается, во второй раз в группе подвергается наказанию, связанному с его поражением. Имена участников дуэли написаны над фигурами, центральная из которых - фигура победителя. Оба вооружены четырехугольным изогнутым щитом и "бастоном" с двойным клювом во главе. Бриттон (Де-юре Англия, фол. 41) exactly describes their arming: "Puis voient combattre armés sans fer et sans longe arme, à testes découvertes et à mains nues (à pié?) ovesque deux bastons cornuts d'une longueur, et chascun de eux d'un escu de quatre corners, sauns autre arme dont nul ne puisse autre greiver." Точную длину батонов мы узнаем из статута Филиппа Французского 1215 года: "Statuimus quod Campiones non pugnent de caetero cum baculis qui excedant longitudinem trium pedum". Однако они могли бы, согласно уставу, использовать посохи меньших размеров, если сочтут нужным.

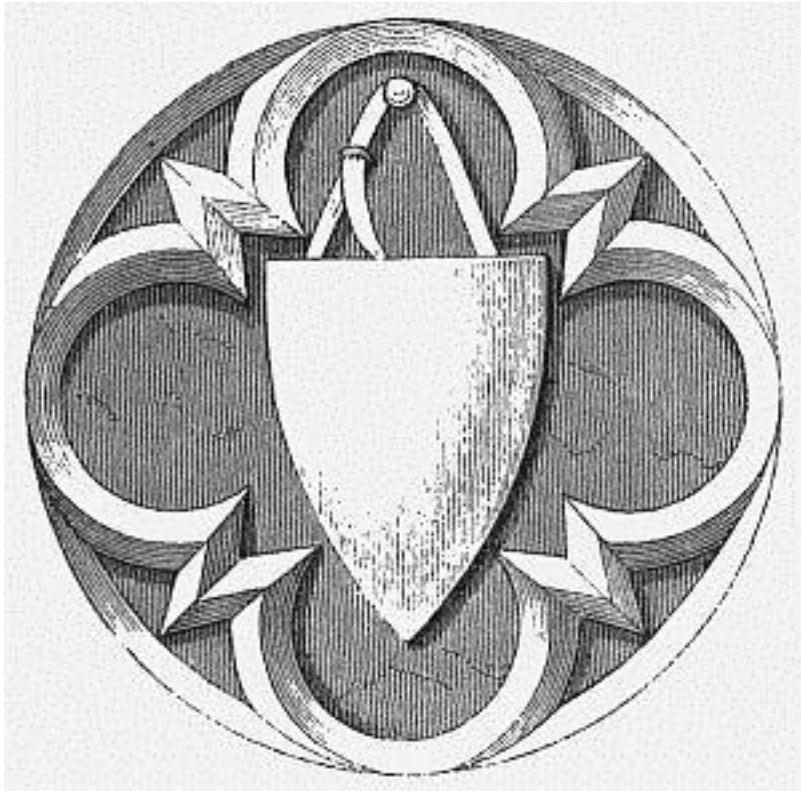
Упомянутое выше вооружение "без оружия" становится более понятным из отрывка "Кустумье Нормандии", глава ii. 28: (Les champions doivent être) "appareillez en leurs cuiries, ou en leurs cotes, avec leurs escus, et leurs bastons cornus, armez si comme mestier sera de drap, de cuir, de laine et d'estoupes. Es escus, ne es bastons, ne es armures de jambes, ne doit aver fors fust ou cuir, ou ci qui est pardevant dit; ne ils ne peuvent avoir autre instrument à grever l'un l'autre fors l'escu et le baston." Голые головы и укороченные волосы нашем duellers в соответствии с другим постановлением лагеря-бой: "Ле Шевалье Куай ЮВ комбате пр муртре ОУ пр убийство, ГП doive combatre à пье, Эт Санс coiffe, Эт Эстрпе roignés ля reonde[447]." Сравните фигуру защитника епископа Вайвила, которая изображена на монументальной медной статуе прелата в соборе Солсбери: дата 1375 год. Он выгравирован в "Латуни Уоллера", часть ix, и в "Живописи и скульптуре" Картера. Для получения расширенного ряда свидетельств, относящихся к обычаю заключать пари на битву, см. Дюканж или Аделунг, *против Кампионеса*, и сравните Эно, н.э. 1260 г.



ЗАМОК КЭРФИЛЛИ, ГЛАМОРГАНШИР.

Построен около 1275 года.

№ 89.



СНОСКИ:

[1] Чосер, Рассказ Рива.

[2] Таблички xxxi. и xxxvii.

[3] De Bello Goth., lib. ii. с. 25.

[4] См. Archæologia, vol. xxxvi. стр. 78.

[5] Вк. ii.

[6] Библиотека. ii. с. 27.

[7] Том i. стр. 508, изд. Балуз.

[8] Жизнь Карла Великого, II в. до н.э.

[9] Законы вестготов.

[10] Заглавная. о Карле Великом.

[11] Библиотека, iii. с. 74.

[12] Саксы в Англии, том ii. стр. 138.

[13] *Ib.*, стр. 164.

[14] *Ib.*, стр. 145.

[15] *Ib.*, стр. 149.

[16] Диплом Кодекса. Саксофон Эви., № 956.

[17] с. 14.

[18] Malmesb., объявление № 1041.

[19] Саксы в Англии, ii. 395.

[20] Библиотека. i. сар. 120.

[21] *изменения и дополнения.*

[22] *женщины приводят в ярость.*

[23] Библиотека ii.

[24] Библиотека iii.

[25] Роджер из Ховедена, *субподрядчик*. 1055.

[26] "Quum ex captivis quæreret Cæsar, quamobrem Ariovistus prælio non decertaret, hunc reperiebat causam: quod apud Germanos ea consuetudo esset, ut matresfamilias eorum sortibus et vaticinationibus declararent, utrum prælium committi ex usu esset, necne: eas ita dicere, non esse fas Germanos superare, si ante novam lunam prælio contendissent."—*Bell. Галл.*, lib. i.

[27] Агафий.

[28] Библиотека. ii. с. 37.

[29] Сообщение. Грег. Папа Адольфа Хильдеберта. *Apud Scrip, rer. Франк.*, iv. 17.

[30] Святыни.

[31] Чаша.

[32] Отправляется.

[33] Гейл.

[34] Хроника. из Баттл-Эбби; Ордрик Виталис; Уэйс.

[35] Хеймск., iii. 161.

[36] "в центре".

[37] "Тор, помоги!" или, возможно, Тир, Марс северян. Смотрите "*Саксы в Англии*" Кембла, i. 350; и "*Завоевание Анга*" Тьерри. *par les Normands*, sub an. 912-997.

[38] Хамон-о-Дент, сеньор де Торины, церковь на месте которого посвящена С. Аманд.

[39] Усы.

[40] Смотрите также Malmesbury, bk. iii., под номером 1066.

[41] Конкретные местности, где были найдены копья и другое оружие, упомянуты в описании гравюр.

[42] "Саксонские похороны" достопочтенного Р. К. Невилла.

[43] Коллекция древностей, том iii.

[44] Южная Франция в Нормандии.

[45] Das germanische Todtenlager bei Selzen in der Provinz Rheinhessen.

[46] Музей фра дет Конгелиге в Нордиске Олдсагер и Кьебенхавн.

[47] Смотрите примеры, выгравированные в Archæologia, vol. xxxv. стр. 78.

[48] "Фэрфорд Грейвз".

[49] Древние египтяне, том i, стр. 353, кв., изд. 1854.

[50] Смотрите работу аббата Коше, стр. 283.

[51] Archæol., vol. xxxv.

[52] Археологический журнал. Ассоциация, том iii.

[53] Там же.

[54] Апуд Бонгарс, стр. 241.

[55] Норманд. Сутерр., стр. 369.

[56] Кембл, Диплом Кодекса, № 979.

[57] При цитировании иллюстрированных рукописей мы будем осторожны, указывая Коллекцию и фолиант; но, если не указано обратное, просим понимать, что местом хранения является Британский музей.

[58] См. Henault, 1655; и Chiflet, *Anastasis Childerici Primi*.

[59] См. Cochet, Lindenschmit, and the Transactions of the Luxembourg Society, vol. viii. с. 45.

[60] Саксонские похороны.

[61] Landulphi senioris Mediolanens. История. Перев. Итал., том. iv. стр. 79.

[62] Библиотека iii. Эп. 3.

[63] Собирать. Антик., том iii.

[64] Там же.

[65] Глоссарий к "Беовульф".

[66] Первобытный антик. Дании, стр. 49.

[67] Atla-Quida, том ii. стр. 370.

[68] Том i. стр. 186.

[69] Саксы в Англии, ii. 100.

[70] Руководство Общества северных антикваров Копенгагена.

[71] Защита Worsaae's. из Дании.

[72]"Датчане в Англии" Уорсааэ.

[73] Для более полного описания этой сделки и других примечательных деяний нашего героя-кузнеца см. "Вельундарскую квиду" Самундарской Эдды и "Сагу о Уилкине" (с. 21, кв.); также "Хельденсаж" Гримма, стр. 14, и Teut. Мифол., 221.

[74]"Саксы в Англии" Кембла, стр. 280.

[75] *Нормандия Южная*, стр. 44.

[76] История бутерброда для мальчиков. Устав дан в *Кодексе диплома мистера Кембла. Эви Саксофон.*, iv. 23.

[77] Стотард, стр. хix.

[78] Северный.

[79] лезвие.

[80] с длинной ручкой.

[81] должна содержать ее.

[82] От *ira*.

[83] Отрывок, которым снабжены эти строки, еще более любопытен, поскольку, по-видимому, показывает, что *Оружейное* братство не ограничивалось рыцарским орденом. Эти два английских гизармира выходят на поле битвы при Гастингсе по аналогичному договору, чтобы одержать победу или пасть вместе:—

"Ты англичанин со многими организаторами,
Ты настоящий знаток
Для того, чтобы иметь постоянное преимущество.
Ensemble debveient aler:
Li uns debveit l'altre garder:
En lor cols aveient levées
Dui gisarmes lungen è léés."

[84] Глава 23. раздел. 4.

[85] оружие.

[86] javelin.

[87] железные наконечники.

[88] Уилсоновские "Мемориалы Эдинбурга", том ii. стр. 3; из архивов округа.

[89] Мы в долгу перед мистером Вествудом за этот любопытный рисунок.

[90] Abbé Cochet, p. 237.

[91] Фигурировал в *сборнике. Antiq.*, ii. 245, и на стр. 101 Иллюстрированного каталога Музея мистера Роуча Смита.

[92] Закон об уязвимостях, п. 2.

[93] *Нормандия Южная*, стр. 285, [351](#), 385.

[94] См. Археол. Журнал, том vi. стр. 181; и "Археология Шотландии" Уилсона, стр. 393.

[95] пайкс.

[96] форки.

[97] батоны.

[98] Ап. Дачезне, стр. 201.

[99] *млн. Fran.*, i. 7.

[100] См. "Египтяне" Уилкинсона, том i, стр. 357, изд. 1854.

[101] Смотрите "Ниневию" Лейарда, стр. 332, изд. 1852.

[102] Ante: страница [54](#).

[103] История. Франк., библиотека. viii. с. 29.

[104] Там же, библиотека. iv. с. 46.

[105] Смотрите талантливую работу М. Рейно и капитана Фаве, *Дю Фе Грегуа и др.*; и статью М. Лакабана в *Библио. "об Экономической картине"*, Вторая серия, том i; и *"Этюды об искусстве"*, написанные императором Франции.

[106] "Und so schwollen Sigurds Seiten, dass seine Panzerringe entzweisprangen;" welches Entzweispringen doch von nebeneinander gehefteten Ringen nicht füglich gesagt werden könnte.— *Wien's kaiserliches Zeughaus.*

[107] Библиотека vi.

[108] *Gesta Regum Franc.*, глава 41.

[109] Там же.

[110] Смотрите книгу *Пруденция*.

[111] См. Стратт, "Платье и жилье", стр. xxix.

[112] Выгравирован во втором томе *Коллекции антиквариата*.

[113] "Древние египтяне" Уилкинсона, стр. 287, изд. 1837; том i, стр. 338, изд. 1854.

[114] См. Археол. Журн., т. iii. с. 352.

[115] *Трахтен дез кристлихен Миттельальтерс*. Существует также французская версия этого замечательного произведения.

[116] Археология Шотландии, стр. 266.

[117] *Переворот*.

[118] *draps*.

[119] *да*.

[120] *изображение*.

[121] *ссылка*.

[122] *tomba*.

[123] Строка 5215.

[124] Анализ Торпа, стр. 137.

[125] Там же, стр. 128.

[126] Археол. Журн., т. xi. с. 98.

[127] ССЫЛКА. Du Chesne, p. 168.

[128] Археология, том xix.; и Мемуары, стр. 298.

[129] Сравните "Египтян" Уилкинсона, i. 349, изд. 1854; "Памятники Ниневии" Лейарда, лист lxxii.; и настенную роспись пещер Аджунта первого века нашей эры, прекрасная копия которой находится в музее Ост-Индского дома. Китайцы до сих пор используют большой круглый щит из тростника, за которым они приседают, чтобы полностью спрятаться от взгляда врага.

[130] Смотрите Описание гравюр для конкретных населенных пунктов, где они были обнаружены.

[131] Копенгагенское руководство.

[132] Монастырь. Англ., том i, стр. 24.

[133] Саксонские погребения, табличка xxxviii.

[134] *Todtenlager bei Selzen*, стр. 6.

[135] Hefner; *Trachten des christlichen Mittelalters*, Pt. I.

[136] Описано в *Archæologia*, vol. xxxv.

[137] Для получения много любопытной информации, касающейся практики погребения вместе с героем его коня, колесницы, ястребов, гончих и т.д., и обнаружения их останков в могилах, см. *Archæologia*, vol. xxxiii.; Йоркский том археологии. Институт., стр. 28; Саксонские погребения, стр. xxxviii.; Археол. Журнал, том vii, стр. 43; "Саксы в Англии" Кембла, том i, стр. 428; Приложение к переводу "Беовульфа" Кембла; Археология Вильсона. Шотландии, стр. 457 и 552; Антик Ворсаи. of Denmark, p. 100; Bähr's *Die Gräber der Liven*, pl. xvi. Сравните также Тацита, *Германия*, x в.; Цезаря, *Белл. Галл.*, lib. vi.; и Anc. Egypt Уилкинсона., том ii. стр. 270 и 399, изд. 1854.

[138] *Оркнейская сага*.

[139] То есть на романском языке.

[140] лента.

[141] используйте длинный лук.

[142] щит.

[143] оспаривать.

[144] sling.

[145] Любопытно сравнить этих высокородных дам девятого века с другой красавицей-ткачихой, несколько более близкой к нашему времени. Екатерина Арагонская в письме Вулси, когда король вел кампанию во Франции, пишет: "Я ужасно занята изготовлением штандартов, знамен и значков".

[146] Жестор. Саксофон., lib. i.

[147] Арнульф Медиоланский, 1. ii. c. 16; Рикордано Малеспина, История. Fior., cap. 164; Burchardus, *Epistola de excidio urbis Mediolanens.*, tom. vi.; Hist, Rer. Итал., стр. 917.

[148] Библиотека. vii. c. 37.

[149] Roy. MS. 18, A. xii., f. 105.

[150] *Ap. Labbæum in Chronolog.*, lib. ii.; Daniel, *Франц.*, i. 557.

[151] Рейно и Фаве: *Du feu grégeois* др., стр. 218.

[152] События, изображенные на гобелене из Байе, были тщательно идентифицированы и описаны М. Ланселотом в *Мемуарах Академии. des Inscript.*, viii. 602. Эта статья была перепечатана М. Тьерри среди *произведений, оправдывающих его завоевание Англии*, том i.

[153] Антуан де ла Саль, цитируемый Сен-Пале, *Анс. Шевалье*, i. 118.

[154] Liv. vi. c. 25.

[155] Том i, стр. 70. Смотрите другие ранние выпуски в "*Традиции запрета*" *сьера де ла Рока*.

[156] Подзаголовок. 1386.

- [157] Эно, i. 177.
- [158] Новый Раймер, том i, стр. 37.
- [159] Сборник, собрание законов, viii. 640.
- [160] Мэддокс, Hist. Excheq., 435 след.; Rigord, к югу от. 1183. Смотри также Du Cange или Adelung.
- [161] Статут Филиппа IV. номер субмарины 1285.
- [162] Дэниел, Мил. Франц., ii. 95.
- [163] Рисунок Даниэля, Ленуара, Виллемина и Гильерми.
- [164] С кольчугами.
- [165] Берег.
- [166] Библиотека. i. сар. 25.
- [167] Перепечатка. Итал., том ii. стр. 84.
- [168] Topographia Hiberniæ.
- [169] Iter Cambriæ, с. 3.
- [170] Филиппидос, л. 5.
- [171] Уилкинсон, i. 356, изд. 1854.
- [172] Из Оркнейских островов, говорит Ховеден; из Дарема, согласно Уэндоверу.
- [173] Панса, брюшной полости, матки; откуда *Panzeria*, quæ ventrem в lorica tegit. Adelung. *Pansière*. Fr.
- [174] Цитируется сэром Фредериком Мэдденом в *Archæologia*, vol. xxiv. с. 259.
- [175] Зеркало Regale, стр. 405.
- [176] Зародыш. lure; фр. Юп.
- [177] Конунг норегов Сегор, iv. 298.
- [178] Ховеден, под номером 1175.
- [179] Люди из Пуа, в Пикардии.
- [180] От *ingruens*.
- [181] фуле.
- [182] источник в луи.
- [183] Алексиад., Б. К. В.

[184] по аналогии.

[185] стремительно заряжается.

[186] Генрих Хантингдонский.

[187] Ordericus Vitalis, стр. 769.

[188] Гауфридус Малатерра, библиотека ii. с. 33.

[189] Wien's kaiserliches Zeughaus.

[190] Примечание к Соц. Royale des Antiq. de France, iv. 277. Nouv. Série.

[191] Коллекции Британского музея, Доп. рукопись, № 6731.

[192] Археол. Журнал., том ii. с. 409.

[193] Уоллер, Часть xiii.

[194] Холлис, Часть iv. Фото vii.

[195] Vocis etymon a veteri Germanico quidam accersunt, *Wamba*, venter; vel a Saxonico *Wamb*, quod idem sonat: ita ut *Wambasium* fuit Ventrale, ventris et pectoris tegmen, quod Germani *Wammes* vocant.—Аделунг саб против *Гамбезо*.

[196] Пл. Кор., 13 Изд. I.

[197] V^e. Livraison: Bible de St. Martial.

[198] Фолиант, 73 версия.

[199] *Трахтен*, Часть I., таблица xii.

[200] *Алексиад*, стр. 397.

[201] ГогенштауфРаумера: в венском "Кайзерлихз Цейгхаус" Фон Лебера, стр. 507.

[202] Добавить. MSS., 14, 789, fol. 10. Дата указана в колофоне. Цифры, скопированные на нашей гравюре, образуют часть буквы с подсветкой: отсюда скованность поведения Голиафа. В левой руке у Дэвида праща; на поясе у него мешочек для камней для пращи.

[203] См. страницу 112.

[204] Палеогр. Университет, Pl. clxxx.

[205] Алекс., библиотека. xiii. с. 314.

[206] Будет. из Малмсбери, Мод. История, до н. э.

[207] Экл. История, библиотека xi.

[208] Монум. Эфф., стр. 6.

[209] "Cujus genus avitum ob indignationem Normannorum, radere barbam contempsit."—Математика. Париж, стр. 127.

[210] "Непокорный Виллельмо, по прозвищу *кончающий барба*".—Математика. Paris.

"Cognomento à *la barbe*."—Math. из Вестминстера.

[211] вал.

[212] briser.

[213] Ховеден, суб. 1191.

[214] "Прежние условия аренды" Блаунта.

[215] Глава 23.

[216] Подзаголовок. 1348.

[217] История, стр. 252.

[218] Уоллер, часть ix.

[219] См. Guiart, *Chron. Mét.*, pt. ii. v. 10,518, и Froissart, том ii. стр. 572, изд. Бюшон.

[220] Подзаголовок. 1194.

[221] Законы Генриха I., с. 88.

[222] Загл. 30.

[223] Philippidos, библиотека ii.

[224] Philippidos, библиотека 5.

[225] Стрела арбалета.

[226] Хроника, изд. Бюшон, i. 237.

[227] Том iv. стр. 264.

[228] Хроника, i. 547.

[229] Малмсбери, библиотека i. с. 4.

[230] Ordericus Vitalis, стр. 501.

[231] Дополнение. 1190.

[232] Эно, i. 179.

[233] Ord . Виталис, глава xi.

[234] Его слуги; от *мансио*.

[235] два ост.

- [236] Выгравировано на Христианском памятнике Бутелла, пт. i. стр. 100.
- [237] Под номером 1099.
- [238] Берфредус, бельфредус, беффруа. Посмотрите на Дюканжа и Аделунга.
- [239] Сравните Фруассара, том ii. стр. 444, изд. Бюшон.
- [240] Библиотека. viii. с. 12.
- [241] Строго.
- [242] Библиотека xii.
- [243] Радевичус Фризинг., библиотека. ii. с. 59.
- [244] Там же, библиотека. ii. с. 47.
- [245] Boncompagni Obsidio Anconæ, глава iv. стр. 931.
- [246] Obsid. Анкона, с. iv. стр. 931.
- [247] Библиотека. iv. с. 15.
- [248] История. Альбигойский, загл. xlii.
- [249] Библиотека. iv. с. 63.
- [250] См. Аделунг в деле против *Катуса*.
- [251] De Gestis Frid., lib. ii. с. 17.
- [252] Том i. стр. 102.
- [253] Бревна.
- [254] Радевичус Фризинг., библиотека ii.
- [255] Хартия под ред. И. Апуда Принна, цитируемая Дюканжем.
- [256] Консилиум Альбиенсе, глава xv.
- [257] Библиотека iii. стр. 27.
- [258] См. Уильям Ньюбери, lib. v. глава 4.
- [259] Ньюбери. Это подтверждает Ховеден.
- [260] Харл. ср. 69.
- [261] Милис фран., i. 124.
- [262] Все, что можно пожелать по этому предмету, можно найти в "*Воспоминаниях об ансиенском рыцарстве*" Сен-Пале, трактатах Менестрие, Ла Коломбьера, Оноре де Сент-Мари, Фавена, в "*Турниербухе*" Рюкснера и Фейерабенда и Шлихтегролля, "*Турне короля Рене*"

Шампольона, "Триумф Максимилиана", "Заметки Дюканжа к Жуанвилю" и статья в "Глоссарии", "Аделунг" в "*v. Torneamentum*" и "Спорт Стратта".

[263] Кент Хастеда.

[264] Поликратик, 181.

[265] Поучительная серия английских скульптурных фигур была тонко выгравирована на монументальных изображениях Стотарда и в продолжении этой работы братьев Холлис. Континентальные образцы, особенно из Германии, умело отражены в *"Костюмах Мойен-Эйдж"* Хефнера. Скульптурные изображения, сохранившиеся в церкви Сен-Дени, хорошо описаны в *Монографии барона де Гильерми "Эглиз де Сен-Дени"*. Монументальный латуни Англии были выгравированы на отлично и в больших количествах гг. Уоллер, и в последующих работах Бутелла ред. г-н. Рыцарские статуи, представленные в "Памятниках Блора", хотя и немногочисленны, принадлежат к высшему разряду искусства и совершенны в своей правдивости.

[266] Эта рукопись, возможно, написана немного позже 1300 года, но доспехи, представленные в ней, по сути, относятся к XIII веку.

[267] Мэтью Пэрис, стр. 853. изд. Ватс.

[268] Сборник предписаний, i. 383.

[269] Резюме обоих приведены на более поздней странице этого раздела.

[270] Том iii. стр. 403.

[271] Защита Эйтона. из Шропшира, i. 160, кв.

[272] Предок Блаунта. Условия аренды и наследство Эйтона. из Шропшира, i. 180.

[273] Страница 248.

[274] Париж, стр. 374.

[275] Там же, стр. 467.

[276] Париж, стр. 514.

[277] Париж, стр. 518, *объявление № 1242*.

[278] Рот. Клаус. 6 Иоанна, м. 66.

[279] Rot. Клаус. 7 Иоанна, м. 18.

[280] T. v. c. 42.

[281] Фруассар, bk. i. c. 287.

[282] История, стр. 591.

[283] Том i, стр. 198.

[284] пайк.

[285] Ann. 1214.

[286] Строго.

[287] Брито, *объявление № 1202*.

[288] Аббат Святого Медарда.

[289] Избранный епископ Бове.

[290] Список расходов К. Эдуард I. в замке Руддлан: Археология. xvi., 47.

[291] Там же.

[292] движимое имущество.

[293] "Обер, часовня феер, особняк, кюре и шевалье". Статистика. из Винчестера.

[294] "Haubergeon". Там же.

[295] "Парпойнт, часовня фир, особенно красивая". Ib.

[296] "Особенно, ковчег, множество и красота". Ib.

[297] "Болельщики, армия, коты, авторские меню вооружения". Ib.

[298] Это то же оборудование, что и раньше, только рассчитанное по денежному цензу, а не по земельной собственности. В Уставе Винчестера есть аналогичное положение.

[299] Вот статистика. в Винчестерском университете есть дополнительный класс: "Как я отношусь к замку винной марки, Испании, милым и оригинальным вооружениям".

[300] "Дуги и наборы лесных закурок, денденц-леса, дуги и сваи (*разновидность* пилетов)". Статистика. Конкурсы.

[301] "Deus foiz par an." Статистика. Конкурсы.

[302] Глава 23.

[303] Древние владения Блаунта.

[304] Rot. Pat. 55.

[305] "Водопропускная труба" на простом английском языке означает "наказание за уклонение от ответственности". Виновный по закону подлежал конфискации всего имущества и бессрочному рабству". Лингард, Хист, англ. См. также Дюканж, v. Culvertagium.

[306] Новый Раймер, 444. См. также "Средние века" Халлама, том i, стр. 170. изд. 1855.

[307] М. Париж. Additamenta.

[308] Там же, стр. 1145.

[309] Страница 568.

[310] Это круглое образование, однако, не было новым изобретением. We have it in Cæsar: "Quum illi, *orbe facto*, sese defenderent, celeriter ad clamorem hominum circiter millia VI. convenerunt." Белл. Галл., Л. 4.

[311] Фордан, xi. 34; Хемингфорд, 59-165; Уолсингем, 75.

[312] стр. 631.

[313] История. подп. 1256. Смотрите также рассказ о татарских войнах. М. Париж, *от Рождества христово*. 1238, 1241, 1243гг.

[314] М. Париж, *подзаголовок*. 1238. стр. 399.

[315] Там же, стр. 467.

[316] Там же, стр. 574.

[317] Париж, 651.

[318] Лингард, том iii. стр. 280.

[319] Kriegsbuch, b. 2. fol. 66.

[320] Хроника, цитируемая императором Франции в *Этюдах об искусстве*, т. i, стр. 39.

[321] Сисмонди, Республика. Итал., iii. 105.

[322] Giov. Виллани, Л. 7. с. 8.

[323] Trivet, Annales, fol. 282.

[324] Ante, страница 217.

[325] Страница 687.

[326] Страница 537.

[327] Роландини: фактически в марте. Тарвис., Л. iv. с. 13.

[328] М. Париж, стр. 669.

[329] Страница 74.

[330] Латуни и слябы.

[331] Вот так. Архид. в Истории. Салонит., с. 28. Дюканж, против *Коллариума*.

[332] Место размещения. Корон., 8-е изд. I., стр. 41.

[333] а. 1296.

[334] Археология, том. xvii. стр. 302, 304 и 305.

[335] Скопировано с рисунка Блором и Ле Ке из Surtees' Durham, iij. 155.

[336] Добавить. MS. 6728. Сборники Kerrich.

[337] Археология, том. xvii. стр. 302, далее.

[338] Эта иллюстрация была любезно предоставлена Советом Археологического института.

[339] Воспоминания об античной истории. де Франс, т. xiii. стр. 339.

[340] Анналы археологии., т. iv. стр. 212.

[341] Новая библиотека, том ii. часть i. стр. 203.

[342] Археол. Журнал., том ii. с. 349.

[343] Новый Раймер, том ii. часть i. стр. 203.

[344] В Англии уже были замечены три скульптурных изображения, защищенных кольчугой, когда во время поездки по графствам Мидленд со своим другом-археологом, преподобным мистером Парком из Личфилда, автору посчастливилось найти в маленькой церкви Ньютон Солни в Дербишире изображенный здесь памятник. См. Archæol. Журнал., том vii. стр. 360. Другие статуи находятся в Тьюксбери, Додфорде, Нортансе и Толлард-Роял, Уилтс. Гравюра с изображением Сулни и следующие три гравюры на дереве, иллюстрирующие кольчуги, были любезно предоставлены Центральным комитетом Археологического института.

[345] Коллекции Kerrich в британском музее, Доп. MS. 6731, f. 4.

[346] Том i. стр. 77.

[347] Мы снова вынуждены позаимствовать иллюстрации к нашей теме из четырнадцатого века. Эта рукопись, по-видимому, была проиллюстрирована около 1360 года.

[348] Wien's kaiserliches Zeughaus.

[349] Чосер.

[350] Шесть или восемь.

[351] защитить.

[352] Археология, том. xvii. стр. 302 и 305.

[353] Глоссар., против *Арматуры*.

[354] кольчуга.

[355] экраны? Возможно, в комплекте с бронежилетами и элеронами.

[356] гривз.

[357] перчатки: *gants*? Посмотрите на глоссаристов.

[358] Том iii. стр. 403.

[359] Париж, 773.

[360] Фруассар, bk. ii. ch. 200, изд. Бюшон.

[361] Страница 686.

[362] Он умер в 1247 году. Изображение изображено Виллемином, том i, стр. xci.; и Гильерми, стр. 164.

[363] Париж, стр. 730.

[364] Де Бушуа: *Описание Виктории* и с. апуд Дюшен, т. в.

[365] Геста Людов. IX. ар. Дачезне, т. v., стр. 377.

[366] Сравните Дарем Сертиса, где есть грубая вырезка изображения, том iii. стр. 151.

[367] конфликт.

[368] Страница 154.

[369] Страница 502.

[370] См. *Archæologia*, том xii. Пластина li.

[371] руководство пользователя.

[372] Dugdale's Warwickshire, стр. 765.

[373] Место. Кор. 12 Изд. I., апуд Блаунт.

[374] Страница 503.

[375] Статуты Королевства, j., 230: около 1290 года.

[376] От *lamina*: уменьшено. *пластинка*.

[377] Альберик в Хронике, ann. 1214.

[378] Объявление ann. 1256.

[379] Том первый, Таблица xxxi.

[380] это.

[381] На нашей гравюре видна арбалетная стрела.

[382] С французского, *визави*

[383] С итальянского? арбалет, который можно согнуть только "естественной силой": см. Флорио, В. *Лена*.

[384] "Пезарола" - это баланс, но значение этого слова неясно.

[385] Guiart, ann. 1304.

[386] Фрагмент. История. Далфин., т. ii. стр. 64.

[387] Париж, стр. 685.

[388] Париж, стр. 689; и сравните страницу 1092.

[389] Страница 210.

[390] Страница 38.

[391] Париж, стр. 853. Сравните Хронику. из Данстейбла, стр. 366, и М. Вестминстера, стр. 387.

[392] Париж, стр. 853, объявление № 1264.

[393] Там же, стр. 366.

[394] Там же, стр. 375.

[395] Париж, стр. 385.

[396] Очевидно, ошибка переписчика. Такая сумма в деньгах тринадцатого века составила бы около 300 фунтов стерлингов в современной валюте.

[397] Серебряная матрица печати этого барона все еще существует и была выставлена на заседании Королевского общества антикваров в 1777 году, как записано в пятом томе *Археологии*. На листе XVII. из этого тома мы видим изображение герба. На нем изображено "гербовое седло упомянутого Роберта": герб повторяется на щите и кожухе: рыцарь вооружен мечом. Эта печать была изготовлена между 1298 и 1304 годами, поскольку на ней также изображен герб Феррерсов; Роберт Фитц-Уолтер женился на даме из этого дома в 1298 году: она умерла в 1304 году, барон женился на другой семье.

[398] Вязы в Смитфилде; древнее место казни. В подробном описании этого столетия (4. Hen. III.) упоминается "Furcæ factæ apud Ulmellos com. Мидлсекс". Страйп, Б. iii. стр. 238.

[399] Пат. 24 Изд. I. в Тур. Конце.—Новый Раймер, т. i. стр. 848.

[400] *Археология*, том. xvii. с. 306.

[401] Страница 385. "Cum equis ferro coopert".

[402] Колл. des Ordonnances, j. 383.

[403] Глосс. против Equi cooperti.

[404] Пат. 27 Изд. I., м. 40; в тур. Изд.—Нью-Раймер, том i, стр. 901.

[405] Выгравировано в Археоле. Журнал., том ix. стр. 27.

[406] *Археол.*, том. xvii. с. 305.

[407] Опубликовано Роем. Соц. по антиквариату.

[408] "Принцип режима". Автор умер в 1316 году.

[409] Библиотека iii. pars iii. Альбом Виллара де Оннекура (XIII век) содержит также указания по строительству "инженерного форта с апъеле требусе". See *Revue Archéologique*, vol. vi. p. 76.

[410] Мэтью Пэрис, страница 624.

[411] Хроника. де Жюстинджер: цитируется полковником . Dufour in his *Mémoire sur l'Artillerie des Anciens*, p. 89.

[412] Страница 751.

[413] Страница 1091.

[414] Альберик в Хронике. CP. an. 1238, апуд Аделунг.

[415] Фактический факт Роландины в марте. Тарвис., либ. viii. c. 13; *Monachi Patavini Chron.*, p. 693.

[416] Сравните Кристин де Пизан, "Жизнь руа Шарля", глава. 36.

[417] 17 сентября. 1240.

[418] *Balistarios*.

[419] *Петрариум бирюзовый*. Его конкретный характер не был установлен. Но это была машина для метания больших камней со значительной силой.

[420] Это название было дано стене, укрепленной зубцами и машикули, мода на которые изначально была введена сарацинами.

[421] Бретеш представлял собой крытый проход, построенный из дерева на вершине стены или башни, опирающийся на ряд карнизов, называемых машикули. Обычно его убрали в мирное время и легко устанавливали снова во время войны: по этой причине примеры сейчас можно найти не часто. Вероятно, в Англии их не осталось ни одного, а во Франции они редки, но иногда встречаются в полуразрушенном состоянии, и отметки о том, где они были размещены, можно увидеть почти на каждом старом фортификационном сооружении. Они составляли очень важную часть оборонительной системы в средние века. Именно в этих деревянных галереях размещались в основном лучники, и с них камни летели на головы нападавших через отверстия машикули, причем люди были полностью защищены внешней доской и крышей бретеша, или галереи. (Многие гравюры с их изображением см. Виолле-Ле-Дюк, *Военная архитектура Мойен-Эйджа*, 8 в. Париж, 1854.) Во внешнем абордаже были бойницы, а в стене за ними - отверстия для подачи снарядов из внутреннего прохода за парапетной стеной, перед которой были построены *бретели*. Эти снаряды доставлялись на верх стен или башен с помощью колодцев, которые мы находим в толще стен старых замков. *Бретели* также назывались *Часовыми*. Иногда их возводили только поверх деревянных частоколов, как это было в данном случае.

[422] Уэндовер (в Париже, стр. 270); Данстаб., стр. 142; Новый Раймер, том i, стр. 175. *Летопись Вигорн.*, стр. 486.

[423] Париж, стр. 510, подп. № 1241.

[424] См. *Henault*, том iii. стр. 971. изд. 1774.

[425] Страница 715.

[426] Тривет, Хемингфорд, Вестминстер, Уолсингем, номер объявления 1274.

[427] Раймер, том i, стр. 162.

[428] Там же, стр. 213.

[429] Там же, стр. 323.

[430] Там же, стр. 450.

[431] Страница 916. См. также стр. 964, 976, 977 и 979.

[432] Матфей Вестминстерский, стр. 300.

[433] Вестминстер, стр. 252.

[434] См. *Archæologia*, vol. xvii. с. 298.

[435] Статуты Королевства, том i, стр. 230.

[436] Сомнительное слово. Считалось, что это означает вид ткани, называемый "сборщиками": по-видимому, подразумевается бронежилет.

[437] Cuissards.

[438] "Vasynette". *Библиотека. Гудок*.

[439] Линкольн.

[440] Доспехи оруженосца.

[441] Помощь.

[442] "Mareschaus". *Библиотека. Гудок*.

[443] Графы Корнуолл, Глостер, Уоррен и Линкольн.

[444] Страница 729.

[445] Вероятно, для *Хэмпшира*; значительное отклонение: но когда мы вспомним, что это слово прошло через испанский и французский языки, мы будем менее склонны удивляться его нынешнему состоянию.

[446] Глава xvi.

[447] Помощь. Иерос., глава 101.

Примечания переписчика:

- Повсюду исправлены очевидные пунктуационные и орфографические ошибки.
- Непоследовательная расстановка переносов такая же, как в оригинале.